

Московский педагогический
государственный университет

ОБЩАЯ И РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Материалы международной
научно-практической конференции,
посвященной памяти доктора филологических наук,
профессора Валентина Ильича Зимина

г. Москва, 26 ноября 2021 г.

Москва 2022

Валентин Ильич Зимин
1930–2020

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

ОБЩАЯ И РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Материалы
Международной научно-практической конференции,
посвященной памяти доктора филологических наук,
профессора Валентина Ильича Зимина

г. Москва, 26 ноября 2021 г.

Под общей редакцией О. И. Авдеевой

МПГУ
Москва • 2022

УДК 81'373
ББК 81.053.6я431
О-28

DOI: 10.31862/9785426311954

Рецензенты:

А. М. Камчатнов, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общего языкознания Института филологии
Московского педагогического государственного университета

М. Л. Ковшова, доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН,
руководитель семинара «Лингвокультурологические исследования»

Ответственный редактор:

О. И. Авдеева, доцент, кандидат филологических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Л. Г. Чапаева, профессор, доктор филологических наук, профессор

Е. В. Огольцева, доцент, доктор филологических наук, профессор

Л. Г. Латфуллина, доцент, кандидат филологических наук, доцент

М. И. Шаповалов, доцент, кандидат технических наук, доцент

С. В. Сухов, кандидат филологических наук, доцент

А. Р. Горелов, аспирант кафедры общего языкознания

О. И. Стремянова, аспирант кафедры общего языкознания

Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Валентина Ильича Зимина, г. Москва, 26 ноября 2021 г. / под общ. ред. О. И. Авдеевой. – Москва : МПГУ, 2022. – 490 с. : ил.

ISBN 978-5-4263-1195-4

Сборник содержит статьи участников Международной научно-практической конференции «Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее», посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Валентина Ильича Зимина, которая была проведена кафедрой общего языкознания Института филологии Московского педагогического государственного университета (Москва, 26 ноября 2021 г.). Статьи посвящены проблемам современной и исторической фразеологии и методике преподавания фразеологического материала на разных уровнях обучения русскому языку. Сборник содержит исследования ученых-фразеологов из России, Беларуси, Украины, Китая, Вьетнама, Болгарии, Италии, Германии; адресован лингвистам-исследователям, преподавателям высшей и средней школы, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется проблемами русской и сопоставительной фразеологии.

УДК 81'373

ББК 81.053.6я431

ISBN 978-5-4263-1195-4
DOI: 10.31862/9785426311954

© МПГУ, 2022
© Коллектив авторов, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ И ВКЛАД ПРОФЕССОРА В.И. ЗИМИНА В ИХ РАЗРАБОТКУ

Мокиенко В.М.

Паремиологическое поле
Валентина Ильича Зимина 11

Алефиренко Н.Ф.

Фразеологизм как репрезентант
дискурсивно-модусного концепта 22

Георгиева С.И.

Культура этноса в зеркале когнитивной фразеологии
(на материале болгарского и русского языков) 30

Ничипорчик Е.В.

О стратегиях составителей фразеологических
и паремиологических словарей 37

Огольцева Е.В.

К вопросу о фразеологически связанном значении
(именные словосочетания
с адъективным компонентом-сравнением) 44

Токарев Г.В.

Вклад В.И. Зимина в развитие
лингвокультурологии 54

Авдеева О.И.

«Когда летают белые мухи?»
(о фразеологических наблюдениях
В.И. Зимина и А.С. Спирина) 59

**КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ.
АНАЛИЗ ПАРАДИГМАТИКИ И СИНТАГМАТИКИ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В СИНХРОНИЧЕСКОМ И ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

Дронов П.С.

Варианты идиом и полные синонимы 68

Ерёмин А.Н.

Фразеологизация предложно-падежных форм
и метонимия. 77

Карпенко Е.И., Кострикина А.Г.

Модификация фразеологизма *blauer Brief*
в современном немецком языке. 83

Мещерякова О.А.

Фразеологизм как средство объективации
художественного концепта. 90

Савенкова Л.Б.

Синтагматика фразеологических единиц
как фактор коррекции их парадигматических связей
в художественной речи
(*этот свет* и *тот свет* в прозе А.П. Чехова) 97

Серебрякова С.В., Раловец А.В.

Когнитивные аспекты функционирования
фразеологических единиц
в романе Бориса Акунина «Левиафан». 107

Цветева Е.Н., Соколова М.П.

Фразеобразующий потенциал
латинского заимствования *Punkt*
в немецком языке 114

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ
В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ. ТЕКСТ И ДИСКУРС**

Бертякова А.Н.

Фразеологизация заголовочной единицы
как проявление динамического синкретизма. 121

Высоцкая И.В.

Трансформация фразеологизмов в языке
современной российской рекламы и СМИ. 131

Григорьев А.В.

Устойчивое сочетание *добрый молодец*
в старорусских текстах XV–XVII веков 141

Константинова А.А.

Паремии как дискурсивный инструмент
современного американского интернет-активизма 144

Летохо Е.В.

Специфика функционирования
и характер трансформации фразеологизмов
в очерке И.А. Бунина «Тень птицы» 153

Серебрякова С.В., Лиховид А.А.

Передача прагматического потенциала
английской фразеологии при переводе:
гендерная перспектива 161

Сухов С.В.

О выражении *мальчики кровавые в глазах* 170

Сюй Бинцзе

Активные процессы в лексико-фразеологическом поле
«Литература» 177

Третьякова И.Ю.

Окказиональные преобразование фразеологизмов
с компонентами-опозитами 184

Чумак-Жунь И.И.

Поэтическая фразеология как специфическое явление
поэтического дискурса 194

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ОНОМАСТИКА

Давыдова О.А.

Иконы стиля и другие иконы
в современном медиадискурсе. 199

Декатова К.И.

Прагматические свойства фразеологизмов
в политической рекламе 210

Еськова А.Д.

Словарь индивидуально-авторских фразеологизмов и паремий
как часть «Идеологического словаря романа
М. Горького “Жизнь Клима Самгина”»:
о принципах формирования словника 215

Захарова-Дехамния В.В.,**Витязева М.Л.**

Стилистический аспект перевода фразеологизмов
с английского языка на русский в речах деятелей искусства
(на материале речей во время церемоний награждения
премиями «Оскар» и «Золотая малина») 221

Ковалева Н.А.

Коммуникативно-прагматическая направленность
эпистолярных фразеологизмов
(на материале писем русских классиков) 231

Напцок М.Р.

Фразеологизмы в кинематографическом дискурсе:
происхождение и семантика 237

Савченко А.В., Хмелевский М.С.

Славянская «топонимическая фразеология»:
фразеологические единицы с компонентом-ойконимом
в славянских языках 242

Хмелевский М.С., Жан Тянь

Фразеологические речевые штампы
как стилистические средства выражения сарказма
(на материале российской публицистики) 254

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА
В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИИ****Абакумова О.Б.**

Лингвокультурологические аспекты
перевода пословиц в художественном тексте 264

Авдеева О.И., Горелов А.Р.

Фразеосемантическая группа
со значением «степень занятости человека»
в русском и китайском языках 273

Авдеева О.И., Стремянова О.И.

Фразеологизмы русского языка
с компонентом-турцизмом,
обозначающим животных 283

Бакина А.Д.

Концептосфера библейской фразеологии
в сопоставительном аспекте 293

Басова Т.А.

Символизм компонента *палец*
в английской и японской фразеологии 303

Виниченко Л.Г.

Сопоставительный анализ значений
компонентов-цветообозначений
в устойчивых единицах
русского и немецкого языков 310

Лучинская Е.Н., Лю Хуэй

Устойчивые выражения с семантикой вежливости
в русском и китайском языках 317

Марабини Алессандра

Лингвокультурологический аспект
изучения русских и итальянских фразеологизмов
профессиональных сфер коммуникации 322

Тюменева Е.И., Нгуен Тхань Ха

Роль профессии учитель во вьетнамских и русских
фразеологизмах, поговорках и известных высказываниях 329

Цзян Хуа, Мямлин М.М.

Сопоставительный анализ
русских и китайских фразеологических единиц
в составе микрополя «Счастливая любовь»
фразеосемантического поля «Любовь и брак» 336

**ФРАЗЕОЛОГИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ
В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ****Андрейченко О.И.**

Фразеологическая концептосфера
«Пространство» в русском языке 345

Арефьева Н.Г.

Мировоззрение старообрядцев
в зеркале фразеологии русских говоров Одесщины 353

Горбунова Ю.С.

Фразеологизмы, определяющие характер человека,
в донских говорах 360

Григорьевская О.В.

Фразеологизмы семантической группы
«Привлечение и удержание внимания»
в русском языке 365

Гуриченко Н.А.

Фразеологизмы с компонентами-числительными
в русском и польском языках:
семантический и лингвокультурологический аспекты 372

Скачѐва Н.В.

Образные фразеологизмы в рамках
духовно-нравственного содержания культуры
(на примере немецкого языка) 382

Цыганков С.Б.

Лингвокультурологические особенности фраземы
чесать потылицу (на материале «Казачьих баек
деда Игната про то, как жили когда-то» В.Г. Радченко) 389

Чапаева Л.Г.

Фразеологизмы как источник изучения
истории русского языка 396

Шулежкова С.Г.

«Жестовые» фразеологизмы
в общеславянском литературном языке Средневековья 403

Щербачук Л.Ф.

Концептуализация эмоции *гнев* как порока характера человека в славянских языках (на материале русской, украинской и польской фразеологии) 413

Юдкин-Рипун И.Н.

Меронимы как источник пословичных антитез. 422

**ФРАЗЕОГРАФИЯ
КАК ОСНОВА ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ.
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС В МЕТОДИКЕ
ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ И В ШКОЛЕ,
В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ**

Абрамова В.И., Архангельская Ю.В.

Возможности использования объяснительного словаря русских пословиц и поговорок при изучении устойчивых единиц традиционного календарного цикла. 431

Баковкина В.Д.

Обучение фразеологизмам китайского языка русскоговорящих студентов вузов. 436

Василенко А.П.

Банановая республика: на пересечении гастрономического и геополитического кодов культуры во фразеологизме 442

Дрянгина Е.А., Арискина О.Л.

Использование фразеологии как отражение сформированности вторичной языковой личности. 448

Павлова А.В.

Двухязычная база данных фразеологизмов-конструкций: проект русско-немецкого и немецко-русского словаря 454

Роголёва Е.И., Никитина Т.Г.

Использование фразеографического материала в образовательном процессе начальной школы. 468

Федуленкова Т.Н., Паламарчук А.С.

Формирование лингвокультурной компетенции
на начальном этапе изучения испанского языка
(на основе фразеологизмов с компонентом *hacer*)474

Сведения об авторах.....482

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ И ВКЛАД ПРОФЕССОРА В.И. ЗИМИНА В ИХ РАЗРАБОТКУ

DOI: 10.31862/9785426311954-11-21

Мокиенко В.М.,
*Санкт-Петербургский
государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург*

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ВАЛЕНТИНА ИЛЬИЧА ЗИМИНА¹

Аннотация. Статья посвящена памяти известного русиста, фразеолога и паремиолога В.И. Зими́на. В его научном наследии особое место занимает издание этимологического словаря русской фразеологии и паремиологического тезауруса, над которым он работал вместе с А.С. Спириным. Значение многоаспектного анализа каждой паремии демонстрируется в статье на примере русской пословицы *Жизнь пройти – не поле перейти*. Она имеет лишь восточнославянский ареал и зафиксирована в разных вариантах. Креативные потенции этой пословицы раскрываются и в художественном тексте, особенно – в поэзии. Примеры такого употребления созвучны с творчеством В.И. Зими́на.

Ключевые слова: В.И. Зими́н, фразеология, паремиология, пословицы, поговорки, паремии в художественном тексте.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00091 «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурографическая репрезентация»), реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Valery Mokienko,

*Saint Petersburg State University,
Russia, St. Petersburg*

PAREMIOLOGICAL FIELD OF VALENTIN ILYICH ZIMIN

Abstract. The article is dedicated to the memory of the famous Russianist, phraseologist and paremiologist V.I. Zimin. In his scientific heritage, a special place is occupied by the publication of an etymological dictionary of Russian phraseology and a paremiological thesaurus, on which he worked together with A.S. Spirin. The value of the multifaceted analysis of each pair is demonstrated in the article using the example of the Russian proverb *Live life, do not cross the field*. It has only an East Slavic range and is recorded in different versions. The creative potential of this proverb is also revealed in the literary text, especially in poetry. Examples of such use are consonant with the work of V.I. Zimin.

Keywords: V.I. Zimin, phraseology, paremiology, proverbs, sayings, paremias in a literary text.

Вспоминая Валентина Ильича Зимина, мое поколение видит перед собой образ доброжелательного и открытого миру и людям человека, преданного своему делу Филолога, верного служителя русской Фразеологии и Паремииологии. Мне, почти его ровеснику, помнятся встречи с ним и в Москве, и в Петербурге, и в Волгограде, и в Самарканде, и в Новгороде Великом. Встречи, где мы не только читали и слушали доклады, обсуждали наши книги, но и играли в футбол и общались, что называется, на полную катушку. И в нашем общении выкристаллизовывались наши взгляды на функционирование и происхождение русских пословиц и поговорок, на возможности их укладывания в прокрустово ложе словарей и – шире – на будущее русистики и филологии в нашей стране.

А будущее русистики и филологии невозможно без кропотливого сбора и расшифровки многоярусного «кода культуры», заключенного в паремииологии. Вот почему глубокий интерес к пословицам и поговоркам, к интерпретации русской фразеологии Валентин Ильич пронес через всю свою жизнь. В «Опыте этимологического словаря

русской фразеологии» [12] ему принадлежит немало историко-этимологических разгадок самых неразгаданных идиом. Владея в совершенстве французским языком, знакомым ему, в частности, и по работе во Вьетнаме, он многие русские обороты «просеивал» через обще-европейские языковые фильтры, что позволило усомниться в традиционных «чисто русских» расшифровках.

Народная русская речь при его поисках истоков фразеологии и паремологии, конечно, занимала центральное место. Вот почему, когда один из увлеченных любителей-собирателей русского малого фольклора А.С. Спириин предложил В.И. Зимину сотрудничество, Владимир Ильич без колебаний согласился, хотя прекрасно понимал, что любительские записи требуют не просто коррекции и основательной редактуры, но и коренного пересмотра принципов компоновки паремий и значительного расширения состава словаря. И в результате такого сотрудничества легко убедиться, сопоставив первое издание словарика А.С. Спирина в Ростовском университете [11], инициированное проф. Ю.А. Гвоздаревым, с последующими, в несколько раз расширенными изданиями в соавторстве с В.И. Зиминым [4–6]. Будучи не просто наблюдателем, а заинтересованным собеседником В.И. Зимина в этом многотрудном деянии, я имел возможность убедиться в постоянном креативном совершенствовании этого паремологического тезауруса.

Вот почему, избирая сюжет для своего доклада на конференции в память о Валентине Ивановиче Зимине, я решил посвятить его одной из его любимых пословиц. А именно пословице *Жизнь прожить – не поле перейти*. Тем более что в его тезаурусе она занимает почетное место и ни единожды повторяется в разных вариантах на всем широком словарном пространстве: *Жизнь прожить – не поле перейти* [4, с. 150, 254, 499]; *Жизнь прожить – не море переплыть* [Там же]; *Песни играть – не поле пахать* [4, с. 375]. Кстати, к последнему варианту нашей пословицы В.И. Зимин добавляет небольшую, но значимую семантическую глоссу: [*пахать намного проще*].

В словаре В.П. Жукова [2, с. 119] пословица *Жизнь прожить – не поле перейти* иллюстрируется примерами из классической и современной литературы. Фиксируются здесь и варианты *Жизнь пережить – не поле перейти*; *Век пережить – не поле перейти*. Набор

вариантов пословицы значительно расширяется при обращении к народной речи. В нашем сводном словаре русских пословиц [9, с. 108, 347–348, 353] зафиксированы такие из них (включая и уже канонизированные литературным употреблением), которые отражают разные образные представления о преодолении жизненных перипетий:

Поле: *Жизнь прожить (пережить) – не поле перейти (переехать)* (записано повсеместно, включая архангельские, ленинградские, кубанские, поморские, псковские, сибирские говоры); *Жись прожить – не поле перейти* (новгородские, поморские говоры); *Жизнь начать – не поле переехать* (иркутские говоры); *Жизнь прожить – не в поле въехать* (сибирские говоры); *Жизнь прожить – не поле перебежать* (поморские говоры); *Жизнь прожить – не поле ехать* (поморские говоры); *Жизнь прожить – не поле ехать: то оглобля сломаётся, то супонь развяжется, то гуж лопнет иль развёртка сорвётся* (поморские говоры); *Век жить (пережить) – не поле перейти* (архангельские, псковские говоры); *Век-то жить – не в поле ехать* (иркутские говоры); *Век-то жить – не полем ехать* (иркутские говоры); *Век жить – не в поле выехать* (забайкальские говоры); *Век жить – не поле переехать* (архангельские, поморские говоры); *Век жить – не поле проехать* (томские говоры); *Век жить – не поле перебрести* (архангельские); *Век жить (пережить) – не поле перейти* (архангельские, псковские говоры); *Век жить – не в поле бежать* (архангельские, печерские говоры); *Век жить – не в поле ехать* (иркутские говоры); *Век жить – не поле (полё) бежать* (архангельские, печерские говоры); *Век жить – не поле перебежать* (архангельские, печерские говоры).

Море: *Жизнь прожить – не море переплыть*; *Жизнь прожить – море переплыть*; *Жизнь прожить, что море переплыть: побарахтаешься – и ко дну*.

Река: *Век жить – не река брести* [: *всяко наживёшься*] (архангельские говоры).

Волок: *Жизнь прожить – не волок перейти* (пермские говоры); *На веку как на долгом волоку* (архангельские, пермские, томские говоры); *На веку как на долгом волоку: разное бывает* (сибирские говоры).

Профессиональная (обычно несложная) деятельность: *Жизнь прожить (изжить) – не лапоть (не лапти) сплести (сплесть)* (прост.); *Жизнь прожить – не лукошко сшить* (сибирские говоры); *Век жить (прожить, сжить) – не мех шить / сшить* (забайкальские, поморские, псковские, тверские говоры); *Век жить – не мех шить: всяко нажиёшься, всяко наслывёшься* (псковские говоры); *Век сжить – не лукошко сшить* (смоленские говоры); *Век жить – не шуба шить* (поморские говоры); *Век жить – не ниткой шить* (архангельские говоры).

Различные простые действия: *Жизнь жить / прожить – не рукой махнуть* (поморские говоры, разг.); *Жизнь прожить – не мутовку облизать* (вятские, пермские говоры); *Жизнь прожить – не дорогу перейти*. Употребляется также в украинизированной форме: *Життя прожить – не шлях перейти* (кубанские говоры); *Век изжить – не рукой махнуть* (прост.); *Век жить – не сопли на кулак мотать* (сибирские говоры); *Век изжить – не рукавицей тряхнуть* (прост.).

Пословица имеет сугубо восточнославянский ареал. В своем словаре славянских пословиц М.Ю. Котова [6, с. 60] объективно приводит к ней лишь белорусские и украинские параллели: бел. *Жыццё пражыць – не поле перайсці*; *Жыццё пражыць – не песенку спець*; *Жыццё пражыць – не люльку выкурыць*; *Вік прожить – не поле перейти* (укр.) ср.: *Вік прожити – не дощову годину перестояти (пересидіти)*. В других языках ей соответствуют пословицы с иной образностью: *Животът не е игра (шега)* (болг.); *Życie to nie / jest / bajka* (польск.); *Живот није мачји кашаљ* (серб. / хорв.); *Život nie je prechádzka ružovým sadom* (словац.). Еще более далеки по образности ее неславянские параллели – ср. англ.: *Life is not all beer and skittles*.

Важно отметить, что в восточнославянских языках пословица столь же активно варьируется, как и в русском, причем с теми же образными концентрами. Такова шкала вариативности белорусских пословиц.

Поле: *Жытку пражыць – не поле перайсці* [1, с. 405].

Море: *Век пражыць – не мора пераплыць* [Там же].

Профессиональная (обычно несложная) деятельность: *Век жыць – не мех сшыць; Жыць – не мех шыць (перашыць); Век перажыць, то не палукашак пашыць; Век пражыць – не кашулю пашыць; Жыццё пражыць – не лапці сплесці; Год пражыць – не лукошка сшыць; Век пражыць, як у ступе пратаўчы* [Там же].

Различные простые действия: *Век звекаваць – не пальцам паківаць; Век перажыць – не поле перайціць, не пальцам пераківаць; Жыццё пражыць – не песеньку спець; Жытку пражыць – не люльку выкурыць; Жысьць пражываць – не канфетку з’есці* [Там же].

Не менее интенсивна варьируемость украинских параллелей.

Поле, нива: *Вік пережити – не поле перейти; Вік прожити – не поле перейти* [10, т. 2, с. 152]; *Вік прожить – не чужу ниву перейти; Життя, кажуть, зжить – не поле перейти; Життя прожить – не поле перейти; Життя – це терниста нива: не пройдеш, ноги не вколовиш; Життя, що довга нива, думала вона, поки перейдеш, поколешся і поріжешся на гострій стерні; На віку, як на довгій ниві: усього буває; На довгій ниві нашого життя трапляється бадиллячко і квіти; Народ інше дума, він каже: життя – довга нива, поки пройдеш її – не раз поколешся; Недарма кажуть, що вік прожити все рівно, що довгу ниву перейти – не раз спіткнешся і поколешся; Не так легко ниву життя перейти; Сім год прожити в пеклі — не поле перейти. За такий час іржа залізо з’їсть* [Там же, т. 4, с. 314].

Море: *Море перепливати – не поле перейти* [Там же, т. 1, с. 56].

Река: *Вік прожити – не річку перейти* [Там же, т. 2, с. 152].

Дождливая погода: *Вік прожити – не дощову годину перестояти* [10, т. 2, с. 152].

Различные простые действия: *Вік прожити – не цигарку спалити* [Там же].

Это вариантное многообразие восточнославянских пословиц делает прозрачной их исходную мотивировку. Все они представляют собой отрицательное сравнение, типичное для восточнославянского фольклора (ср.: *голод не тётка; дело не медведь*) и уже потому исконное [13, с. 101].

Известность пословицы в русском языке подтверждается многочисленными примерами ее употребления как в классической, так и в современной литературе. Словари обычно иллюстрируют ее в нормативном виде:

«– А может быть, у вас нет времени? Заняты другой работой? Тогда – и ну их к чёрту, эти воспоминания. Всего не перепишешь, что было. Как говорится: *Жизнь пережить – не поле перейти*». (А.И. Куприн. Штабс-капитан Рыбников)

«О, Господи! – постоянно вздыхает она обречённо. *Жизнь прожить – не поле перейти*». (В. Тендряков. Весенние перевёртыши)

При этом яркий образ, заложенный в этой пословице, позволяет поэтам и писателям насыщать ее даже в нормативном виде мощной экспрессией. Так, в известном стихотворении Б. Пастернака «Гамлет» (воспроизведенном поэтом и в романе «Доктор Живаго») при сохранении исходного образа повышается символика поля, приравниваемого к нелегкому жизненному пути:

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идёт иная драма,
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.

(Б. Пастернак. Гамлет)

Эта символика здесь обретает глубоко философский смысл: осознание всеобщей predeterminedности не избавляет от ощущения необходимости выбора решений, поступков, судьбы – как бы они не были судьбоносны.

Еще более этот образ насыщается креативной энергией при формально-семантических преобразованиях пословицы. Так, в стихотворении Ю. Мориц «Синий огонь» к слову *поле* добавлено оценивающее его прилагательное, а сама пословица поэтической свернута до фразеологического сочетания *перейти каменистое поле* и символика тернистых жизненных испытаний становится напряженной, как туго натянутая струна:

Мы навек сговорились не трогать пронзительной боли,
не сходитьсь глазами так близко, что холодно близким.
Я своё *перешла*, ты – своё *каменистое поле*,
ох, как там клокотало и билось высокое с низким!

(Ю. Мориц. Синий огонь)

В нашем словаре [8, с. 195] предлагается детализированная типология таких фразеологических преобразований.

Типичны структурно-семантические преобразования путем замены компонентов контекстуальным синонимом с расширением компонентного состава:

Век прожить – не поле
Пройти за сохой
Кручину, что тучу,
Не уносит ветром.

(А.В. Кольцов.
Песнь Лихача Кудрявича)

Неспроста в народе говорится:
«Жизнь *пройти – не поле перейти*».
А солдату вовсе не годится
Где-то застревать на *полпути*.

(В. Матвеев. Солдат)

Оригинальным приемом преобразования является вычленение двух образованных на базе данной поговорки фразеологизмов: *жизнь как поле и поле перейти*.

Что *жизнь* – она как *это поле*,
И надо *поле перейти*.

(А. Жигулин. Поле боя)

На почве подобного преобразования у того же поэта рождается возможность почти полного отрыва устойчивого словосочетания от поговорочного прототипа:

И пошёл я по жизни
В извечном душевном раздоре...

(А. Жигулин. Дорогие родители!..)

В таких случаях, собственно, уже создается новый фразеологизм.

Чем талантливее писатель, тем полифоничнее смысл преобразований поговорок. Пожалуй, самый яркий и знаковый для наших воспоминаний о Валентине Ильиче Зимине – текст стихотворения Булата Окуджавы «У поэта соперников нету...», где поговорка о перейденном поле раздваивается на два окказиональных фразеологизма – *поле пройдено и сделано дело*:

У поэта соперников нету
Ни на улице и ни в судьбе,
И когда он кричит всему свету,
Это он не о вас – о себе...

<...>

Но когда достигает предела
И душа отлетает во тьму –
Поле пройдено. Сделано дело.
Вам решать: для чего и кому.

То ли мёд, то ли горькая чаша,
То ли адский огонь, то ли храм...
Всё, что было его, – нынче ваше.
Всё для вас. Посвящается вам.

(Б. Окуджава. У поэта соперников нету...)

Посвящая эту статью Валентину Ильичу Зимину, вспоминаю все наши встречи с ним. Вспоминаю и самые разные события в его жизни – Жизни, в которой было и вкушение меда, и горькая чаша невозвратимых утрат. Но главное – было Поле, которое он не просто перешел, но которое он освятил своим постоянным неутомимым трудом и любовной заботой. Поле Фразеологии и Паремииологии, которое вознаградило его труд плодоносным урожаем. И мы, свидетели его деяний на этом Поле, благодарно вкушаем от его плодов.

Литература

1. Грынблат М.Я. Прыказкі і прымаўкі / склад. М.Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Кн. 1. 559 с.; Кн. 2. 616 с.
2. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1991. 534 с.
3. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 736 с.
4. Зимин В.И., Спириин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Сюита, 1996. 544 с.
5. Зимин В.И., Спириин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь. 3-е изд., стер. Ростов н/Д.: Феникс; М.: Цитадель-трейд, 2006. 544 с.
6. Котова М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / под ред. П.А. Дмитриева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.
7. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. 3-е изд. М.: Русские словари; Астрель, 2005. 855 с.
8. Мелерович А.М., Мокиенко В.М., Якимов А.Е. Фразеология в русской поэзии XIX–XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии / под науч. ред. В.М. Мокиенко. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. 528 с.
9. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
10. Пазяк М.М. Прислів'я та приказки / упорядник М.М. Пазяк. К.: Наукова думка. Т. 1: Природа. Господарська діяльність людини. 1989. 479 с.; Т. 2: Людина. Родинне життя. Риси характеру. 1990. 524 с.; Т. 3: Взаємини між людьми. 1991. 440 с.; Т. 4: Українські Большой словарь русских поговорок: Более 40 000 образных выражений / под общ. ред. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.

11. *Спирин А.С.* Русские пословицы: сб. русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. Ростов н/Д., 1985. 208 с.
12. *Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Русский язык, 1987. 239 с. (Опыт 1987).
13. Школьный словарь живых русских пословиц / сост.: Ю.А. Ермолаева, А.А. Зайнульдинов, Т.В. Кормилицына, В.М. Мокиенко, Е.И. Селиверстова, Н.Я. Якименко; гл. ред. В.М. Мокиенко. СПб.: Издат. дом «Нева»; ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 352 с. (ШСП 2002).

DOI: 10.31862/9785426311954-22-29

Алефиренко Н.Ф.,

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»,
Россия, г. Белгород*

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ДИСКУРСИВНО-МОДУСНОГО КОНЦЕПТА

Аннотация. В данной статье рассматриваются стратегии и тактики лингвокогнитивного исследования фраземики, анализируется вклад профессора В.И. Зимина в их развитие. Учитывая, что понятие концепта является ключевым в лингвокогнитивистике, необходимо отметить, что в когнитивной фразеологии как ее части базовым является понятие специфического этнокультурного концепта, который репрезентируется знаками вторичной номинации – фраземами, разноаспектный когнитивный анализ которых предпринят в данной статье.

Ключевые слова: фразема, концепт, дискурсивно-модусный концепт, когнитивная лингвистика, когнитивная фразеология, В.И. Зимин.

Nikolay Alefirenko,

*Federal State Autonomous Educational
Institution of Higher Education
“Belgorod State National Research University”,
Russia, Belgorod*

PHRASEOLOGISM AS A REPRESENTATIVE OF THE DISCURSIVE-MODUS CONCEPT

Abstract. This article discusses the strategies and tactics of the linguocognitive research of phrasemics, analyzes the contribution of Professor V.I. Zimin in their development. Considering that the concept of the concept is the key one in linguocognitive science, it should be noted that in cognitive phraseology as part of it, the basic concept is the concept of a specific ethno-

cultural concept, which is represented by signs of secondary nomination – phrasemes, multi-aspect cognitive analysis of which is undertaken in this article.

Keywords: phraseme, concept, discursive-modus concept, cognitive linguistics, cognitive phraseology, V.I. Zimin.

Начиная с первых этапов формирования науки об устойчивых сочетаниях слов и до настоящего времени исследователи отмечают особую связь идиоматики с мышлением, сознанием и культурой [5; 6; 10–12]. Эта проблема всегда находилась в центре исследовательских интересов Валентина Ильича Зими́на. Несмотря на то, что свои исследования Валентин Ильич проводил в рамках традиционной лингвистики, а затем в русле «машинной» (компьютерной) и позже – лингвокультурологической фразеологии, многие его идеи предвосхищали современные достижения когнитивной фразеологии. В семантической структуре фразеологизмов ученый выделял дескриптивный макрокомпонент, который соответствует «объективно существующему классу признаков, задающему „контуры“ фрагмента действительности, той ситуации, которая имеется в действительности». Наряду с ним, профессор В.И. Зимин выделял: а) оценочный макрокомпонент, через который „оценивающий“ субъект соотносит с ценностной картиной мира все, что случается или происходит в мире и отражено в идиомах; б) мотивационный макрокомпонент (его принято соотносить с тем феноменом, который в современной лингвистике называется внутренней формой наименования» [7, с. 6]. Я процитировал статью Валентина Ильича «Оценочно-эмотивная амбивалентность фразеологических единиц в современном русском языке». Она была опубликована в Фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово». Как видим, высказанные в ней мысли являются созвучными идеям современной когнитивной фразеологии. Возникновение когнитивной фразеологии как отдельной науки обусловлено несколькими факторами. «Во-первых, фразеологический материал, в силу его алогической парадоксальности, не всегда вкладывается в прокрустово ложе существующих канонов лингвокогнитивистики. Во-вторых, пока не определены стратегия и тактики лингвокогнитивного исследования фраземики» [2].

Если в описательной фразеологии решение данной проблемы осуществлялось через соотношение фразеологизма с образом, то в когнитивной фразеологии – через соотношение фразеологизма с концептом как мыслительно-эмотивной категорией [1; 4–6; 10; 11].

Основное предназначение фраземопорождающего концепта заключается, прежде всего, в том, чтобы «служить рождению чувственно-предметного смысла в виде некоего образа» [2, с. 7]. Именно поэтому началом порождения фраземы и мотиватором ее появления в речи выступает концепт, зародыш, зерно, росток первообраза, квалифицируемого В.В. Колесовым как некий ‘первосмысл’ фразеологизма.

Сопоставим термины *концепт*, *вербализованный фраземой*, и *фразеологическое значение*: это два разных, хотя и пересекающихся понятия. Под концептом, вербализованным фраземой, понимается совокупность всех значений фраземы, т.е. созданный этими значениями целостный смысловой образ, который тесно ассоциируется в сознании говорящих с данным знакообозначением. Поэтому анализируемые термины вполне можно рассматривать как находящиеся в отношениях гипонимии: концепт – это понятие общее, а значение фразеологизма – это понятие частное. Кроме того, вербализованный фраземой концепт «всегда включен в ценностно-смысловой континуум культуры» [Там же, с. 8]. В процессе вербализации фраземой концепта меняется его векторная сущность. Как отмечает В.В. Колесов, концепт становится тем, «в виде чего уже сама культура входит в ментальный мир человека» [8, с. 43], превращается в некий «сгусток культуры в сознании человека» [Там же]. Эти особенности концепта объясняют его тесную связь с фраземосемиозисом.

Многие современные ученые-фразеологи, интересующиеся проблемами когнитивной лингвистики, используют в своих исследованиях термин *фразеологический концепт*. Однако нам представляется, что данный термин указывает лишь на средство вербализации концепта и во многом не отражает его природу. Аналогично в научной литературе встречаются термины *лексический*, *синтаксический* и другие *концепты*. Указание на способы вербализации концепта, безусловно, является важным аспектом его изучения, но не единственным и основополагающим при исследовании его природы. Мы считаем, что в этом случае правомернее будет использовать термин

фраземопорождающий концепт. Данный подход к концепту позволит исследовать такую важную область его существования и функционирования, как механизмы и когнитивно-прагматические мотивы возникновения данного концепта.

Анализ онтологической природы фраземопорождающих концептов основывается на рассмотрении коммуникативно-прагматического назначения фразем: они, как правило, используются не для наименования предмета или явления, а для выражения оценочно-смыслового отношения к нему. Иначе говоря, намерения говорящего отражаются в определенной дискурсивной ситуации, оценочно-эмотивная характеристика которой и отражается во фраземе. Таким образом, концепт формируется внутри дискурса, основное содержание которого, в свою очередь, составляет оценочно-эмотивная, или модусная, семантика.

Дискурсивная деятельность, направленная на представление модусной семантики, порождает концепт, который требует вербализации знаками косвенной номинации – фраземами. Такие концепты нами номинируются как дискурсивно-модусные концепты.

Необходимо рассмотреть подробнее взаимосвязанные понятия *дискурсивный* и *модусный*.

Компонент *дискурсивный* указывает на событийно-синергетическую природу концепта. К важнейшим категориальным свойствам дискурса относится его способность создавать такое смысловое содержание, которое не складывается из значений составляющих его компонентов. При этом дискурсивное сознание содержит следы предшествующих коммуникативных актов. Кроме того, важную роль в формировании фраземопорождающего концепта играет многослойный метафорический дискурс, в глубинных структурах которого и возникает интерпретация переживаемого в данный момент коммуникативно значимого события, в дальнейшем вербализованного во фраземе. «Именно здесь обостряются противоречия между образующими дискурс факторами, в результате которого высекаются лингвокреативные искры фраземосемиозиса» [2].

Наличие противоречий как между лингвистическими и экстралингвистическими механизмами дискурсивной деятельности, так и внутри них привели к появлению «различных теорий фраземосемиозиса – “отражательной”, релятивной и формально-логической» [Там же].

С позиций «отражательной» теории фраземосемиозиса содержание дискурса задается интеграцией в сознании говорящего образов предметов коммуникативно значимого события в соответствии с речевым замыслом. Вторая теория – релятивная – акцентирует внимание на втором этапе дискурсии – на моделировании различных отношений между предметами мысли. Третья теория – формально-логическая соединяет в себе основополагающие идеи генеративизма Н. Хомского и теории речевых актов. В основе данного подхода лежит идея о необходимости исследования фраземосемиозиса в комплексном осмыслении языковых, социокультурных и прагматических механизмов, и семантика высказывания, и социокультурные условия фраземосемиозиса, и антропоцентрический (человеческий) фактор – обязательные компоненты того смыслового содержания дискурса, в недрах которого не только функционирует, но и порождается фразеологизм.

Рассмотрение роли дискурсивного мышления в процессе фразеомообразования предполагает анализ речедетельности на фоне всей лингвокультурной ментальности.

Таким образом, *первое положение* о фразеоморождающем концепте тесно связано с *дискурсом*, понимаемым как модель коммуникативного события. Причем, нередко и сам дискурс называют коммуникативным событием.

В процессе формирования фразеомообразующего концепта индивидуально-личностные смыслы говорящего, вместо свободной вербализации коммуникативного события, вынуждены подчиняться трем основным требованиям:

- а) соответствовать этнокультурным эталонам;
- б) формироваться на общей для всего языкового сообщества когнитивной базе;
- в) подчиняться диктату этнодискурсивного сознания, системе узуальных значений и законам дискурсивной стратегии.

Следовательно, формирование фразеомообразующего концепта строится на соединении следующих смысловых «энергопотоков дискурсии»:

- а) речемыслительного;
- б) этнокультурного;
- в) модусного.

Второе положение о дискурсивно-модусном концепте связано с *модусом*. Термин *модус* (от лат. *modus* – мера, способ, образ) обозначает свойство фразеологического денотата, исходящее из его дискурсивного контекста и ассоциативно-смысловых связей. Иначе говоря, модус – это способ существования, вид и характер коммуникативного события.

Основными механизмами формирования дискурсивно-модусного концепта выступают два основных фраземопорождающих процесса: когнитивная метафора и когнитивная метонимия. Перенос значения может носить характер как денотативного (предметного), так и сигнификативного (абстрактного) когнитивного процесса. В обоих случаях фразеологическое значение формируется всеми составляющими дискурсивно-модусного концепта. Продукты метафорического мышления (тропы и фигуры) выполняют характеризующую функцию: переносное значение формируется посредством имени признака. Ср.: **чёрный** ящик – концепт, обозначающий некое сложное, непонятное явление; язык **без костей** – ‘болтливый человек’; **белая ворона** – поведение или система ценностей, отличных от принятых; **серая мышь** – ‘тихий, неприметный, ничем себя не выделяющий человек’.

Ответственность за смыслообразование возлагается на атрибутивный компонент, который имеет вид метафорического эпитета. Смыслообразующая функция атрибутивного компонента объясняется тем, что переносные смыслы, порождающие метафорический эпитет, являются причиной семантического преобразования именной лексемы, например: **стреляный** (старый) воробей – ‘опытный бывалый человек, которого трудно перехитрить или обмануть’. Возникший, как известно, из пословицы *Стреляного воробья на мякине не проведёшь* (шутл.), фразеологизм сохранил доминантную сему, выражаемую глагольным компонентом *не проведёшь* – ‘не обманешь, не перехитришь’. Антропоцентрический вектор метафоризации предопределяется архетипом: в основе народной сказки лежит ситуация, где при делёжке урожая умному достаются зерна, а глупому – мякина и отруби.

Концептообразующая роль когнитивной метафоры заключается в том, что метафора, с одной стороны, предполагает *сходство* между свойствами ее семантических референтов, поскольку она должна быть понята носителями языка, а с другой – *несходство* между ними,

так как с помощью метафоры создается новый дискурсивно-производный смысл. «Возникающий на основе метафоры фразеоморождающий концепт является результатом взаимодействия двух соплагаемых концептуальных сфер. В результате их компаративного наложения происходит формирование гибридного (дискурсивно-модусного) концепта, который частично наследует свойства исходных концептуальных сфер, однако все же является *дискурсивно-модусным* образованием» [2].

Дискурсивно-модусный концепт лежит в основе основных способов фраземосемиозиса – метонимического и метафорического.

1. Ведущей является фразеологическая *метонимия* [10; 12]. В рамках метонимической стратегии, основанной на смежности мыслительных структур, выделяются два типа дискурсивно-модусного фраземосемиозиса – инклюзивный и эксклюзивный (эти типы метонимии выделены Цветаном Тодоровым).

Формирование *инклюзивных* метонимий чаще всего происходит в следующих случаях:

- 1) при переносе «имени с признака предмета на новый объект (например, признак необычности в сочетании *белая ворона* на человека);
- 2) при переносе названия признаковой *части на целое* (например, *выбросить белый флаг* > „капитулировать“)» [2, с. 7].

В *эксклюзивных* метонимиях взаимодействуют образ предмета и каузированное им состояние человека (например, сопряжение означаемого знака *чёрный день* с переживаниями человека, когда происходит сопряжение означаемого знака с означаемым. В нашем случае взаимодействие означаемого *чёрный день* с зафиксированными дискурсивным сознанием переживания человека выражает дискурсивно-модусный концепт, реализует представление об очень сложном в жизни кого-либо времени).

Основанием для взаимодействия понятий в обоих типах метонимий становится выраженная эпитетами характеристика объектов. Большинство метонимий (60,7%) относятся к эксклюзивному типу.

2. *Когнитивная метафора* – средство восприятия одного объекта через другой, средство принудительного отнесения объекта к классу, к которому он не принадлежит, посредством так называемого категориального сдвига [4; 9; 10]. В процессе метафорического фразеоморирования «традиционная категориальная сетка, определявшая прямо

номинативное видение мира, разрушается, и возникают новые ассоциативно-смысловые связи и отношения, меняющие стандартное представление о том или ином фрагменте окружающего мира» [3, с. 21].

Таким образом, фразеоморождающий потенциал дискурсивно-модусного концепта формируется благодаря широкому ассоциативно-дискурсивному спектру интерпретации коммуникативного события, подлежащего идиоматическому семиозису. Именно этот тип концепта является когнитивным субстратом фразеологического значения.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* Дискурсивное сознание: синергетика языка, познания и культуры // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты: материалы Междунар. школы-семинара. V Березинские чтения. М., 2009. Вып. 15. С. 5–12.
2. *Алефиренко Н.Ф.* Дискурсивно-модусный концепт как источник фразеомемиозиса // Лингвотеоретические исследования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivno-modusnyy-kontsept-kak-istochnik-frazemosemiozisa/viewer> (дата обращения: 17.09.2021).
3. *Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
4. *Алефиренко Н.Ф.* Фразеомообразующий потенциал дискурсивно-модусного концепта // Устойчивые фразы в парадигмах науки: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.Л. Архангельского. Тула: Издат.-полиграфич. объединение «С-принт», 2015. С. 217–224.
5. *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
6. *Богин Г.И.* Интенциональный акт как ситуация появления смыслов // Киев, Язык и культура. 1994. С. 3–10.
7. *Зимин В.И.* Оценочно-эмотивная амбивалентность фразеологических единиц в современном русском языке // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск, 2005. Вып. 3. С. 6–15.
8. *Колесов В.В.* Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002.
9. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
10. *Попова З.Д.* Моделирование содержания концепта // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: сб. науч. ст. М., 2007. С. 322–329.
11. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.
12. *Metonymy and pragmatic inferencing.* К.-У. Panther, L.L. Thornburg (eds.). Philadelphia: John Benjamins Publ., 2003. 280 p.

DOI: 10.31862/9785426311954-30-36

Георгиева С.И.,

*Пловдивский университет
имени Паисия Хилендарского,
Болгария, г. Пловдив*

**КУЛЬТУРА ЭТНОСА В ЗЕРКАЛЕ
КОГНИТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ
БОЛГАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Аннотация. В статье рассматривается фразеологическая модель мира как семантическая категория языковой системы, тесно связанная с процессом непрерывного взаимодействия языка и культуры. Конкретные этносы закодировали культурную информацию в образной основе фразем. В работе рассматриваются два типа ФЕ: 1) с прозрачной образной основой; 2) с затемненной образной основой, культурологическая адекватность которых нуждается в специальной лингвистической экспертизе.

Ключевые слова: фраземы, фразеологическая модель, культурный код, образная основа, народная культура.

Stefka Georgieva,

*Plovdiv University "Paisii Hilendarski",
Bulgaria, Plovdiv*

**THE CULTURE OF ETHNOS
IN THE MIRROR OF COGNITIVE PHRASEOLOGY
(ON THE MATERIAL
OF THE BULGARIAN AND RUSSIAN LANGUAGES)**

Abstract. In the article the phraseological model of the world as a semantic category of the language system is treated; the model is closely connected with the process of constant interaction of language and culture.

Specific ethnicities have encoded cultural information in the image basis of phrasemes. In the paper two types of phrasemes are analysed: 1) phrasemes with transparent image basis; 2) phrasemes with unclear image basis. The latter phrasemes need a special linguistic expertise to explain their cultural and logical adequacy.

Keywords: phrasemes, phraseological model, cultural code, image basis, people's culture.

Семантический статус фразеологических единиц (ФЕ) в настоящее время оценивается с разных точек зрения, исследователи применяют разные методы анализа. Одним из самых актуальных аспектов изучения фразеологической семантики является когнитивно-дискурсивный метод исследования. Концентрируя в себе знаки вторичной и косвенно-производной номинации, фразеологическая система играет роль кумулятивного фонда как языка, так и культуры. Важным свойством фразеологической семантики является антропоцентричность. Важно отметить, что это свойство объясняет много фактов как в кумулятивных механизмах фразеологии, так и в ее дискурсивном функционировании и динамике. На фундаменте антропоцентричности построена так называемая «фразеологическая модель мира», тесно связанная с концептуальной картиной мира, которая имеет свое специфическое содержание, в котором «основной единицей является концепт – название одного или другого дискурсивного поля, и этот речемыслительный эпицентр, вокруг которого рождается дискурс, – деривационная база знаков косвенно-производной номинации» [3, с. 213]. Культурологическая информация закодирована в образной основе фразеологических единиц. Рассматривая ФЕ как средства сохранения культурно-значимой информации, надо отметить, что социальная значимость явлений связана как с идиоэтнически культурным компонентом, так и с ее универсальным полем. Общее в культурах обеспечивается единством мира и универсальностью когний, т.е. ментальными процедурами, связанными с ознакомлением с действительностью, приобретением знаний, пониманий при помощи мысли, практического опыта, ощущений. «Культура – это особая знаковая система, которая является продуктом многовековой, многослойной, непрерывно развивающейся и меняющей свою конфигурацию деятельности в зависимости от форм осознания человеком мира» [1, с. 776].

Способ толкования культуры, закодированной во фразеологизмах является интерпретацией образной основы (внутренней формы) в знаковом культурно-национальном пространстве социумов. (В данной работе термины *внутренняя форма* и *образная основа* ФЕ считаем синонимами.)

1. Образная основа построена не на квазивизуальных представлениях, а на знаниях и опыте этносов, на обиходно-бытовом опыте народа – носителя языка. Например: /р/ *без сучка, без задоринки (идти, проходить, быть) – /б/ (всичко върви) като по вода*. Русский фразеологизм возник в профессиональной речи столяров [4, с. 559]. Болгарский оборот связан со свойством воды уносить все без затруднений.
2. Особенности образной основы проявляются на уровне наивной концептуализации мира. Например: /р/ *зарубить на носу – /б/ сложа / окача обица на ухото*. В русской ФЕ представление о прочном запоминании связано с зарубкой, которую наносят для памяти, а в болгарской ФЕ – с серьгой в ушах, которую не снимают.
3. Обыденные знания и умения этноса служат основой формирования актуального значения ФЕ. Например: /р/ *биться как рыба об лёд – /б/ мятат се като риба на сухо*. В обоих языках безрезультатность действий связана с поведением рыбы: в русской ФЕ – пойманная рыба брошена на лёд, а в болгарской – на безводное место, от нехватки кислорода рыба судорожно изгибается.
4. Внутренняя основа закодировала разные способы осмысления одного и того же явления, события, факта и т.п. Эти способы интерпретации зафиксированы в языке и являются частью мировосприятия данного языкового и культурного сообщества. Таким образом, ФЕ образуют синонимический ряд. Например, доминанта «малолетний»: /р/ *молоко на губах не обсохло – /б/ още му мирише устата на мяко; желторотый птенец – още има жълто около устата / на гагата / под мустака; с жълто около устата – знач.: ‘еще слишком молод, неопытен’ (образная основа раскрывает представления о внешних отличительных свойствах, это молоко и желтизна); /р/ *пешком под**

стол ходит; от горшка два (три) вершка; от земли не видать / не видно – /б/ педя човек / две педи човек (човеченце) (образная основа раскрывает представление о росте); *молодо-зелено – млад и зелен* (образ связан с переносным значением компонента *зелёный* – ‘очень юный, неопытный вследствие молодости’); *нос не дорос* (образ связан с анатомическим кодом культуры).

5. Внутренняя форма влияет на значение ФЕ. Например: /р/ *быть под башмаком/каблуком/шпилькой – /б/ под чехъл съм* – знач.: ‘быть в полной зависимости, беспрекословном подчинении’. Башмак в глубокой древности был символическим знаком власти. Компонент *чехъл* (/р/ «шлепанцы») в болгарской ФЕ указывает, что это касается скорее всего статуса членов семьи и употребляется в ситуациях, когда муж находится в подчинении жены) и т.п. Значение фразеологизма формируется не на основании мысли об изолированном явлении, а на базе представления об определенной ситуации.

Каждый народ веками знакомился с миром, приобретал и копил опыт, который передавался из поколения в поколение. Язык как форма познания и склад национальной культуры закрепляет приобретенный опыт этноса в семантике и структуре устойчивых словесных комплексов. Большой интерес с точки зрения способов закрепления такого когнитивного опыта во фразеологии представляют особенности вербализации стереотипов мышления народа.

При сопоставлении разных языков выявляются различия в избирательности «образного мировидения того или иного народа, которая проявляется и в различиях отбора образных оснований фразеологизмов, что и рассматривается как косвенное подтверждение их связи с окультуренным мировосприятием» [5, с. 15]. Этот параметр связан с определенным видением картины мира носителями языка.

Наблюдения фразеологических фондов русского и болгарского языков позволяют сформулировать следующие выводы, касающиеся национально-культурного параметра устойчивых единиц.

1. Образы преобладающего числа фразеологизмов относятся к универсальным природным явлениям и человеческой жизни и построены на переосмыслении. Это дает возможность подбирать соответствия в разных языках (а не переводить). Например, о тесной дружбе между

кем-либо: /р/ *водой не разольёшь* – /б/ *не можем да дишаме един без друг* (букв.: «не можем дышать друг без друга»); *залепнали сме един за друг като гербови марки* (букв.: «прилипли как почтовые марки»); *залепнали сме като дупе и гащи* (букв.: «прилипли как труссы к ягодице») и др. Редко встречаются такие устойчивые единицы, которым нельзя было бы найти соответствия в другом языке, и требуется перевод, дополнительные объяснения, уточнения, замечания и т.п.

2. Образ устойчивой единицы построен на опыте конкретного этноса и связан как со средой обитания, так и с характером «обыденного мышления» носителей языка. Способ представления значения, мотивация сочетания также являются показателями культурного элемента и связаны со специфическим видением картины мира носителями языка. Например, значение ‘наказать кого-либо’ в русском языке выражается фраземой *дать по шапке*, а в болгарском – *нарязвам/нарежа някого като кисела краставица* (букв.: «порезать кого-либо как кислый огурец»); *дам някому да разбере* (букв.: «помочь кому-либо разобраться в чем-либо»); ФЕ /р/ *как с гуся вода* – /б/ *не ми пука; ни лук ял, ни лук мирисал* (букв.: «кто-либо не ел лука и не знает его запаха»).

Национально-культурные параметры затрагивают все сферы материальной и духовной жизни народов, однако в образных основах устойчивых единиц сохранились следы, которые имели важное значение в жизни людей, отличались яркими качествами, употреблялись часто в быту конкретного этноса и т.п., или отражают ситуацию, в которой данная единица родилась или оказала решающую роль для ее употребления (например, ФЕ /р/ *подпоручик/поручик Кижэ* [4, с. 455], /б/ *Марко Тотев* (знач.: «человек, которому не везет») и др.

3. Специфическое у данного этноса представление образа оказывает влияние не только на образную основу, но и на языковую сочетаемость, на синтаксические конструкции (модели), на базе которых происходит интеграция значений компонентов фразеологизма. Например, для русского языка характерны модели ФЕ с предлогами: с предлогом *с* для обозначения больших или малых размеров, а также для обозначения большого или малого количества чего-либо, при

указании роста человека: /р/ *мужичок с ноготок / с мизинец; мальчик с пальчик; с булавочную головку; с гулькин нос* и т.п.; с предлогом *в*: *играть в бирюльки; играть в молчанку; играть в кошки-мышки* и т.п. Таких моделей нет в болгарском языке. Модель «существительное + существительное» специфическая для болгарского языка при обозначении качества, например: *вятър работа* – 1) о чем-либо невозможном, неверном, недействительном; 2) (ирон.) обычно как восклицание при выражении недоверия, сомнения или пренебрежительного отношения к чему-либо и др.

Поведение человека вариативно и многообразно. С одной стороны, оно типизировано, т.е. подчинено нормам, которые приняты обществом, и потому во многих отношениях стандартно. С другой стороны, каждое общество, заботясь о своей целостности и единстве, утверждает систему социальных кодов, которые рекомендуется соблюдать членам общества. Для любой этнической культуры характерны свои представления о фрагментах поведения. И хотя у русских и болгар много общего как в языках, так и в ментальности народов, анализ фразеологических фондов обоих языков указывает на специфику народной культуры.

1. Образная основа большинства фразем, связанных с неорганическим миром, в обоих языках связана с бытом людей и их представлениями о природных явлениях. Представления болгар и русских различаются в деталях. Отношение русских к ним имеет сакральный характер, связано с мифическими представлениями, и это закодировано во ФЕ.
2. Болгарские ФЕ данной группы более многочисленны, большинство из них не имеет эквивалентных соответствий в русском языке. Это связано как с разными климатическими и природными условиями, так и со своеобразием народов по-своему воспринимать действительность и номинировать ее яркими эмоциональными словосочетаниями [2, с. 82].

Образные основы закодировали культурные факты, связанные с жизнью народов. Изучение этимона устойчивой языковой единицы позволяет раскрыть способ мышления этноса, оценить философию трансформации, продиктованной импульсом, связанным с этносом.

Литература

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / под ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
2. *Георгиева Стефка*. Русская фразеология в зеркале болгарского языка. София: HERON PRESS, 2011. 151 с.
3. *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
4. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник / сост. А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. СПб., 1998. 704 с.
5. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / под ред. В.Н. Телия. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 336 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-37-43

Ничипорчик Е.В.,

*Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины,
Республика Беларусь, г. Гомель*

О СТРАТЕГИЯХ СОСТАВИТЕЛЕЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

Аннотация. Рассматривается вопрос о разнообразии стратегий составителей фразеологических и паремиологических словарей на фоне проявления общих черт во фразео- и паремиографии. Подчеркивается оригинальность объяснительного словаря «Пословицы и поговорки русского народа», одним из составителей которого является профессор В.И. Зимин, чьей памяти посвящена конференция.

Ключевые слова: фразеологический словарь, паремиологический словарь, составитель словаря, принцип организации словаря, устойчивые выражения, В.И. Зимин.

Elena Nichiporchik,

*Francisk Skorina Gomel State University,
Republic of Belarus, Gomel*

ABOUT THE STRATEGIES OF COMPILERS OF PHRASEOLOGICAL AND PAREMIOLOGICAL DICTIONARIES

Abstract. The article considers the issue of the diversity of strategies of the compilers of phraseological and paremiological dictionaries against the background of the manifestation of common features in phraseo- and paremiography. The author emphasizes the originality of the explanatory dictionary “Proverbs and Sayings of the Russian People”, one of the compilers of which is Professor V.I. Zimin, whose memory the conference is dedicated to.

Keywords: phraseological dictionary, paremiological dictionary, dictionary compiler, the principle of dictionary organization, proverbs, V.I. Zimin.

Если задаться целью определить состав всех фразеологических и паремиологических словарей, существующих в европейском культурном пространстве, то, по-видимому, для решения такой задачи потребуется целый коллектив исследователей. Но если поставить задачу найти в массе таких словарей уникальное в том или ином отношении собрание устойчивых выражений, то эта задача покажется сложнее первой. Здесь мы оказываемся в плену некоторого противоречия.

С одной стороны, каждый словарь по-своему уникален. К примеру, почему нельзя назвать уникальным паремиологический словарь М. Номиса «Українські приказки, прислів'я і таке інше» [11]? Ведь в этом словаре с такой непростой историей создания в самом названии выражен тезис об открытости и нечеткой дифференцированности жанрового ряда устойчивых выражений в языке, кроме того, составитель словаря успешно решил задачу раскрытия системных связей в украинском паремиофонде: показал не только тематическое, синонимическое сопряжение паремий, но и обобщенное тезаурусное богатство украинских провербов. Нельзя не назвать уникальным ставший делом жизни его составителя словарь немецких устойчивых выражений К.Ф. Вандера [14]: важной особенностью этого словаря является не только гнездовой способ организации, включение в вокабулы иноязычных аналогов, но и объем словника: по количеству описанного материала, как отмечает В.М. Мокиенко, «Deutsches Sprichwörterlexikon» К.Ф. Вандера «до сих пор не превзойден ни одним соответствующим собранием пословиц в мире» [6, с. 12]. Столь же уникальным видится словарь и венгерского паремиографа Дж. Паджолая [12]: паремиологическое собрание хотя и невелико по объему, однако включает в свой состав пословичные эквиваленты 55 европейских и ряда восточных языков. Уникальна по своей организации и паремиологическая трилогия, созданная научным коллективом, возглавляемым профессором В.М. Мокиенко [4–6]. Новаторским видится выделение трех автономных блоков устойчивых выражений (поговорок, сравнений, пословиц) и оформление их в отдельные книги трилогии, в каждой из которых в стратегически новом формате нашли пролонгацию лучшие традиции русской фразео- и паремиографии. Словарные статьи

порадуют пытливого читателя и толкованием значения, и стилистическими пометами, и расшифровкой образа, и наличием исторических, этнографических, мифологических и иных комментариев, «вскрывающих специфику образной системы русского языка и русского мировоззрения» [1, с. 7]. Один из самых ценных для паремиолога информационных блоков в вокабулах трилогии представляет паспортизация провербиальных единиц, позволяющая проследить историю «жизни» провербов в словарях, а значит, и на устах.

С другой стороны, все фразеологические и паремиологические словари имеют много общего, и объясняется это тем, что в таких словарях фиксируются особые семиотические феномены – неэлементарные знаковые единицы, функциональное предназначение которых связывается с аккумуляцией самых важных знаний о мире человека. Отсюда бесконечные поиски новых стратегий составления словарей провербиальных единиц. Алфавитные, тематические, гнездовые словари провербов, словари, совмещающие гнездовой и алфавитный, гнездовой и тематический принципы организации, хорошо знакомы фразеологам и паремиологам, и каждый из таких словарей ценен своими значимыми для исследователя характеристиками. Последовательно проявляется тенденция создания электронных копий фразеологических и паремиологических словарей с последующим их размещением на сайтах, а также тенденция создания электронных словарей устойчивых выражений с различными поисковыми инструментами. Ярким примером такого словаря является электронный многоязычный словарь «Refranero multilingüe», созданный многонациональным коллективом ученых под руководством профессора кафедры французской филологии Мадридского университета Севильи Муньос [13] (подробнее об этом см. в [10, с. 232]). Не удивительно, что потребность в электронных версиях словарей возрастает, главное преимущество оцифрованных словарей – удобство обращения к сокровищницам народной культуры.

В данной статье, однако, мы не преследуем цели описать все разнообразие стратегий составления словарей, форм представления читателю фразеологических и паремиологических национальных сокровищниц. Цель заключается в другом – показать своеобразие одного словаря, а именно объяснительного словаря «Пословицы и поговорки

русского народа» [3], который был создан и увидел свет благодаря деятельности Владимира Ильича Зими́на. Его памяти посвящена конференция, которая собрала сегодня всех, кто знал лично и знает по научным трудам этого замечательного ученого и талантливого педагога.

Буду права, если скажу, что словарь, авторами которого являются В.И. Зимин и А.С. Спирин, по душе любому читателю – и специалисту, и тому, кто просто неравнодушен к русскому культурному наследию, кому интересно знать, какое искрометное слово и по какому случаю уместно будет сказать. Пожалуй, в этом одно из самых важных преимуществ словаря – он рассчитан на широкий круг читателя. Широкой адресованностью определяется и другая важная характеристика словаря – он объяснительный. И здесь составителям словаря нельзя отказать в оригинальности. Вряд ли комментарии типа: *«Герой данного раздела не отличается скромностью; он любит – Набивать себе цену»* [Там же, с. 34]; *«Любимые отговорки бесстыжего: Стыд не дым, глаза не ест (не выест). Брань на воротах не виснет»* [Там же, с. 43]; *«А если сошлись двое упрямых, тут уж приходится вспоминать пословицы: Нашла коса на камень. Кость на кость наскочила»* [Там же, с. 68]; *«Когда много писанины, то говорят: Писано-переписано село Денисово. А у В.И. Даля: Писано-переписано село Борисово»* [Там же, с. 376] – можно назвать строгими научными комментариями. Но в этом и главная изюминка словаря. Очевидно, что авторы словаря ставили своей задачей говорить с читателем так же просто и остро, как прост и остер слог самих народных изречений, которые собраны в словаре. И эта задача решена составителями словаря полностью: читатель вовлечен в непринужденный диалог с авторами книги, и досадует, и радуется, и осуждает, и восхищается вместе с ними: *«Дадут нахалу то, что он просит, а он ещё критиковать начнёт, выразить своё недовольство. Тогда ему отвечают: Дай ему яичко, да ещё облупленное. Дарёному коню в зубы не смотрят»* [Там же, с. 45]; *«Хитрый человек всегда – Себе на уме. ...А уж ловок-то, ловок: От молнии прикурить сумеет»* [Там же, с. 51]; *«Драчливого называют – Любитель острых ощущений. О нём говорят: Сладу с ним нет... А там, глядишь, и самого его взяли – За виски да в тиски... А кто виноват? – Сам напросился. Наткнулся рылом на кулак... Это ещё полбеды. Могут – Показать, где раки зимуют»* [Там же, с. 62–63].

«Но назойливый довёл-таки до зла: ударили его или обругали. С досадой говорят: Во грех-то какой ввёл! Господи, прости мою душу грешную!» [3, с. 69]. Читаешь такие комментарии и понимаешь, какая открытая, чистая душа и какой подлинно русский характер в них открывается!

Хорошим путеводителем по словарю-книге «Пословицы и поговорки русского народа» является и тематическая дифференциация устойчивых выражений. В поисках названий тематических объединений авторы словаря, с одной стороны, следуют традиции, которая нашла отражение в первых флорилегиях (см. структуру «Книги Бчела» в [8]), прибегая к конструкции с предложным падежом существительного «О чести», «О достоинстве», «О мошенничестве», «О малоспособных людях», «О хвастунах», «О хитрых людях», а также традиции обращения к антитетичным понятиям ценностного мира, как в Далевом словаре [2], «Вера – безверие», «Совесьть – нахальство», «Законность – беззаконие», «Труд – лень», «Работа – отдых», с другой стороны, изобретают свои оригинальные способы обозначения тематических объединений: «Человек как он есть», «Хороший человек в плохом коллективе», «Плохой человек в хорошем коллективе», «“Ушибы” от правды», «Опростоволосился», «“Трещина” в жизни», «Отповедь нахалу», «Вред от многоначалия», «Горе сытого и голодного», «Перегиб в строгости», «Захребетник», «“Цепи” Гименея», «Свои люди», «Грянул гром», «Захотелось лося, да сорвалось», «Кукиш с маслом!». Строгому рецензенту и хотелось бы упрекнуть составителей словаря в идейной и стилистической пестроте названий тематических рубрик, а также в непоследовательности воплощения замысла, подчиненного тематическому членению, но невозможно остаться хладным в оценке, если в каждом шаге составителей словаря проявляется и их увлеченность материалом, и тонкий юмор, и, как верно отмечает В.М. Мокиенко, несомненное «писательское дарование составителей» [7, с. 614, 615].

Несмотря на некоторые недочеты, связываемые с отнесением паремий в ту или иную тематическую рубрику [Там же, с. 615], общая структура объяснительного словаря, отражающая авторское видение организации русского фразео- и паремиопространства, гармонична и находится в соответствии с иными паремиографическими реали-

зациями соответствующей стратегии составления словаря. Речь идет о выявляемых в данном словаре при сопоставлении с иными тематически организованными паремиологическими словарями совпадениях, касающихся состава воплощенных в семантике паремий рекуррентных концептов.

Самыми объемными тематическим объединениями в словаре «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Зимина и А.С. Спирина являются «Человек», «Слово о словах», «Труд», «Свои люди» (в этом тематическом объединении приведены пословицы о человеческих взаимоотношениях в семье, в кругу хорошо знакомых людей), «Времена года и погода», «Время», «Преступление и наказание», «Ум – глупость», «Счастье», «Достаток» (при количественном анализе во внимание не принимались рубрики, представленные паремиями того или иного жанра: «Молвушки», «Приговорки», «Присловья», «Дразнилки» и т.п.). Далее по убыванию количества зафиксированных в тематических рубриках единиц идут «Две воли», «Еда», «Чин», «Всякая причина» и др. Если сопоставим эти данные с данными, полученными в результате изучения других тематически организованных словарей [9, с. 39–41], то видим, что и в словаре «Пословицы и поговорки русского народа», составленном В.И. Зиминим и А.С. Спириным, как и в других словарях, в числе преобладающих по количеству выражений оказались поговорки о временах года, о слове, об уме и глупости, о труде, о счастье, о достатке, о взаимоотношениях близких людей. Считаем это закономерным, так как ядерная часть провербиального фонда, через какое бы сито паремиографических опытов она ни просеивалась, все равно будет выпадать «козырной картой», убеждающей в непреходящей значимости базовых человеческих ценностей, а также непреходящей ценности самого провербиального слова.

Благодаря плодотворной деятельности паремиографов, неутомимому труду и огню души собирателей народных выражений, к числу которых относятся и авторы объяснительного словаря «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Зимин и А.С. Спирин, к месту сказанное меткое народное слово всегда будет востребовано в человеческой культуре.

Литература

1. Большой словарь русских поговорок: Более 40 000 образных выражений / под общ. ред. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.
2. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М.: Эксмо; ННН, 2005. 616 с.
3. *Зимин В.И., Спириин А.С.* Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. 2-е изд., стер. Ростов н/Д.: Феникс; М.: Цитадель-трейд, 2005. 544 с.
4. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц / под общ. ред. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
5. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений / под общ. ред. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
6. *Мокиенко В.М.* Большой словарь русских пословиц (опыт составления) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 5–18.
7. *Мокиенко В.М.* Пословицы и поговорки русского народа / ред. В.И. Зимин, А.С. Спириин. М.: Сюита, 1996. 544 с. // *Revue des йtudes slaves*. 2000. LXXII/3–4. С. 612–622.
8. *Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.): сб. / сост., вступ. ст., подгот. древнерус. текстов, пер. и коммент. В.В. Колесова.* М.: Сов. Россия, 1989. 464 с.
9. *Ничипорчик Е.В.* Отражение ценностных ориентаций в поговорках: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19; Белорусский. гос. ун-т. Минск, 2016. 54 с.
10. *Ничипорчик Е.В.* Мир человека в паремиографической репрезентации: актуальные проблемы и перспективы их решения // *Славянская фразеология и паремиология. Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое. К 70-летию со дня рождения профессора В.И. Коваля: сб. науч. ст. / отв. ред. Е.В. Ничипорчик; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; Фразеологическая комиссия при Международном комитете славистов; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь; Российский центр науки и культуры в Гомеле. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. С. 228–237.*
11. *Українські приказки, прислів'я і таке інше / уклад М. Номис; упоряд. приміт та вступна ст. М.М. Пазняка. К.: Либідь. 1993. 768 с.*
12. *Paczolay G.* European proverbs in 55 languages with equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese. Hobard, Tasmania: De Proverbio.com, 2002. 527 p.
13. Refranero multilingüe [Электронный ресурс]. URL: <https://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/Default.aspx> (дата обращения: 10.11.2021).
14. *Wander K.F.W.* Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. 5 bde. Leipzig, 1867–1889. Ndr. Darmstadt, 1964; Ndr. Kettwig, 1987.

DOI: 10.31862/9785426311954-44-53

Огольцева Е.В.,

*Московский педагогический
государственный университет,
Россия, г. Москва*

**К ВОПРОСУ
О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИ
СВЯЗАННОМ ЗНАЧЕНИИ
(ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ
С АДЪЕКТИВНЫМ
КОМПОНЕНТОМ-СРАВНЕНИЕМ)**

Аннотация. Статья посвящена феномену «связанности» лексического значения. Уточняется понятие «фразеологическое сочетание» применительно к синтаксическим единицам, образованным по модели «существительное + отсубстантивное прилагательное». Рассматриваются компоненты-прилагательные, образованные на базе существительных разных лексико-семантических групп. Словосочетания с этими компонентами группируются по степени идиоматичности. В центре внимания автора анализ факторов, оказывающих влияние на формирование фразеологически связанного значения.

Ключевые слова: фразеологически связанное значение, свободное значение, именное словосочетание, адъективный компонент, фразеологическая единица, устойчивое сравнение, структурно-компаративный вариант.

Ekaterina Ogoltseva,

*Moscow Pedagogical State University,
Russia, Moscow*

**ON THE ISSUE
OF PHRASEOLOGICALLY RELATED MEANING
(NOMINAL PHRASES WITH AN ADJECTIVAL
COMPONENT-COMPARISON)**

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of “connectedness” of lexical meaning. The concept of “phraseological combination” is clarified in relation to syntactic units formed according to the model “noun + substantive adjective”. The components are adjectives formed on the basis of nouns of different semantic groups. Phrases with these components are grouped according to the degree of idiomaticity. The author focuses on the analysis of factors influencing the formation of phraseologically related meaning.

Keywords: phraseologically related meaning, free meaning, nominal phrase, adjectival component, phraseological unit, stable comparison, structural-comparative variant.

С конца 80-х гг. XX столетия во фразеологии наметился поворот к тем аспектам анализа фразеологических единиц (далее ФЕ), которые связаны с живыми процессами их функционирования, с одной стороны, и с историко-этимологическим ракурсом их семантики – с другой. На фоне всеобщего интереса лингвистов к лингвокультурологическим, когнитивным, сопоставительным проблемам изучения русской фразеологии и паремиологии под новым углом зрения стали рассматриваться вопросы, связанные с механизмами фразообразования, с анализом образной основы фразеологизма – внутренней формы, проблема устойчивости ФЕ и двух основных факторов, ее определяющих, – воспроизводимости и сочетаемости компонентов. Последняя, в свою очередь, напрямую связана с особенностями лексической семантики как грамматически главенствующего, так и зависимого компонентов. Все эти вопросы живо интересовали ученых, стоявших

у истоков фразеологической науки: В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, В.Н. Телия, В.И. Зимица, В.П. Жукова, М.М. Копыленко, В.Л. Архангельского, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, В.Т. Бондаренко, Е.И. Диброву и др.

Многие из этих проблем далеки от окончательного разрешения, и их нерешенность то и дело всплывает то на одном участке «фразеологического пространства», то на другом. Обратимся к одному из подобных вопросов – к феномену «связанности» лексического значения слова-компонента фразеологической единицы, построенной по модели «прилагательное + существительное».

В работах В.В. Виноградова термин «фразеологически связанное значение» понимается довольно широко. Во-первых, этот статус может иметь как единственное значение слова, так и одно из значений слова-полисеманта. Во-вторых, «эти значения могут проявляться лишь в сочетании со строго определенными словами, т.е. в узкой сфере семантических отношений», причем «вокруг многозначного слова группируется несколько фразеологических серий». В-третьих, эти значения лишены «глубокого и устойчивого понятийного центра» [1, с. 176]. При такой трактовке любое значение слова-полисеманта можно считать «фразеологически связанным, поскольку оно реализуется в разном фразовом окружении».

В последующие годы анализируемое понятие сузило свой объем. Фразеологически связанным обычно считают такое значение, которое реализуется в сочетаниях с **предельно ограниченным кругом** лексических единиц: *перочинный нож, закадычный друг, проливной дождь, скоропостижная смерть, окладистая борода* и проч. При этом второй компонент (в данном случае грамматически главенствующий) является свободным. Исследователи, специально занимающиеся проблемой «фразеологического сочетания», как правило, решительно исключают их из состава фразеологизмов, указывая на такие их признаки, как моделируемость, сохранение живых синтаксических связей между словами-компонентами; наличие компонента со «свободным» значением; невозможность замены однословным наименованием; тенденция к образованию «серий».

С 60-х гг. прошлого века и по сей день остаются не вполне решенными и вопрос об объеме единиц, относящихся к «фразеологическим

сочетаниям», и критерии отграничения «фразеологической связанности» значения от «лексической связанности». В связи с анализом сочетаний типа *адская жара, волчий аппетит, ангельская кротость, аистьиные ноги, осиная талия, каторжная жизнь, лисья хитрость, медвежья неуклюжесть* возникает еще один ракурс проблемы, заслуживающий внимания, – фактор словообразовательной производности адъективного компонента, который, несомненно, оказывает непосредственное влияние на его валентность.

Прежде всего отметим, что значительная часть подобных сочетаний сохраняет непосредственную связь с системой устойчивых сравнений русского языка (далее УС): *агатовые глаза – как (словно, точно) агат* ‘Чёрный. Чёрный с блеском. Преим. о глазах человека’ [6, с. 28]; *львиная храбрость – как (словно, точно) лев* ‘Храбрый’ [Там же, с. 313] и т.д. В подобных случаях отсубстантивное прилагательное, по сути, синонимично сравнительной части устойчивой компаративной структуры: *восковой – как воск, снежный – как снег*. Живую связь с субстантивно-адъективными словосочетаниями обнаруживает около 250 устойчивых сравнений русского языка. Существительные же, с которыми сочетаются подобные прилагательные с образно-компаративными значениями, представляют собой либо компонент А сравнительной конструкции – то, что подвергается сравнению, либо признак-основание С (ср.: *тараканьи усы* – о человеке (А), *бархатная кожа* (А), *акробатическая ловкость* (С), *пружинистая походка* (С)). У отсубстантивных относительных прилагательных (прежде всего с суффиксами *-н, -ов, -ск*) и у притяжательных, образованных с помощью суффикса *-ий*, образно-компаративные значения проявляются регулярно; они соотносятся с теми УС, в структуре которых в качестве компонента В выступает **существительное** в одной из падежных форм.

Рассматриваемая нами проблема, несомненно, имеет непосредственное отношение к многозначности прилагательного. В.И. Зимин в своих статьях, посвященных специфике полисемии у лексических и фразеологических единиц, подчеркивал, что «действие факторов, определяющих развитие многозначности, различно у слов различных частей речи». Сопоставляя в этом отношении имена существительные и глаголы, В.И. Зимин приходит к выводу, что для существительного

«основным фактором в развитии многозначности является <...> развитие понятийного содержания значения слова, т.е. обогащение его “референтной соотнесенности”; для глагола же основным фактором семантических изменений служит “влияние синтактико-фразеологического окружения слова”» [3, с. 200]. Последнее наблюдение вполне уместно распространить и на другую «предикатную» часть речи – имя прилагательное, полисемия которого также обусловлена в первую очередь фактором сочетаемости.

Конечно, было бы некорректно приписывать всем рассмотренным выше словосочетаниям статус устойчивых единиц – фразеологических сочетаний. Во-первых, далеко не все компаративные фразеологизмы вступают в отношения функциональной синонимии с субстантивно-адъективными сочетаниями: ср., к примеру, устойчивые сравнения: *как агнец, как барометр, как веник, как жернов, как ёж, как лавина, как лопата, как мимоза, как подушка, как туча, как улитка, как фея* и др. (около 160 единиц). С другой стороны, далеко не все метафорические сочетания субстантивно-адъективного типа находят соответствие в системе УС. Так, например, сочетание *соболиные брови* не имеет коррелята в системе раздельнооформленных компаративных структур. Однако оно, несомненно, тяготеет к фразеологическим, что подтверждается количеством примеров в Национальном корпусе русского языка: из пятидесяти четырех фрагментов в тридцати восьми реализуется именно эта валентность.

Во-вторых, даже при наличии отмеченной нами соотносительности фразеологизация сочетаний наблюдается далеко не во всех случаях. Этот процесс идет очень избирательно и зависит от целого ряда факторов. Основной среди них – **фактор сочетаемости**. Можно сказать, что прилагательные с чрезвычайно богатыми возможностями сочетаемости «обречены быть свободными». Среди них особое место занимают те слова, у которых реализуется исключительно образно-компаративное значение, но признак, на основе которого осуществляется сравнение, предельно размыт. Такие прилагательные характеризуются своего рода широкозначностью, поскольку служат, по существу, «интенсификаторами» других признаков. Так, прилагательное *адский* (учитывая все его формы) встречается примерно в 1100 контекстах, и всякий раз его семантика оказывается

«образно-гиперболической» (лишь изредка она осложняется семантикой «жуткий», «сверхъестественный», «устрашающий»): *адский хохот* (шум, зной, жар, огонь, труд, грохот, день, холод, шабаш), *адское терпение* (смущение, место, варево, пекло, пламя, видение, мучение, вращение, зрелище, желание), *адская работа* (какофония, усталость, дорога, боль, темнота, жара, минута, сила пляска) [5]. Однако и в условиях подобной синтагматической свободы можно говорить о тенденции к формированию «связанных» значений. Наше сознание невольно выделяет в качестве относительно устойчивых такие сочетания, как *адский труд*, *адские условия жизни*, *адская жара*, и это происходит именно потому, что образ «ад» используется в структуре устойчивого сравнения как (*словно, точно*) *в аду* '1. Жить, находиться в невыносимо трудных, нестерпимо мучительных условиях, физических или нравственных. <...> 2. Жарко (жара) где-л.' [3, с. 28–29]. По этой же причине сближаются с устойчивыми такие сочетания, как *акробатическая ловкость*, *зверская (звериная) жестокость*, *арестантская жизнь*, *ослиное упрямство*.

По нашим наблюдениям, ограничения сочетаемости однозначной определенностью признака сравнения увеличивает вероятность перехода словосочетания в разряд «фразеологических», а его свободного значения – в разряд «связанных». Так, все переносно-метафорические сочетания с прилагательным *агатовый* основаны на признаке «чёрный с блеском», – на том самом признаке, который лежит в основе компаративного фразеологизма как (*словно, точно*) *агат* 'Чёрный. Чёрный с блеском. Преим. о глазах человека' [Там же, с. 28]. При этом наиболее частотным оказывается именно сочетание *агатовые глаза* (*агатовый глаз*): *На этом уродливом лице странно выделялись огромные агатовые глаза* (А.К. Виноградов. *Осуждение Паганини*); *Ему лет тридцать, он худ, тёмн лицом, давно небрит, у него стоячие агатовые глаза и чёрная (коротко стриженная) голова...* (И.А. Бунин. *Сосед*). К подобным случаям можно отнести другие устойчивые характеристики внешности человека, такие как *атласная кожа*, *восковое лицо*, *жемчужные зубы*, *газельи глаза*, *журавлиные ноги*.

Еще одно важное условие постепенного перехода компаративного значения прилагательного в связанное – его «закрепленность» за строго определенным предметом образной характеристики.

Однако это условие «срабатывает» лишь в комплексе с другими важными факторами. Так, прилагательное *газелий* употребляется в текстах исключительно во множественном числе и только в сочетании с существительным *глаза*, совпадая по значению с соотносительным устойчивым сравнением *как у газели*, которое характеризует большие, темные глаза человека (чаще девушки, молодой женщины или ребенка): *Газельи глаза смотрели на Мокшина с преданностью и обожанием* (Нина Катерли. Зелье); *Точно – херувим вербный, а взгляните в его газельи глаза* (П.Н. Краснов. Подвиг). Однако в данном случае отсутствует коммуникативная актуальность образного словосочетания и непосредственно с нею связанная регулярность, частотность употребления.

На потенциальную возможность формирования фразеологически связанных значений отсубстантивных прилагательных влияет также многозначность / однозначность того УС, с которыми оно соотносится по структуре и семантике. Так, УС *как волк* характеризует:

- 1) чрезвычайно злого человека, чаще мужчину;
- 2) голодного человека;
- 3) того, кто ест с большим аппетитом, жадно набрасывается на еду;
- 4) человека, который злобно и недоверчиво смотрит на кого-л.;
- 5) одинокого человека;
- 6) воющего, горько выражающего свои жалобы, страдания.

Естественно, что прилагательное *волчий* так или иначе «наследует» все эти значения, однако реализуются они в столь широком круге сочетаний, что говорить о связанности здесь также не приходится (ср.: *волчий оскал, взгляд, блеск в глазах, голод, вой, ум, огонёк в глазах, стон, страх, профиль* (о человеке)). Исключение составляют, пожалуй, только словосочетания *волчий аппетит* и *волчий закон*, которые близки к статусу воспроизводимых единиц, что доказывает многочисленность контекстов с этими сочетаниями.

Чтобы с уверенностью квалифицировать значение адъективного компонента как фразеологически связанного, нужно, чтобы компонент А компаративной структуры представлял собой не некий диапазон объектов, а именно один объект. К примеру, прилагательное *осиная* в значении «очень тонкая» характеризует исключительно талию,

соотносясь с УС как (словно, точно) у осы ‘тонкая, перетянутая. О талии (преим. женской)’ [З, с. 435]: *Какие глаза! Какая точёная фигурка! Эта осиная талия! Действительно, такой тонкой талии я никогда более не видел* (Д. Карапетян, В. Высоцкий. Воспоминания); *Наливала чай гурванткка – долголицая, мучнисто-белая особа с талией как у осы* (И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги).

Примечательно, что среди подобных устойчивых сочетаний преобладают характеристики тех или иных частей тела человека: в качестве главных компонентов выступают, как правило, соматизмы или наименование свойства, функции, присущие данной части тела: *васильковые глаза* (голубые, как васильки), *рачьи глаза* (выпуклые, выпученные, как у рака), *обезьяньи руки* (длинные, как у обезьяны), *орлиный нос* (несколько загнутый книзу, с горбинкой, как клюв у орла). В других случаях в функции грамматически главенствующего компонента выступает тот или иной физический признак, неразрывно связанный с «внешними приметами» – визуально наблюдаемыми характеристиками частей тела или телосложения в целом: *бычья сила* (очень большая, исключительная, как у быка), *орлиный взгляд* (смелый, гордый, непреклонный, как у орла).

Очевидно, что конструкции типа *бычья шея – шея как у быка* семантически эквивалентны. Они характеризуются общей внутренней формой и одним и тем же актуальным компаративным значением. Субстантивно-адъективные сочетания типа *бычья шея* или *васильковые глаза* правомерно рассматривать как **структурно-компаративные варианты** устойчивых сравнений, отличающиеся от прототипических конструкций лишь способом выражения сравнительных отношений. Правомерно ли рассматривать именные сочетания с адъективным компонентом-сравнением как разновидность фразеологических сочетаний? Учитывая широту и некоторую зыбкость той группы устойчивых выражений, которую лингвисты именуют «фразеологическими сочетаниями», вероятно, да, можно, но с важными оговорками: внутренняя форма таких сочетаний всегда очевидна; они не требуют никаких этимологических разысканий для адекватной мотивировки; «связанность» зависимого компонента-прилагательного детерминируется его словообразовательной производностью, она связана с компаративным деривационным значением, регулярно

проявляющимся у отсубстантивных прилагательных. Рассматривая разновидности вариантов фразеологических единиц, В.И. Зимин в качестве особого типа выделял варьирование «синтаксическое» – «всевозможные внутрисктурные преобразования фразеологизма, вызываемые условиями его дистрибуции, но не изменяющие его семантического тождества» [2, с. 81]. Действительно, мы имеем здесь дело с формально-структурными вариантами при стабильном значении, причем налицо структурный инвариант – прототипическая структура с союзами *как, словно, точно, будто*. Вероятно, может быть выстроена некая шкала, на которой словосочетания с отсубстантивным прилагательным будут распределены по степени свободы / связанности смыслообразующего компонента (ср.: *медвежий запах – медвежья леница – медвежья походка – медвежья сила – медвежий угол*). В последнем случае мы имеем дело с полноценным «фразеологическим единством»: ему присуща идиоматичность, связанная с образом ФЕ, внутренней формой, которая может быть рассмотрена как в синхронном аспекте («вещный» или «умозрительный» образ), так и в диахронном своем проявлении («первородная мотивация») [4].

Таким образом, анализ компаративного деривационного значения, регулярно проявляющегося у отсубстантивных относительных и притяжательных прилагательных, дает возможность увидеть новый ракурс в исследовании свободных и связанных значений.

На процесс формирования фразеологически связанных значений оказывают ключевое влияние такие факторы, как:

- 1) соотносительность с устойчивыми сравнениями в их прототипическом варианте;
- 2) однозначность / многозначность этих УС;
- 3) четкость и определенность основания сравнения;
- 4) широта / узость того круга существительных, в сочетании с которыми прилагательное проявляет образно-компаративное значение.

Структурно-компаративные варианты устойчивых сравнений могут быть рассмотрены как закономерный результат функционирования в речи свободных именных словосочетаний с адъективным компонентом в образно-метафорическом (компаративном) значении. Внутренний механизм постепенного формирования фразеологических

сочетаний на базе свободных состоит в постепенном сужении сочетаемости до единственного варианта. Решающий фактор при квалификации того или иного сочетания как «фразеологического» – частотность употребления, а следовательно, коммуникативная востребованность единицы.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова // Виноградов В.В. Избр. труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 162–189.
2. *Зимин В.И.* К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума (1968). Вып. 2. Тула, 1972. С. 70–83.
3. *Зимин В.И.* К вопросу об анализе семантической структуры слов и фразеологизмов // Вопросы фразеологии: труды Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои. Новая серия. Вып. № 219. Ч. 1. Самарканд, 1972. С. 199–204.
4. *Зимин В.И.* Синхронический и диахронический аспекты рассмотрения внутренней формы фразеологизмов русского языка // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвотодический аспекты): международная научно-практическая конференция, 17–19 марта 2006 г. М.: Элпис, 2006. С. 543–546.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 12.10.21).
6. *Огольцев В.М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синоним-антонимический). М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2001. 800 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-54-58

Токарев Г.В.,

*Тульский государственный педагогический
университет имени Л.Н. Толстого,
Россия, г. Тула*

ВКЛАД В.И. ЗИМИНА В РАЗВИТИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматривается вклад В.И. Зими́на в развитие лингвокультурологии. Особое внимание уделено словарю устойчивых выражений, составленному ученым.

Ключевые слова: фразеология, В.И. Зимин, паремиология, лингвокультурология, устойчивые фразы, концепт, словарь.

Grigoriy Tokarev,

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Russia, Tula*

CONTRIBUTION OF V.I. ZIMIN TO THE DEVELOPMENT OF LINGUOCULTUROLOGY

Abstract. The article considers the contribution of V.I. Zimin to the development of linguoculturology. Particular attention is paid to the dictionary of stable expressions compiled by the scientist.

Keywords: phraseology, V.I. Zimin, paremiology, linguoculturology, stable phrases, concept, dictionary.

Мой учитель и наставник Виктор Терентьевич Бондаренко рассказывал, что его научный руководитель Владимир Леонидович Архангельский говорил о своих аспирантах, что они от сохи. По словам Виктора Терентьевича, ученики великого фразеолога не обижались на своего учителя, а воспринимали это как особый знак внимания, как намерение наставника уделить своим подопечным больше времени,

лучше их подготовить. Виктор Терентьевич познакомил меня с удивительным человеком – Валентином Ильичом Зиминым. Я благодарен Валентину Ильичу за поддержку тульских конференций, за работу с нашими студентами, за то время, которое мы проводили вместе с ним, оппонируя диссертации на заседаниях советов или выступая на научных форумах в разных городах России. Одно из таких общений запомнилось мне особенно. Это была конференция в Костроме. После посещения Ипатьевского монастыря мы зашли пообедать в кафе. Валентин Ильич стал читать свои любимые стихи. А когда мы собрались уходить, оказалось, что кто-то из присутствовавших в зале кафе оплатил наш обед: вот так высоко оценили выступление нашего дорогого Валентина Ильича. Эту историю мы с ним всегда вспоминали, когда встречались. Валентин Ильич тоже был от сохи. Но он этого никогда не скрывал и не стеснялся. Он прошел трудный и интересный путь. Наверное, его корни повлияли на его научные интересы и на исследовательскую манеру объяснять все просто и понятно.

Валентин Ильича интересовал самый живой пласт языка – фразеология в широком ее понимании. Особенно интересно ученому было проводить сопоставительный анализ устойчивых выражений, делать страноведческий комментарий. Валентин Ильич знал языки, работал с иностранными студентами, и это, без сомнения, повлияло на его метод описания единиц. После указания В.Н. Телия на новое лингвокультурологическое направление Валентин Ильич стал активно работать в этой исследовательской парадигме. В этой статье мы хотели бы отметить вклад В.И. Зимины в развитие лингвокультурологии.

Значение трудов В.И. Зимины для науки о взаимодействии языка и культуры мы бы определили как верификацию теоретических положений и метода исследования. В.Н. Телия в своей монографии «Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты» [2] ввела в научный оборот множество новых понятий и продемонстрировала работу нового метода. Заслуга Валентина Ильича состоит в апробации этих аспектов лингвокультурологии на огромном эмпирическом массиве.

Зимин сформировал свой способ лингвокультурологической интерпретации единиц, который мы бы охарактеризовали как концептоориентированный. Семантика единиц интерпретируется в аспекте ми-

ропонимания лингвокультурной группы, с прицелом на базовые ментальные категории культуры. Данный метод описания оттачивался в выступлениях на конференциях и статьях и нашел свое воплощение в главном труде Валентина Ильича – «Словаре-тезаурусе русских пословиц, поговорок и метких выражений» [1]. Эта работа продолжила исследование устойчивых фраз, начатое исследователем-любителем Алексеем Семеновичем Спириным и затем продолженное ими совместно. Данный словарь сложно соотносить с традиционными словарями. По описываемому объекту это – словарь пословиц и поговорок, по способу описания – словарь русской ментальности, объективированной единицами данного типа.

Первая часть словаря построена по принципу концептуария: приводятся ментальные категории (концепты, например: *труд, достаток, жизнь, счастье* и др.; наивные понятия, например: *деньги, заботы* и др.; культурные установки, например: *доверяй, но проверь* и др., представления, например, связанные с временами года и др.). Реконструкция содержания категории осуществляется на основе пословиц. В объяснении автор использует простой метаязык, наивную картину мира объясняет свойственными ей формулами, без использования терминов. Тем самым автор словаря уходит от простого перечисления пословиц, но и не увлекается абстрактным описанием содержания категории. Кроме того, в словаре отражены эталоны качеств человека (квазиэталон): *жадный, простофиля, мошенник* и др.; символы (квазисимволы): *чай, хлеб, еда* и др.

Рассмотрим представленную в словаре-тезаурусе культурную установку «Жизнь – борьба», изложенную в гл. 7, посвященной концепту «Жизнь». Автор пишет:

Родители делают все от них зависящее, чтобы подготовить детей к самостоятельной жизни. Они стараются своих детей – (5846) **Поставить на ноги.**

Иной с первых самостоятельных шагов – (5847) **Крепко стоит на ногах.** Другим приходится – (5848) **Прокладывать (пробивать) себе дорогу.**

Ценой больших усилий им удаётся – (5849) **Расправить крылья.** (5850) **Выйти в люди.**

А жизнь, в свою очередь, старается – (5851) **Выбить из колеи.** (5852) **Дать подножку.** (5853) **Сбить с ног.** (5854) **Выбить из седла.**

Не каждый упавший способен – (5855) **Подняться на ноги.** (5856) **Войти в свою колею.**

Иной привык – (5857) **Держаться за мамину юбку.** (5858) **Ходить на помочах.**

Такого легко сбить с ног. А подняться сам он уже не может. Ему говорят: (5859) **Упал, так вставай.** (5860) **Не распускай нюни.** (5861) **Москва слезам не верит.** (5862) **Упасть не беда, беда не подняться.**

Смелый человек до последнего не сдаётся, заявляя: (5863) **Мы ещё повоюем!** [1, с. 161–162].

Как видим, описание данной культурной установки включает 18 пословиц, которые сразу представляются читателю с точки зрения их возможного употребления. Именно контекст помогает раскрыть особенности семантики каждой единицы. Причем пословицы могут находиться как в отношениях синонимии, например: (5851) **Выбить из колеи.** (5852) **Дать подножку.** (5853) **Сбить с ног.** (5854) **Выбить из седла,** так и в отношениях антонимии, например: (5854) **Выбить из седла** и (5855) **Подняться на ноги.** Особый интерес представляют контекстуальные антонимы: в данном тексте их примером являются единицы (5847) **Крепко стоит на ногах** и (5848) **Прокладывать (пробивать) себе дорогу,** которые в системе языка имеют достаточно близкие значения и в сознании говорящих больше соотносятся с понятием синонимии, чем с понятием антонимии. Однако в данном контексте они характеризуют противоположные ситуации в жизни человека.

В словаре-тезаурусе каждая единица снабжена порядковым номером, который затем помещен в составленный по алфавиту «Указатель слов и выражений, описанных в словаре», что обеспечивает удобство работы с ним.

Значительная часть словаря посвящена прагматическому аспекту устойчивых фраз: здесь собраны молвушки, приговорки, дразнилки, считалки и др., т.е. культурно-специфичные фразеологизованные речевые жанры. Приводимые устойчивые фразы сопровождаются этнографическим или культурно-коммуникативным комментарием.

Таким образом, словарь-тезаурус В.И. Зимина не только включает огромный пласт устойчивых речевых единиц, но и дает уникальную подачу и интерпретацию материала. Словарь и по объекту исследования, и по метаязыку описания воплощает наивную картину мира, предлагает новый, оригинальный способ описания материала. Труд ученого продолжает традицию фразеографирования, заложенную в трудах В.И. Даля, М.И. Михельсона, И.М. Снегирева и многих других исследователей фразеологии и паремиологии.

Литература

1. *Зимин В.И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2017. 736 с.
2. *Телия В.Н.* Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-59-67

Авдеева О.И.,
*Московский педагогический
государственный университет,
Россия, г. Москва*

**«КОГДА ЛЕТАЮТ БЕЛЫЕ МУХИ?»
(О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЯХ
В.И. ЗИМИНА И А.С. СПИРИНА)**

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные направления исследований русских фразеологизмов В.И. Зиминим и А.С. Спириным, проанализирована эффективность приемов и методов анализа фразеологического материала с позиций синхронной этимологии с целью верификации значений и форм фразеологических единиц и корректировки фиксации этих значений и форм во фразеологических словарях. Кроме того, выявлены основные критерии установления истинности или ложности синхронной этимологии фразеологизмов, а также роль синхронной этимологии фразеологизмов в сохранении и передаче историко-этимологических и культурных знаний народа.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологизм, фразеологическое значение, синхронная этимология, внутренняя форма фразеологизма, образная основа фразеологизма, идейная основа фразеологизма, фразеологическая семантика, верификация значений фразеологизмов, фразеография, В.И. Зимин.

Olga Avdeeva,
*Moscow Pedagogical State University,
Russia, Moscow*

**“WHEN DO WHITE FLIES FLY?”
(ON THE PHRASEOLOGICAL OBSERVATIONS
OF V.I. ZIMIN AND A.S. SPIRIN)**

Abstract. This article discusses the main areas of research of Russian phraseological units by V.I. Zimin and A.S. Spirin, analyzed the effectiveness

of techniques and methods for analyzing phraseological material from the standpoint of synchronous etymology in order to verify the meanings and forms of phraseological units and correct the fixation of these meanings and forms in phraseological dictionaries. In addition, the main criteria for establishing the truth or falsity of the synchronous etymology of phraseological units are identified, as well as the role of synchronous etymology of phraseological units in the preservation and transmission of historical, etymological and cultural knowledge of the people.

Keywords: phraseological unit, phraseological unit, phraseological meaning, synchronous etymology, internal form of phraseological unit, figurative basis of phraseological unit, ideological basis of phraseological unit, phraseological semantics, verification of meanings of phraseological units, phraseography, V.I. Zimin.

Среди научного наследия Валентина Ильича Зими́на, которое включает работы по общей и русской фразеологии, паремиологии, лексикологии, фразеографии, лексикографии, обучению русскому языку как иностранному, важное место занимают наблюдения над значениями фразеологических единиц (ФЕ), сделанные им и исследователем-любителем Алексеем Семеновичем Спириным, которые в дальнейшем послужили базой для выдвижения им идеи синхронной этимологии фразеологических единиц.

В данной статье сделана попытка выявить основные направления исследований В.И. Зими́на и А.С. Спирина, определить эффективность приемов и методов анализа фразеологического материала с позиций синхронной этимологии с целью верификации значений и форм фразеологических единиц, а также выявить основные критерии установления истинности или ложности синхронной этимологии фразеологизмов.

Синхронная этимология – термин, предложенный В.И. Зиминым. Рассмотрим подробнее, что понимал сам автор под этим термином и в чем различие собственно этимологии и синхронной этимологии.

Валентин Ильич Зими́н придерживался точки зрения В.Н. Топо́рова о необходимости разработки синхронной этимологии, которая, правда, высказана была последним в отношении слов: «Одним из серьезных недоразумений в области этимологических исследований было игнорирование синхронного подхода к этимологии (“статистической этимологии”, как ее назвал Ж. Вандриес), пренебрежение

к этимологии современного языка, к проверке этимологии этимологически прозрачных слов. Тем самым этимология лишалась возможности экспериментировать» [4, с. 52].

В.И. Зимин применил данное положение к исследованию фразеологизмов. Он отмечал, что синхронная этимология должна быть применима к таким фразеологизмам, «внутренний образ которых пока еще “прозрачен”, хотя часто уже и тронут “тенью забвения”. Синхронная этимология носит по существу характер разъяснения особенностей значения и употребления фразеологизмов» [2, с. 586].

Как отмечал Н.М. Шанский [6], к основным задачам этимологического анализа фразеологических единиц относятся следующие:

- 1) определение исконного или заимствованного характера фразеологизма;
- 2) установление времени его появления в русском языке как определенной значимой единицы с определенным значением, лексико-грамматическим составом и структурой;
- 3) реконструкция его исходной формы и структурно-семантического характера;
- 4) выяснение образа, положенного в основу фразеологического оборота, если он появился в языке как метафорическое название.

В.И. Зимин считал наиболее важной четвертую задачу – анализ образа фразеологизма. Однако не менее важной представляется и третья задача, которая, на наш взгляд, достаточно часто предстает как логический вывод из выполнения четвертой задачи. Именно тщательный анализ образной основы фразеологизма часто способствует реконструкции его исходной формы и уточнению его структурно-семантических особенностей.

В современных фразеологических исследованиях термины *образная основа фразеологизма* и *внутренняя форма фразеологизма* часто используются как синонимы, что, на наш взгляд, представляется не вполне правомерным.

Исследование *внутренней формы фразеологизма* позволило выявить в ее составе два компонента: *образную основу фразеологизма*, или *первичный образ* (т.е. значение прототипа фразеологизма в прямом смысле), и *идейную основу фразеологизма*, т.е. *идею первичного образа*. Именно идея первичного образа и порождает общее значение

фразеологизма. Рассмотрим это положение на примере конкретного фразеологизма **стреляный воробей**. Его образную основу составляет следующая картинка (как называл ее В.И. Зимин, «гештальт»): на ветке сидит воробей, в которого когда-то стреляли, но он каким-то образом спасся. *Идея первичного образа* – ‘опытный воробей, много повидавший в жизни’. Именно на основе этой идеи сформировалось общее значение данного фразеологизма – ‘очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть, бывалый человек’ [5, с. 75].

Фразеологические наблюдения В.И. Зимина и А.С. Спирина представляют немалый интерес для фразеологов: благодаря внимательно и вдумчивому отношению к значениям фразеологизмов авторам удалось собрать большой фактический материал, уточняющий толкования словарных статей, а также высказать целый ряд гипотез возникновения того или иного фразеологизма. Кроме того, их исследовательская работа стимулирует коллег-фразеологов, филологов и всех любителей русского языка более внимательно и вдумчиво относиться к языковому материалу.

Рассмотрим случаи уточнения значений фразеологизмов. Известный всем носителям языка фразеологизм **белые мухи** во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.И. Молоткова имеет следующее толкование: ‘снег, снежинки. О падающем снеге’ [Там же, с. 245]. В.И. Зимин и А.С. Спирин в своих наблюдениях отметили, что зимой мы так не говорим о летящем снеге; этот фразеологизм применим только тогда, когда снежинки, подобно белым мухам, мелькают на фоне черной земли: это бывает поздней осенью или ранней весной. Здесь важна актуализация семы «контрастность».

Другой фразеологизм – **как (будто, словно, точно) в воду глядел (смотрел)** – толкуется в этом же словаре как ‘(будто) знал заранее’ [Там же, с. 104]. В.И. Зимин и А.С. Спирин отметили неточность этого толкования: не ‘знал заранее’, а ‘предугадал’. Однако данное толкование, с нашей точки зрения, хотелось бы дополнить еще одним уточнением: ‘предугадал, будто ворожил’. Это значение актуализируется благодаря этимологическому анализу фразеологизма: один из распространенных видов гадания заключался в том, что в воду капали расплавленный воск, смотрели и по получившимся фигуркам предсказывали будущее.

Синхронная этимология, подобно традиционной этимологии, может быть истинной и гипотетической. Истинная синхронная этимология характерна для *крылатых слов* и *выражений*, которые имеют достоверный источник, для большинства *фразеологических единиц* характерна гипотетическая синхронная этимология. Однако существуют определенные критерии, согласно которым можно определить степень истинности той или иной синхронной этимологии фразеологизма. Рассмотрим их более подробно.

В синхронной этимологии, как и в традиционной, могут присутствовать сразу несколько гипотез возникновения фразеологизма, истинность или ложность которых можно попытаться доказать, опираясь на определенные принципы анализа фразеологического материала. В.И. Зимин считал одним из важнейших принципов такого анализа принцип семантического соответствия: современная форма фразеологизма должна соответствовать значению его образной основы – только в этом случае становится понятно, как создан этот фразеологизм, почему так стали говорить люди.

В современном русском языке существует ряд фразеологизмов, форма которых вызывает сомнения и вследствие этого споры среди ученых: они бытуют в языке и отражены в словарях в двух формах, например, *с бору да (у) с сосенки* / *с бору по сосенке* и *с боку припёку* / *с боку припёка*.

Во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.И. Молоткова фразеологизм, представленный в форме *с бору да с сосенки*, имеет следующее толкование: ‘кого попало, откуда попало, без разбору’ [5, с. 104]. В своих исследованиях В.И. Зимин и А.С. Спирин признавали эту форму искаженным вариантом выражения *с бору по сосенке*, смысл которого легко поддается этимологическому объяснению. Они предполагали, что в период крепостного права, когда крестьяне не имели права самостоятельно брать дрова в лесу помещика, проезжающий мимо крестьянин мог взять по одному дереву с каждого участка – и помещикам убыток небольшой, и крестьянин обеспечивал свою семью дровами. Правда, случайно собранные дрова вряд ли отличались хорошим качеством, что и актуализировало сему ‘что попало’, ‘откуда попало’.

Форма другого фразеологизма – *с боку припёку* – также признавалась обоими исследователями ошибочной, произведенной от ФЕ *с боку припёка*. Припекой называется часть теста, которая прилипает сбоку к хлебу или пирогу при заливке теста в форму. Поэтому правильная форма этого фразеологизма – *с боку припёка*. Однако люди молодого поколения, не знакомые с тонкостями хлебопечения и не знающие значения слова *припёка*, часто употребляют этот фразеологизм в неправильной, зарифмованной форме – *с боку припёку*.

Некоторые фразеологизмы имеют одну общепризнанную форму, но определение их образной основы вызывает споры. Такими являются фразеологизмы *брать быка за рога, (мне, тебе, ему, ей) (с ним, с ней) детей не крестить, биться как рыба об лёд* и др.

Фразеологизм *брать быка за рога* во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.И. Молоткова толкуется как ‘начинать действовать энергично, решительно и сразу с самого главного’ [5, с. 42]. По мнению В.И. Зимина и А.С. Спирина, образную основу составляет ситуация борьбы с быком: если бык нападает, то его нужно схватить за рога, резко крутануть и прижать к земле; сильная боль заставляет быка подчиниться человеку. Исследователи делают вывод, что в этом случае образная основа фразеологизма диктует другое его значение: ‘активными и неотступными действиями побороть противодействие противной стороны, чтобы подчинить своей воле’ (рукописи А.С. Спирина). Однако языковой материал показывает, что данный фразеологизм обозначает не противодействие и подчинение кому-то, а решительное начало действий, причем с самого главного. Традиционное понимание данного фразеологизма отражено в следующем примере: *Наша подруга имела обыкновение брать быка за рога и говорить прямыми словами о том, что происходит в мире* (А. Мариенгоф. Мой век, мои друзья и подруги (1956–1960)). В силу вышеперечисленного выдвинутое утверждение нам представляется ошибочным: скорее всего образную основу данного фразеологизма составляет ситуация не борьбы с быком, а ситуация попытки оседлать быка, чтобы ехать на нем или пахать землю. В этом случае образная основа фразеологизма (оказавшись на спине быка, сразу крепко взять его за рога) подтверждает современное его значение: ‘действовать решительно, смело, начиная с самого главного’.

При восстановлении первоначальной формы фразеологизма и уточнении его значения необходимо учитывать такой критерий, как типичность ситуации для жизни данного народа – творца и пользователя исследуемого фразеологизма. Рассмотрим использование данного критерия для определения истинности того или иного варианта синхронной этимологии на примере фразеологизмов **детей не крестить и биться как рыба об лёд**.

Для фразеологизма (*мне, тебе, ему, ей*) (*с ним, с ней*) **детей не крестить** В.И. Зимин и А.С. Спириин предложили два варианта образной основы. Согласно первой версии, на крестины ребенка приглашали только близких людей, так как по поверью во время крестин ребенку можно навредить с помощью колдовства, заговоров, обрядов (типа разбрасывания заговоренной соли вслед человеку, откуда, по мнению исследователей, появилось слово *насолить*). По второй версии, люди, которые крестят детей, становятся кумовьями – практически родственниками на всю жизнь. По христианскому обычаю крестные мать и отец помогают в вопросах воспитания детей и морально, и материально, а в случае гибели родителей забирают ребенка к себе жить до совершеннолетия. Вторая версия представляется более убедительной и правдоподобной: ее образная основа более типична для жизни русского народа, поэтому на ее основе появилось то значение, которое сегодня бытует в языке и фиксируется в словарях и научных статьях: **детей не крестить** (*с кем*) ‘о чужом человеке, с которым нет и не предвидится близких отношений’ [1, с. 225], ‘я не буду ему близким человеком, а потому мне безразлично, что он подумает, я поступлю так, как считаю нужным’ [2, с. 589]. Причем, во втором толковании актуализируется сема безразличия к мнению чужого (другого) человека, которая является одной из основных в значении данного фразеологизма.

Толкование образной основы другого фразеологизма – **биться как рыба об лёд** – в исследованиях В.И. Зимина и А.С. Спирина претерпело несколько изменений. В «Опыте этимологического словаря русской фразеологии» Н.М. Шанского, В.И. Зимина и А.В. Филиппова дается следующее толкование фразеологизма **биться как рыба об лёд** – ‘о безуспешных стараниях сделать что-либо, добиться чего-либо’ [6, с. 17]. Однако в данном толковании слабо отражена сема «безвы-

ходность, безнадежность ситуации», которая является одной из ведущих в значении данного фразеологизма. Позже В.И. Зимин неоднократно писал об этом, указывая на этимологическую основу данного фразеологизма – ситуацию, когда пойманная рыба, пытаясь спастись, безнадежно бьется об лед. Со временем В.И. Зимин принял точку зрения А.С. Спирина, согласно которой этимологическую основу данного фразеологизма составляет ситуация, когда рыба зимой из-за недостатка кислорода подо льдом безуспешно старается его проломить, т.е. бьется об лед под водой. Однако данная ситуация (даже если могла где-то случиться) вряд ли была предметом непосредственного наблюдения людьми. Иначе говоря, нетипичность данной ситуации ставит под сомнение правдоподобность ее использования как этимологической основы данного фразеологизма. Более правдоподобной представляется первая гипотеза, к которой в дальнейшем вернулся В.И. Зимин и которая нашла отражение в поздних его работах [2, с. 592].

Синхронная этимология предполагает, в понимании В.И. Зимина, не только авторское определение образной основы и идеи первичного образа фразеологизма, но и большую работу с информантами – нашими современниками, а именно проведение анкетирования, бесед, устного опроса, систематизации собранного материала и т.д. Обращение экспериментаторов к анализу «обыденного сознания», которое характерно для большинства носителей языка, сближает синхронную этимологию с социолингвистикой. Использование данных приемов и методов позволяет выявить не только ошибочные или неточные формулировки значений фразеологизмов в словарях, но и случаи разного «прочтения» внутренней формы фразеологизмов нашими современниками, а вследствие этого – неправильное понимание значений фразеологизмов и неверное употребление их в речи. М.Л. Ковшова отмечает, что правильное понимание фразеологизма нашими современниками зависит «от знаний носителем языка значения идиомы и условий коммуникативной ситуации: если данные опоры не действуют, сознание носителя языка активнее «подключает» те знания, которыми он в той или иной мере владеет, как историко-этимологического, так и культурологического типа» [3, с. 29].

Таким образом, В.И. Зимин считал синхронную этимологию фразеологизмов важнейшей частью традиционной этимологии –

ее отправной точкой: часто результаты анализа внутренней формы фразеологизма, т.е. его образной и идейной основ, дают толчок для дальнейших этимологических исследований. Кроме того, синхронная этимология фразеологизмов, основной целью которой является разъяснение значения и употребления фразеологизма, играет важную роль во фразеографии: она служит решению проблемы верификации значений и форм фразеологизмов. К основным критериям определения истинности или ложности синхронной этимологии фразеологизмов следует отнести семантический и лингвокультурологический критерии: образная основа фразеологизма должна отражать ситуацию, способную логически объяснить возникновение фразеологизма, и быть частотной и типичной для образа жизни и культуры данного народа.

Синхронная этимология не только восстанавливает историко-этимологическую и культурную память народа, заключенную во фразеологизмах, но и способствует ее сохранению и передаче следующему поколению.

Литература

1. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В.Н. Мокиенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 448 с.
2. *Зимин В.И., Авдеева О.И.* Синхронная этимология как средство уточнения значения фразеологизмов // Когнитивные исследования языка. Вып. № 2 (45): Знаки языка и смыслы культуры: сб. науч. трудов, посвященный памятного юбилею Вероники Николаевны Телия / отв. ред. выпуска М.Л. Ковшова. Тамбов: Издат. дом «Державинский», 2021. 696 с. С. 585–595.
3. *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
4. *Топоров В.Н.* О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Вопросы языкознания. № 3. 1960. С. 44–59.
5. *Фразеологический словарь русского языка* / сост. Л.А. Войнова и др.; под ред. и с послесл. А.И. Молоткова. 7-е изд., испр. М.: АСТ; Астрель, 2006. 524 с.
6. *Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Русский язык. 1987. 237 с.

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ. АНАЛИЗ ПАРАДИГМАТИКИ И СИНТАГМАТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СИНХРОНИЧЕСКОМ И ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

DOI: 10.31862/9785426311954-68-76

Дронов П.С.,

*Научно-образовательный центр
теории и практики коммуникации
имени Ю.С. Степанова,
Институт языкознания
Российской академии наук,
Россия, г. Москва*

ВАРИАНТЫ ИДИОМ И ПОЛНЫЕ СИНОНИМЫ

Аннотация. В статье рассматривается проблема варьирования и синонимии идиом, анализируются полные синонимы – промежуточные состояния между вариантами одной идиомы и синонимами, т.е. близкими, но различными идиомами.

Ключевые слова: фразеология, проблема тождества и различия, варьирование идиом, синонимия, полные синонимы.

Pavel Dronov,

*Yuri Stepanov Research Centre
of Communication Theory and Practice,
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow*

IDIOM VARIANTS AND EXACT SYNONYMS

Abstract. The paper deals with the problem of idiom variability and synonymy, analysing the exact synonyms, which are a middle state between an idiom's variant and a synonymous but different idiom.

Keywords: phraseology, identity vs. difference, idiom variability, synonymy, exact synonyms.

Варьирование фразеологических единиц и, в частности, идиом исследовалось многими авторами, например В.И. Зиминым [9], В.Н. Телля [12–14], В.П. Жуковым [7], Е.И. Дибровой [5], А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским [2]. В.И. Зимин определяет варьирование фразеологизма как «его всевозможные изменения в пределах его тождества; при этом тождество фразеологизма обусловлено: при семантическом варьировании – наличием смыслового инварианта и стабильной структуры, при формально-структурных изменениях – наличием структурного инварианта и стабильного значения» [9, с. 80].

Варьирование идиом – это частный случай проблемы тождества и различия [13, с. 31], с одной стороны, и тождества и подобия – с другой. Как известно, сходство между языковыми единицами градуировано, и мы можем сказать, что одна похожа на другую в большей или меньшей степени. Тождество не может быть градуировано – возможны лишь констатация тождества и его отрицание [1, с. 275–276]. Во фразеологии и фразеографии остается актуальной тема разграничения вариантов и синонимов, т.е. установления степени подобия, с одной стороны, и выявления пределов, в которых тождество является тождеством, – с другой. Так, у идиомы *подложить свинью* не обнаруживается варьирования компонентов (по В.П. Жукову, это вызвано зависимостью вариативности фразеологизмов от характера мотивации, от семантической спаянности компонентов; у *подложить*

свинью значение в его интерпретации является целостным и немотивированным [8, с. 166–169]). Это, однако, не значит, что она не может быть как-либо модифицирована. Чтобы усилить значение этой идиомы, мы можем сказать: *подложить кому-л. огромную свинью*; по поводу понятия модификации см., например, [2].

В данной работе рассматривается проблема не только разграничения вариантов и синонимов, но и наличия промежуточных вариантов между ними. Частично данные вопросы были рассмотрены нами в статье [7].

Варьирование идиомы и возможность ее системной трансформации – того, что В.И. Зимин называет синтаксическими вариантами [9, с. 81], – имеют свои пределы. Эти пределы позволяют идиоме не разрушиться и не превратиться в свободное словосочетание.

Существуют ограничения на реализацию грамматических категорий, порождающие нерегулярность варьирования. Так, далеко не все идиомы способны образовывать варианты по числу именного компонента, ср. варианты: *не будь дурак – не будь дураки* при невозможности *семи пядей во лбу – *семи пядей во лбах*.

Е.И. Диброва [5] указывает на существование в русском языке усеченной фразеологической парадигмы, состоящей из двух членов, различающихся категорией числа, ср.: *под замок / под замками* ‘заперт’. Формы числа отражают реальные количественные отношения: *за спинами товарищей*, но не **за спинами товарища*; ср., в то же время: *за спиной / за спинами товарищей* (единственное число первого компонента можно объяснить тем, что *товарищи* понимаются как некая единая сущность).

Можно предположить, что возможность системной трансформации идиомы зависит от ее синтаксической структуры. Грамматическая парадигма идиомы (например, *стреляю из пушки по воробьям, дали бы зелёный свет*) укладывается в грамматическую парадигму словосочетания и определяется морфологической принадлежностью опорного компонента идиомы или ближайшего однословного эквивалента; ср.: «Конструктивные свойства словосочетания чаще всего определяются морфологическим строем его господствующего, стержневого слова. Словосочетанию так же, как и слову, принадлежит способность формоизменения, т.е. оно обладает системой форм» [3, с. 4].

С 60–70-х гг. XX в. ведутся споры о разграничении вариантов и синонимов. В работах этого периода встречаются термины «дублетные фразеологизмы-синонимы» (по Н.М. Шанскому, например, *здать кому-л. баню / перцу*) и «синонимические варианты» (по В.Т. Шклярору, например, *кровь бросилась / ударила в голову*) [13, с. 34]. В.И. Зимин отличает варианты от синонимов по следующему признаку: «Фразеологизм остается самим собой, т.е. всевозможные варианты составляют один и тот же фразеологизм, когда дифференциальные признаки лексического состава (лексические варианты), формы (морфологические варианты) или структура (синтаксические варианты) фразеологизма нейтрализуются» [9, с. 81]. В.Н. Телия делает важное уточнение: «...как варианты определяются видоизменения только о з н а ч а ю щ е г о единицы» [13, с. 31] (разрядка в оригинале. – Авт.).

Как отмечает В.Н. Телия в своей монографии «Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты», «специфика идиом заключается в том, что для них возможна альтернатива не только одного-двух компонентов, но и всего лексического состава» [14, с. 27–28]. При этом возможно появление различных смысловых оттенков, например: «*летать/парить в облаках/эмпиреях* отличается от *парить между небом и землёй* смысловым оттенком бесплодности, фантазий, грез, а *парить между небом и землёй* содержит оттенок отрыва от реальной действительности», в то время как есть «общее значение ‘предаваться мечтам, оторванным от действительности’» [Там же, с. 28].

Фразеологический вариант и синоним похожи друг на друга: их общими чертами являются структурная близость и формальное сходство. Естественно, при этом они должны относиться к одному типу единиц, т.е. идиома и коллокация (фразеологическое сочетание, по Н.М. Шанскому) не могут быть ни вариантами, ни синонимами.

Рассмотрим отличия варианта от синонима на примере идиом *медведь/слон на ухо наступил (кому-л.), (что-л.) в горло/глотку/рот не лезет (кому-л.), вылететь/выскочить из головы/памяти/ума (у кого-л.)*. Очевидно, что это варианты, у которых видоизменено только означающее, а фразеологическое значение не изменяется. Внутренняя форма этих вариантов очень близка, например, к *медведь/*

слон на ухо наступил отсутствие музыкального слуха осмысляется как травма, нанесенная крупным животным.

Есть и более нетривиальные случаи варьирования; таковы, например, словосочетания *сесть в лужу* и *сесть в калошу* ‘совершить глупость, оказаться в глупом положении’. Образная составляющая идиомы основана на эвфемизации: «ты провалился → обделался → у тебя запачкан зад → значит, ты посидел в грязи, то есть *ты сел в лужу*» [10, с. 145]. Употребление компонента *калоша* вызвано созвучием с русским диалектным и украинским словом *калюжа* ‘лужа’ (в [5] упомянут диалектный вариант *сесть в калюжу*). При этом изменение может продолжаться и далее: компонент *калоша* заменяется на синонимичный *галоша*: *сесть в галошу*; ср.:

(1) *Вот чёрт возьми, надо же, надо же так сесть в галошу!*
(Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей (1964)) [11].

Еще более нетривиальный случай, который находится на стыке варьирования и синонимии, – идиомы *собаку съел на чём-л., в чём-л. / зубы съел на чём-л., в чём-л.* А.И. Федоров дает следующие толкования:

«ЗУБЫ СЪЕЛ на чём, в чём. Разг. экспрес. Имеет большой опыт; приобрёл навык, знания в чём-либо» [15, с. 674].

«СОБАКУ СЪЕЛ на чём, в чём. Разг. экспрес. То же, что *зубы съел на чём, в чём*» [Там же].

Фразеологическое значение и структура этих выражений чрезвычайно близки, вплоть до того, что их можно принять за варианты одной идиомы; более того, в [6] мы интерпретировали их именно так. В то же время различия здесь проявляются отнюдь не только в означающем, ср. замечание В.Н. Телия: «...минимальному различию означающих идиом *собаку съел* и *зубы съел* соответствует не коррелирующее с ним минимальное же различие в означаемых, сводящееся к маркированности означаемого *зубы съел* по признаку длительность “стажа”» [12, с. 141].

Образ в основе идиомы *зубы съел на чём-л., в чём-л.*, по-видимому, связан с образом в основе коллокации *съесть зубы* ‘потерять зубы (от болезни или истощения)’, ср.:

- (2) а. *<...> дыры на месте зубов, съеденных на войне.* (А.Н. Толстой. Гадюка (1928));
- б. *<...> отвыкла, что ли, от овса-то, или все зубы съела, старенькая совсем.* (И.С. Шмелёв. Лето Господне (1927–1944));
- с. *Вот и я вырос на ржаном хлебце, все зубы съел на нём, а под старость захотел пшенички.* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)) [11].

Идиома *собаку съел на чём-л., в чём-л.*, а исторически также с валентностью на *что-л.* – см. пример (3с), – восходит к пословице *Собаку съел, только хвостом подавился*, которую В.И. Даль включил в таксон «Ученье – наука» [4, с. 545].

Тем не менее эти идиомы оказываются практически взаимозаменяемы (см. (3)), но из-за разного происхождения и различных метафор в основе следует относить их не к вариантам одной идиомы, а, скорее, к полным синонимам.

- (3) а. *И притом прибавляли, что-де они на таких делах зубы съели и порешили заплатить при сдаче ружей по пятьсот рублей серебром, говоря: «Поверьте, не скупитесь, это вас избавит от неприятной переписки и уплаты впоследствии суммы вчетверо или впятеро более значительной».* (В.И. Ден. Записки генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Дена (1873));
- б. *Он охотно любил подшутить над учёными и не пропускал никогда случая сказать белокуруму Алексису, который в науках, что называется, собаку съел и читал-таки на своём веку и Бруно, Бауера и Фейербаха.* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы / Запутанное дело (1848–1863));
- с. *Я писал тебе премеланхолическое письмо милый мой Пётр Александрович, да вьдь меланхолией тебя неудишишь, ты сам на это собаку съьль.* (А.С. Пушкин. Письмо П.А. Плетневу (09.09.1830));

- (3) d. *Во-первых, нет уверенности, что дядя Вася, съевший собаку на ремонте «Жигулей», разберётся в устройстве современной иномарки, а во-вторых, жалко терять гарантию.* (Игорь Сиринов. Свой путь // Бизнес-журнал. 23.10.2003) [11].

О том, что эти идиомы не являются вариантами, можно судить по примерам двойной актуализации, в которых обыгрываются и внутренняя форма, и фразеологическое значение. Пример (4а) показывает, что зубы *съесть* действительно указывает на стаж, на долгое время освоения какого-либо предмета, как и указывает В.Н. Телия.

- (4) а. *В ветхом доме на краю местечка царила опрятность бедности. И это хорошо, красиво – ведь бедность красит, как красная попона на серой лошади. Раввином можешь ты не стать, но вундеркиндом быть обязан. И посему в зубрёжке книги «Бытия» сиротка наш все зубы съел, тогда ещё молочные.* (Юрий Давыдов. Заговор, родивший мышь (1993));

- б. *Но после того я спросил себя, что же мне хочется иметь – собаку или книгу, и что во-первых, и что во-вторых. Когда я всё взвесил, то почему-то с большим удовлетворением признал, что собака во-первых, а книга во-вторых. И когда я это решил, то мне и стало совершенно понятно выражение «он на своём деле собаку съел». Я понял, что собака должна быть мною съедена, то есть выучена артистически, поглощена мною, и тогда, во-вторых, явится книга, как изложение дела, на котором я съел собаку. <...> На обратном пути мне показалось, что Ромка стал серьёзнее, не хватал бабочек, не гонялся за слепнями. Теперь только бы у него было чутьё. Будет – и собаку я съем.* (М.М. Пришвин. Дневники (1927)) [11].

Сформулируем **критерии разделения** вариантов и синонимов.

1. Варианты одной идиомы имеют одно фразеологическое значение. У синонимичных идиом наблюдаются отличия в денотате и коннотации.

2. Образные составляющие синонимичных идиом различны. Образные составляющие вариантов одной идиомы близки или идентичны.

При этом между вариантами и синонимами находятся формы, имеющие разное происхождение, но сближающиеся друг с другом семантически и прагматически. Поскольку они не являются вариантами, но слишком похожи друг на друга, чтобы их можно было считать просто синонимичными, то их можно назвать **полными синонимами**. Варьирование необходимо рассматривать в комплексе, изучая и способность идиом образовывать варианты, модификации и трансформации [6], и синонимические отношения между идиомами, и промежуточные состояния между вариантами и синонимами.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
3. Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1954. № 3. С. 3–24.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 1. Издание второе, без перемен. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1879.
5. Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке // Диброва Е.И. Лексикология. Фразеология. Синтаксис текста: избр. работы. Т. II. М.: ТВТ Дивизион, 2008. 470 с.
6. Дронов П.С. Варьирование, трансформация, модификация идиом: уточнение понятий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 4. С. 200–209. DOI: 10.52452/19931778_2021_4_200.
7. Дронов П.С. Трансформации идиом VS. Функция идиом в предложении // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение: сб. науч. трудов V Международной научно-практической конференции (14–15 октября 2021 г., г. Орел, ОГУ им. И.С. Тургенева). Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева; Картуш, 2021. С. 56–62.
8. Жуков В.П. Русская фразеология: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1986; Запись дискуссии, проходившей в рамках рабочего совещания «Культурные факторы воспроизводимости в дискурсе» 2 декабря 2004 г. в Пушкинской гостиной филологического факультета МГУ // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей. Вып. 30 / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 197–260.

9. *Зимин В.И.* К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула, 1972. С. 70–82.
10. *Камчатнова Ю.Б.* О семантико-стилистическом своеобразии выражения *сесть в лужу* в русском языке // *Slovumne*. 2012. № 2.
11. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>
12. *Телия В.Н.* О вариантности лексического состава идиом (в связи с проблемой соотношения «формы» и «содержания» лингвистических единиц. К постановке вопроса) // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума, ноябрь 1968 г. Тула, 1968. С. 140–147.
13. *Телия В.Н.* Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула, 1972. С. 30–69.
14. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
15. *Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель; АСТ, 2008. 878 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-77-82

Ерёмин А.Н.,

*Калужский государственный университет
имени К.Э. Циолковского,
Россия, г. Калуга*

ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ И МЕТОНИМИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются метонимические значения имен после предлога *через*. Делается общий вывод: предлог *через* часто выступает актуализатором метонимических значений модели «актант → имя действия, реализующее данный актант». Предлог *через* предполагает глагол, от которого задается управление отглагольным или предметным именем. В первом случае имя обычно выступает в прямом значении; во втором – нередко в метонимическом значении. Выделяются и прямые значения имен после предлога *через*, они в сочетании с ним характеризуются небольшой степенью фразеологизации предложно-падежной формы. Существительные с конкретно-предметной семантикой после предлога *через* в сочетании с ним часто обнаруживают заметную степень фразеологизации и при этом реализуют метонимические значения.

Ключевые слова: предлог *через*, лексическое значение, метонимия, фразеологизация.

Aleksandr Eremin,

*Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski,
Russia, Kaluga*

PHRASEOLOGISATION OF PREPOSITIONAL CASE FORMS AND METONYMY

Abstract. The article discusses the metonymic meanings of names after the preposition *through*. The general conclusion is made: the preposition *through* often acts as an actualizer of the metonymic values of the model

“actant → the name of the action implementing this actant”. The preposition *through* presupposes a verb from which the management of a verbal or subject name is set. In the first case, the name usually appears in the direct meaning; in the second, it is often in the metonymic meaning. The direct meanings of names after the preposition *through* are also distinguished, they, in combination with it, are characterized by a small degree of phraseologization of the prepositional case form. Nouns with concrete subject semantics after the preposition *through* in combination with it often reveal a noticeable degree of phraseologization and at the same time realize metonymic meanings.

Keywords: preposition *through*, exical meaning, phraseologization, metonymy.

*Светлой памяти моего официального оппонента на защите докторской диссертации
Валентина Ильича Зимица*

Предлоги, их семантика и модели описания – предмет научных интересов многих отечественных и зарубежных лингвистов. См., в частности, сборник, в котором представлены работы М.В. Филипенко, В.А. Плуныяна, Е.В. Рахилиной, Sue Lindlter и др. [3].

В нашей статье предмет описания – предлог *через* как актуализатор метонимических значений модели «актант → имя действия, реализующее данный актант».

Это явление часто определяется как обратная актантная метонимия [1, с. 189–196; 2, с. 296–301; 5, с. 96–137].

Н.Ю. Шведова так описывает значения рассматриваемого предлога:

ЧЕРЕЗ кого-что, предлог с вин. п. 1. Пересекая что-н. с одной стороны на другую. Мост ч. реку. **Прыгнуть ч. ручей.** Португалец ч. плечо. 2. Над поверхностью чего-н.; располагаясь, протягиваясь по чему-н., по поверхности чего-н. **Перепрыгнуть ч. забор.** Улица ч. весь город. 3. Сквозь что-н. Ехать ч. город. Смотреть ч. очки. Влезть ч. окно. 4. При помощи кого-чего-н., каким-н. способом, используя что-н. Оповестить ч. газету. Сообщить ч. друзей. Писать слово ч. чёрточку. 5. Спустя какое-н. время или минуя какое-н. пространство. Приду ч. час. Ч. годы, ч. расстоянья. Найти цитату ч. две страницы. 6. Повторяя

в регулярные промежутки (времени, пространства). Принимать микстуру ч. час по столовой ложке. Печатать ч. два интервала [6, с. 1081].

При самом общем взгляде на данные словаря видно, что одна и та же семантика показывается в разных значениях: ср. 1-е и 2-е значения.

Материалы функционирования предлога *через* свидетельствуют о следующем:

1. Предлог *через* предполагает глагол, от которого через него задается управление отглагольным или предметным именем. В первом случае имя часто реализует прямое значение; во втором – нередко метонимическое значение.

*Вот когда мне стало понятно, что, перейдя **через страдание** в... жизнь, невозможно вернуться таким же простодушным ребёнком на солнечную поверхность земли. (В.Д. Пришвина, М.М. Пришвин. Мы с тобой. Дневник любви); **Через водку** мы с Матвеем Васильевичем и поссорились. (В.М. Дорошевич. Сахалин (Каторга)) [4].*

2. Выделяются исходные прямые употребления с небольшой долей фразеологизации предложно-падежной формы, включающей управляемые слова локативной и темпоральной семантик:

а) в сочетании со словами локативной семантики зависимого слова предлог *через* реализует два значения:

– движение вверх объекта: *А ещё в Бресте находятся самый большой в Европе разводной мост **через реку** Пенфельд и огромный аквариум – Океанapolis. (Владимир Гаков. Во Францию – на машине времени // Туризм и образование. 15.03.2001); Затем дощатый настил **через лужу**, юродивый около колодца, хлеб, плоский, как лепёшка, заснёшь в пути и проснёшься от толчка: подвода мерно покачивается в озере грязи. (Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение, 1964); Ни своенравный педагог, / ни группа ангелов, / ни Бог, перешагнув **через порог** / нас не научат жить. (И.А. Бродский. Как славно вечером в избе...) [Там же];*

- движение вдоль объекта: *Проскакать на коне в казацком седле, в кавалерийском седле, без седла – за это он готов был душу отдать: война, **через город** проходили кавалерийские части, становились на постой, дядя Миша дружил с кавалеристами и научился управляться с лошадьми не хуже их самих.* (А. Рыбаков. Тяжёлый песок); *Зелье из Афганистана и Пакистана попадает к нам **через Казахстан** и Таджикистан.* (Г. Летов. Героиновая шкатулка // Еженедельный журнал, 08.04.2003) [4].

Значение пространства может обозначаться метонимически: *Хотя **через несколько шагов** он расширился, и впереди появился свет.* (А. Дорофеев. Эле-Фантик // Мурзилка. 2003); *Прозрачный перекинув мост / (упрусь в колонну), / пяток пятиконечных звёзд / по небосклону / плетётся ночью **через Русь** – / пусть к Вашим милым / устам переберётся грусть / по сим светилам.* (И.А. Бродский. Румянцевой победам) [Там же];

- б) слова темпоральной семантики после предлога *через* реализуют значение времени в конечной точке его течения: ***Через год** я получил почтовую бандероль из города Чигирина, с Украины.* (К.Г. Паустовский. Повесть о жизни. Бросок на юг); *«Так вы сейчас приедете?» – сказал Левин, со злобой глядя на слугу, вносившего кофей. – «**Через часик**». – «Нет, ради бога!» – «Ну, так дайте кофейю напьюсь». Доктор взялся за кофей.* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина) [Там же].

Значение времени может обозначаться метонимически: ***Через смерть и поля, через жизни, страданья, вёрсты** / улыбайся, шепчи, заливайся слезами – сладость / дальней речи своей, как летучую мышшь, как звёзды, / кутай в тучах ночных, посылая мне боль и радость.* (И.А. Бродский. Услышу и отзовусь) [Там же].

Существительные с конкретно-предметной семантикой после предлога *через* часто обнаруживают заметную долю фразеологизации и реализуют еще три метонимических значения:

- а) значение объекта: ***Через Пушкина и через Тютчева,** / Опять возвращаясь к нему, / Казалось, не самому лучшему, – / Мы равных не видим ему.* (Н.Н. Тuroверов. Лермонтов) [Там же];
- б) значение инструмента в широком понимании этого слова: [TaTka_19, pick] *В школе было хорошо, беззаботное время, друзья и всё такое, но тем не менее в универе мне нравится больше,*

возможно, нагрузка и побольше, но всё равно это совсем другая жизнь да и, пожалуй, сравнивать эти 2 учебных заведения не стоит, в каждом свои плюсы и минусы, нужно пройти и **через школу**, и **через** какое-то **высшее учебное заведение**, чтоб понять, что оно и как. (Коллективный форум: Универ (институт) VS школа. Плюсы и минусы. Где в итоге лучше и почему? (2011)); [*elenastr*] И как только узнает, что путь к новому кабинету лежит **через сердце** начальницы, то втягивает себя в очень занятную авантюру. (Коллективный форум: рецензии на фильм «Служебный роман»); И как он мог мне завидовать и клеветать на меня, когда сам жил с детьми! **Через детей** душа лечится... Там был один больной в заведении Шнейдера, один очень несчастный человек. (Ф.М. Достоевский. Идиот); Здесь же Кирилл Серебренников, перекомпоновав классический текст и добавив в него вставки современного содержания, пытается доказать, что из классической комедии положений при желании можно сделать памфлет на нынешнее общество, в котором все проблемы решаются **через кровать**. (Лебедина Любовь. «Фигаро» здесь нет // Труд-7. 29.12.2006); Тогда он ждал, что она в ближайшее время вернется, а когда она не появилась, стал искать ее **через мать**. (А. Маринина. За всё надо платить); Одну-две такие новеллы он уже передал **через жёну** на волю, но и там – кому их покажешь? (А. Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 26–51); В «Судьбе человека» Сергея Бондарчука именно **через водку** обыгрывается мощь русского человека, вступившего в психологическую схватку с фашистскими оккупантами. (Я. Левченко. Вздрогнули – поехали // Однако. 2009); Служил забытому искусству / Жизнь выражать **через слова** – / И непосредственному чувству / Вернул в поэзии права. (А.П. Межиров. Поэт) [4];

- в) значение каузатора: ...за столом сидели какие-то три бабы и угощались. Увидев гостя, они переглянулись и перестали есть... Одна из баб (ей было совестно пить при чужом человеке) вздохнула и сказала: – А я **через грибы** ещё выпью... Такие грибы, что не захочешь, так выпьешь. Иван Герасимыч, пригласите их, может, и они выпьют! (А.П. Чехов. Отец); Моряк имел процесс и знал, что **через связи** Столыгина может его выиграть. (А.И. Герцен. Долг прежде всего) [4].

Выводы

Предлог *через* часто выступает актуализатором метонимических значений модели «актант → имя действия, реализующее данный актант». Предлог *через* опосредует управление отглагольным или предметным именем. В первом случае имя обычно выступает в прямом значении; во втором – нередко в метонимическом.

Выделяются и прямые значения имен после предлога *через*, они в сочетании с ним характеризуются небольшой степенью фразеологизации предложно-падежной формы. Существительные с конкретно-предметной семантикой после предлога *через* и в сочетании с ним часто обнаруживают заметную степень фразеологизации и при этом реализуют метонимические значения.

Литература

1. Ерёмин А.Н. Метонимия в текстах А.С. Пушкина и И. Бродского // XXVI Пушкинские чтения. 19 октября 2011 г.: сб. науч. докладов к 200-летию открытия Царскосельского лицея и 45-летию Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина / сост. В.В. Молчановский. М., 2011. С. 189–196.
2. Ермакова О.П. Семантический эллипсис или семантический сдвиг? (О разговорном употреблении конструкций типа: *после селёдки хочется пить, опоздал из-за детей*) // Язык, факты, гипотезы: сб. статей к 100-летию со дня рождения академика Н.Ю. Шведовой. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2016. С. 293–301.
3. Исследования по семантике предлогов: сб. статей. М.: Русские словари, 2000. 376 с.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 12.09.2021).
5. Розина Р.И. Семантическая деривация в аспекте нормы // Современный русский язык: Система – норма – узус / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 96–137. (Studia philologica).
6. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издат. центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-83-89

Карпенко Е.И.,

*Московский государственный
лингвистический университет,
Россия, г. Москва*

Кострикина А.Г.,

*Московский государственный
лингвистический университет,
Россия, г. Москва*

**МОДИФИКАЦИЯ
ФРАЗЕОЛОГИЗМА *BLAUER BRIEF*
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. В статье представлено этимологическое и лингвокультурологическое исследование немецкого фразеологизма *blauer Brief*. На материале примеров из немецкоязычных корпусов рассмотрены его современные модификации, проанализирован их семантический потенциал.

Ключевые слова: немецкий язык, фразеологизм, язык, культура, модификация.

Elena Karpenko,

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow*

Arina Kostrikina,

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow*

**MODIFICATION
OF THE PHRASEOLOGICAL UNIT *BLAUER BRIEF*
IN MODERN GERMAN**

Abstract. The article presents the etymological and lingo-cultural study of German phraseology *blauer Brief*. Its modern modifications were

examined and their semantic potential were analysed on the material of examples from corpora of German dictionaries.

Keywords: the German language, phraseology, language, modification, culture.

Традиционно «под фразеологической единицей понимается относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» [4, с. 4]. Однако в последние десятилетия ученые-лингвисты все чаще в своих работах доказывают, что в ряде случаев компоненты фразеологизмов обладают определенной семантической автономностью [1, с. 444]. Многие современные научные работы посвящены взаимосвязи между устойчивостью и изменчивостью во фразеологизмах. В теории выделяют две большие группы фразеологической вариативности: окказиональные и узуальные варианты. «Это противопоставление представляется весьма существенным для дальнейших рассуждений, так как при формулировании любых правил, описывающих возможности применения той или иной модификации, необходимо указывать, имеется ли в виду допустимое узусом образование форм данной идиомы или же нестандартная модификация ее структуры» [Там же, с. 450].

К узуальным вариантам традиционно относят такие модификации, которые не изменяют основное значение фразеологической единицы. Например, замена падежа именного компонента, видовые пары, вариации в выборе артикля, в выборе способа отрицания и лексические модификации с изменением одного из компонентов. К окказиональным вариантам относят модификации, которые меняют значение фразеологизма, и часто это сопровождается структурными преобразованиями. «Важно, что по виду модификации невозможно предсказать, является ли она узуальной или окказиональной, так как, с одной стороны, модификации могут восприниматься как стандартные, санкционированные узусом варианты идиом, с другой – как языковая игра» [Там же, с. 450–451].

В данной работе мы рассмотрим модификацию фразеологизма *blauer Brief* (переводится дословно – «синее письмо» [3, с. 177]).

Этимологический анализ показывает, что это выражение впервые появилось в XIX в. в Пруссии. Название письма происходит от голубого конверта прусских кабинетских (княжеских) указов, в которых

сообщалось о повышении, награждении или переводе на пенсию. С 1879 г. письма-сообщения в таких конвертах получали только военнослужащие высшего ранга [3, с. 178]. Непрозрачную, плотную бумагу для конвертов делали из старых тряпичных лоскутков, а также из списанной в утиль прусской военной формы, имеющей синий цвет, вошедший в историю как берлинская лазурь или прусский синий (*preußisches Blau*). Поэтому синий цвет был перенесен на производимую бумагу [DW.COM, 28.07.2020].

Поскольку сегодня синяя бумага должна быть специально окрашена из-за изменившегося способа производства, синие конверты стали дороги, поэтому, по крайней мере в Германии, они редко используются для важных документов. Но несмотря на это фразеологизм *blauer Brief* сохранился в немецком обиходе.

В современном немецком языке фразеологизм *blauer Brief* используют для обозначения письменного сообщения, информирующего или предупреждающего адресата о чем-либо. В немецко-русском фразеологическом словаре Д.Г. Мальцевой даны два определения: (разг.) «извещение об увольнении»; «письмо родителям из школы о неуспеваемости ребенка» [3, с. 177].

Рассмотрим каждое значение.

1-е значение, в котором чаще всего употребляется фразеологизм *blauer Brief*, — официальное письмо из школы родителям ученика, в котором им сообщают о серьезных школьных проблемах их ребенка (угроза отчисления, риск оставления на второй год обучения, проступки и т.д.) [dwds.de].

В Германии «синие письма» должны быть отправлены в соответствии с правилами федеральных земель. В Гессене, например, уведомление отправляется не позднее, чем за восемь недель до даты выпуска годового отчета. Однако в некоторых федеральных землях учителя не ограничены временными рамками, поэтому адресат не всегда может получить «синее письмо» в качестве своевременного предупреждения. Но отсутствие такого письма не означает, что вы обязательно перейдете в следующий класс [Brigitte, 22.04.2020].

В Австрии «синее письмо» — предварительное предупреждение. Такое письмо является мерой предосторожности и не означает потенциальных проблем у учеников. Каждый, кто получает отметку «удовлетворительно», является потенциальным кандидатом для системы

раннего предупреждения, так как есть риск того, что ученик в скором времени может получить отметку «неудовлетворительно». Также в Австрии «синие письма» отправляются, когда студенты накапливают слишком много часов пропуска, поскольку это также влияет на перевод в следующий класс. Такие предупреждения выдаются ученику в виде бланка, подписываемого родителями. Если ученик уже достиг 18-летнего возраста, он вправе подписать бланк самостоятельно [Brigitte, 22.04.2020].

Рассмотрим примеры употребления данного фразеологизма, предлагаемые корпусом DWDS:

Wenn in Deutschland die Versetzung eines Schülers gefährdet ist, erhalten seine Eltern einen blauen Brief, in dem das nahende Unheil angekündigt wird [Neue Zürcher Zeitung, 13.06.2008] – «Если в Германии возникает угроза того, что обучающийся не будет переведен в следующий класс, его родители получают уведомление («синее письмо»), в котором объявляется о надвигающейся “катастрофе”». (Здесь и далее перевод наш. – А.К.)

Wer schlechte Noten hat, bekommt einen blauen Brief mit der Warnung: Versetzung gefährdet [Süddeutsche Zeitung, 28.04.2008] – «У кого плохие оценки, тот получает синее письмо с предупреждением: перевод в следующий класс под угрозой».

2-е значение фразеологизма – письмо работодателя работнику, в котором он информируется о возможном или уже решенном увольнении [dwds.de].

Knapp 100 [Arbeitnehmer] hätten bereits die Kündigung erhalten, 57 erhielten den blauen Brief in den nächsten Tagen [Frankfurter Rundschau, 08.06.2000] – «Около 100 работников уже были уволены, а 57 получили синее письмо в течение следующих нескольких дней».

In dieser Woche nun mußten die Firmen blaue Briefe schreiben, um Hunderten von Ingenieuren zum 31 März zu kündigen [Die Zeit, 17.02.1967] – «На этой неделе компаниям пришлось написать синие письма, чтобы уволить сотни инженеров к 31 марта».

Данное определение было дано Д.Г. Мальцевой в немецко-русском словаре 2002 г. Однако в начале XXI в. в электронном словаре DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache) дефиниция понятия *blauer Brief* была изменена: «предупреждающее письмо, информирующее получателя о пренебрежении или нарушении им закона и об угрозе последствий». Предположительно таким образом получило расширение первое значение фразеологизма, обозначающее письмо-уведомление о неуспеваемости школьника.

Далее рассмотрим контекстные употребления именно этого значения фразеологизма, получившего в словаре DWDS расширенную трактовку.

В первом примере обращает на себя внимание множественное число фразеологизма и его написание в кавычках. Кавычки свидетельствуют о том, что фразеологизм употреблен в необычном значении, например в устаревшем или, наоборот, в новом:

Brüssel verschickte gestern <...> “blaue Briefe” u. a. nach Berlin, weil Deutschland zwei EU-Asylrichtlinien nicht fristgerecht in deutsches Recht übertragen hat [Bild, 11.02.2016].

В этом случае под фразеологизмом *blauer Brief* стоит понимать предупреждение, т.е. актуализируется то значение из DWDS, в котором фразеологизм получает расширительную трактовку. Поэтому будет корректно, если это предложение переведем следующим образом: «Вчера Брюссель рассылал... предупреждения, в том числе в Берлин, потому что Германия не внесла две директивы Евросоюза о предоставлении убежища в германское законодательство вовремя».

Это же значение актуализируется и в следующем примере: *Der EU-Finanzministerrat hat Frankreich wegen der schlechten Haushaltslage bereits mit einem blauen Brief abgemahnt [Der Tagesspiegel, 30.01.2003]* – «Совет министров финансов Евросоюза уже направил во Францию уведомление, чтобы предупредить о плохой бюджетной ситуации».

В пользу расширения значения фразеологизма говорит его использование в австрийском варианте немецкого языка. Данные об употреблении фразеологизма в Австрии были зафиксированы нами в одноязычном толковом словаре ÖW (Österreichisches Wörterbuch).

Rückscheinbrief (дословный перевод – «письмо-уведомление») – термин, использующийся для писем от властей в Австрии. Есть два варианта таких писем-уведомлений: *Rückscheinbrief a (RSa)* и *Rückscheinbrief b (RSb)*. Различаются они цветом конверта: письма *RSa* отправляют в синих конвертах, а письма *RSb* – в белых [Österreichische Post].

В нашей работе мы рассмотрим только вариант писем-уведомлений *RSa* (*RSa Brief, blauer Brief*). Эти письма в синих конвертах могут быть переданы получателям лично в руки или лицам, имеющим почтовую доверенность. Однако, при наличии пометы «Не вручать уполномоченным лицам» и в случае, если нет возможности доставить письмо-уведомление лично в руки получателю, документ будет депонирован в ближайшее почтовое отделение, а «уведомление о сдаче на хранение официального документа» будет оставлено в почтовый ящик [Österreichische Post].

Примерами писем *RSa* являются судебные письма (вызов в суд присяжных, решения по уголовным делам); административные (уголовные) дела (уведомления, административные санкции, сборы с водителя, штрафные санкции, решения о наказаниях); информация о защите данных от властей; приказы австрийских вооруженных сил. А также через такое письмо возможна активация карты гражданина Австрии [Österreichisches Wörterbuch].

В данном исследовании была показана модификация значения немецкого фразеологизма *blauer Brief*. Несмотря на то что данное выражение появилось в XIX в. и с тех пор изменилось, оно отчасти не потеряло свой смысл и сохранилось в обиходе немецкоговорящих стран. Главный смысл этого в настоящее время разговорного выражения — оповестить человека с помощью письма в синем конверте о необходимости взаимодействия с государственными организациями.

Литература

1. Добровольский Д.О. Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013.
2. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016.
3. Мальцева Д.Г. Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием. М.: Азбуковник; Русские словари, 2002.

4. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов. М.: Высшая школа, 1980.
5. <https://www.brigitte.de/leben/redwendungen/blauer-brief--ursprung-und-bedeutung-11767096.html>
6. <https://www.dw.com/ru/почему-немцы-боятся-синего-письма/a-54339302>
7. <https://www.dwds.de/wb/blauer%20Brief>
8. <https://www.oesterreichisch.net/wort/11874>
9. <https://www.post.at/g/c/behoerdenbrief-rsa-rsb-geschaeftlich#745229225>

DOI: 10.31862/9785426311954-90-96

Мещерякова О.А.,

*независимый исследователь,
Россия, г. Санкт-Петербург*

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА

Аннотация. Фразеологизм, выступая средством объективации художественного концепта, способен к выражению не только узально-го, но и окказионального содержания. В статье рассматривается, как с помощью идиомы *лебединая песня* в художественном дискурсе актуализируются понятийная и интерпретационная части концепта, его образный компонент, что обеспечивает реализацию коммуникативных задач автора.

Ключевые слова: фразеологизм; художественный концепт; образная, понятийная и интерпретационная части концепта; художественный дискурс.

Olga Meshcheryakova,

free explorer, Russia, St. Petersburg

PHRASEOLOGISM AS A MEANS OF OBJECTIFYING AN ARTISTIC CONCEPT

Abstract. Phraseologism acts as a means of objectification of an artistic concept. He is capable of expressing not only the usual, but also the occasional content. The article studies how the conceptual and interpretive parts of the concept, its figurative component are actualized with the help of the swan song idiom in artistic discourse. This ensures the implementation of the author's communicative tasks.

Keywords: phraseological unit; artistic concept; figurative, conceptual and interpretive parts of the concept; artistic discourse.

В XXI в., когда гуманитарные науки объединяются в изучении человека, антропоцентрическая парадигма обращает внимание на необходимость исследования ментальных структур, существующих в сознании *homo sapiens*. Когнитивная лингвистика берет на себя труд изучать те из них, что находят языковую манифестацию. Особое внимание уделяется концепту. Его формирование обусловлено рядом факторов, главнейшим из которых является дискурс, т.е. тип «речемыслительного образования событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами» [1, с. 248].

Общепризнанным стало выделение такого типа концепта, как художественный, – он отличается образностью, символичностью, «подчиняются прагматике художественной ассоциативности» [4, с. 45], что определяет ряд требований к выбору средств его объективации. В данной статье мы изучаем, в какой мере фразеологизм может взять на себя задачу вербализации концепта, содержание которого определяется индивидуально-авторским познанием мира.

Обратимся к фразеологизму *лебединая песня*, значение которого фиксируется в различных словарях следующим образом: ‘последнее яркое проявление чего-либо, проявление таланта, способностей’ [11, с. 158]; ‘о последнем наиболее значительном произведении, создании, последнем проявлении таланта писателя, художника и т.п.’ [3, с. 441]; ‘последнее произведение писателя, композитора’ [10]; ‘последнее проявление способностей, таланта’ [9, с. 318]. Приведенные выше толкования свидетельствуют, что фразеологизм *лебединая песня* служит средством объективации концепта «значительное творческое достижение человека в последние годы (дни, часы) его жизни». Данное ментальное образование представляет собой фрагмент гиперконцепта «Жизнь человека». Его когнитивными признаками являются признаки ‘деятельность человека’, ‘творчество’, ‘смерть’, которые в узусе формируют семантику фразеологизма.

В художественном дискурсе понятийное содержание концепта может соответствовать его содержанию при реализации в обыденном дискурсе, но может и трансформироваться. К примеру, изменения в информационной части концепта, номинируемого фразеологизмом *лебединая песня*, могут осуществляться под влиянием скептического

отношения автора к изображаемому. *Ничего не упомяну ни о мнишках в сметане, ни об утрибке, которую подавали к борщу... ни о том соусе, который есть лебединая песнь старинного повара...* (Н.В. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем). В авторском сознании писателя когнитивный признак 'творчество' становится периферийным, зато актуализируется признак 'деятельность человека по приготовлению пищи', поэтому фразеологизм обозначает приготовляемое поваром блюдо как произведение искусства и тем самым включается в формирование иронии. Ироничное отношение к своему персонажу также определяет изменение понятийного содержания художественного концепта. Например, у Ф.М. Достоевского *лебединая песня* обозначает речь прокурора и выступает синонимом к французской лексеме *chef-d'œuvre* («шедевр»): *Он считал эту речь за свой chef-d'œuvre, за chef-d'œuvre всей своей жизни, за лебединую песнь свою* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы). Здесь также когнитивный признак 'творчество' из ядра концепта перемещается в его периферийную зону, доминантным становится признак 'самооценка своей деятельности'. Несоответствие между объективированным понятийным содержанием концепта и узуальной семантикой языкового средства «провоцирует» комический эффект, поддерживаемый ближайшим контекстом, в котором высмеивается попытка человека соотносить себя с птицей-пророком: *Правда, девять месяцев спустя он и помер от злой чахотки, так что действительно, как оказалось, имел бы право сравнить себя с лебедем, поющим свою последнюю песнь, если бы предчувствовал свой конец заранее* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы). Таким образом, фразеологизм *лебединая песня* обеспечивает реализацию коммуникативных задач автора, выступая формой выражения понятийного содержания художественного концепта. Ментальная структура авторского сознания может по содержанию частично не совпадать со структурой конвенционального сознания, однако погружение фразеологизма в контекст помогает ему стать средством создания тропа и передать окказиональное содержание.

В структуре художественного концепта особенно важен ассоциативный компонент. Обусловленное индивидуально-авторским познанием мира, содержание этой части концепта зависит и от особенностей

национальной концептуализации. Особенно важно, положительно или отрицательно оценивается в русской языковой картине мира та сторона жизни, которая определяет переход свободного словосочетания во фразеологическое.

Для фразеологизма *лебединая песня* основой формирования ассоциативного смысла выступает аксиологическое содержание семантики его компонентов, обусловленное мировой и национальной культурой. Ассоциации, рождаемые компонентом-зоонимом *лебединый*, обусловлены мифологическими представлениями, закрепившимися в русской культуре, что позволяет говорить о русской традиции лебедя и ее символике. Вместе с тем культороносные смыслы *лебедя* как «символа возрождения, чистоты, целомудрия, гордого одиночества, мудрости, пророческих способностей, поэзии и мужества, совершенства, но и смерти» связаны также с мировой мифологией [8, с. 41]. Компонент *песня* как средство выражения представлений о гармонии также имеет универсальный характер. Вместе с тем представление о песне как основном способе существования музыки отражено в наибольшей частотности лексем *петь*, *песня* при объективации концепта «музыка» в русской поэзии [7, с. 8]. Осмысление пения и песни в русской культуре как особого способа выражения души, эмоционального состояния человека и всего его внутреннего мира закреплено речевыми формулами русской пословицы: *Голосу нету – душа поет; Не я пою – душа поет.*

Универсальные и национальные смыслы отдельных компонентов фразеологизма вкупе определяют глубинные ассоциации фразеологического сочетания в целом. Например, они мотивируют оценочную семантику. Так, положительная оценочная семантика фразеологизма *лебединая песня*, имплицитно присутствующая в его семантике, определяет употребление языковой единицы с целью высокой оценки творчества В. Шекспира: *...о тебе Эвонский лебедь спел / Звучнейшую из лебединых песен* (К.Д. Бальмонт. На отмели времен). Эта же семантика положительной оценки передана фразеологизмом *лебединая песня* при описании жизни и творчества русских поэтов в стихотворении Е.П. Ростопчиной, которое она создала при известии о гибели М. Лермонтова [6, с. 20]: *Не просто, не в тиши, не мирною кончиной, / Но преждевременно, противника рукой – / Поэты русские свершают*

жребий свой, / Не кончив песни лебединой! (Е.П. Ростопчина. Не трогайте ее, – зловецей сей цевницы!..). Кроме оценочной семантики, фразеологизм схватывает и передает другие дополнительные ассоциативные смыслы. Так, семантика, связанная с мифом о возрождении души человека в образе лебедя [8, с. 41], позволяет А.А. Блоку обратиться к фразеологизму *лебединая песня*, чтобы передать мысль о Вечной Женственности: *Спишь ты за дальней равниной, / Спишь в снеговой пелене... / Песни твоей лебединой / Звуки почудились мне* (А.А. Блок. Тихо вечерние тени).

Присутствующая в стихотворении трансформация фразеологизма *лебединая песня* в свободное сочетание *родная и знакомая песня* передают идею о взаимосвязи жизни и смерти, о бессмертии: *Нет, из господнего дома / Полный бессмертия дух / Вышел родной и знакомой / Песней тревожит мой слух* (А.А. Блок. Тихо вечерние тени).

Фразеологизм *лебединая песня* играет особую роль в формировании образной системы художественного текста. Образ как составляющая часть концепта определяется образом внутренней формы языковой единицы, так как образ есть нейролингвистическая база концепта [5, с. 75]. В нашем примере образ фразеологизма – «картина» поющего лебедя – является и образом концепта. Он рожден не столько благодаря зрительно-слуховому восприятию мира природы, сколько в силу его интерпретации, формирующей мифологему умирающего лебедя, который, взмывая к небу и солнцу, в последнюю минуту жизни издает крик, необыкновенно чудесный по красоте, и падает вниз. Как видим, образ фразеологизма как средства репрезентации – это «образ не отдельного предмета, а ситуации реальной действительности» [2, с. 365].

При семантизации концепта образ птицы, чудесно поющей перед смертью, привносит в семантику фразеологической единицы танатологические смыслы. Так, в уже анализируемом выше стихотворении Е.П. Ростопчиной присутствует не только семантика высокой оценки поэтического творчества русских поэтов, но и семантика трагедии, а именно трагической кончины русских поэтов, что сопряжено с образом, порожденным внутренней формой фразеологизма: *...Поэты русские свершают жребий свой, / Не кончив песни лебединой!* (Е.П. Ростопчина. Не трогайте ее, – зловецей сей цевницы!..).

Образ песни и образ лебеда как компоненты фразеологической ситуации «перед смертью» углубляют семантику фразеологизма, к примеру, содействуют объективации представлений о духовной силе: *Лебедь поёт только перед смертью, и песнь его неизъяснимо сильна. Это была лебединая песня его. Мне стало стыдно моего низкого чувства, но не завидовать ему я не мог. – О, если бы я мог создать такую песню!* (А.М. Федоров. Лебедь поет только перед смертью...).

Некоторые поэтические тексты реализуют образный компонент художественного концепта через наглядно-чувственное представление фразеологической ситуации. С этой целью совершается ее поэтическое развертывание, направленное на образную детализацию. Образ как часть концепта формируется под влиянием когнитивного оператора ‘вообрази, что, где, как, когда, почему’. Именно так реализуется художественный концепт в стихотворении В. Крутецкого «Лебединая песня». Это произведение, по словам известного лингвиста-фразеолога Валентина Ильича Зимина (В.И. Зимин. Воспоминания. С. 186–187), написано под впечатлением его разговора с автором стихотворения об этимологии фразеологизма *лебединая песня* и рассказа Зимина о его несостоявшейся встрече с погибшей в авиакатастрофе женой. Факт биографии ученого демонстрирует то, как осуществляется художественная когниция, в которой знание о языковой единице и знание жизни нераздельны. Жизненная и научная беседа сформировала в авторском сознании художественный концепт, в котором образный компонент был доминирующим. Индивидуально-авторское своеобразие реализованного в стихотворении образного компонента художественного концепта *лебединая песня* заключается во взаимодействии его с концептом *лебединая верность*, что ведет к специфике системы поэтических образов Лебеда, Лебедихи, лирического героя, а также к способу объективации концепта – с помощью целого текста, заглавием которого выступает фразеологизм.

Таким образом, фразеологизм как средство объективации концепта в художественном дискурсе актуализирует понятийный, ассоциативный и образный компоненты ментальной структуры, передавая не только узуальное, но и окказиональное ее содержание. Это определяет востребованность устойчивого сочетания как языкового средства, обеспечивающего эффективную реализацию авторского замысла.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии: монография. М.: Флинта; Наука, 2009. 341 с.
2. *Баско Н.В., Зимин В.И.* Спорт как источник фразеологизмов в дискурсе бизнеса и экономики // Пушкинские чтения-2018. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXIII Международной научной конференции. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 364–371.
3. *Бирих А.К.* Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. СПб.: Фолио-пресс, 1998. 700 с.
4. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Ключевые концепты в русской поэзии и способы их вербализации (фразеология) // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка: сб. науч. трудов по итогам Международной науч. конференции, приуроченной к юбилею Н.Ф. Алефиренко (11–12 января 2016 г.). Белгород: Эпицентр, 2016. С. 45–58.
5. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика: учеб. издание. М.: АСТ; Восток–Запад, 2007. 314 с.
6. *Романов Б.* Лирический дневник Евдокии Ростопчиной // Ростопчина Е.П. Стихотворения. Проза. Письма. М.: Советская Россия, 1986. С. 5–27.
7. *Сапрыкина В.И.* Национальная специфика языкового отражения концепта в художественной картине мира (на материале вербализации концепта «музыка» в русской и немецкой поэзии XIX–XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 23 с.
8. *Топоров В.Н.* Лебедь // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 41–42.
9. *Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова.* М.: Русский язык, 1986. 543 с.
10. *Шанский Н.М.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии / Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филиппов. М.: Русский язык, 1987. 237 с.
11. *Школьный фразеологический словарь / сост. М.И. Степанова.* Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 348 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-97-106

Савенкова Л.Б.,

*Южный федеральный университет,
Россия, г. Ростов-на-Дону*

**СИНТАГМАТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
КАК ФАКТОР КОРРЕКЦИИ
ИХ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ
(ЭТОТ СВЕТ И ТОТ СВЕТ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА)**

Аннотация. Существует мнение, что семантика фразеологической единицы (далее – ФЕ) осознается с опорой на поддерживающий ее образ, внутреннюю форму, и на парадигматические связи составного языкового знака. Однако анализ особенностей синтагматики и более широкого контекстного окружения ФЕ показывает, что сами такие парадигматические отношения интерпретируются вне контекста неточно. На примере анализа функционирования в прозе А.П. Чехова ФЕ *этот свет* и *тот свет* продемонстрируем, что они не являются антонимами в точном смысле этого термина.

Ключевые слова: фразеология, парадигматика, антонимия, синтагматика, художественный текст, Чехов.

Ludmila Savenkova,

*Southern Federal University, SFedU,
Russia, Rostov-on-Don*

**SYNTAGMATICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS
AS A CORRECTION FACTOR
FOR THEIR PARADIGMATIC CONNECTIONS
IN FICTIONAL DISCOURSE (*THIS WORLD
AND THAT WORLD* IN A.P. CHEKHOV'S PROSE)**

Abstract. There is an opinion that the semantics of a phraseological unit is conceived via the image that supports it, the so-called internal form.

In addition, the paradigmatic connections of a composite linguistic sign contribute to semantics. However, the analysis of the features of the syntagmatics of the phraseological unit taken in its broader context demonstrates that such paradigmatic relations themselves are interpreted inaccurately out of context. On the example of the analysis of phraseological units *this world* and *that world* in A.P. Chekhov's prose we show that these expressions are not antonyms in the strict sense of the term.

Keywords: phraseology, paradygmatics, antonymy, syntagmatics, literary text, Chekhov.

Фразеология как совокупность составных знаков отдельного языка, бесспорно, выступает как хранилище знаний о лингвокультуре и потому является богатным материалом для освоения российскими и иностранными обучающимися. Раскрытию ее семантики в немалой мере способствуют фразеологические словари. Сегодня в распоряжении преподавателей и студентов есть целый ряд таких лексикографических источников, хорошо известных в образовательном пространстве. Это справочные пособия, созданные под руководством А.И. Молоткова, В.П. Жукова, В.Н. Телия, Н.М. Шанского, В.М. Мокиенко, А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского и др. Солидную долю своего труда в создание таких словарей внес В.И. Зимин, часто выступая соавтором (см., напр., [4; 7; 8] и др.). При этом во многих статьях он подчеркивал, что для осмысления семантики ФЕ важно вникнуть в тот образ, который ее поддерживает (см., напр., [3]). Эту мысль отчетливо формулировали еще словесники XIX в.: И.М. Снегирев, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, но она несколько не утратила актуальности, именно поэтому В.И. Зимин, наряду с В.М. Мокиенко [12], был в числе пионеров фразеологической этимологии [17], столь важной для разъяснения значений русских ФЕ.

Думается, не менее значима и возможность понимания ФЕ через обращение к их парадигматическим связям, например в синонимических рядах, антонимических парах, фразеосемантических группах. Данное положение также освещалось во многих лингвистических штудиях (см. труды М.И. Сидоренко [13], Е.Н. Миллера [10], М.Л. Ковшовой [9], О.И. Авдеевой [1], А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [2]).

Но обращение к словарям позволяет увидеть только общие признаки значения ФЕ, а при использовании в речи высвечиваются и новые детали. Подобные семантические «довески» помогает раскрыть внешняя сочетаемость и более широкое окружение ФЕ (об этом см. [14]).

Именно текстовое пространство позволяет, в частности, осознать, что антонимичность для ФЕ не является полной даже в том случае, когда сами единицы квалифицируются как однозначные. В качестве конкретной иллюстрации данного положения рассмотрим функционирование в художественной прозе двух ФЕ – *тот свет* и *этот свет*, расцениваемых фразеологами как антонимы. В качестве материала исследования взяты первые 10 томов из 30-томного академического собрания сочинений А.П. Чехова [16]. Автор исследования осознает, что результаты проведенного анализа не могут дать ответа на вопрос, возникают ли добавочные элементы семантики двух единиц благодаря особенностям творческого мышления А.П. Чехова или они могут повторяться в художественных произведениях разных авторов (для этого необходимо кропотливое сопоставление целого ряда выборок из текстов нескольких писателей). Задача, которая ставится в данном изыскании, несколько проще: пронаблюдать, сохраняется ли бесспорная антонимичность ФЕ при их функционировании.

Во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А.И. Молоткова толкования упомянутых единиц зеркальны, ср.: «ТОТ СВЕТ. Загробный мир как противопоставление земному миру, жизни... ЭТОТ СВЕТ. Земной мир, жизнь как противопоставление загробному миру» [15, с. 412]. Заметим также, что других падежных форм в качестве отдельных ФЕ данный словарь не дает.

Соглашаясь с трактовкой опорных ФЕ *тот свет* и *этот свет* как антонимичных и признавая, что в них с лингвокультурных позиций противопоставление двух миров очевидно, все же надо заметить, что в их использовании в речи даже в одних и тех же падежных формах они не сохраняют полной противопоставленности. Более того, современные фразеологические словари фиксируют много выражений, в деривационную базу которых входят словосочетания *тот/этот свет* в формах род., вин. и предл. падежей, ср.: *на том свете, на этом свете, отправиться/уйти/отправляться на тот свет, покидать/покинуть этот свет, отправлять/отправить на тот свет,*

вытаскивать/вытащить с того света, возвращаться/вернуться с того света [15, с. 433–436]; *отправить/отправлять на тот свет, спроводить на тот свет, угонять на тот свет, отходить/отойти на тот свет, отправиться/отправляться на тот свет, убраться на тот свет, унести на тот свет, на том свете, на том свете колёса изломали – ищут, на том свете с фонарями ищут, расплатиться на том свете угольками, чтоб тебе на том свете без пристани приставать, чтоб тебе на том свете рюмку не выпить* [11, с. 598].

Для синтагматического анализа обратимся к чеховской прозе.

Этот свет воспринимается А.П. Чеховым как локус существования человека, при этом сам по себе, как и *тот свет*, в прозе писателя он в центр внимания не ставится: всего один контекст выводит ФЕ *этот свет* в позицию подлежащего: «Помню, я, как слепой, не видел ни моря, ни неба, ни даже беседки, в которой сидел, и мне представлялось уже, что весь *этот свет* состоит только из мыслей, которые бродят в моей охмелевшей от вина голове, и из невидимой силы, монотонно шумящей где-то внизу» [16, т. 7, с. 125]. Здесь *этот свет* – ‘окружающий человека мир’, и этот мир из материального перетекает в идеальное состояние – *состоит из мыслей*. Примечательно, что для персонажа, который погрузился в свои представления, по прошествии времени (когда он вспоминает об этом эпизоде и рассказывает о нем) объективная реальность выступает как пространственная природно-предметная сущность. *Этот свет* и во время описываемых событий, и во время рассказа о них видится рассказчику как место существования одного человека. Просто противопоставляются реальное (*море, небо, беседка*) и воображаемое (*мысли и невидимая сила*). Еще в одном произведении, гораздо более раннем, *этот свет* – пространство, которое приходится делить с другими людьми, ср.: «По приезде из Парижа в Вену Артур зажил отшельником. В одиночестве он мечтал об успокаивающем труде, проклинал *этот свет* с его людьми и, сам того не желая, вздыхал... о парижских кокотках» [16, т. 1, с. 324]. Здесь введение в окружение ФЕ распространенного несогласованного определения *с его людьми* подчеркивает, что *этот свет* – ‘пространство сосуществования индивидов’. Но и тут персонаж в свой *этот свет* не хочет впускать людей, они ему мешают.

Тот свет в подобной синтаксической позиции в чеховской прозе не упоминается (конечно, это не означает, что *тот свет* вообще не упоминается в художественной речи. В прозе XX–XXI вв. такие примеры встречаются, см. в «Национальном корпусе русского языка» (далее НКРЯ): «– Ты, Серафим, с виду умный дед, а чухню несёшь. Ты лучше скажи, *тот свет* существует? – А скоро сам увидишь, – загадочно пообещал Серафим» (А. Богдан, Г. Прашкевич. Человек «Ч» (2001)); «Для Достоевского, например, Америка – иное пространство, символ небытия, “тот свет”, куда, выстрелив себе в висок, отправляется Свидригайлов» (И. Волгин. Уйти ото всех. Лев Толстой как русский скиталец (2010)). Правда, в материале обнаружилось 10 употреблений выражения *на тот свет* в форме винительного падежа, формально, за счет введения в его состав предлога *на*, указывающего на перемещение человека из одного мира (мира живых) в другой, загробный, и трех употреблений в родительном падеже с предлогом *с* – *с того света*. Почти все они используются в сочетании с глаголами перемещения (*уносить, отправить / отправлять, отправиться, уходить, проваливать*) или с глаголами, которые контекстуально транслируют эту идею как добавочную, хотя сами в упомянутую группу и не включаются, ср.: «Я ему и говорю: “Отвали-ка, тёзка, голодающим тысяч сто или двести. Всё равно помирать будешь, *на тот свет с собой не возьмёшь*”» [16, т. 7, с. 467]. Все тринадцать контекстов отражают сознание персонажей. Однако лишь в пяти примерах можно в той или иной мере быть уверенными в том, что чеховские герои предполагают существование *того света* и, соответственно, продолжение существования там умершего человека в некой новой ипостаси, ср. реплику отца Федора в повести «Степь»: «Конечно, если чернокнижие, буюсловие или духов *с того света вызывать*, как Саул... то лучше не учиться» [Там же, с. 98] или переданные в форме несобственно-прямой речи мысли семилетнего мальчика в рассказе «Дома»: «*Смерть уносит на тот свет матерей и дядей*, а их дети и скрипки остаются на земле. Покойники живут на небе где-то около звёзд и глядят оттуда на землю. Выносят ли они разлуку?» [16, т. 6, с. 101]. В восьми остальных примерах окружение ФЕ противоречит синтагматике: ФЕ управляется глаголом движения *отправиться*, но сами контексты не подразумевают убежденности персонажей

в существовании загробного мира, а лишь указывают на констатацию факта прекращения биологического бытия живого существа. Здесь возможно внесение информации о способе обрывания жизни, но о попадании на тот свет персонаж не думает, ведь в противном случае он должен был бы вспомнить, что ему придется отвечать за грех самоубийства, а здесь персонаж считает, что мучения могут оборваться именно с прекращением его жизни, ср.: «– Жизнь отвратительна! – продолжал он. – Мерзость её есть её закон, непоколебимый, постоянный!.. Она дана человеку в наказание за его пошлость... Милая красотка! Если бы я так глубоко не сознавал своей пошлости, я давно бы *отправился на тот свет. Хватило бы пуль...* Мучайся, говорю себе, Артур! Ты достоин этих мучений! Получи, Артур, должное!» [16, т. 1, с. 308]. В другом произведении *отправить на тот свет* также означает ‘лишить жизни’: «– А кто Маланью *на тот свет отправил?* Вы дали ей слабительного, потом крепительного, а потом опять слабительного, она и не выдержала. Вам не людей лечить, а, извините, собак» [Там же, с. 97].

Становится очевидным, что антонимичность стирается, поскольку в упомянутых формах противопоставленность двух миров заменяется соотносением существования человека в окружающей его реальности и прекращения такого существования здесь же. Отметим, кстати, что с упомянутыми 13 употреблениями ФЕ *тот свет* с предлогами *на* и *с* в чеховской художественной прозе соотносится всего одно употребление с прилагательным *этот* – *с этого света (уйти)*, причем в контексте оно не передает мысли о переселении души *на тот свет*, а указывает лишь на желательность разрешения конфликтной ситуации естественным путем. В рассказе повествуется о священнике, поведение которого порочит сан и подрывает авторитет церкви в глазах прихожан; помощник епископа отец Федор знает, что должен наказать священника, но, испытывая к нему жалость, думает: «Самое лучшее, что мог бы сделать теперь отец Анастасий, это – как можно скорее умереть, навсегда *уйти с этого света*» [16, т. 6, с. 155]. Добавим, что в этой неравновесности употребления ФЕ *тот свет* и *этот свет* с предлогами, вносящими образ перемещения, А.П. Чехов следует общей речевой тенденции: в НКРЯ (Основной корпус) вариант *с этого света* обнаружился в 34 контекстах, а *с того света* – в 646. Однако

суммарное сопоставление употребления ФЕ *тот свет* и *этот свет* в косвенных падежах в текстах Основного корпуса НКРЯ и в текстах Чехова такого соответствия не выявляет. Если в НКРЯ упоминания об этом свете составляют около 24%, то в чеховской прозе на них приходится почти 72%.

Обе ФЕ естественным образом обозначены в прозе А.П. Чехова именно как локусы, поэтому их маркировка осуществляется в форме предложно-падежных сочетаний *на этом свете* (96 раз) и *на том свете* (26 раз). Поскольку чеховские герои живые (не умершие), понятно, что автора локус *на этом свете* занимает гораздо в большей степени, чем локус *на том свете*.

Особенности семантики варианта ФЕ *на этом свете* можно выявить с помощью ее сочетаемостных особенностей.

В целом А.П. Чехов сосредоточивает внимание на том, кто и что заполняет локус, сообщает об общих закономерностях его существования, делает акцент на неравновесности обнаруживаемых тут ценностей, о характере событий и сопровождающих существование человека ощущений и эмоциональных реакций, подчеркивает разность самой жизни отдельных людей, исполняемых ими ролей, а также чрезвычайной сложности устройства самого *этого света*.

Пребывание *на этом свете* подчинено общим закономерностям, не зависящим от самого человека, о чем свидетельствует включение ФЕ в конструкции с предикатом в форме настоящего времени со значением абстрактного настоящего и с исключением указания в предложении на человека как деятеля. В этих конструкциях в роли подлежащего выступают местоимения *всё, никто, ничто*, ср.: *всё кончается на этом свете* [16, т. 9, с. 182]; *всё наказывается на этом свете* [Там же, т. 1, с. 446]; *на этом свете ничто не случайно* [Там же, т. 10, с. 15] и т.п. (всего 15 контекстов). Однако в то же время индивиды *на этом свете* ставятся в различные условия и проживают свои жизни неодинаково, о чем сигнализируют разнообразными маркерами ограничений в существовании или специфики состояний индивидов: *где-то, у каких-то людей, есть другая жизнь, недолго, нелегко, очень горько* и т.д., ср.: *где-то на этом свете есть жизнь чистая, изящная, поэтическая* [Там же, т. 6, с. 295]; *недолго ещё протянет на этом свете* [Там же, т. 10, с. 207]; *счастливее его*

никого нет на этом свете [16, т. 1, с. 175]; *есть люди несчастнее её* [Там же, с. 65] и др.

Локус *на этом свете* может становиться местом позитивного или негативного мировосприятия, тогда рядом с ФЕ обнаруживается оценочный предикат (в составе односоставного или двусоставного предложения): *прекрасно, умно, приятно, хорошо, важно* или *старо, скучно, вздор, тоска, гадко, глупо, не годится, творится, грустно*. Факультативно появляются местоимение *всё* или наречие *как*, выполняющие функцию интенсификатора, ср.: *всё на этом свете вздор и суета сует* [16, т. 8, с. 120]; *Как всё пошло, гадко и глупо на этом свете!* [Там же, т. 2, с. 91]; *всё, что делается на этом свете, всё прекрасно и умно* [Там же, т. 7, с. 268]; *Хорошо жить на этом свете! Важно!* [Там же, т. 1, с. 434] и др. (13 примеров).

Локус *на этом свете* проявляет себя как место существования ценностей и антиценностей. В этих случаях ФЕ помещается в предложение рядом с маркирующими их абстрактными существительными (*гордость, любовь, неправда* и т.п.) или – реже – словами других частей речи (*спешить, быть зубастой*), а также со словами, указывающими на существование, процесс жизни (*жить, прожить*), проявления внимания, интереса (*интересовать, занимать, неинтересно* и т.п.), ср.: *без гордости на этом свете не проживёшь* [Там же, т. 2, с. 379]; *на этом свете нет надобности спешить* [Там же, т. 8, с. 48]; *Разве можно на этом свете не быть зубастой?* [Там же, т. 2, с. 63] и др.

В противоположность этому о локусе *на том свете* в силу отсутствия достоверной информации о нем в сознании у чеховских персонажей формируются два мнения.

Согласно первому, в восьми контекстах локус *на том свете* выступает предположительным местом продолжения существования человека, фактически не отличающегося от жизни *на этом свете*. Об этом свидетельствуют последовательные упоминания обоих миров, сопоставленных в одном аспекте, ср.: *не будет мне спасения ни на этом, ни на том свете* [Там же, т. 6, с. 94]; *нет нам счастья ни на том, ни на этом свете* [Там же, т. 10, с. 121]; *чтоб мне ни на том, ни на этом свете счастья не было* [Там же, т. 6, с. 113]. В ряде других контекстов ФЕ *на том свете* подчиняется сказуемому, описывающим вполне земные действия и состояния: *молилась за меня на том свете*

покойница маменька [16, т. 9, с. 140]; *на том свете*, в той жизни мы будем вспоминать о далёком прошлом, о нашей здешней жизни с таким же чувством [Там же, т. 10, с. 195]; богатому и *на том свете ладно* [Там же, т. 10, с. 121].

Второе мнение указывает на локус *на том свете* как на место воздаяния каждому по заслугам. Из 17 фрагментов, заключающих в себе такую идею, всего четыре демонстрируют надежду на улучшение положения за счет сочетания обстоятельственной ФЕ с грамматической основой, включающей слова *лучше, легче, праздник, счастливы*, ср.: для нас же *на том свете лучше будет* [Там же, т. 5, с. 408]; *на том свете легче будет* [Там же, т. 1, с. 386]; зато *на том свете будет наш праздник* [Там же, т. 8, с. 121]; зато *на том свете вы будете счастливы* [Там же, т. 10, с. 121]. Остальные 13 употреблений либо соединяют ФЕ со стандартным описанием вида наказания грешника: *На том свете ты будешь гореть в аду!* [Там же, т. 7, с. 82]; *на том свете черти будут поджаривать его на углях за беспутную жизнь* [Там же, т. 8, с. 159]; либо включают ФЕ во фразеологизированную синтаксическую конструкцию зложелания: *Чтоб у неё на том свете черти язык вытянули!* [Там же, т. 6, с. 231]; *Чтоб тебя на том свете так дернуло!* [Там же, с. 374] и т.п.

В целом дробность характеристик *этого света*, описание его населенности, заполненности предметами, субъектами, их состояния, качества и функционального многообразия в отличие от *того света* как места избирательно возможной деятельности либо места получения оценки поведения или поступков индивида на этом свете сужает возможность использования ФЕ *этот свет* и *тот свет* как напрямую противопоставляемых языковых единиц.

Литература

1. Авдеева О.И. Фразеосемантическая группа «утверждение – отрицание»: структурно-семантический аспект. Майкоп: Аякс, 2003. 126 с.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии: краткий курс: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА; Наука, 2013. 307 с.
3. Баско Н.В., Зимин В.И. Образ фразеологизма как проблема словарной дефиниции во фразеологическом словаре // Русская лексикография XXI в.: проблемы и способы их решения: материалы докладов и сообщений

- Международной научной конференции, 12–14 декабря 2016 г. М. [и др.]: Нестор-История, 2016. С. 34–37.
4. *Баско Н.В., Зимин В.И.* Фразеологический словарь русского языка: 5–11 классы: 1000 фразеологизмов, значение, употребление, история происхождения. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2017. 412 с.
 5. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
 6. *Васильев А.И.* Фразеологическая антонимия в произведениях М.А. Шолохова // Известия Смоленского гос. ун-та. 2014. № 3 (27). С. 36–41.
 7. *Зимин В.И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений: более 22 000 пословиц, поговорок, молвушек, присловий, приговорок, присказок, загадок, примет, дразнилок, считалок. М.: АСТ-ПРЕСС; АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 729 с.
 8. *Зимин В.И., Спиринов А.С.* Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь. 4-е изд., стер. М.; Ростов на/Д.: Цитадель Феникс, 2008. 590 с.
 9. *Ковинова М.Л.* Опыт семантического поля в описании идиом // Фразеография в Машинном фонде русского языка: сб. статей / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1990. С. 80–88.
 10. *Миллер Е.Н.* Природа лексической и фразеологической антонимии. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 221 с.
 11. *Мокиенко В.М.* Образы русской фразеологии. Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 280 с.
 12. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
 13. *Сидоренко М.И.* Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке. Л.: ЛГПИ, 1982. 108 с.
 14. *Тагиев М.Т.* Глагольная фразеология русского языка (опыт изучения фразеологических единиц по окружению). Баку: Маариф, 1966. 250 с.
 15. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1987. 543 с.
 16. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 1–10. М.: Наука, 1974–1977.
 17. *Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Русский язык. 1987. 240 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-107-113

Серебрякова С.В.,

*Северо-Кавказский
федеральный университет,
Россия, г. Ставрополь*

Раловец А.В.,

*Северо-Кавказский
федеральный университет,
Россия, г. Ставрополь*

**КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В РОМАНЕ БОРИСА АКУНИНА
«ЛЕВИАФАН»**

Аннотация. В статье рассматриваются когнитивные особенности функционирования фразеологизмов. Материалом для исследования послужил детективный роман Бориса Акунина «Левиафан», насыщенный большим количеством фразеологизмов, выполняющих различные функции и выступающих значимым лингвопрагматическим маркером идиостиля писателя. Фразеологизмы участвуют в создании художественной картины мира Бориса Акунина, придают произведению образность, экспрессивность, отражая индивидуально-авторское мировидение. Анализ показал, что роман характеризуется синтезом элементов массовой литературы и постмодернистских приемов. Тонкое понимание образной ситуации, создаваемой фразеологизмами, позволяет раскрыть замысел автора, установить концептуально значимые смыслы и определить оценочную характеристику описываемых событий. Это обуславливает интерпретационную важность когнитивного анализа фразеологизмов, позволяющего раскрыть их сложную природу, а также определить их участие в создании образной картины мира произведения.

Ключевые слова: детективная проза, фразеологическая единица, когнитивный анализ, трансформация фразеологизма, концепт.

Svetlana Serebryakova,

*North-Caucasus Federal University,
Russia, Stavropol*

Anna Ralovets,

*North-Caucasus Federal University,
Russia, Stavropol*

COGNITIVE ASPECTS OF THE FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE NOVEL BY B.A. AKUNIN “LEVIATHAN”

Abstract. The article considers the cognitive features of the functioning of phraseological units. The material for the study is the detective novel by B. Akunin “Leviathan”, full of a large number of phraseological units that perform various functions and act as a significant linguo-pragmatic marker of the writer’s idiosyncrasy. Phraseological units participate in the creation of Boris Akunin’s art world view, give the work imagery, expressiveness, reflecting the individual author’s worldview. The analysis showed that the novel is characterized by a synthesis of elements of mass literature and postmodern techniques. A subtle understanding of the figurative situation created by phraseological units allows to reveal the author’s intention, establish conceptually significant meanings and determine the evaluative characteristics of the described events. This determines the interpretative importance of cognitive analysis of phraseological units, which allows to reveal their complex nature, as well as to determine their participation in the creation of a figurative world view of the work.

Keywords: detective prose, phraseological unit, cognitive analysis, transformation of phraseological unit, concept.

Детективная проза занимает особое место в современном мире. Специфика читательской аудитории и внутренняя природа детективного жанра определяют востребованность произведений детективного содержания. Детективу как тексту свойственны стереотипность структуры, отсутствие пространных описаний, а также динамичный сюжет [5, с. 75]. Данный текст характеризуется достаточно жесткими

жанрово-тематическими канонами, детективным сюжетом, эстетическими шаблонами и содержательно-композиционными стереотипами, которые формируют в сознании читателя «жанровые ожидания» [7, с. 169].

Детективы носят развлекательный характер и относятся к массовой литературе, целевой аудиторией которой являются читатели, стремящиеся погрузиться в увлекательный сюжет тайны. Однако современного читателя становится все труднее заинтересовать традиционными сюжетами, поэтому писатели-постмодернисты стремятся раздвинуть канонические рамки детектива путем трансформации общепринятой жанровой модели. Наиболее ярко данная тенденция проявляется в творчестве популярного российского писателя Бориса Акунина, роман которого «Левиафан», посвященный разгадке убийств на корабле, послужил материалом данного исследования. Произведение является «герметичным детективом»: круг подозреваемых четко обозначен с самого начала повествования. При этом, как отмечает О.Ю. Осьмухина, «произведениям данного писателя свойственен синтез элементов массовой литературы с постмодернистскими приемами» [6, с. 133]. Для рассматриваемого детектива характерна реализация принципа «двойного кодирования и повышенная семиотическая нагрузка» [2, с. 5].

Экспрессивность и смысловая насыщенность обеспечиваются в данном детективе, наряду с другими выразительными средствами, фразеологическими единицами разной структуры и семантики. Употребление фразеологизмов, создающих образность повествования, делает детектив открытым для последующего переосмысления. Фразеологизмы, функционируя в тексте, участвуют в создании языковой картины мира художественного текста, придавая ему специфический национально-культурный колорит, а также особую экспрессивность.

Тонкое понимание образной ситуации, создаваемой фразеологизмами, позволяет раскрыть замысел автора, выявить концептуально значимые имплицатуры. Использование процедур когнитивного анализа текстовых фразеологизмов способствует раскрытию их сложной природы, определению их смысловой и функциональной нагрузки в создании образной картины мира произведения. Решение многих актуальных вопросов этнокультурного своеобразия, образной

мотивированности фразеологизмов становится возможным в рамках когнитивного подхода. Данное направление позволяет полноценно, в том числе и в динамике, интерпретировать фразеологические единицы, участвующие в создании образно-оценочной картины мира конкретного произведения за счет их экспрессивности, эмотивности, национальной специфики и стилистического разнообразия.

Когнитивный анализ фразеологизмов позволяет не просто обнаруживать метафорическую номинацию того или иного явления, но и раскрыть смыслы, формирующие образное содержание фразеологизма. Когнитивный аспект функционирования фразеологизмов напрямую связан с обращением к существующей в мышлении понятийной категории. Фразеологизм как языковой знак формирует концепт, конструируя при этом наиболее типичный образ ситуации, который связан с этим концептом. Константной языковой картиной мира в значении фразеологизма является образ ситуации, так как он объединяет мышление восприятие и язык. Личность читателя во многом объясняет появление особых ассоциаций, которые сопровождают существование фразеологизмов в контексте, формирующих образные ситуации. Во фразеологии играют главную роль признаки, ассоциации, атрибуты, которые гиперболизируются.

Для данного исследования наибольший интерес представляет теория Д.О. Добровольского и А.Н. Баранова, посвященная концептуальному моделированию актуального значения идиомы. В данной теории когнитивное моделирование значения идиомы рассматривается как формализованное представление этого процесса с помощью операций над фреймами и самих фреймов [3, с. 3]. Согласно Д.О. Добровольскому и А.Н. Баранову, в качестве источника формирования идиоматического значения выступают не значения слов-компонентов, а связанные с этими словами фреймы и сценарии, таким образом, предлагается описывать значения идиом как результат концептуальных преобразований. Соотнесенность в идиомах внутренней формы и актуального значения обуславливает двойственный характер рассматриваемых ситуаций.

Для подтверждения наших обобщений обратимся к иллюстративным примерам. Реджинальд Милфорд-Стоукс пишет в письме про свою возлюбленную Бланш следующее: *«Взять хоть меня и мою*

Бланш. *Тридцать три года прожили душа в душу, пуговка в петельку*» [1, с. 38].

Концепт «Душа» является ментально-когнитивной доминантой русской фразеологической картины мира. Он репрезентируется совокупностью однокорневых лексем и фразеологизмов, различных по своей семантической и деривационной структуре, но обязательно содержащих лексему «душа» или ее дериват. Во фразеологии *душа* характеризуется как «посредник» между человеком и Богом, представляя собой личную и закрытую для посторонних территорию, тонкую и нежную субстанцию. Реджинальд Милфорд-Стоукс и Бланш жили 33 года *душа в душу*, т.е. очень дружно, в полном согласии, но потом его жена погибла. Это испытание, которое устроила ему судьба, оказалось слишком тяжелым. Реджинальд начал вести вымышленную переписку со своей возлюбленной и, согласно Эрсту Фандорину, его, возможно, ждал *распад* собственной *души*. Таким образом, в данном случае фразеологизм *душа в душу* дает понять читателю, насколько были близки двое влюбленных, что, в свою очередь, объясняет, почему Реджинальд начал сходить с ума. Далее мы можем наблюдать функцию трансформации фразеологизма, придающую детективному сюжету юмор: фразеологизм расширяется за счет словосочетания *пуговка в петельку*. В данном случае можно говорить об «особой коммуникативно-прагматической целеустановке на создание эффекта, вызывающего у читателя удовольствие в виде смеха» [4, с. 74].

В следующем примере речь идет о ситуации удивления, которое «появляется» неожиданно, когда человек погружен в другие мысли. Научное представление об удивлении почти полностью совпадает с его бытовым видением. Мимическое выражение удивления – высоко поднятые брови, округленные и расширенные глаза. Таким образом, человека, находящегося в ситуации удивления, легко узнать по его мимике. Когда Кларисса Стамп собирается сделать признание комиссару Гошу, это застаёт его врасплох, поэтому он *удивленно хлопает глазами* [1, с. 185]. Этот фразеологизм позволяет полнее раскрыть авторскую картину мира, так удивление комиссара Гош противопоставляется гениальности Эрста Фандорина, который знал, что именно происходило.

Таким образом, если Фандорин принимал решения довольно быстро, был уверен в своем выборе, то комиссар Гош контролировал ситуацию довольно плохо: *видно было, что всюю ворочает мозгами, решает, как быть* [1, с. 50]. Данный фразеологизм относится к грубо-просторечной лексике, за счет этого создается необходимый комический эффект.

Эмоции смущения и стыда, которые связаны с определенными этическими и нравственными категориями, также являются релевантными для русской лингвокультуры. Наиболее распространенным способом вербализации внешнего проявления стыда и смущения является **описание покраснения лица**: *А что это вы, сударыня, золотого кита ни разу не наденете? Что вы думаете? Залилась краской почище «японского дворянина»... Врёт* [Там же, с. 21].

В данном примере глагол *краснет* служит для характеристики данного аспекта мимики и непосредственно связан с силой переживаемого эмоционального состояния Клариссы Стамп. Автор, используя фразеологизм *залиться краской* дает читателю понять, что Клариссе Стамп было что скрывать. Таким образом, реципиент может начать сильнее подозревать ее в убийстве.

В следующем примере можно наблюдать замену компонентов фразеологизма: *Псих метнул в неё испепеляющий взгляд, разбившийся о встречный – лучистый и безмятежный* [Там же, с. 41].

В данном случае трансформируется фразеологизм *бросить взгляд*, который означает «быстро посмотреть», «взглянуть мельком». Глагол *бросить* заменяется на более экспрессивный *испепелить*, это наполняет текст новыми смысловыми оттенками. Здесь происходит также распространение фразеологизма, включение в него нового слова *испепеляющий*, что, в свою очередь, повышает выразительность. У читателя складывается впечатление, что Реджинальд очень эмоциональный человек, способный на необдуманные поступки.

Таким образом, фразеологизмы участвуют в создании картины мира произведения Бориса Акунина, придавая ему специфический русский национально-культурный колорит, а также эмоциональность, экспрессивность и оценочность. Использование фразеологизмов придает произведению яркость, экспрессивность, образность, оригинальность, способствует созданию неповторимого авторского стиля Бориса Акунина. При этом произведению свойствен синтез элементов массовой литературы с постмодернистскими приемами.

Литература

1. Акунин Б. Левиафан. М.: Захаров, 2018. 240 с.
2. Амусин М. Чем сердце успокоится. Заметки о серьезной и массовой литературе в России на рубеже веков // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 5–45.
3. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Концептуальная модель значения идиомы // Когнитивные аспекты лексики: Немецкий язык: сб. науч. трудов. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1991. С. 3–13.
4. Бондаренко В.Т. О смеховой функции русской фразеологии // Русский язык в школе. М.: Наш язык. 2001. № 3. С.74–76.
5. Марусенко Н.М., Скребцова Т.Г. Типичное и нетипичное в структуре детектива // Мир русского слова. 2013. № 4. С. 74–79.
6. Осьмухина О.Ю. Специфика авторской стратегии Бориса Акунина: жанровый аспект // История русского литературного процесса XI–XX вв. и закономерности его развития на современном этапе: электрон. сб. ст. по материалам III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции / под ред. М.И. Журиной. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2016. С. 133–139.
7. Серебрякова С.В., Кравцова А.В. Жанрово-тематические и прагматические особенности рассказов детективного жанра // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 1. С. 164–170.

DOI: 10.31862/9785426311954-114-120

Цветаева Е.Н.,

*Московский государственный
лингвистический университет,
Россия, г. Москва*

Соколова М.П.,

*Московский государственный
лингвистический университет,
Россия, г. Москва*

ФРАЗЕООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛАТИНСКОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ *PUNKT* В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические единицы немецкого языка с заимствованным компонентом *Punkt*. Предпринимается попытка выявить мотивы появления данного элемента в составе фразем, а также установить взаимосвязь между процессами ассимиляции заимствования и процессами фразеологизации. Предполагается, что развитие многозначности данной лексики является основанием для раскрытия ее фразеологического потенциала.

Ключевые слова: заимствование, многозначность, фразема, фразеологизация.

Elena Tsvetaeva,

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow*

Marina Sokolova,

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow*

PHRASE-FORMING POTENTIAL OF LATIN BORROWING *PUNKT* IN GERMAN

Abstract. The article deals with the phraseological units of the German language with a borrowed component *Punkt*. An attempt is made to identify

the motives for the appearance of this element in the composition of set phrases, as well as to establish the relationship between the processes of borrowing assimilation and the processes of phraseologicalization. It is assumed that the development of the polysemy of this lexeme is the basis for the disclosure of its phraseological potential.

Keywords: borrowing, polysemy, set phrase, phraseologization.

Функционирование заимствований всегда представляло особый интерес для многих исследователей, который вызван разной степенью приспособления иноязычных элементов к нормам языка-реципиента. Говоря о заимствованиях в немецком языке, следует отметить многообразие иноязычной лексики, связанное прежде всего с интеграционными процессами в определенные эпохи. В исторической перспективе самым большим фондом заимствований принято считать греко-латинский, языками-донорами с меньшей степенью «интенсивности», но тем не менее образующими существенный пласт иноязычной лексики, являются французский и итальянский. В настоящее время основным каналом проникновения интернациональной лексики в немецкий язык являются англоязычные заимствования.

В отличие от лексической системы, где заимствование функционирует как самостоятельная, элементарная единица языка, семантический потенциал заимствования в полной мере раскрывается во фразеологии. Войдя в состав фразеологической единицы, заимствованная лексема подвергается определенным семантическим трансформациям, порой приобретая новые значения, и определенным образом ассимилируется. Говоря об ассимиляции заимствований на фразеологическом уровне, мы понимаем ассимиляцию как способность принимающей фразеологической системы «усваивать» заимствования по ряду формально-функциональных характеристик и адаптировать их в соответствии с исконным фразеологическим окружением. Данное положение не вполне правомерно применять в отношении фразеологической кальки, поскольку при фразеологическом калькировании заимствованная единица формально полностью соответствует нормам языка-реципиента и является для него новой единицей номинации. Заимствованные элементы в составе фразеологических единиц, напротив, характеризуются разной степенью ассимилированности с точки зрения формального и содержательного аспектов.

Если судьба фразеологических калек часто становилась предметом рассмотрения многих фразеологов, то бытованию лексических заимствований в новых фразеологических условиях до сих пор не было уделено достаточного исследовательского внимания. Однако существуют работы, посвященные отдельным заимствованным элементам в составе фразем, где исследователи приходят к некоторым выводам. Так, установлено, что основным механизмом развития новых значений у одной из лексем является метонимия, которая «ведет не только к увеличению количества значений самой лексемы, но и к развитию вторичной (фразеологической) номинации» [2, с. 113]. Но стоит отметить, что кроме метонимического сдвига вторичное значение может возникать и вследствие метафорического переноса.

Лексема *Punkt* пришла в немецкий язык из латинского *punctum*, которое представляло собой субстантивированное существительное, образованное от причастия прошедшего времени латинского глагола *pungere* («колоть»). Примечательно, что латинская форма до сих пор находит свое отражение в выражении (*und damit Punktum!* в значении «с этим делом покончено!»). Собственным значением латинского слова являлось «укол, место укола» (*das Gestochene, Stich*), а частными значениями – «маленькое отверстие, сделанное уколом; дыра; знак, выгравированный на восковой табличке» (*durch Stechen hervorgebrachte kleine Öffnung, Loch, auf die Wachstafel eingestochenes Schriftzeichen*). Позже развились и такие значения, как «часть рукописи; знак квадратного корня; метка; что-л. мельчайшее; момент» (*Abschnitt eines Schriftstücks, Würfelzeichen, Merkzeichen, das denkbar Kleinste, Augenblick*), в позднелатинском слово приобрело значение «знак препинания» (*Satzzeichen*).

Некоторые значения были заимствованы и немецким языком. Так, немецкое *Punkt* стало называть различные объекты и явления действительности, которым присуща общая характеристика, – все они имеют четкие пространственные или временные границы, отличаются некой оформленностью, завершенностью:

- 1) *winziger Fleck, Tupfen* («маленькое пятно; крапинка»);
- 2) *sehr kleines schriftliches Zeichen* («знак препинания на письме»);
- 3) *bestimmte Stelle, bestimmter Ort* («определенное место»);

- 4) Gegenstand der geistigen Beschäftigung oder Auseinandersetzung innerhalb eines größeren Themenkomplexes («предмет дискуссии в рамках широкого контекста»);
- 5) einzelner Abschnitt innerhalb eines gegliederten Ganzen («отдельно взятый отрезок в составе целого»);
- 6) bestimmter Augenblick, Zeitpunkt («определенный момент; промежуток времени»);
- 7) Bewertungseinheit in manchen Sportarten und Spielen, auch bei manchen schriftlichen Prüfungsarbeiten («единица оценки в некоторых видах спорта и играх, а также в некоторых письменных экзаменационных работах») [3].

Многозначность данной лексемы объясняется необходимостью называть и дифференцировать отдельные элементы в рамках какого-либо единства, будь то вершина горы (*der höchste Punkt des Berges*), очко в волейбольном матче (*der Punkt beim Volleyballspiel*), пункт договора (*der Punkt des Vertrags*), точка в конце предложения (*der Punkt am Ende des Satzes*) или тлеющая сигарета (*der glühende Punkt der Zigarette*).

Что касается слова *Punkt* именного как компонента фразем, то оно оказалось очень продуктивным с точки зрения своего фразеобразовательного потенциала. Объяснением этому служит развитие у данной лексемы многозначности.

Одной из наиболее продуктивных предметных сфер, послуживших семантическим мотивом для развития большого количества фразем, является письмо, а вместе с ним и потребность в дифференциации и обособлении его отдельных частей. Речь может идти об отдельных буквах: *das Pünktchen / der Punkt auf dem i* («точка над “и”»). Данная фразема связана с частыми буквенными сокращениями, как, например, отсутствие точки над *i*. Про работу, которая выполнена в совершенстве и не требует никаких изменений, говорят: *da fehlt nicht das / kein Pünktchen auf dem i* (букв. «там не пропущена точка над “и”»). Многоточие (*drei Punkte*) оказалось очень удобным знаком не только для обозначения логического или содержательного разрыва в тексте, но и для замены отдельных слов: *ein Wort / ...durch drei Punkte ersetzen* (букв. «заменить слово тремя точками», когда речь идет о чем-то неприличном). В устойчивом выражении *ohne Punkt und Komma*

sprechen/reden (букв. «говорить без точки и запятой» – болтать без умолку) точка и запятая служат указанием на те места в тексте, где выступающие обычно делают паузы. Но основной функцией точки является графическое членение частей текста на отдельные предложения. Так, во фраземе *einen Punkt / einen Schlusspunkt hinter etw. setzen* (букв. «поставить точку после чего-л.») именной компонент *Punkt* обозначает конец, завершение какого-либо дела.

В похожих, на первый взгляд, фраземах *etwas auf den Punkt bringen* («изложить суть дела») и *auf den / zum Punkt kommen* («перейти к делу»), которые, возможно, тоже произошли из предметной сферы «Письмо», заложена другая мотивация: здесь *Punkt* употребляется в значении «ядро, суть дела, проблемы и др.» и не имеет ничего общего с их завершением, как это было в ранее приведенных единицах. Детального этимологического рассмотрения заслуживает фразеологический оборот с тем же значением: *der springende Punkt* (букв. «прыгающее место»). Он восходит к латинскому выражению *punctum saliens*, впервые упомянутому Аристотелем. Описывая свои наблюдения за яйцом с зародышем птицы, античный философ и естествоиспытатель заметил, что его сердце «прыгает» туда-сюда, как живое существо. Переносное значение *punctum saliens* вошло в оборот уже в эпоху гуманизма, где обозначало основополагающий критерий, решающий фактор.

Другим семантическим мотивом развития фразеологического значения является использование лексемы *Punkt* в медицине для обозначения конкретных областей тела. Так, фразема *ein neuralgischer Punkt* (букв. «невралгическая точка», датируется XX в.) связана с развитием науки невралгии (XIX в.) и обозначает место сосредоточения нервов, т.е. то, где человек испытывает нейропатическую боль. Данная фразеологическая единица обозначает некий этап, связанный с трудностями, а также уязвимое место. Такая же мотивация прослеживается в устойчивых выражениях *ein schwacher Punkt* («слабое место»), *ein wunder Punkt* («больное место»), *einen wunden Punkt berühren/treffen* («надавить на больное, задеть за живое»). Причем «больное место» может иметь не только человек (*Disziplin ist bei ihm nun einmal ein wunder Punkt* – «дисциплина – это его слабое место»), но и абстрактные явления (*ein wunder Punkt des Systems / in der Beweisfüh-*

*run*g – «слабое место в системе / в доказательстве»). Можно заметить, что фразеологическая семантика расширяет значение лексемы. О двух совершенно разных личностях говорят *keine Berührungspunkte mit jmdm. haben* («не иметь точек соприкосновения с кем-л.»). Фразама происходит из геометрии: *Punkt* понимается как точка пересечения двух линий, как некое общее, что может и не может быть у людей. В данном случае мы можем наблюдать процесс «включения» лексемы во фразеобразовательный процесс в составе сложного слова, что также говорит о ее высокой степени ассимилированности в языке.

Тот факт, что этот элемент является чрезвычайно продуктивным в словосложении, доказывают следующие примеры фразем, мотивация которых связана с необходимостью в дифференциации начала и конца отсчета: *auf dem (absoluten) Nullpunkt ankommen / den (absoluten) Nullpunkt erreichen* (букв. «достичь абсолютного нуля» – находиться в безвыходном, безнадежном положении). Объекты и явления, характеризующиеся особой важностью, располагаются в центре такой шкалы: *im Mittelpunkt / im Brennpunkt des Interesses / ...stehen* («представлять главный интерес»). Такое же значение имеет фразама *der Dreh- und Angelpunkt von etw. sein* («быть стержнем чего-л.»), предметная сфера которой отлична от вышеперечисленных. Немецкое *Angel* обозначает дверную или оконную петлю, с помощью которой осуществляется поворот, следовательно является главным элементом подвижных конструкций. А вот с невозможностью дальнейшего движения связаны такие фразеологические единицы, как *am toten Punkt (angelangt/angekommen) sein* («зайти в тупик») и *den toten Punkt überwinden* («сдвинуться с мертвой точки»). Согласно этимологическому словарю Duden, фразама *ein toter Punkt* («мертвая точка», XIX в.) исходит из области техники [4, с. 665]. Речь идет о явлении, когда два механизма двигателя – шатун и кривошип – образуют прямую линию, так что дальнейшее движение невозможно. Стоит отметить, что, рассматривая этимологию русской фраземы *мертвая точка*, В.М. Мокиенко пишет о калькировании из французского языка *point mort* [1, с. 123].

Таким образом, многозначность лексемы *Punkt* как лексической единицы повлекла за собой развитие целого ряда и фразеологических значений. Мотивы появления иноязычного компонента в составе

фразеологических единиц, как и их предметные сферы, различны. И хотя тот факт, что рассматриваемое заимствование полностью ассимилировалось в лексической системе, не вызывает сомнений, о высокой степени семантической ассимилированности лексемы на фразеологическом уровне можно судить на основании корпусного и историко-этимологического анализа, в результате которого удалось проследить определенную взаимосвязь между отдельными значениями лексемы и вторичными (фразеологическими) значениями. Дальнейшее исследование предполагает проведение подобного анализа других заимствованных лексем, а также некоторых семантических классов.

Литература

1. Мокиенко В.М. Новая русская фразеология. Opole: Uniwersytet Opolski, 2003. 168 с.
2. Цветаева Е.Н. Что за номера в русской фразеологии? // Н. Walter, V.M. Mokienko (hrsg.). Die slawische Phraseologie: Entlehnungen und Kalkierungen in der slawischen Phraseologie. Kollektivmonografie. Greifswald: Universität Greifswald, 2020. С. 112–116.
3. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 20.10.2021).
4. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache, 5, neu bearbeitete Auflage, herausgegeben von der Dudenredaktion (Duden, 7). Berlin; Mannheim; Zürich: Dudenverlag, 2014. 954 р.
5. Lexikon für Redewendungen, Redenarten, deutsche Sprichwörter und Umgangssprache. URL: <https://www.redensarten-index.de/> (дата обращения: 20.10.2021).

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ. ТЕКСТ И ДИСКУРС

DOI: 10.31862/9785426311954-121-130

Бертякова А.Н.,

*Российский государственный
геологоразведочный университет
имени Серго Орджоникидзе,
Россия, г. Москва*

ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ ЗАГоловочной Единицы КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДИНАМИЧЕСКОГО СИНКРЕТИЗМА

Аннотация. В статье рассматривается фразеологизация заголовочной единицы как проявление динамического синкретизма, прогнозируемого двойственной природой заголовка (его автосемантической и синсемантической по отношению к тексту).

Ключевые слова: фразеологизация, функционально-заголовочное предложение, синтаксическая единица, автосеманτικότητα, синсеманτικότητα.

Anna Bertyakova,

*Sergo Ordzhonikidze Russian State University
for Geological Prospecting,
Russia, Moscow*

PHRASEOLOGIZATION OF THE HEADING UNIT AS A MANIFESTATION OF DYNAMIC SYNCRETISM

Abstract. The article examines the phraseologization of the heading unit as a manifestation of dynamic syncretism, the predicted dual nature of the heading (its auto-semantic and synsemantic in relation to the text).

Keywords: phraseologization, functional heading sentence, syntactic unit, auto-semantic, syn-semantic.

В лингвистических кругах вопрос о квалификации грамматической природы заголовка решается неоднозначно: заголовок – это слово или словосочетание (Шахматов), заголовок – это номинативное предложение (Пешковский, Фортунатов и др.), любой заголовок – это предложение (Безруков, Ронгинский и др.).

При определении языкового статуса заголовочной единицы представляется целесообразным выделять этапы ее восприятия.

Первый этап предполагает восприятие заголовочного элемента как автономной по отношению к тексту синтаксической языковой единицы, представленной словоформой, словосочетанием и предложением. Понятие *словоформа* в статье коррелирует с понятием *синтаксема* как минимальной, далее неделимой семантико-синтаксической единицы русского языка, выступающей одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризуемая, следовательно, определенным набором синтаксических функций [4, с. 4].

Этот сегмент восприятия можно назвать условным или метаязыковым по отношению к тексту (для обычного читателя, телезрителя заголовок никогда не мыслится вне связи с контекстом). Актуализация этого этапа обусловлена необходимостью анализа

семантического потенциала синтаксической единицы в роли заголовка как единицы целенаправленного языкового общения. «Заголовок призван в емкой концентрированной форме отразить основные контуры содержания статьи, а также специальными средствами привлечь внимание читателя и оказать на него определенное воздействие» [7, с. 8].

Второй этап восприятия – восприятие заголовочного элемента как единицы функционально-коммуникативного плана. На этом этапе восприятия заголовок мыслится как особый вид предложений – функционально-заголовочные предложения. «Для реализации заголовочной функции в языке существует особая структура, стоящая как бы «над» предложениями – синтаксическими единицами, т.е. являющаяся более обобщенной единицей, чем синтаксическое предложение и имеющая специфические особенности как в области лексической семантики, так и в области грамматической семантики» [2, с. 106]. Эти предложения, обладая определенной самостоятельностью, изолированностью (автосемантичностью) по отношению к озаглавливаемому тексту), в то же время представляют собой один из структурных типов предложений русского синтаксиса, тем самым прогнозируя структурно-семантическую связь (синсемантичность) заголовка с текстом. Этот этап можно рассматривать как этап актуализации потенциала номинативности, информативности и прагматичности синтаксической единицы в роли заголовка.

Так, синсемантичность заголовка становится условием реализации семантического потенциала синтаксической единицы, что обуславливает трансформацию непредикативной единицы (синтаксемы, словосочетания) в предикативную. Заголовок актуализирует разные элементы и аспекты содержания озаглавливаемого текста (О.Ю. Богданова, И.Р. Гальперин, М.Е. Засорина, Н.А. Кожина и др.).

В то же время автосемантичность заголовка, актуализируемая его внешним выделением среди остальных компонентов текста при помощи графических средств (Н.А. Кожина, Э.А. Лазарева, Г.Г. Хазагеров и др.), становится условием реализации потенциала номинативности синтаксической единицы. Номинативная функция «объединяет различные по форме речевые отрезки, выступающие в качестве заглавий,

в единое целое. Лексикализует их, превращает в устойчивые единицы, в своеобразные фразеологизмы» [5, с. 96].

Очевидно, осмысление прагматической потенции синтаксической единицы в роли заголовка должно происходить с учетом семантики функционально-заголовочного предложения как единицы предикативного плана и плана номинативного. Трансформация семантики предикативной единицы становится для реципиента базовым знанием при апелляции к фоновым знаниям, прогнозирующим понимание заголовка как свернутого знака озаглавливаемого текста. В результате этого переосмысления происходит лексикализация, или рекатегоризация предикативной заголовочной единицы в номинативную, внешним маркером которой становится застывшая грамматическая форма.

Так, побудительная семантика односоставного определенно-личного предложения *Жди меня* предполагает конкретного адресата, однако ситуация функционирования в роли заголовка ТВ-передачи *18.30. Жди меня* (26.02.2021) нейтрализует значение «конкретность адресата» и актуализирует информацию о событии в телепрограмме, связанном с расставанием людей и надеждой на встречу. В формировании представления у реципиента восприятия содержательной направленности телепередачи автор апеллирует и к его фоновым знаниям о поэтическом произведении К. Симонова «Жди меня», что усиливает степень метафоризации синтаксической единицы в заголовке телепередачи и таким образом степень рекатегоризации синтаксической единицы в единицу номинативную; ср. абсолютную номинативность этой синтаксической единицы во вторичном контексте с названием поэтического произведения: *Знают Каверина, потому что «Два капитана», Симонова, потому что «Жди меня», Твардовского, потому что «Тёркин» и, как бы то ни было, знают Шолохова, или скажем осторожнее: роман «Тихий Дон»* (С.Г. Боровиков. Серапионы и тараканы).

Маркером лексикализованной единицы, включающей в семантику авторскую интенцию, становится застывшая форма односоставного определенно-личного предложения.

Очевидно, функционально-заголовочное предложение следует рассматривать как синкретичное образования динамического типа.

Традиционно синкретизм в языке и речи связывается с явлением синхронной переходности. «Синхронная переходность, – пишет В.В. Бабайцева, – это такой вид переходности, при котором связи и взаимодействия между оппозиционными центральными (типичными) категориями (типами), разновидностями, разрядами и т.д. создают (образуют) зону синкретизма с периферийными и промежуточными звеньями» [1, с. 27]. Формула этого синкретизма: А + В. Однако возможен синкретизм динамического типа (динамический), который характеризуется тем, что при нем «языковая единица в процессе ее реализации переходит от одного качества к другому, от одной категории к другой, находящейся к ней в оппозиции, противопоставленной ей. Его формула: за А следует В» [8].

Происходящие семантические трансформации синтаксической единицы в заголовке обуславливают и нерелевантность функции пунктуационного знака как графического знака завершенности коммуникативного высказывания. В заголовке пунктуационный знак предстает как элемент текстовой и интерпретационной деятельности. Его основной функцией становится функция преодоления паузы между частями текста, удержания внимания реципиента восприятия, тем самым усиления синсематичности и прагматической функции заголовка. Ср. примеры: *09.50. Жить здорово!* (06.12.2021); *15.15. Давай поженимся!* (13.12.2021); *06.55. Играй, гармонь любимая!* (12.12.2021); *12.15. Видели видео?* (11.12.2021); *15.20. «Кто хочет стать миллионером?» с Дмитрием Дибровым* (11.12.2021); *23.50. Я вам спою...* (11.12.2021) и др.

В то же время будучи графическим элементом номинативной единицы, вопросительный, восклицательный знаки и многоточие становятся дополнительным (наряду с застывшей грамматической формой) маркером образности и экспрессивности заголовка. Ср. увеличение количества восклицательных знаков в повторяющемся ряду номинативных предложений в заголовке: *11.30. Юмор! Юмор!! Юмор!!!* (11.12.2012).

Еще более сложный путь перерождения в заголовочной позиции проходит непредикативная синтаксическая единица.

Так, Г.А. Золотова, анализируя газетные заголовки типа «О вреде табака», «Об очередных задачах», «На рисовых полях» и т.п., говорит

о самостоятельном, изолированном функционировании синтаксисом [4, с. 4].

Л.Д. Чеснокова, рассматривая эти конструкции с точки зрения структуры, считает, что «в этих случаях вряд ли можно говорить об изолированном употреблении синтаксисом, так как названные структуры, представляющие собой заголовки обычно газетных или журнальных статей, являются также предложениями, но структурно неполными, обычно ситуативно-контекстуальными, смысл которых (значение пропущенных членов) восстанавливается с опорой на ситуацию и контекст» [9, с. 15].

Принимая наблюдения ученых, представляется целесообразным актуализировать двойственный характер заголовочной конструкции (ее синсемантическую и автосемантическую по отношению к тексту), прогнозирующий семантическую трансформацию элементарной синтаксической единицы – ее рекатегоризацию в единицу предикативную, а далее в номинативную.

Так, в заголовках «В гости к Робинсонам» (полнометражный компьютерный анимационный комедийный фильм), «В гостях у Элис» (комедийная мелодрама), «В гостях у Дмитрия Гордона» (авторская программа Дмитрия Гордона) предложно-падежные формы *в гости* и *в гостях* становятся структурной частью неполного детерминантного предложения. Имплицитно представленная в детерминантном предложении *В гости к Робинсонам* предикативная семантика прогнозирует действие адресата, связанное с движением на территорию определенного лица (лиц). Ср. примеры: *Снежана с мужем сами приехали в гости, привезли торт и бутылку шампанского* (В. Токарева. Своя правда); *Был я в Москве, в Доме творчества Переделкино, и после спектакля, по приглашению Михаила Александровича Ульянова, угодил к нему в гости* (В. Астафьев. Затеси) и др.

Однако ситуация функционирования в роли заголовка анимационного фильма трансформирует семантическую идею движения куда-либо в семантическую идею побуждения к просмотру фильма, события которого разворачиваются на фоне действий персонажей, связанных семейными узами. Императивная семантика как результат метафоризации значения предикативной единицы, а тем самым и ее рекатегоризация в номинативную единицу становятся языковым

средством формирования прагматичности заголовочной конструкции, воплощения авторской интенции.

В детерминантных предложениях *В гостях у Элис* и *В гостях у Дмитрия Гордона* имплицитная предикативная семантика связана с идеей местонахождения, пребывания лиц в определенном месте. Ср. примеры: *Разговор этот происходил в квартире у Мышкина – в тот раз я был у него в гостях впервые* (В. Белоусова. Второй выстрел); *Всю ночь Остап провёл в хавире в гостях у бандитов* (В.П. Катаев. Алмазный мой венец) и др.

Ситуация функционирования синтаксических единиц в роли заголовка также прогнозирует трансформацию семантической идеи местонахождения, пребывания лиц в определенном месте в семантическую идею побуждения к просмотру фильма, передачи. Здесь, как и в предложении *В гости к Робинсонам*, наблюдается метафоризация значения, прогнозирующая рекатегоризацию предикативной единицы в номинативную. Языковым средством формирования прагматичности заголовочной конструкции также является императивная семантика как результат метафоризации значения предикативной единицы. В заголовке *В гостях у Дмитрия Гордона* таким средством формирования прагматичности заголовка можно рассматривать и прецедентное имя (имя известного журналиста).

По наблюдениям исследователей, в структурном плане наиболее частотны заголовки – односоставные номинативные предложения, что, безусловно, связано с функцией называния как определяющей для заголовочных единиц, наиболее ярко проявляющейся у существительного в форме именительного падежа, «основное назначение заголовочной единицы которого и состоит в лексическом плане – в простом назывании» [5, с. 96].

Тем не менее автосемантичность заголовочной единицы и в этом случае прогнозирует семантическую трансформацию предикативной единицы в единицу номинативную, сопровождаемую онимизацией и субстантивацией.

Так, в заголовках, представленных односоставными номинативными предложениями, все имена нарицательные переходят в собственные. См: *Новости* (12.12.2021); *Вести* (12.12.2021); *21.00. Время* (13.12.2021); *11.30. События* (13.12.2021) и др.

Грамматически онимизация маркируется застывшей формой числа и падежа. Так, например, существительное *новости* в свободном функционировании имеет форму единственного и множественного числа, в позиции же телевизионного заголовка употребляется в застывшей форме множественного числа. Ср.: *Новости* (12.12.2021); *Не будь радио и телеграфа, новость тащилась бы к нам на парусниках и дилижансах не меньше трёх месяцев, и мы бы лишних три месяца думали, что Хемингуэй жив, а это немало* (В. Аксёнов. Круглые сутки нон-стоп); *Елена Николаевна приходила сама по себе, в роли подруги: сочувствие, новости из учительской, воспоминания об институте* (А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью) и др.

Ср. также употребление слова *новости* в нетекстовых названиях, где оно предстает исключительно номинативным знаком: «**Новости**» издавались без предварительной цензуры, и вдруг разнёсся слух, что газете назначили цензора, который будет заранее просматривать весь материал и вычёркивать, что ему вздумается (К.И. Чуковский. Королевство в кругу друзей); *По сообщению РИА «Новости», пятая книга семитомной истории Гарри Поттера выйдёт в свет не осенью этого года, как обещала автор Дж. Ролинг, а лишь в 2003 году* (Новости // Витрина читающей России. 28.06.2002) и др.

Очевидно, семантическая рекатегоризация предикативной единицы в номинативную придает особую образность заголовку, что прогнозирует его прагматичность. «Широкое использование номинативных предложений в заглавиях определяется и стилистической выразительностью этих структур. «Имя существительное, образующее главный член номинативного предложения, совмещает в себе в концентрированном виде образ предмета и идею его существования в плане настоящего. Отсюда богатые экспрессивные возможности номинативных предложений и широкое их использование в эмоционально окрашенной речи» [6, с. 189].

С актуализацией номинативной природы заголовка связана и трансформация категориальной семантики частей речи. Так, у наречия *сегодня* в функции заголовка ТВ-передачи 8.00. *Сегодня* (12.12.2021) происходит изменение категориального значения: вместо обозначения признака действия оно называет предмет – передачу.

Синкретичные образования, являясь одним из средств конденсации текста, усиливают информативность заголовка, прогнозируют его стилистическую выразительность, а соответственно и прагматичность. «И если ядерные (“базовый четырехугольник” полнозначных слов) части речи, выделяемые на четких логических основаниях, – пишет И.В. Высоцкая, – по большей части универсальны, то синкретичные образования создают национальную специфику морфологии. В них реализуются обе основные тенденции в развитии языка: стремление к экспрессивности и к экономии» [3, с. 91].

Третий этап восприятия заголовочной единицы связан с ее функционированием в текстах-комментариях о содержании озаглавливаемого текста. Информативность текста снимает семантическую и прагматическую нагрузку заголовочной единицы, актуализируя исключительно ее номинативность. Ср. примеры: *«Жди меня»* (с 1998 по 2000 год – *«Ицэ тебям»*) – международная телепередача, ток-шоу и в то же время народная служба поиска людей. Выходит на российском телевидении с 14 марта 1998 года... Производство программы – телекомпания «ВИД» (wikipedia.org); *«В гостях у Элис»* (англ. *Note Again*) – американская романтическая комедия режиссёра Холли Мейерс-Шайер об одинокой матери, которая впускает в свой дом троих молодых людей, в результате чего её жизнь наполняется новыми красками. В заглавной роли Риз Уизерспун. Премьера в России состоялась 7 сентября 2017 года... (wikipedia.org) и др.

Очевидно, было бы логично выделить и четвертый этап восприятия заголовочной единицы, на котором заголовочная единица мыслится вне уже известного (просмотренного, прочитанного) реципиенту восприятия текста. Заголовок на этом этапе восприятия предстает как автосемантический свернутый знак озаглавливаемого текста. Ср. примеры: *Дальше происходит совершенно святочная история: сотрудница эта пишет в программу «Жди меня», вообразив, что где-то есть Светина мать, и она, может быть, сожалеет... а девочка выросла такая чудесная...* (Е. Долгинова. Пленный дух); – *Вы не думайте, что Гермес превратился в Квашу из программы «Жди меня», – засмеялась Орли* (А. Иванов. Комьюнити) и др.

Таким образом, фразеологизацию (наряду с онимизацией, субстантивацией) языковой единицы в роли заголовка следует рассматривать как проявление динамического синкретизма. Двойственная природа заголовка (его автосемантичность и синсемантичность по отношению к тексту) прогнозирует семантическую трансформацию языковой единицы в роли заголовка, перехода ее от одного качества к другому, от одной категории к другой, находящейся к ней в оппозиции.

Литература

1. *Бабайцева В.В.* Явление переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 638 с.
2. *Бертякова А.Н.* Заголовок – особая единица коммуникативного синтаксиса (на материале заголовков телевизионных передач) // Языковые единицы (семантика, грамматика, функции). Ростов на/Д.: Гефест, 1998. 172 с.
3. *Высоцкая И.В.* Синкретизм в системе частей речи современного русского языка: монография. М.: МПГУ, 2006. 304 с.
4. *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 2001, 440 с.
5. *Попов А.С.* Функциональные типы номинативных предложений // Ученые записки. Вып. IX. 1959. С. 57–76.
6. *Розенталь Д.Э.* Практическая стилистика русского языка: учеб. для вузов. 4-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1977. 316 с.
7. *Терентьева Л.В.* Заголовочный комплекс как особый элемент оформления газеты // Семантическая системность языковых единиц. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1996. С. 36–45;
8. *Чесноков П.В.* О динамическом синкретизме речевых построений // Речь. Речевая деятельность: межвузовский сб. науч. трудов. Таганрог, 2000. С. 124–128.
9. *Чеснокова Л.Д.* Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах. Ростов на/Д., 1996. 210 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-131-140

Высоцкая И.В.,
*Новосибирский национальный
исследовательский
государственный университет,
Россия, г. Новосибирск*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ РЕКЛАМЫ И СМИ

Аннотация. Статья посвящена анализу современного российского рекламного и медийного текстов. На основании анализа научной литературы и собственных исследований автор предлагает классификацию способов трансформации фразеологизмов. Может быть выделено семь основных способов (по степени внедрения в исходный текст): 1) нулевая трансформация (интердискурсивная транспозиция); 2) усечение; 3) замена компонента; 4) контаминация; 5) перестановка; 6) распространение; 7) изменение функциональной модальности. Некоторые из этих способов (распространение, усечение, замена компонента, контаминация) соответствуют традиционно выделяемым способам трансформации фразеологизмов. Другие (нулевая трансформация) связаны с функционированием фразеологизмов в различных типах дискурса. Отмечены общность способов трансформации фразеологизмов при создании рекламных слоганов и заголовков печатных и аудиовизуальных СМИ, популярность этого приема на протяжении последних десятилетий, а также его «мемогенность», т.е. активное и разнообразное использование в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: язык рекламы, язык СМИ, трансформация фразеологизмов, интердискурсивная транспозиция, интертекстуальные синонимы.

Irina Vysotskaya,
Novosibirsk State University,
Russia, Novosibirsk

TRANSFORMATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE LANGUAGE OF MODERN RUSSIAN ADVERTISING AND MEDIA

Abstract. The Transformation of Phraseological Units in the Language of Contemporary Russian Advertising and Media The article analyses contemporary Russian advertising and media texts. Based on the analysis of scientific literature and her own research, the author suggests to distinguish seven ways to transform a phraseological unit, according to the degree of its implementation in the source text: 1) zero transformation (interdiscursive transposition); 2) truncation; 3) component replacement; 4) contamination; 5) permutation/rearranging; 6) widening/expansion; 7) change in functional modality. Some of these ways (distribution, truncation, component replacement, contamination) correspond to the traditional classification. Others (like zero transformation) arise from the functioning of phraseological units in various discourse types. It is pointed out that phraseological units are transformed in a similar way when creating advertising slogans and headlines for print and audiovisual media. The author notes the popularity of suchlike technique over the past decades, as well as its “memegenic” capability, resulting in its active and varied use in Internet communication.

Keywords: language of advertising, language of media, transformation of phraseological units, interdiscursive transposition, intertextual synonyms.

Способы трансформации фразеологических единиц активно изучаются, причем вопрос о границах вариативности и трансформации фразеологизмов не имеет однозначного решения.

Языковые механизмы трансформации исследуются и в связи с теорией прецедентности / интертекстуальности [3, с. 124; 8, с. 80–101; 9, с. 89–90; 10, с. 42]. Основные способы трансформации прецедентного высказывания следующие:

- 1) замена компонента;
- 2) распространение;
- 3) усечение;
- 4) изменение функциональной модальности;
- 5) контаминация;
- 6) перестановка;
- 7) нулевая трансформация.

Выделение в отдельный тип смешанной трансформации (см.: [4; 8, с. 80–101]) вряд ли оправдано, достаточно сказать, что возможны самые различные сочетания указанных выше способов. Большинство из них (распространение, усечение, замена компонента, контаминация) соответствует способам трансформации фразеологизмов. Следует сказать отдельно о «кругообороте» названий. Первоначально [3] мы определили этот способ с помощью термина «нулевая трансформация (транспозиция)» (что правомерно на фоне других типов), позже – с помощью термина «интердискурсивная транспозиция» [4], поскольку речь идет о функционировании языковой единицы в разных типах дискурса. К примеру, усеченный фразеологизм *Всей птичке пропасть* выступает как название радиопьесы (Н. Болтянская), а *Не родись красивой* – как название сериала (2005–2006). Совершенно новый коннотативный компонент появляется у известной пословицы (в одной из версий русского перевода): *Тише едешь – дальше будешь* – в контексте популярного южнокорейского сериала «Игра в кальмара» (2021).

Продемонстрируем разные способы трансформации фразеологизмов в рекламном слогане.

Распространение крайне редко (в нашем материале): ***Расшибёмся в особую лепёшку!*** (VIP-обслуживание по запросу).

Усечение довольно типично: *Готовь сани летом* (реклама зимней обуви); *Лучше один раз увидеть* (карманный компьютер).

Как ни парадоксально, эти приемы встречаются одновременно в одном рекламном слогане: *Кто сказал, что **курица** – не птица?!* («Моссельпром»). В нем усекается знакомая часть прецедентного высказывания и добавляется новая.

Отдельно следует сказать об изменении функциональной модальности, когда отрицательное суждение заменяется утвердительным

(и наоборот): *В ногах **есть** правда!* (обувной магазин) / *В ногах правды **нет***. Ср. изменение функциональной модальности в сочетании с распространением высказывания: *В этом мешке **нет** kota. В нём первоклассный цемент* (реклама цемента) / *Кот в мешке*.

Именно такой способ трансформации может оцениваться как наиболее опасный для русского языкового менталитета. Комментируя примеры: *Бедность – порок* / *Бедность не порок*; *Хлебом единым* / *Не хлебом единым жив человек*; *И в деньгах счастье* / *Не в деньгах счастье*, – исследователи пишут: «Такое “балагурство” граничит с цинизмом, поскольку вольно или невольно разрушает те нравственные понятия, которые составляют основу традиционного русского менталитета» [7, с. 147].

Многочисленные яркие примеры контаминации (*Чем дальше в лес, тем третий лишний*; *Любишь кататься – люби сто рублей* и т.п.) содержатся в «Словаре антипословиц», авторы которого отмечают «высокий прагматический рейтинг пословиц и поговорок» [1, с. 6]. В сентябре 2021 г. «Фонтанка.ру» анонсировала появление словаря русских ковидных антипословиц-карантинок (этих же авторов), что свидетельствует об универсальности и динамичности этого приема.

Приведем примеры контаминации фразеологизма в рекламном слогане: *На вкус и цвет – один ответ* (напиток «ФрукТайм») / *На вкус и цвет товарищей нет* + *Семь бед – один ответ*.

Перестановка компонентов фразеологизма *Будет и наша улица на вашем празднике* / *Будет и на нашей улице праздник* отмечена и в рекламном слогане *Дом Вашему миру* (строительная компания «Дом») [9, с. 89] / *Мир вашему дому*. Этот прием может сочетаться с усечением *Лучше 100 раз увидеть!* (реклама турагентства).

Нулевая трансформация, при которой фразеологизмы употребляются в новой среде без формальных изменений, связана с буквализацией, с разрушением обобщенного смысла высказывания, с дефразеологизацией: *Мал да удал* («Кнопг Крошка Чеснок»); *А Васька слушает да ест* (реклама корма для кошек). Очевидно, что *Не место красит человека, а человек место* применительно к лакокрасочным изделиям упрощает известную пословицу.

Замена компонента фразеологизма является самым распространенным приемом создания рекламного слогана. В связи с этим

мы говорили о формальной и семантической трансформации [3]. Формальная основана прежде всего на созвучиях, на омонимии: *Вольному – Вольво / Вольному – воля; Всё гениальное – Holsten* (пиво Holsten) / *Всё гениальное просто*.

При семантической трансформации новый компонент выбирается совершенно произвольно. Ср.: *Котейка рубль бережёт! Покажи кота курьеру и получи скидку до 30%; Подарок – друг человека* (IKEA). По звучанию слово *котейка* достаточно близко к исходному компоненту *копейка*, в то время как *подарок* – достаточно далеко от слова *собака* (изображение игрушечной собаки рядом с высказыванием помогает воскресить в памяти исходный текст).

Примеры замены компонента фразеологизма в рекламных произведениях многочисленны: *В гостях хорошо, а дома – Интернет / В гостях хорошо, а дома лучше; Кто успел – тот и съел* (сухарики «Кириешки») / *Кто смел, тот и съел; Связь оправдывает средства* (салон мобильной связи «Евросеть») / *Цель оправдывает средства; Настроение приходит во время еды* (приправа «Слобода») / *Аппетит приходит во время еды*. Ср. также: *В здоровом теле – здоровый сок* (сок «Чемпион») / *В здоровом теле – здоровый дух; В здоровых деснах – здоровые зубы* (жевательная резинка Orbit).

Не все замены «безобидны»: *Банк вам в помощь* («Банк Москвы»); *Бережёного банк бережёт* («Кредит Европа банк»). В этих слоганах слово *банк* занимает место слова *Бог*. Ср. также трансформацию фразеологизмов библейского происхождения: *Накорми ближнего своего* (IKEA); *Salamander. Каждой паре по паре*. Ср. слоган Бинбанка с нетрансформированной цитатой: *И последние станут первыми!*

Рекламный потенциал фразеологических единиц различен. Так, пословица *Береги платье снову, а честь смолоду* послужила источником для целого ряда рекламных «произведений»: *Береги платье снову, а ноги смолоду* (центр ортопедии); *Береги зубы смолоду* (стоматологическая клиника); *Береги кожу смолоду* (гель против угревой сыпи); *Береги позвоночник смолоду* (массажный салон). Диапазон медико-косметологических услуг далеко не исчерпывается представленным рядом интертекстуальных синонимов (*зубы, кожа, позвоночник, ноги*). Довольно широким может быть и перечень товаров, в сезонной рекламе которых используется пословица *Готовь сани летом,*

а телегу зимой. Ср.: *Готовь сани летом, а солнцезащитные очки зимой*; *Готовь шубу летом*. Представляется, что рекламный потенциал пословицы *Хлеб всему голова* – намного ниже, и далеко не каждый ктематоним в указанном контексте способен заменить слово *хлеб*: *Микроскоп всему голова* («Дентал-Сервис»). Как мы отмечали ранее [6, с. 214], такой путь создания слогана в подавляющем большинстве случаев обусловлен субъективными предпочтениями копирайтеров (без учета возможной реакции целевой аудитории и без проверки на фокус-группе).

Замена компонента фразеологизма легко совмещается с другими способами трансформации, например с усечением *Путь к сердцу короля* (краска для волос Miss Magic) / *Путь к сердцу мужчины лежит через желудок*. Приведем также пример сочетания перестановки с заменой компонентов: *Что немцу Райнхайтсгебот, то русскому Holsten* (пиво Holsten) / *Что русскому здорово, то немцу смерть*.

Иногда трансформы достаточно далеки от исходных прецедентных выражений, однако структура предложения помогает установить связь с источником: *Что в России «ПИТ», то в Бельгии «Экспорт»* (пиво «ПИТ»).

Сохранение синтаксической структуры (и, как следствие, ритмической организации) высказывания позволяет определить исходный фразеологизм даже при его существенной переделке. Так, в пословице *Работа не волк, в лес не убежит* выбор предиката произволен (сопоставление работы с волком, а не с каким-либо другим животным не поддается логическому объяснению). Трансформированное же высказывание *Пакет не место, всем хватит* (метро-стикер, Новосибирск) в рекламе пакета интернет-услуг более логично с учетом конкретной речевой ситуации: в вагоне метро мест в часы пик может хватать не всем.

Не всегда удастся однозначно определить фразеологизм-источник: *Весна диваном красна* (IKEA). Возможно, это просто рифма, возможно, распространение выражения *Весна красна*, возможно, наконец, что перед нами усеченный трансформ с заменой компонента пословицы *Весна красна цветами, а осень – снопами*. Девиз рыбного магазина *Любая рыба – без труда* существенно отличается от исходной пословицы *Без труда не выловишь и рыбку из пруда*. Здесь уместнее, вероятно, говорить об аллюзии, нежели о трансформации.

Интересно, что *Ни рыба, ни мясо* часто используется в кулинарно-гастрономическом дискурсе, по преимуществу вегетарианском: грамматические трансформы-выражения представлены в заголовке *Ни рыбу, ни мясо* (Коммерсантъ, 01.10.2021) и в названии книги рецептов *Ни рыбы, ни мяса* (К. Сушко). На изменении функциональной модальности построено название *И рыба и мясо*, которое функционирует и как название фудтрака (мобильной точки общепита) в сериале «#СеняФедя» (2018), и как название кулинарного YouTube-канала, и как название магазинов в Казани и Новосибирске. Разумеется, при смене модальности утрачивается идея вегетарианства.

Заголовки печатных и аудиовизуальных СМИ демонстрируют те же способы трансформации фразеологизмов. Прием усечения фразеологизма представлен в газетном заголовке *Несчастье помогло* (Известия, 09.09.2008) / *Не было бы счастья, да несчастье помогло*. Ср. также: *Дело ясное, что...* («Вести Новосибирск», апрель 2011 г.) / *Дело ясное, что дело тёмное*. Усечение в сочетании с изменением функционального типа предложения встречаем в заголовке телевизионной новости; *Что посеет? / Что посеет, то и пожнёт* («Вести Новосибирск», апрель 2011 г.). Распространение состава фразеологизма сочетается с изменением функциональной модальности в газетном заголовке *Когда долг не платежом красен* («Известия», 10.12.2008) / *Долг платежом красен*. Интертекстуальная транспозиция – в основе названия телевизионной новости *Хлеб всему голова*.

Широко распространен прием замены компонента фразеологизма: *Машинная возня* («Известия», 25.09.2008) / *мышинная возня*; *Вот такие огурцы* («Известия», 02.10.2008) / *Вот такие пироги*; *В Кремль со своим алкоголем* («Известия», 05.10.2008) / *В Тулу со своим самоваром*; *Игрокам закон не писан* («Вести Новосибирск», апрель 2011 г.) / *Дуракам закон не писан*.

Отметим распространенный «штамп»: если в статье упоминается вилла, весьма часто в названии задействуется поговорка *Виллами по воде писано*. Можно вспомнить газетные заголовки: *Виллами по воде писано* («Российская газета», 02.09.2006); *Виллами по воде писано* («Коммерсантъ», 06.12.2006); *Виллами на воде писано* («Московский комсомолец», 19.03.2008). Ср. с усеченным вариантом: *Виллами на воде* (GQ, апрель 2008 г.). Любопытно, что и летом 2021 г.

встречаем аналогичный заголовок в статье о саммите в Женеве: *Виллами по воде писано* («Коммерсантъ», 10.06.2021). Получается, что «Коммерсантъ» воспроизводит заголовок пятнадцатилетней давности. Отметим, что публикация 2006 г. представляет собой обзор номинантов литературной премии «Русский Букер», в числе которых был и роман Алана Черчесова «Вилла Бель-Летра», а статья 2021 г. посвящена саммиту Владимира Путина и Джо Байдена, для подготовки к которому велись работы по благоустройству двух расположенных неподалеку друг от друга вилл XVIII в. (Ла-Гранж и О'Вив).

Мы уже отметили общность способов трансформации фразеологизмов в рекламном и медийном дискурсах. Представляется, что можно ранжировать эти способы по степени внедрения в исходный текст.

Сохраняется форма фразеологизма при нулевой трансформации, которая заключается в расширении сферы его бытования, «переносе» из одного дискурса в другой. Близко к исходной форме усечение фразеологизма. Заметим, что полный и усеченный варианты одной и той же пословицы приводятся в словаре В.И. Зиминой, А.С. Спирина [6, с. 158–159]. Ср.: *Каждому своё счастье; Каждому – своё*. Ср. также: *Наше счастье – вода в бредне: тянешь – надулось, вытянешь – нет его; Наше счастье – вода в бредне*. Не всегда легко восстановить исходный компонент при субстантивации: *Вот и вся недолга* [песня]; *Куда кривая вывезет* [кобыла].

Далее следует замена компонента, причем формальная трансформация ближе к исходному фразеологизму, чем семантическая. Еще большая степень внедрения в исходный текст – при контаминации, перестановке компонентов и распространении фразеологизма. И, на наш взгляд, наиболее разрушительно для фразеологизма изменение функциональной модальности.

Следует особо отметить «мемогенность» приема трансформации фразеологизмов, все указанные выше способы встречаются в интернет-коммуникации *Делу время, а потехе я посвятил жизнь; Повторенье – мать мученья*. Кроме того, встречаются и специфические приемы. Достаточно много попыток визуализировать фразеологизмы. К примеру, *ни рыба ни мясо* – это и русалка, и кальмар, и куриная ножка с чешуей на срезе, и все, что угодно.

Как яркий игровой прием отметим стилистическую трансформацию (переключение регистров), когда поговорки и пословицы предлагается перевести на научный язык: *Бабушка надвое сказала* (бинарный характер высказываний индивидуума, утратившего социальную активность); *Горбатого могила исправит* (нестандартные методы лечения сколиоза путем отправления ритуальных услуг).

Интересен каламбур, основанный на замене компонента фразеологизма (в сочетании с распространением) и сходном звучании русского слова *волк* и английского *walk*: *Работа не волк, работа – ворк! А волк – гулять!* (pikabu.ru).

Отметим попытку синтеза двух устойчивых выражений в одном повествовании. Текст, насыщенный фразеологизмами, призван дать оригинальную трактовку финального высказывания: *Мастер на все руки женился на больной на всю голову. Теперь дурная голова рукам покоя не даёт.*

Несмотря на то что реклама и СМИ стараются уходить от «штампов» и обновлять репертуар языковых приемов, чтобы удивлять адресата и удерживать его внимание, трансформация фразеологизмов остается популярным способом создания текста (слогана, заголовка и пр.) на протяжении последних десятилетий. В октябре 2021 г. в изданиях разного уровня был воспроизведен заголовок **Коммуниста взяли за рога // Депутата Госдумы Валерия Раишкина заподозрили в нарушении правил охоты**, который обладает семантической диффузностью и может восприниматься по-разному, в том числе и как отсылка к фразеологизму *Взять быка за рога*.

Подводя итоги, отметим общность способов трансформации фразеологизмов в рекламном и медийном дискурсах, причем эти способы обладают разными возможностями изменения исходного высказывания. Кроме того, обратим внимание на популярность приема трансформации фразеологизмов и его «мемогенность». Наконец, подчеркнем амбивалентность оценки явления. С одной стороны, фразеологизмы-переделки в русской речи встречаются гораздо чаще, чем первозданные. С другой стороны, фразеологические единицы (прежде всего, паремии) остаются источником смелых экспериментов с языком, активизируют нелинейный способ мышления, при котором

прецедентный текст должен всплыть в памяти адресата, иначе цель адресанта останется недостигнутой и спровоцирует коммуникативную неудачу.

Трансформация фразеологизмов, отмеченная не только в русской речи, является, по-видимому, универсальным приемом пост-иронии.

Литература

1. *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Антипословицы русского народа. СПб.: Издат. дом «Нева», 2005. 576 с.
2. *Высоцкая И.В.* Узуальная и окказиональная субстантивация в пословицах и поговорках // Слово. Словарь. Словесность: Петербургский контекст русистики начала XXI века: Материалы Всероссийской науч. конференции, Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2007 г. / отв. ред. В.Д. Черняк. СПб.: САГА, 2008. С. 373–377.
3. *Высоцкая И.В., Перфильева Е.Ю.* Типология способов трансформации прецедентного текста в газетном заголовке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 6: Журналистика. 2010. С. 118–124.
4. *Высоцкая И.В.* Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 1 (18). С. 117–137.
5. *Высоцкая И.В.* «Вольному – Вольво», или «Крылатые слова» в языке современной рекламы // Карнавал в языке и коммуникации / отв. ред. Л.Л. Федорова. М.: РГГУ, 2016. С. 204–215.
6. *Зимин В.И.* Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь / В.И. Зимин, А.С. Спиринов. 2-е изд. Ростов н/Д.; М., 2005. 544 с.
7. *Петрова Н.Е.* Язык современных СМИ: Средства речевой агрессии / Н.Е. Петрова, Л.В. Рацибурская. М.: Флинта; Наука, 2011. 160 с.
8. *Рагимова Ф.С.* Актуализация прецедентных феноменов в рекламном тексте. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. 129 с.
9. *Реклама: язык, речь, общение* / под ред. О.Я. Гойхмана, В.М. Лейчика. М.: ИНФРА-М, 2011. 288 с.
10. *Фокина О.В.* Источники интертекстуальных включений в языке современных газет. М.; Ярославль, 2008. 340 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-141-143

Григорьев А.В.,
*Московский педагогический
государственный университет,
Россия, г. Москва*

УСТОЙЧИВОЕ СОЧЕТАНИЕ *ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ* В СТАРОРУССКИХ ТЕКСТАХ XV–XVII ВЕКОВ

Аннотация. В статье исследуется семантика устойчивого выражения *добрый молодец* в старорусском языке XV–XVII вв. Показано, что это выражение обозначает исключительного по своим качествам воина.

Ключевые слова: выражение *добрый молодец*, лексическая семантика, старорусский язык.

Andrey Grigorev,
*Moscow Pedagogical State University,
Russia, Moscow*

SET EXPRESSION *ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ* IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE XV–XVII CENTURIES

Abstract. The article examines semantics of set expressions *добрый молодец* in the Old Russian language XV–XVII centuries. It has been shown that this expression indicated great warrior.

Keywords: set expression *добрый молодец*, lexical semantics, Old Russian language.

Как отмечают словари, выражение *добрый молодец* (здесь слово *добрый* указывает на соответствие требованиям, предъявляемым к молодым мужчинам в физическом и нравственном отношениях [5, с. 2]) в русском языке означает «молодой человек, удалец» [2, с. 408], это «положительный герой многих сказок и былин, отличающийся храбростью» [1, с. 442]; вместе с тем в народных песнях «большинство

ситуаций и коллизий, в которых действует добрый молодец, <...> связано с миром народной жизни, с ее бытом, социальными, семейными и личными отношениями. Значительная доля песен посвящена судьбе доброго молодца, оторвавшегося от дома и от родной среды: он попадает на чужую сторону, бедствует, к нему привязывается Горе, он тоскует в одиночестве, видит сны, предсказывающие недоброе <...> и т.д.» [5, с. 2].

Итак, мы видим, что в народной традиции образ доброго молодца оказывается амбивалентным: с одной стороны, это храбрый юноша, с другой – молодой человек с драматичной судьбой.

Анализ старорусской письменной традиции показал, что сочетание *добрый молодец* употребляется в текстах XV–XVII вв. как синонимичное выражениям *изячный молодец*, *изрядный молодец*, *избранный молодец*¹:

1. *И во умиление пришед, приказывает государь в своем полку своим воеводам бояром князю Володимеру Ивановичю, Ивану Васильевичю, да урядять в полку в его царском коемуждо стубраным дѣтем боярским голов устроить из великих отцов дѣтеи, изячных молотцов, искусных ратному дѣлу, для большого дѣла супротивного и для розных посылкоѣ* (Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича (1553–1555)).
2. *И стрѣльцовѣ и пушкарей убрать и устроить хорошо, <...> а устроить бы пушкарей добрыхѣ, чтобѣ у всякой пушки было по особному пушкарю, а стрѣльцовѣ прибрать изъ крестьянскихѣ дѣтей, добрыхѣ и хорошихѣ молодцовѣ* (Грамота патриарха Никона к архимандриту Иверского монастыря Дионисию о совершении разных приготовлений к предстоящему приезду в Иверский монастырь царя и патриарха (1657.11.18)).
3. *И казачьих атаманов с казаки у коегождо полку по седми и по осми сот избранных молодцов с луками, и копыи, и иным оружием* (А. Лызлов. Скифская история (1692)).
4. *А Скандербег... выбрал [из своего отряда] сорок человек добрых молодцов и, нарядя их в мужицкое платье, послал в город за запасом* (Повесть о Скандербеге, 24. XVII в. (по [6, с. 248])).

Прилагательные *избранный*, *изячный* (т.е. буквально – «изъятый») и *изрядный* имеют сходное значение и словообразовательную структуру, указывая на того, кто выделяется из ряда лиц по своим исключительным

¹ Примеры 1–3 взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

качествам. В том же смысле используется в составе сходного выражения и слово *добрый*. Как известно, в его основе корень **dhabh-* ‘работать с твердыми материалами’ (ближайшие соответствия: арм. *darbin* (<**dabrin*) ‘кузнец’, лат. *faber* (<**dhabher*) ‘ремесленник, который работает с твердыми материалами’, а также др.-в.-нем. *taphar* ‘крепкий, веский, смелый’ [7, с. 232]). Таким образом, *добрый* в данном выражении имеет значение ‘крепкий, подходящий, высокого качества, хороший во всех отношениях’. В сочетании с существительным *молодец* данное прилагательное имеет усилительное значение. Обратим внимание, что слово *молодец*, исходя из примеров его употребления в Национальном корпусе русского языка, в языке XI–XVII вв. указывало преимущественно на воина (например, во фрагменте из I Новгородской летописи XII–XIII в.: *Тѣгда (ж) ходиша на емь молодѣци о вышатѣ о василевци и придоша она(т) сторови добывѣше полона* [4, с. 160]), а воин по своей сути и так должен быть крепким, сильным и храбрым. Именно поэтому сочетание слова *молодец* с прилагательным (*добрый, изрядный, изячный* и др.) в старорусских текстах XV–XVII вв. (в отличие от народной традиции) указывало не просто на храброго, смелого юношу, но на исключительного по своим качествам воина.

Литература

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд. М.: Астрель. 926 с.
2. Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина; Международная ассоциация преподавателей рус. языка и литературы, Российское о-во преподавателей рус. языка и литературы, Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкафедральный словарный каб. им. Б.А. Ларина. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 783 с.
3. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.11.2021).
4. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб.: Изд. Археографической комис., 1888. X, 490, ХСVIII с.
5. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. / [Аверина С.А. и др.]. М.: ВЛАДОС; СПб.: Филол. фак. СПб. гос. ун-т, 2002. Т. 2: 3–П. 719 с.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 9. М.: Наука, 1982. 358 с.
7. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / сост. А.К. Шапошников. М.: Флинта; Наука, 2010. Т. 1: А–Н. 582 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-144-152

Константинова А.А.,
*Кубанский государственный
технологический университет,
Россия, г. Краснодар*

ПАРЕМИИ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ СОВРЕМЕННОГО АМЕРИКАНСКОГО ИНТЕРНЕТ-АКТИВИЗМА¹

Аннотация. В статье рассмотрена специфика применения англо-американских паремий в качестве дискурсивного инструмента американского интернет-активизма. Выявлены темы общественно-политической повестки дня, обозначаемые в социальных медиа посредством пословиц, определены их паремические маркеры, выделены формы интернет-активизма с наиболее частым применением пословичного инструмента активизации целевой аудитории. Обоснована существенная роль паремий в производстве и организации дискурса современных американских гражданских и политических интернет-активистов.

Ключевые слова: паремии (пословицы), интернет-активизм, социальные медиа, американские общественно-политические движения.

Anna Konstantinova,
*Kuban State Technological University,
Russia, Krasnodar*

PAREMIAS AS A DISCURSIVE TOOL OF MODERN AMERICAN INTERNET ACTIVISM

Abstract. This paper examines the paremic instrument of modern American digital activism. The sociopolitical issues formulated with proverbs

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00239а.

in social media are singled out, their most frequent paremic markers are distinguished, and the genres of digital activism regularly featuring proverbs are identified. The article argues that paremias play a significant role in the production and structuring of the discourse of modern American digital activists.

Keywords: paremias (proverbs), digital activism, social media, American sociopolitical movements.

Стремительно развивающиеся цифровые технологии обеспечивают возможности для цифрового участия граждан в общественно-политической жизни государства. В работах исследователей в данной области фигурирует понятие «культура участия» («партиципаторная культура» / англ. participatory culture) как антипод «культуры потребления» (англ. consumer culture); ипостасями первой являются цифровой *политический* активизм («политика участия» /англ. participatory politics) и разного масштаба *гражданские* кампании и инициативы, направленные на решение конкретной проблемы (англ. issue-centered activism), см., например [5, с. 95].

Стоит также подчеркнуть, что в научных публикациях используется ряд близких терминов: «цифровой активизм» (англ. digital activism), «Е-активизм» (англ. E-activism), «интернет-активизм», «онлайн-активизм», «кибер-активизм» [1, с. 43; 6, с. viii–ix; 7]. Поскольку в нашей работе нас интересует роль онлайн-пространства в современных социально-политических процессах США, то мы остановимся на терминах «интернет-активизм» и «онлайн-активизм» как взаимозаменяемых.

Наши наблюдения за бытованием паремий и других прецедентных феноменов в дискурсе современных американских общественно-политических движений свидетельствуют о том, что гражданская и политическая повестка дня (англ. agenda) транслируется с их помощью в двух ракурсах – рефлексивном (осмысливающим) и акциональном (деятельностном) [8, с. 337; см. также 3, с. 275]. Первый ракурс подразумевает тексты, в которых анализируется, оценивается социополитическая реальность; второй включает тексты, нацеленные на вовлечение масс в гражданский или политический активизм, побуждающие к действию.

Современная мантра «социальные медиа для социальных перемен» (англ. social media for social change) может лаконично охарактеризовать практический материал, отобранный для настоящего исследования: мы анализируем *акциональные* тексты и рассматриваем явление использования паремического языка как инструмента интернет-активизма. Так, было изучено около 500 случаев применения паремий в постах, мемах, карикатурах, опубликованных американскими гражданскими и политическими активистами / сообществами в социальных медиа (Facebook, Twitter, Instagram) в период с 2016 по 2021 г.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления феномена использования паремий интернет-активистами в своих дискурсивных практиках с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы языкознания как интегрального подхода, позволяющего наиболее полно описать роль языковых единиц в производстве и организации дискурса. Так, цель работы – изучение специфики применения паремий в качестве дискурсивного инструмента американского онлайн-активизма; основными задачами стали:

- 1) выявление тем общественно-политической повестки дня (областей / явлений / проблем в жизни современного американского общества), получающих дискурсивное обозначение посредством пословичных единиц;
- 2) определение наиболее частотных паремий, служащих метаязыком дискурса интернет-активизма и обоснование их метаязыкового потенциала;
- 3) выделение форм, или жанров, интернет-активизма, в которых наблюдается частое применение паремического инструмента активизации целевой аудитории.

В качестве ведущего метода использовался дискурс-анализ; в качестве вспомогательных – контекстуальный анализ, метод лингвистического описания, элементы семиотического анализа, метод сплошной выборки, метод статистической обработки и обобщения полученных данных.

Результаты освещаемого изыскания подтверждают выводы по предыдущим исследованиям относительно основных тем и их ключевых паремических маркеров в современном американском пространстве

социальных медиа [2; 8]. Так, наиболее значимые темы в нашем материале:

- 1) пандемия COVID-19;
- 2) поляризация американского общества (во многом связанная с «эпохой» Д. Трампа, «трампизмом»);
- 3) расовый вопрос (и частная проблема жестокости полицейских по отношению к чернокожим американцам);
- 4) проблема гендерного неравенства.

Как показал анализ, ключевыми паремиями-маркерами этих тематических областей являются следующие популярные англо-американские единицы (в отдельных случаях в модифицированном виде):

- 1) If you see something, say something, Ask not what your country can do for you, ask what you can do for your country;
- 2) Love trumps hate, Build bridges, not walls, Love it or leave it;
- 3) идиома a few bad apples, произошедшая от пословицы One bad apple spoils the whole bunch, связь с которой очевидно прослеживается в современном дискурсе движения Black Lives Matter;
- 4) Enough is enough, A woman's place is in the house.

В ходе исследования были также выявлены жанры (формы) интернет-активизма, в которых паремии являются неотъемлемым дискурсивным инструментом.

1. *Блог-посты.* Интернет-блогинг представляет собой прекрасную платформу для привлечения внимания к насущным и требующим неотложного действия общественным проблемам, при этом обеспечивая доступ к «идеям и настроениям» отдельных, зачастую авторитетных авторов, что может способствовать интимизации интернет-коммуникации, формированию доверия к публикуемому контенту. К примеру, после победы Д. Трампа на президентских выборах 2016 г. современные пословицы Build bridges, not walls и Love trumps hate стали лейтмотивами ряда постов, передающих ощущение внутренней опустошенности авторов, их обеспокоенность за будущее страны, переживающей усиление общественной поляризации.

2. *Политические карикатуры и мемы.* Бесспорно, юмор – излюбленный (и даже вездесущий) элемент партиципаторной цифровой культуры; мемы и карикатуры при этом являются одними из ключевых жанров сетевого активизма.

Рис. 1

Рис. 2

На рис. 1 наблюдаем визуальную буквализацию фразы *a few bad apples*, в последние годы применяемой по отношению к полицейским, проявляющим неоправданную жестокость к чернокожим американцам. В данном карикатурном изображении также актуализируется связь идиомы с пратекстом-пословицей *One bad apple spoils the whole bunch* – по аналогии с возом яблок, испорченным из-за одного гнилого плода, большинство полицейских показаны как сообщники или как коллеги, покрывающие нечистоплотного офицера. На рис. 2 мем на тему пандемии сопровождается антипословишной переделкой известнейшей цитаты Дж. Кеннеди (в силу своей популярности приобретшей паремический статус): “*Mask not what your country can do for you, mask is what you can do for your country*” (ср.: *Ask not what your country can do for you, ask what you can do for your country*) – и служит слоганом социальной интернет-кампании по продвижению осведомленности о важности соблюдения масочного режима в условиях распространения инфекции.

3. *Названия кампаний.* Названия с акциональным содержанием имеют символическое значение: они не только выполняют функцию привлечения внимания к инициативе, но и позволяют вкратце информировать пользователей сети об общественно-политической программе той или иной кампании, являясь, таким образом, ее репрезентантом. На этом основании в своей работе мы рассматриваем названия кампаний как форму цифрового активизма. В качестве примеров приведем следующие: *Love Trumps Hate Dating & Friendship Movement* [<https://lovetrumpshatedating.com/>] (онлайн-инициатива по продвижению идеи взаимопонимания без национальных барьеров, а также социальная платформа для знакомств); *EnoughIsEnough Voter Project* (кампания по выведению обсуждения проблемы насилия над женщинами на политический уровень); призыв в сети подписать петицию *Tell Congress to Build Bridges, Not Walls* против строительства стены на границе с Мексикой [4] и др.

4. *Слоганы/лозунги общественно-политических интернет-кампаний и инициатив* (в некоторых случаях одновременно названия и слоганы). Паремии, как и другие воспроизводимые языковые единицы, являются, в изящной формулировке В.Н. Телия, «телами знаков языка культуры». Когнитивная функция пословиц, несомненно, тесно

связана и с их культурной функцией, т.е. хранением и передачей культурно значимых смыслов, стереотипов, поведенческих предписаний и т.п. [8, с. 369]. Весьма интересным аспектом когнитивно-дискурсивных исследований в паремииологии является корреляция пословиц и текстов социальной рекламы. Как известно, рекламный дискурс (как коммерческой, так и некоммерческой направленности) выделяется в качестве одного из источников пополнения паремического фонда английского языка [9]. Близость некоторых пословиц-императивов к слоганам и мотто (т.е. текстам, побуждающим к действию) была рассмотрена нами в ранних работах [2]; этот феномен мы предлагаем обозначать «пословицы в действии» (англ. proverbs in action) [8, с. 378]. В проанализированном корпусе примеров также наблюдается эффективное использование авторами текстов языкового и функционально-когнитивного подобия пословиц и слоганов / лозунгов: в целом ряде случаев паремические единицы становятся слоганами социальных кампаний, направленных на решение вопросов, представляющих эмоциональную значимость для активистов. В нашем материале к упомянутым практикам можно отнести такие инициативы, как движения Time's Up и Me Too с их популярнейшим пословичным слоганом-хештегом (#Enoughisenough; ср.: Enough is enough); движение за равные права / возможности женщин в политике с антипословичным слоганом-хештегом (#Awomansplaceisinthehouseandsendate; ср.: A woman's place is in the house); социальные кампании, нацеленные на привлечение внимания к необходимости соблюдать требования самоизоляции, карантина, ношения масок с антипословичными слоганами-хештегами (You can't fix stupid. Turns out you can't quarantine it, either; ср.: You can't fix stupid; Mask not what your country can do for you, mask is what you can do for your country; Ask not what your country can do for you, ask what you can do for your country); гражданские кампании «месяц осведомленности» (англ. awareness month), проводимые в национальном или международном масштабах, инициируемые правительством или частными организациями. Относительно последних заметим, что многие из них, будучи сфокусированными на различных проблемах, в качестве слогана (и, соответственно, хештега) избирают распространенное выражение If you see something, say something. Зародившаяся как слоган социальной кампании

по предотвращению возможных террористических актов после трагических событий 11 сентября 2001 г., сегодня эта фраза, уже приобретающая паремический статус, применяется в сети как призыв проявить гражданскую сознательность по широкому кругу вопросов, например бытовое насилие, профилактика суицида, безопасность студентов, преступления против дикой природы и экологические преступления и т.п.

5. *Хештег-активизм*. Одним из мощных и уже вездесущих когнитивно-дискурсивных феноменов сетевой общественно-политической интеракции является феномен хештега с легко узнаваемым символом # («решетка»), за которым следуют ключевые слова или фраза, предоставляющие пользователям Интернета «короткий путь» для категоризации, рубрикации и поиска информации, подключения к интернет-коммуникации по определенной теме (англ. hashtag-based discussions). Эта метаязыковая (и метадискурсивная) роль хештегов эксплуатируется гражданскими и политическими организациями для продвижения своей программы и является попыткой влияния на массы и управления их поведением. Так, в случае применения паремий хештеги из дискурсивных маркеров-рубрикаторов превращаются в метаязыковых дискурсивных помощников, так как представляют собой сконденсированную мысль в легко узнаваемой языковой упаковке, за которой стоит значительный лингвокультурный пласт знания. Протрамповские пользователи социальных медиа, к примеру, свои посты часто сопровождают пословицей с джингоистским звучанием #loveitorleaveit, в то время как пословичные хештеги #lovetrumpshate, #buildbridgesnotwalls стали маркерами дискурса активистов-«анти-трамповцев», а также пользователей Сети, выступающих за толерантность и уважение по отношению к представителям разных культур. Стоит также отметить, что все выделенные нами паремии-маркеры современного американского интернет-активизма (приведены выше) фигурируют в дискурсе общественных и политических активистов в качестве хештегов, причем результаты поиска по ним достигают десятки и сотни тысяч веб-страниц.

Итак, исследование выявило существенную роль паремий в производстве и организации дискурса современных американских гражданских и политических активистов в социальных медиа: посредством паремических формулировок устанавливается и реализуется

гражданская и политическая повестка дня в интернет-пространстве. Применение выделенных в работе ключевых пословиц-маркеров в качестве дискурсивного инструмента в таких формах интернет-активизма, как посты, мемы, карикатуры, хештеги, названия инициатив позволяет оказывать воздействие на целевую аудиторию через мгновенную трансляцию культурно значимых когнитивных установок, оценок, поведенческих ориентиров, актуальных для американского общества.

Литература

1. Башева О.А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 1. С. 41–57.
2. Константинова А.А. “Ask not what staying on the couch can do for you, ask what staying on the couch can do for your country”: паремический метаязык дискурса пандемии COVID-19 в американских социальных медиа // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2021. № 5. С. 58–70.
3. Шейгал Е.И. Категоризация мира политики в жанрах политической афористики // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 273–279.
4. Friends committee on national legislation. Petition: Tell Congress to Build Bridges, Not Walls. 2017. URL: <http://www.wildlandsnetwork.org/blog/tell-congress-build-bridges-not-walls> (дата обращения: 30.09.2020).
5. Graeff E. Youth digital activism. world youth report 2015. In: Youth Civic Engagement. United Nations: New York, NY. 2016. URL: <https://www.un.org/development/desa/youth/world-youth-report/2015-2.html> (дата обращения: 25.08.2021).
6. Joyce M. Preface: The problem with digital activism. In: Digital activism decoded: The new mechanics of change. New York & Amsterdam: International debate education association, 2010. Pp. vii–xi.
7. Kaur G. Digital activism. 2010. URL: https://www.researchgate.net/publication/350008140_Digital_Activism/citations#fullTextFileContent (дата обращения: 10.10.2021).
8. Konstantinova A. “Build bridges, not walls”: A study of the text and contexts. *Western Folklore, Special Issue on Mind, Cognition, and Structures*. 2021. Vol. 80. No. 3/4. Pp. 365–399.
9. Mieder W. “Think outside the box”: Origin, nature, and meaning of modern Anglo-American proverbs. *Proverbium*. 2012. No. 29. Pp. 137–196.

DOI: 10.31862/9785426311954-153-160

Летохо Е.В.,
*Московский педагогический
государственный университет,
Россия, г. Москва*

**СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
И ХАРАКТЕР ТРАНСФОРМАЦИИ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В ОЧЕРКЕ И.А. БУНИНА «ТЕНЬ ПТИЦЫ»**

Аннотация. Предметом настоящего исследования являются фразеологические единицы в очерке И.А. Бунина «Тень птицы». Цель работы – анализ специфики функционирования и характера трансформации фразеологизмов в указанном произведении. Методика исследования включает в себя описательный метод, изучение словарных дефиниций, дистрибутивный и количественный методы. В работе рассмотрены лексико-грамматическая характеристика, семантическая слитность, виды окказионального расширения ФЕ и др. Проанализированы особенности трансформации фразеологизмов очерка; определены их стилистические функции. В результате анализа выявлено образно-экспрессивное и аллюзивное наполнение фразеологических единиц в очерке И.А. Бунина.

Ключевые слова: очерк, лирическая проза, малая проза, аксиология, фразеологизм, функционирование, трансформация фразеологизмов, импрессионизм, экспрессия, антитеза, контекстная синонимия, хронотоп.

Elena Letokho,
Moscow Pedagogical State University,
Russia, Moscow

**THE SPECIFICS OF FUNCTIONING
AND THE NATURE OF TRANSFORMATIONS
OF PHRASEOLOGICAL UNITS
IN I.A. BUNIN'S ESSAY
"THE SHADOW OF A BIRD"**

Abstract. The subject of this article is the phraseological units in the essay by I.A. Bunin's "The Shadow of a Bird". The aim of the work is to analyze the specifics of the functioning and the nature of the transformation of phraseological units in the specified work. The research methodology includes a descriptive method, the study of dictionary definitions, distributive and quantitative methods. The paper considers the lexical and grammatical characteristics, semantic fusion, types of occasional extension of phraseological units, etc. The features of the transformation of phraseological units of the essay are analyzed; their stylistic functions are determined. As a result of the analysis, the figurative-expressive and allusive content of phraseological units in I.A. Bunin's essay was revealed.

Keywords: essay, lyric prose, short prose, axiology, phraseological unit, functioning, transformation of phraseological units, impressionism, expression, antithesis, context synonymy, chronotope.

Фразеология является одним из самых малоисследованных разделов лингвистики. При относительной разработанности вопроса классификации нетрансформированных фразеологизмов [2; 9; 10], общепризнанная классификация трансформированных фразеологизмов отсутствует.

Особую актуальность данная проблема приобретает в контексте индивидуально-авторских художественных систем. Фразеология, служащая для воплощения смыслов лингвальными средствами этнокультуры, составляет неотъемлемую часть художественно-образной системы писателя [3, с. 120]. Языки многих писателей в аспекте фразеологии мало изучены, в то время как литературные произведения в контексте антропоцентрической парадигмы являются феноменом

индивидуального творчества, источником познавательной информации, «продуктом речемыслительной деятельности автора» [5, с. 13].

Проблеме классификации трансформированных фразеологизмов посвящены труды многих исследователей, в частности А.И. Молотова, К.Л. Шадрина и др., однако работ, посвященных трансформации фразеологизмов И.А. Бунина, нет.

Цель данного междисциплинарного исследования – проанализировать специфику функционирования и характер трансформации фразеологических единиц в малоизученном очерке И.А. Бунина «Тень птицы».

Предмет исследования – лексические, грамматические, семантические, экспрессивные, стилистические свойства и преобразования фразеологизмов.

В очерке И.А. Бунина «Тень птицы» представлено 17 фразеологических единиц, среди которых преобладают разговорные (книжных выявлено три). Проанализируем наиболее заметные из них.

Согласно лексико-грамматической характеристике представленные в очерке ФЕ делятся на именные (*какое дело до, то и дело* и др.) и глагольные (*занять место, улучшить момент, пожимать плечом, бросаться со всех ног, сидеть (сидя) на корточках, когда кому вздумается, падать (падающего) ниц, Бог послал*). Особняком стоит наречный фразеологизм *спокон веку*.

С точки зрения семантической слитности фразеологические обороты, представленные в очерке, можно разделить на три группы: фразеологические сращения (*спокон веку, падать ниц, то и дело, бросаться со всех ног*), фразеологические единства (*занять место, сидеть на корточках, пожимать плечом*) и фразеологические сочетания (*улучшить момент, какое дело, один за другим, когда кому вздумается, Бог послал* и др.).

Практически все вышеперечисленные фразеологизмы (за редким исключением) представлены в очерке И.А. Бунина в трансформированном виде: наблюдается варьирование компонентов ФЕ по форме и по составу.

Фразеологизм *занимать своё место* с целью усиления экспрессии и обновления мотивировки трансформируется с помощью вклинивания формы личного местоимения и прилагательного (*всё ладно заняло на нём* (корабле. – Е.Л.) *своё определённое место*) [1, с. 6].

Наблюдается увеличение числа компонентов и в случае с ФЕ *улучить момент*. Форма существительного с производным предлогом преобразует привычное сочетание, конкретизируя и в какой-то степени «обытовляя» смысл предложения: *Герасим... улучшает среди качки удобный момент, чтобы ухватиться за перила трапа* [1, с. 11].

Подобные виды окказионального расширения имеют отношение не только к словопорядку компонентов, но и к конкретизации семантики ФЕ.

Незначительная трансформация наблюдается в устойчивом сочетании *какое дело (какое дело до изана Галате!* [Там же, с. 13]). Лексическая единица (ЛЕ), обозначающая призыв к всеобщей молитве, добавлена по контрасту с топонимом Галата. Этот населенный пункт рассказчик сравнивает с Содомом и Гоморрой, что служит аллюзией к библейскому фразеологизму. Противопоставляя «высокое» (*изан/азан*) «низкому» (*Галата* – «помойная яма», сопоставимая с содомскими «нечистотами»), И.А. Бунин добивается уровня экспрессии, характерного не столько для письменной формы речи, сколько для устного «регистра». Подобная особенность, характерная для стиля и языка данного очерка, тем более примечательна в контексте очерковой лирической прозы первой половины XX в.

В этом же абзаце обыгрывается фразеологическая единица с тем же ключевым словом: *...по всем лицам и разноцветным одеждам то и дело лёгкими гигантскими взмахами проходят светлые столпы прожекторов...* [Там же, с. 14]. Фразеологизм не трансформирован, однако его экспрессивная окраска способствует точной интерпретации эмоций повествователя. Эпитеты *лёгкими* и *гигантскими*, связанные контекстной антонимией, а также нетрансформированный фразеологизм *один за другим* помогают создать зримый образ улиц, «переполненных народом» и атмосферу «народных гуляний».

Представлены в тексте и комбинированные способы трансформации. ФЕ *пожимая, по южному обычаю, плечом* появляется в результате вклинивания вводного словосочетания, служащего средством обозначения так называемого «местного колорита», и формального видоизменения компонентов (*плечом* (ед. ч.) вместо *плечами* (мн. ч.)).

В разговорном фразеологизме *со всех ног* представлена замена одного из компонентов синонимом и применена инверсия (*со всех ног*

бросается [1, с. 15] вместо *бежит со всех ног*). Данная калька с французского (*a toutes jambes*) [10, с. 136] употребляется с целью «укрупнения» образности (изображен умалишенный человек, отнимающий еду у собак).

В следующем отрывке дан нетрансформированный фразеологизм, функцией которого является не столько образность, сколько эффект контраста. Так, проходящие люди «таинственно совершают омовения среди содово-грязных короткошерстных собак» [1, с. 17]. Для описания процедуры, предшествующей посещению храма, используется прием соединения нетрансформированного фразеологизма и контекстных антонимов (*сидя на потточках; омовения и содово-грязные собаки*).

В этом же «контрастном» стиле выписан и сам исламский храм: повествователь не знает путешественника «не укорившего турок за то, что они оголили храм, лишили его изваяний, картин, мозаик», но именно эта нагота храма ассоциируется с первоизданной святостью, «эkleктикой» и «первобытной простотой». По контрасту со словами из синтагматических рядов «бедность» и «нагота» выбраны лексические единицы «простота» и «светоносность»: *Босьми входят сюда молящиеся, – входят **когда кому вздумается**, ибо всегда и для всех открыты двери мечети. С древней доверчивостью, с поднятым к небу лицом и с поднятыми открытыми ладонями обращают они свои мольбы к Богу в этом светоносном и тихом храме...* [Там же, с. 20].

«Гармонии» бунинского контраста соответствует и разговорный фразеологизм *когда кому вздумается*. Добавление элемента «когда» в привычное сочетание добавляет значимый оттенок смысла, конкретизируя смысловое «поле» со значением времени. Без данного временного оттенка фразеологизм потерял бы свою дополнительную семантику и синонимизировался бы с выражением *все, кому не лень*.

В финале произведения представлены три трансформированных фразеологизма: *падающего ниц; со всех концов мира и Бог уже послал* [Там же, с. 20–21]. В первом случае мы видим морфологический вариант фразеологизма *падать ниц* (глагол заменен на действительное причастие настоящего времени). Во втором и третьем примерах выведены ФЕ, которые появляются в результате увеличения числа компонентов: вклинивания наречия в середину ФЕ (*Бог уже послал*)

и присоединения в постпозиции существительного *мир* в форме род. падежа ед. числа (*со всех концов мира*).

Если морфологический вариант фразеологизма продиктован формой предшествующего ему существительного (*славословия падающего ниц человека*) [1, с. 20], то фразеологизм со значением «отовсюду» трансформируется в *со всех концов мира* с целью подчеркнуть масштабность молебнов: *к святому городу, к ветхозаветному камню в пустыне Измаила и Агари...* [Там же].

Особого внимания заслуживает обладающий так называемой «семантической недостаточностью» [11, с. 18] книжный фразеологизм *Бог послал*. Специфика исследуемого фразеологизма и сходных с ним *Бог дал*, *Бог обидел* и др. состоит в формировании под влиянием семантических распространителей, которые не являются структурным элементом фразеологической единицы [Там же]. При этом семантические распространители выступают в качестве дополнения и находятся в постпозиции по отношению к фразеологической единице: *просьба о милостыне звучит безжизненно: Бог уже послал ему дневное пропитание...* [1, с. 21]. Это связано со структурной моделью анализируемых процессуальных фразеологических единиц с компонентом «Бог». Все они восходят к простому двусоставному нераспространенному предложению и характеризуют семантический субъект, который лишается воли, так как наделяется / не наделяется чем-либо с помощью сверхъестественных сил [11, с. 18].

Подводит логическую черту в очерке фразеологизм *испокон веков: отрадная прохлада спокон веку царит в этих сводчатых коридорах* [1, с. 22]. Используемая в значении «с незапамятных времен» [8, с. 62], ФЕ служит отсылкой к так называемому «хронотопу вечности», создающему «ситуацию покоящегося пространства и остановленного времени» [6, с. 6–9]. Отличительная черта такого хронотопа заключается в существовании пространства «всего сразу»: как «состояние, в котором одновременно потенциальны все пространства» [7, с. 121–122];

На основе анализа ФЕ в очерке И.А. Бунина «Тень птицы» мы приходим к выводу о том, что специфика функционирования фразеологизмов продиктована «сакральной» направленностью самого текста и напрямую связана с авторской аксиологией.

В корпусе фразеологических единиц очерка важную роль играют просторечные выражения, которые гармонично вписаны в прозаический текст. Писатель использует не только единицы, зафиксированные фразеографическими источниками, но и подвергает отдельные обороты трансформации (как семантической, так и структурной). Видоизмененные фразеологизмы выполняют различные стилистические функции: придают повествованию эмоционально-экспрессивный характер; передают психоэмоциональные состояния героев и автора-повествователя; служат способом оценки действий персонажей.

Большинство используемых И.А. Буниним фразеологических оборотов имеет разговорную коннотацию, однако встречаются и книжные выражения библейского происхождения, поэтому фразеологизмы, помимо образно-экспрессивных, выполняют также функцию создания аллюзий и реминисценций, обладают богатым интертекстуальным потенциалом.

Литература

1. Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско. М.: Э, 2017. 128 с.
2. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // ВЯ. 1953. № 5. С. 3–29.
3. Дьякова Т.А. Просторечная фразеология в творчестве Михаила Матушовского: семантический и функционально-стилистический аспекты // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2021. Т. 7 (73). № 2. С. 104–121.
4. Мигранова Л.Ш. Фразеология романа «Анна Каренина» как фрагмент языковой картины мира Л.Н. Толстого: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Уфа, 2010. 26 с.
5. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 283 с.
6. Темирболат А.Б. Категория хронотопа в свете современных научных концепций литературоведения // Филологические науки в России и за рубежом: материалы I Международной науч. конференции. СПб.: Реноме, 2012. С. 6–9. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/26/1809/> (дата обращения: 03.12.2021).
7. Савельева В.В. Художественный текст и художественный мир. Алматы: Дайк-Пресс, 1996. С. 120–128.

8. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель; АСТ, 2008. 878 с.
9. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.
10. Шанский Н.М., Зимин В.И. Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Русский язык, 1987. 240 с.
11. Шведова Н.В. Словарь фразеологизмов с компонентом «бог» / под ред. Н.Б. Усачевой. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. 111 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-161-169

Серебрякова С.В.,

*Северо-Кавказский
федеральный университет,
Россия, г. Ставрополь*

Лиховид А.А.,

*Северо-Кавказский
федеральный университет,
Россия, г. Ставрополь*

**ПЕРЕДАЧА
ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ:
ГЕНДЕРНАЯ ПЕРСПЕКТИВА**

Аннотация. В данной статье рассматриваются гендерно обусловленные особенности передачи прагматики английской фразеологии в переводе на русский язык. Дается краткое определение экспрессивности и эмоциональности как прагматических свойств фразеологических единиц, приводится их краткая классификация. В исследовании приводятся примеры использования фразеологизмов из англоязычного викторианского романа, а также варианты их перевода с дальнейшим анализом переводческих решений.

Ключевые слова: фразеологическая единица, идиома, фразеологизм, прагматический эффект, экспрессивность, эмоциональность, гендер.

Svetlana Serebryakova,

*North-Caucasus Federal University,
Russia, Stavropol*

Anna Likhovid,

*North-Caucasus Federal University,
Russia, Stavropol*

TRANSFERRING THE PRAGMATIC CAPACITY OF ENGLISH PHRASEOLOGY IN TRANSLATION: GENDER PERSPECTIVE

Abstract. This article examines the gender-specific features of the transmission of pragmatics of English phraseology in translation into Russian. A brief definition of expressiveness and emotionality as pragmatic properties of phraseological units is given, as well as a brief classification of them. The study demonstrates the use of phraseological units from an English-language novel, and options for their translation with further analysis of translation solutions.

Keywords: phraseological unit, idiom, pragmatic effect, expressiveness, emotionality, gender.

Настоящая статья является частью более масштабного исследования, посвященного изучению гендерных особенностей сохранения экспрессивных языковых средств англоязычного викторианского романа на материале романа Элизабет Гаскелл «Север и Юг» и двух его переводов, выполненных мужчиной (С. Трофимовым) и женщинами (В. Григорьевой, Е. Первушиной). В ходе исследования в тексте оригинала были выделены экспрессивно маркированные языковые средства и обоснована адекватность их перевода на русский язык.

В рамках данной работы мы рассматривали экспрессивность как понятие, смежное с эмоциональностью. Исходным пунктом выступило положение, что эмоциональность языковых средств выражается в их способности передавать оценочно-личное отношение автора к предмету речи, а экспрессивность предстает как способ усилить представления говорящего, намеренное, интеллектуально обработанное

желание вызвать у читателя определенные ассоциации [2, с. 56]. Иными словами, экспрессивность и эмоциональность являются одновременно как смежными, так и независимыми друг от друга явлениями [8, с. 15].

Таким образом, в центре нашего исследования находились эмоционально-экспрессивные языковые средства, реализующие прагматическую установку художественного текста – эстетическое воздействие на читателя. Именно последнее обстоятельство, т.е. высокая эстетичность наряду с субъективностью художественного текста, иными словами, его экспрессивность, обуславливает специфику художественного перевода. При переводе художественных текстов большую роль играет языковая личность переводчика, сочетающего в себе как функции адресата, так и адресанта [13, с. 53], в рамках нашего исследования актуальным был вопрос: каким образом гендер переводчика влияет на конечный продукт? Большинство работ в этой области исходят из положения о том, что в речи мужчин и женщин существуют определенные различия. Так, женской речи почти всегда приписывается эмоциональность, в то время как мужская речь часто описывается как сдержанная [6; 9; 10]. Таким образом, интерес представляет вопрос: в какой степени гендерная принадлежность переводчика влияет на перевод языковых средств, имеющих образно-оценочное наполнение произведения?

В ходе исследования мы проанализировали 151 языковую единицу из 28 контекстов романа «Север и Юг». Далее были изучены их переводы на русский язык в версиях В. Григорьевой и Е. Первушиной (женский вариант перевода) и С. Трофимова (мужской вариант перевода). В фокусе внимания находилась лексика повышенной и пониженной экспрессивности, художественно переосмысленная нейтральная лексика, а также общая лексика, наделенная оценочной коннотацией, метафоры, эпитеты, сравнения, фразеологизмы, а также диалектизмы и просторечия. В результате мы пришли к выводу, что мужской вариант перевода на 11% чаще снижал или утрачивал эмоциональность или экспрессивность перевода. Данные результаты подтвердили указанное выше предположение о существовании различий в речевых манифестациях мужчин и женщин.

Акцент в данной работе сделан на особенностях более подробно перевода фразеологизмов как продуктов вторичной номинации, заключающих в себе экспрессивный, эмотивный и оценочный потенциал. Оценочно-экспрессивная составляющая фразеологизмов позволяет говорить о том, что за ними денотативно закреплена возможность транслировать восприятие носителями языка, в нашем случае не только автора, но и переводчика, определенного явления или события. Им свойственна также высокая коннотативность, что обусловлено использованием говорящими экспрессивного потенциала с намерением произвести определенный коммуникативный эффект [12, с. 219]. Прагматически значимым свойством фразеологических единиц является также их способность выразить специфическое семантическое содержание, которое необходимо для достижения коммуникативной установки отправителя речи [1, с. 109].

Во фразеологической системе принято выделять несколько разрядов фразеологических единиц по степени их семантической спаянности: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания [3, с. 109]. К первой категории чаще всего относят идиомы, которые представляют собой устоявшиеся речевые обороты с высоким эмоционально-образным потенциалом. От двух других категорий фразеологическое сращение отличает то обстоятельство, что его общая значимость не определяется семантикой его компонентов, а его смысл не определяется смыслом входящих в него элементов. Некоторые исследователи полагают, что идиома – это частный случай фразеологизма [11, с. 683]. Данный тип фразеологических единиц представляет наибольший интерес с точки зрения сохранения их прагматики в переводе. Фразеологические единства – это фразеологизмы, которые обладают высокой образностью, однако смысл всего выражения может быть выведен из семантики отдельных его компонентов. В основе такого фразеологизма зачастую лежит ассоциация, в силу чего при переводе становится возможным найти идентичный по смыслу фразеологизм в языке перевода. Фразеологические сочетания являются наиболее мотивированной категорией, так как их смысл легко выводится из суммы смыслов составляющих их компонентов. Иными словами, элементы, входящие в состав фразеологического сочетания, не утрачивают своей семантики, но сочетаются с определенными лексическими единицами.

Что касается английского языка, то к числу фразеологических единиц принято относить также фразовые глаголы, которые занимают промежуточное положение между фразеологизмами и идиомами. Фразовые глаголы обеспечивают важный прагматический аспект коммуникации в силу своей лаконичности и экспрессивности [7, с. 106].

Таким образом, основу фразеологизма во многих случаях составляет метафорическое переосмысление определенного явления. В процессе перевода важно не только передать его смысл, но и подобрать такой вариант перевода, который оказывал бы на читателя равноценное эмоционально-экспрессивное воздействие. Кроме того, фразеологизмы могут обладать национальной спецификой, что также представляет определенную переводческую сложность. Проиллюстрируем далее наши рассуждения наиболее интересными вариантами перевода фразеологизмов, сделав акцент на гендерной обусловленности переводческих решений.

*Tell her to **mind her own business** the next time, instead of **taking up your time and mine**. I believe women are at **the bottom of every plague in this world**... [15, с. 297] – В следующий раз, вместо того чтобы **тратить твоё и моё время**, скажи ей, **чтобы она не лезла не в своё дело**. Я убеждён, что женщины – это **корень всех зол в мире**... [4, с. 393] / В следующий раз **попросите её заниматься своими делами и не отнимать время у занятых людей**. Я убеждён, что **в основании всех бед стоят женщины**... [5, с. 226]*

Итак, приведенный отрывок взят из сцены, где Хиггинс, работник, пришел просить мистера Торнтон снова принять его на работу после забастовки. Данное высказывание принадлежит мистеру Торнтону, чье настроение в главе описано как раздраженное. К раздражению, испытываемому из-за работы, прибавляется личная обида на Маргарет. На фоне этого мы склонны считать, что использованная в тексте оригинала идиома *mind her own business* имеет грубый оттенок и несет в себе намерение задеть Маргарет. Cambridge Dictionary, давая определение данной идиоме, также подчеркивает эту коннотацию: “Used to tell someone in a rude way that you do not want them to ask about something private” [14]. Выбранный В. Григорьевой и Е. Первушиной

вариант *лезть не в своё дело* полностью передает прагматический эффект оригинала, что усиливается сохранением повелительного наклонения всего высказывания. Вариант С. Трофимова смягчает разговорно-грубую коннотацию оригинального высказывания, в силу чего прагматика оригинала в данном случае утрачивается.

Аналогичная ситуация имеет место и при переводе фразового глагола *take up your time and mine*. The Free Dictionary дает ей следующее толкование: “To require too much of someone else’s time; to waste someone’s time” [16]. Выражение несет в себе элемент негативной оценочности, что также подчеркивается использованием слова *waste* («тратить, выбрасывать») в самом определении. Примечательно, что В. Григорьева и Е. Первушина делают акцент именно на этом элементе значения, выбрав выражение *тратить твоё и моё время* в качестве варианта перевода. Перевод С. Трофимова снова теряет заданную писательницей эмоционально-оценочную, несколько сниженную экспрессию речи персонажа в оригинале.

Наконец, в подтверждение тезиса о большей экспрессивности женской речи обратимся к следующему, выделенному курсивом выражению. Английская фраза *at the bottom of every plague* в словарях не значится как фразеологизм, однако ее образность и метафоричность не подлежат сомнению. Интересно, что при переводе на русский язык женщины-переводчицы использовали фразеологическое сочетание – его также можно определить как афоризм *корень зла*, что, однозначно, повышает экспрессивность перевода.

*To be sure, the men were **cutting their own throats**, as they had done many a time before...* [15, с. 152] – Конечно, хозяева **действовали во вред себе**... [4, с. 201] / Да, рабочие могли **рвать глотки до посинения**, как делали это много раз прежде [5, с. 116].

В приведенном выше примере нас интересует перевод идиомы *to cut one’s down throat*, так как в данном случае ситуация с ее репрезентацией в обеих переводных версиях сложилась неоднозначная. The Free Dictionary дает ей следующее толкование: “To cause problems for oneself with one’s own actions (which are often motivated by anger)”. Данная идиома употреблена в контексте размышлений Маргарет на приеме у Торнтонов. На момент события она не одобряла политику

хозяев фабрик в отношении рабочих, и эта фраза отражает ее мнение о судьбе их предприятий, если они не изменят модель поведения. Идиома имеет явный оттенок неодобрения, и на русский язык может переводиться как почти дословным («самому себе перерезать горло»), так и более эвфемистичным («действовать во вред себе») способом. Последний вариант и используется в женской версии перевода с сохранением как семантики, так и оценочного компонента исходного выражения. Мы считаем, что С. Трофимов допускает две переводческие погрешности, что приводит к утрате прагматической установки оригинала. Во-первых, как следует из его перевода, речь в данном отрывке идет о рабочих, что не соответствует содержанию оригинала. Во-вторых, он использует разговорный, экспрессивно сниженный вариант *рвать глотку до посинения*, что, с одной стороны, воспринимается как семантически некорректный вариант перевода, а с другой – стилистически не вписывается в речевое поведение аристократичной Маргарет. Возможно, С. Трофимов стремился найти русский вариант перевода с общим денотативным компонентом («глотка»), однако в данном случае это привело к искажению содержания высказывания.

Приведем еще один пример, где мужской вариант перевода, на первый взгляд, экспрессивнее женского:

Well! I am a bachelor, and have steered clear of love affairs all my life; so perhaps my opinion is not worth having [15, с. 312] – Ну! Я холостяк и всю свою жизнь **держался подальше от романов**, поэтому на моё мнение не стоит полагаться [4, с. 414] / Ну, я холостяк и всю жизнь **выпрыгивал из сетей Амура**, поэтому моё мнение в этом вопросе ничего не стоит [5, с. 237].

В данном контексте наблюдается случай повышения экспрессивности оригинала мужчиной-переводчиком. Фразеологическое выражение *steer clear of* имеет относительно нейтральную коннотацию, что сохраняется в переводе В. Григорьевой и Е. Первушиной. С. Трофимов же повышает экспрессивность сразу двумя способами. Во-первых, *выпрыгивать из сетей* является антонимической вариацией фразеологизма *попасться в сети*, что уже обладает большей экспрессивностью, нежели оригинальное выражение. Во-вторых, *love affairs* он переводит метафорично, связывая с мифическим

персонажем – Амуром, что добавляет дополнительный пласт аллюзивности к переводу. Однако мы не совсем уверены в обоснованности данного решения, так как получившийся вариант перевода носит ярко выраженный книжно-возвышенный характер, что не соответствует ситуации общения.

Таким образом, приведенные выше примеры демонстрируют указанные нами ранее результаты исследования и подтверждают наш вывод о большей экспрессивности женщин-переводчиц по сравнению с мужчинами. Женский вариант перевода фразеологических единиц гораздо чаще сохранял заданный прагматический эффект, что подтверждается примерами из нашей картотеки, не вошедшими в настоящую статью. Вместе с тем разницу, составляющую 11%, нельзя назвать категорично большой, что говорит о необходимости продолжать исследования в данном направлении с привлечением большего объема эмпирического материала.

Литература

1. *Абдульфанова А.А.* Фразеологизм как средство формирования национальных картин мира. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1995. 278 с.
2. *Баженова И.С.* Обозначение эмоций в художественном тексте (прагматический аспект): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2004. 418 с.
3. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы): учеб. пособие. М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
4. *Гаскелл Э.* Север и Юг / пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. СПб.: Азбука, 2016. 544 с.
5. *Гаскелл Э.* Север и Юг / пер. с англ. С. Трофимова. Харьков, Клуб семейного досуга, 2016. 307 с.
6. *Горошко Е.И.* Особенности мужского и женского стиля письма // Тендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново: Преображение, 1999. С. 28–41.
7. *Дмитриева О.П.* Фразовый глагол как часть фразеологической системы языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. С. 106–109.
8. *Зотова А.Н.* К вопросу о соотношении категорий «эмоциональность», «эмотивность», «экспрессивность» // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2010. С. 14–17.

9. *Кирилина А.В.* Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.
10. *Куликова Ю.С.* Влияние личности переводчика на перевод художественных произведений: гендерный аспект (на материале русского, английского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Челябинск, 2011. 168 с.
11. *Мочалина К.Н.* К определению понятия «идиома» в отечественной и зарубежной лингвистике // Известия Самарского науч. центра Российской академии наук, 2011. С. 680–683.
12. *Мухаметдинова Я.И.* К вопросу о прагматическом аспекте фразеологических единиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. С. 219–221.
13. *Серебрякова С.В.* Потенциал одновременных переводов как возможных интерпретаций текста оригинала: в поисках инварианта перевода // Мета-поэтика: сб. статей научно-методического семинара Textus. 2010. Вып. 2. Ч. 1. С. 49–59.
14. Cambridge Dictionary Online. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 23.11.2021).
15. *Gaskell E.* North and South. UK, Words worth Editions Limited, 1994. 417 p.
16. The Free Dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 23.11.2021).

DOI: 10.31862/9785426311954-170-176

Сухов С.В.,

*Московский педагогический
государственный университет,
Россия, г. Москва*

О ВЫРАЖЕНИИ

МАЛЬЧИКИ КРОВАВЫЕ В ГЛАЗАХ

Аннотация. В статье рассмотрены возможные истоки происхождения выражения *мальчики кровавые в глазах*, получившего широкую известность в русской словесной культуре. В статье обосновывается гипотеза о возникновении этого выражения как результата словесного творчества А.С. Пушкина на основе народного фразеологизма *уланчики в глазах*.

Ключевые слова: фразеологизм, межъязыковое взаимодействие, свободное словосочетание.

Sergey Sukhov,

*Moscow Pedagogical State University,
Russia, Moscow*

ABOUT EXPRESSION

BOYS WITH BLOODY EYES

Abstract. The article examines a supposed origin of the expression *мальчики кровавые в глазах*, which became well-known in the Russian verbal culture. The author grounds a hypothesis of forming the expression from a popular one *уланчики в глазах* by an act of Pushkin's verbal creativity.

Keywords: phraseologism, inter-language contacts, free word-combination.

Всем читателям трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» памятна одна из кульминационных сцен, где Борис произносит монолог о муках беспощадной совести:

Тогда беда! Как язвой моровой
Душа сгорит, нальётся сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрёк,
И всё тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...

[4, с. 454]

Автор статьи со своего школьного детства всегда полагал, что в данном месте текста Борис говорит о преследующих его видениях убитого царевича Дмитрия.

Однако уже в зрелом возрасте, работая с Толковым словарем живого великорусского языка В.И. Даля, автор случайно наткнулся (в статье, толкующей слово «малый» и производные от него) на фразеологическое выражение *мальчики в глазах* с толкованием «рябит, зеленеет» [2, с. 293].

Заинтересовавшись происхождением и, в особенности, бытованием в русском языке этого фразеологизма, о котором, как выяснилось, не слышал никто из знакомых автора – специалистов и неспециалистов – автор обратился к «Словарю русской фразеологии» А.К. Бириха, В.М. Мокиенко и Л.И. Степановой (далее – Словарь), где данный оборот получил развернутое освещение.

Составители Словаря утверждают, что Пушкин использовал псковское диалектное выражение *мальчики в глазах*, означающее «рябит, зеленеет в глазах», которое он дополнил эпитетом *кровавые* и тем самым наполнил новым содержанием [1, с. 365].

Однако нам остаются неизвестными источники, на основании которых авторы Словаря считают это выражение именно псковским.

Как уже говорилось, в словаре В.И. Даля приводится буквально совпадающее с вышеприведенным толкование данного выражения: «Мальчики в глазах – рябит, зеленеет». Но сам этот оборот дается у Даля без какой-либо территориальной привязки, практически обязательной для народных выражений в его словаре. (Следует при этом также указать, что псковская форма для слова *мальчик*, по Далю, – *малицык*) [2, с. 293].

Авторы Словаря указывают, что в русских диалектах существует близкое по форме выражение с тем же значением – *угланчики в глазах бегают* [1, с. 365].

Это выражение также приводится в словаре Даля, и на сей раз с точной территориальной привязанностью. Само слово *угланчик*, несомненно, является производным от лексемы *углан*, которая, согласно Далю, употребляется в казанских, вятских, пермских и вологодских землях в значении «парень, малый, подросток». Даль допускал различные этимологии для данного слова, однако сейчас вряд ли можно сомневаться, что оно восходит к тюркскому *oglan* – «парень, молодец, удалец» (то же происхождение в русском языке имеет, как известно, слово *улан*) [3, с. 465].

Само выражение *угланчики в глазах бегают* с толкованием «мальчишки, мухи, пестреет, темнеет» Далем помечено как «сибирское» [Там же].

Все отмеченные у Даля территории распространения лексемы *углан* и выражения *угланчики в глазах бегают*, кроме Вологодчины, так или иначе принадлежат к ареалам русско-тюркских языковых контактов, поэтому появление в местных русских говорах и слова *углан*, и выражения *угланчики в глазах бегают* выглядит вполне понятным. Если псковское происхождение «мальчишек в глазах», как было сказано выше, ничем не подтверждается, то сомневаться в том, что «угланчики в глазах» возникли в русской народной речи Сибири и, вероятно, Приуралья, не приходится.

Одно из имений семьи Пушкиных – Болдино – находилось на юге Нижегородской губернии, поблизости от этих ареалов межъязыкового взаимодействия, и поэтому вполне возможно проникновение в речь местных крестьян и лексемы *углан* и выражение *угланчики в глазах*.

Между двумя имениями Пушкиных – Болдиным и Михайловским – происходил обмен крепостными, которые по воле господ переселялись из одного имения в другое. (Именно такое путешествие – из Михайловского в Болдино и обратно – совершила в 1827 г. семья Ольги Калашниковой, «крепостной любви» Пушкина, после рождения у нее от этой связи сына, записанного как сын дьячка Болдинской церкви.)

Вполне вероятно, что кто-либо из постоянных или временных болдинских переселенцев мог принести в речь крестьян Михайловского выражение *угланчики в глазах бегают*.

Далее наше изложение приобретает чисто гипотетический, но, в принципе, вполне правдоподобный вид. Услышав в крестьянской

речи непонятное слово *угланчики*, Пушкин мог обратиться за разъяснениями и узнав, вероятно, что *угланчики* – это что-то вроде «мальчиков», придумал более понятную и выразительную для него, как поэта, форму этого фразеологизма – *мальчики в глазах*, став, таким образом, автором этой формы.

Однако Пушкин, едва создав новорожденный фразеологизм, решил его частично буквализировать, добавив к существительному *мальчики* эпитет *кровавые* и связав, таким образом, с реальным контекстом своей трагедии. В результате возникла весьма сложная, глубокая и многоплановая игра слов и смыслов – по-видимому, произносимые Борисом в пушкинской трагедии слова и в самом деле не следует понимать как буквальное обозначение галлюцинаций; однако словосочетание *кровавые мальчики* ясно и однозначно указывает нам на ужас переживаемой Борисом вины, а вовсе не расплывчато обозначает некое его общее физическое состояние, как указывают авторы Словаря [1, с. 365].

Своеобразие упомянутой нами частичной буквализации заключается в том, что она в дальнейшем авторском повествовании никак не «разъясняется» (что в данном случае сближает Пушкина с Шекспиром, которого Пушкин ставил столь высоко во время работы над своей трагедией).

Вряд ли следует безоговорочно согласиться с предлагаемым авторами Словаря толкованием значения лексемы *кровавый* только лишь как обозначения цвета, но не самой крови [Там же]. Весь контекст данного эпитета в речах Бориса: *Тогда беда – налётъся сердце ядом, как молотком стучит в ушах упрёк, и всё тошнит, и голова кружится, и мальчики кровавые в глазах!* – не дает никакого основания для такого предположения.

Для нас наиболее интересно, однако, что уже следующее за Пушкиным поколение, по всей видимости, воспринимало выражение *мальчики кровавые в глазах* именно как буквальное указание на являющийся Борису призрак. Так, М.П. Мусоргский (который выступал не только как композитор, но и как автор либретто) в своей опере «Борис Годунов», появившейся в 1869 г., после произнесения слов о «кровавых мальчиках» заставляет своего Бориса метаться по сцене, отмахиваясь от обступающих его видений. Само это выражение в партитуре оперы подчеркнуто членится с выделением компонента

«мальчики»: *Мальчики, да, мальчики кровавые в глазах!* (см. классическое исполнение Ф.И. Шляпина), т.е. членится именно как свободное, нефразеологическое, сочетание [6].

Совершенно очевидно, что композитору было неизвестно выражение *мальчики в глазах* во фразеологическом значении, хотя оно присутствовало в первом издании словаря В.И. Даля, вышедшем из печати всего за три года до этого. Еще более удивительно, что никто из критиков и просто зрителей прижизненных постановок оперы, судя по всему, не сообщил автору, что данное выражение – просто фразеологизм.

Сам принцип подачи этого фразеологизма в далевском словаре – без указания на ареал распространения – весьма необычен, если считать, что данное выражение было свойственно народной речи. Буквальный же контекст выражения *мальчики кровавые в глазах* в либретто Мусоргского заставляет сомневаться, что оно встречалось (без эпитета *кровавые*) как фразеологизм и в языке «образованного общества».

Напрашивается предположение, что на В.И. Даля при составлении толкования оборота *мальчики в глазах* оказывали влияние два фактора: известный ему оборот народной речи *угланчики в глазах* и пушкинская форма *мальчики кровавые в глазах*, уже получившая к тому времени широкую известность. Не могло ли это побудить В.И. Даля вслед за Пушкиным «сконструировать» на основе фразеологизма *угланчики в глазах* форму *мальчики в глазах*, для которой он дает толкование *зеленеет*, тем самым «разводя» по цветовой гамме значение созданного им фразеологизма от пушкинской «кроваво-красной» буквализации.

Сам же выбор Пушкиным цветовой ассоциации для своей буквализации (связанной с красным, алым или багровым цветом – цветом крови) может быть истолкован как еще одно свидетельство того, что поэт отнюдь не был связан предполагаемым авторами Словаря готовым «псковским» фразеологизмом, который, в случае своего реального существования, должен был указывать своим значением на зеленый цвет.

Авторы Словаря утверждают, что в тексте Пушкина сама лексема *мальчик* не может обозначать призрака царевича, поскольку принадлежа

к русской народной речи, она не могла в языке начала XVII столетия прилагаться к царским детям; царевича следовало бы именовать *отроком* [1, с. 365]. При этом не учитывается, что Пушкин, в отличие от многих последующих сочинителей исторических романов, вовсе не стремился к буквально точному воспроизведению особенностей языка прошлых эпох.

В том же «Борисе Годунове», как известно, Марина Мнишек обращается к Самозванцу (который для всех является царевичем) с «крылатыми» словами, ставшими впоследствии столь известными: «*Постой, царевич... Наконец-то я слышу речь не мальчика, но мужа*» [4, с. 447].

В одном из писем, говоря о тексте поэмы «Полтава», Пушкин пишет: «*Старый гетман...бранит в моей поэме молодого Карла (короля Карла XII шведского. – Авт.) и называет его мальчиком и сумасшедшим*» [5, с. 561].

Эти примеры наглядно показывают, что лексему *мальчик* Пушкин употреблял совершенно свободно как применительно к коронованным особам XVII – начала XVIII в., так и к тем, кто претендовал на такой статус.

Противоречивое и в некоторых моментах недостаточно убедительное толкование выражения *мальчики кровавые в глазах* в Словаре происходит, конечно, не из недостаточности анализа, а из особенностей структуры и истории самого выражения. Оно получило всеобщую известность в той форме, которую придал ему Пушкин, между тем как его возможная первоначальная структура и значение в своих функциональных и этимологических аспектах, включая ареал вероятного возникновения, останутся фактически не выявленными и могут быть лишь предметом чисто гипотетических реконструкций.

Поэтому углубленные поиски реальных возможных прототипов данного выражения в русских говорах, равно как и попытки более основательно доказать намеченное в этой статье «авторское» происхождение как формы *мальчики кровавые в глазах*, так и ее основы *мальчики в глазах*, продолжают оставаться актуальной задачей.

Мы считаем также, что трактовка выражения *мальчики кровавые в глазах* как свободного словосочетания, которая явно преобладала

в русском языке до последнего времени (если не являлась единственной), позволяют поставить более общую проблему существования в языке «скрытых», или прагматически не всегда распознаваемых в речи, фразеологических единиц.

Литература

1. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-пресс, 1998, 700 с.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1998, 850 с.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1998, 685 с.
4. *Пушкин А.С.* Весь Пушкин для школьников. М.: РОССМЭН, 2019, 939 с.
5. Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. 3. М.: Азбуковник, 2000, 516 с.
6. *Мусоргский М.П.* Борис Годунов. URL: <https://w.w.w.youtube.com./watch?v=QtxTGU9SwM> (дата обращения: 23.10.2021).

DOI: 10.31862/9785426311954-177-183

Сюй Бинцзе,

*Китайский университет наук о Земле,
Китайский университет
геолого-геофизических исследований,
Китай, г. Ухань*

**АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ
«ЛИТЕРАТУРА»**

Аннотация. Статья посвящена вопросам изучения активных процессов в лексико-фразеологическом поле «Литература».

Ключевые слова: лексико-фразеологическое поле, литература, фразеология, терминология.

Xu Bingjie,

*China University of Geosciences,
China, Wuhan*

**ACTIVE PROCESSES
IN THE LEXICO-PHRASEOLOGICAL FIELD
“LITERATURE”**

Abstract. The article is devoted to the study of active processes in the lexico-phraseological field “Literature”.

Keywords: lexical-phraseological field, literature, phraseology, terminology.

В связи с бурным развитием современной литературы и наблюдаемыми в этой сфере подчас кардинальными изменениями в лексико-фразеологическом поле «Литература» появилось большое количество наименований-неологизмов. Новые компоненты лексико-фразеологического поля «Литература» обычно возникают для того, чтобы наименовать новые понятия в сфере литературы. Например,

такими являются наименования книг, исходящие из тематической направленности: *книги о «попаданцах»*, *альтернативная история* и т.д. Несмотря на то что отдельные произведения подобной тематики создавались и до этого, активное распространение литературы такого рода началось только в начале XXI в., что потребовало соответствующих новых названий [5]. Стилистическая окраска новых терминов может быть снижена из-за жаргонных элементов либо профессионализмов, которые включаются в них литературоведами. Таким образом, лексема или фразема сначала появляется в профессиональном жаргоне, а уже после этого получает статус термина, сохраняя при этом разговорную стилистическую окраску. Указанный процесс можно обнаружить не только при образовании первого приведенного термина *книги о «попаданцах»*, но и при формировании второго, у которого есть синоним *альтернативка* (*альтернативная история*), использующийся в литературоведческих исследованиях [2]. При переходе в основной пласт семантического поля профессионализмы употребляются в кавычках.

В случае отсутствия синонимов профессионализм быстрее может стать термином: так, слово *попаданцы*, а также фразеологическая единица *попаданческая фантастика* точно и образно характеризуют фантастические сюжеты не только о перемещениях во времени, но и о героях, «склонных менять мир, опираясь на опережающее знание и мировоззрение» [6]. Также следует отметить, что живое включение новых терминов в словообразовательные отношения (*альтернативная история* – *альтернативка* – *альтернативно-историческая фантастика*, *попаданец* – *попаданческий*) характеризует актуальность единицы и стоящего за ними понятия.

Часть терминов, которые называют новые явления, создается с учетом их возможного использования в узусе или в языке специальности на основе иноязычного слова, которое комбинируется с русским, например: *миддл-литература*, *мультилитература*, *сетелитература* («сеть» – калька с английского net), *гиперроман* и др. Термин *миддл-литература* обозначает актуальное в наше время понятие – произведения, «занимающие место между элитарной и массовой словесностью» [1, с. 14].

Появление в современной российской литературе писателей, творчество которых развивается в направлении миддл-литературы (Л. Улицкая, Б. Акунин, Д. Быков, Т. Толстая и др.), сделало этот термин необходимым компонентом литературоведческих исследований.

Лексема *мультилитература* обозначает сложное соединение в современной литературе самых разнообразных начал – элитарной и массовой литературы, традиционного и инновационного искусства и т.п.

Термин *сетелитература* обозначает произведения, существующие в среде Интернета. В современном информационном пространстве, построенном в первую очередь на интернет-коммуникации, такое явление не могло не появиться (В. Шарапов, Л. Каганов, Д. Глуховский и др.), что и обосновало появление соответствующего термина. Лексема *сетелитература* является по происхождению фраземой «сетевая литература» (свидетельство действия тенденции экономии языковых средств и вытекающей из нее компрессии), при этом в настоящий момент в филологии примерно равноправно используются оба термина, а, кроме того, есть еще и более сокращенный вариант – *сетература*, от которого образуется слово *сетератор* (по аналогии с *литератор*), а также синоним *интернет-литература*.

Аналогичным по происхождению слову *сетература* является *кибература*, обозначающее литературу в Сети, которую нельзя перенести на бумажный носитель по техническим причинам, связанным с их оформлением [7]. Иногда в этом, более узком значении используется также термин *сетелитература* (*сетература*). Широкое распространение сетелитературы вызвало необходимость создания компрессивного термина – аббревиатуры *рулинет* – русский литературный Интернет. Новые жанры (поджанры), возникающие в сетевой словесности, также требуют наименований: *гиперроман* – сетевое гипертекстуальное и полиавторское произведение; *интернет-роман*, *роман-блог* – произведение, создаваемое и развивающееся в пространстве интернет-блога, обсуждаемое пользователями ресурса и испытывающее на себе их влияние. Наименование жанра блог возникло в результате метонимического переноса названия вида веб-сайта на произведение, создаваемое в данном ресурсе, – новую интерпретацию жанра дневника (другое наименование жанра – интернет-дневник).

Одним из наиболее оригинальных жанров рулинета становится виртуальная личность – «создание выдуманного персонажа под маской, имитирующей его реальность» [4, с. 33–34]. Хотя здесь и есть некоторое сходство с существовавшим ранее явлением литературной мистификации, исследователи предпочитают использовать неологизм.

Одним из неологизмов комбинированного состава, номинирующих чрезвычайно важное для современной литературы понятие, является слово *интертекст* и соответствующее ему *интертекстуальность*. Интертекст обозначает «основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам» [8].

Интертекстуальность определяется как одно из определяющих свойств современной литературы. Слово возникло в 60–70-х гг. прошлого века и уже не считается неологизмом, однако оно закреплено пока не во всех словарях. По аналогии с данным термином возникают наименования *гипертекст*, *метатекст*, *интердискурсивность* и т.д. для анализа важных процессов, наблюдаемых в современном языке и литературе.

Добавление конкретизирующего определения-прилагательного к существительному-термину является одним из активных способов создания новых фразеологических единиц [3]. Таков приведенный выше пример *сетевая литература*, а кроме того, наименования *интерактивная драма*, *виртуальная поэзия*, *планетарная фантастика* (*планетарный роман*) и др. Это способ образования новых терминов, распространенный в русском лексико-фразеологическом поле «Литература» в течение последних двух столетий и продолжающий быть актуальным.

Неологизация проявляется и в сфере названий новых литературных жанров. Например, заимствованные наименования. Заимствование происходит в том случае, когда жанр возникает сначала в зарубежной литературе и лишь затем адаптируется на русской почве. Так как русская литература в советский период была ограничена идеологическими рамками социалистического реализма и стандартным для этого течения набором жанров, то заимствованных наименований, появившихся в постсоветский период в этой сфере, достаточно много.

Большая часть из них – англицизмы: *фэнтези, стимпанк, хоррор, фанфик, антиутопия, постапокалипсис, технофэнтези* и др. Они заимствуются посредством транскрипции или транслитерации. В некоторых случаях можно наблюдать явление параллельного образования оригинального русского наименования для того или иного жанра, к примеру лексема *ужастик* соответствует наименованию *хоррор*.

Заимствованными терминами номинируются чаще всего новые литературные жанры (поджанры), а также новые приемы, например *пастиш* – постмодернистский прием, состоящий в соединении в произведении имитаций различных текстов прошлого. Среди заимствованных слов также нередки профессионализмы, переходящие в разряд терминов, например лексема *фанфик* (*фэнфик, фанфикшн, фэнфикшн*), обозначающая любительское сочинение на основе и по мотивам авторских литературных произведений, а также кинофильмов, телесериалов, компьютерных игр; лексема *кроссовер*, указывающая на соединение в произведении сюжетов различных книг, и др. Следствием заимствования иногда являются графические и орфографические варианты слова, полученные в результате транслитерации, как это произошло с термином *фанфик*.

В процессе образования заимствованного термина часто происходит совмещение нескольких иноязычных элементов. Развитие какого-либо жанра и появление в его структуре разновидностей диктует необходимость соответствующих терминов, в понятийный состав которых вводятся содержательные элементы, что требует от слова внешних изменений, например добавления префиксов и префиксоидов.

Развитие жанра антиутопии в литературе рубежа XX–XXI вв. привело к созданию таких терминов, как *постутопия, амбутопия, метаутопия, дистопия* и т.д., наряду с уже ставшим традиционным термином *антиутопия*. Избыток произведений утопического и постутопического жанров привел к необходимости создания термина *панутопизм*. Прогресс жанра апокалиптической литературы (для нее используются термины *апокалиттика* и *постапокалиттика*) также потребовал терминов-конкретизаторов: *зомби-апокалипсис, постапокалипсис* и др. Для наименования жанра произведений, рассказывающих о космических приключениях, используется термин *космоопера* (сокращение от *космическая опера*). *Технофэнтези* – термин,

возникший на основе наименования одного из самых популярных сегодня жанров фэнтези и применяемый в отношении произведений, в которых описывается соединение технологических достижений и магии.

Сфера номинации лексико-фразеологического поля «Литература» – особая по сравнению с другими профессиональными сферами. Здесь авторами новых слов и фразеологических единиц являются, как правило, творческие люди, а им свойствен креативный подход к наименованию, стремление к языковой игре, владение речевыми знаниями и умениями. Новые явления сферы литературы требуют своего осмысления, поэтому появляются новые подразделы литературоведения, каждый из которых также нуждается в наименовании. К примеру, для изучения жанров сетевой литературы – *виртуальное жанроведение*, для наименования новых литературных направлений – *соц-арт*, *постреализм*, *постмодернизм*, *неосентиментализм*, *неоготика* и т.д. Вторая группа наименований новых жанров – русские слова. Они используются, чтобы назвать оригинальные явления, возникшие в современной русской литературе. Яркий пример – малые стихотворные жанры – *пирожки* и *порошки*. Это четверостишия определенной формы (четырёхстопный ямб, в *пирожках* 34 слога, в *порошках* – 28, так как последняя строка усеченная), оформленные без знаков препинания и заглавных букв. В *пирожке* нет рифмы, в *порошке* рифмуется вторая и четвертая строки. Оба жанра возникли в сети Интернет, очень быстро стали популярными и завоевали множество поклонников. Приведем пример *порошка*: «Приехал брат из Сестрорецка / из Братска прибыла сестра / и дед из Внукова припёрся / с утра».

Для *пирожков* и *порошков* обязательными составляющими являются юмор, языковая, в том числе орфографическая игра и глубокий смысл. Сформировался жанр в 2003 г. Сначала появились *пирожки*, первым автором которых стал Владислав Кунгуров (псевдоним в сети – al sogol). Цикл маленьких стишков автор назвал «Пирожки», так как многие стихотворения были о еде. Так появилось наименование *пирожки*, которое в результате метонимического переноса стало называть любое стихотворение установленной Кунгуровым формы. *Порошки* в качестве жанрового образования появились несколько позже на основе *пирожков*.

Формирование новых терминов лексико-фразеологического поля «Литература» в последние два-три десятилетия происходит постоянно

и зачастую стихийно. Термины создаются либо литературными деятелями, либо читателями и специалистами. Цель их деятельности – осмыслить особенности современного литературного процесса и дать наименование этим новым явлениям. Наименование явления – первый шаг для его анализа и осмысления. Создаваемые термины практически всегда являются удачными, точно характеризующими называемые понятия. Говорящим удастся создать наименование, семантическая структура которого обладает признаками, отличающими понятие от смежных. К примеру, в наименовании *попаданцы* присутствуют семантические элементы ‘герой произведения’, ‘попадать в прошлое’, ‘фантастика’, ‘литература’, ‘шутливый’, ‘активная деятельность’, которые в целом достаточно хорошо характеризуют данный тип литературного героя.

Проведенный анализ номинаций позволяет сделать вывод, что лексико-фразеологическое поле «Литература», которое относится к числу открытых полей, находится в постоянном развитии. Чаще всего его пополняют элементы, называющие новые явления литературного процесса, а также наименования новых литературных жанров.

Литература

1. Богданова О.В., Ковтун Н.В. Коммуникативные стратегии в «миддл-литературе» рубежа XX–XXI вв.: случай Л. Улицкой // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. № 1. С. 14–25.
2. Зимин И.В. Историческая «альтернативка». Личный взгляд... // История в подробностях. 2013. № 5 (35). С. 96–98.
3. Никитина Л.Б. Языковой образ-концепт: о природе сложного термина // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Челябинск. 2011. № 24 (239). С. 97–99.
4. Ревякина А.Н. Хроники Города До. Безвременье. М., 2014.
5. Сюй Бинцзе. Структура и семантика лексико-фразеологического поля «Литература»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2019. 183 с.
6. Фишман Л.Г. «Попаданческая» фантастика: неузнанное выполнение «социального заказа»? // Философия образования. 2013. № 6 (51). С. 119–125.
7. Шомин Т.В. Категории, связанные с литературой, размещенной в сети Internet // Вестн. Ульяновского гос. технического ун-та. 2012. № 2 (58). С. 12–14.
8. Энштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук, 2017. URL: <https://libcat.ru/knigi/spravochnaya-literatura/slovari/47350-mihail-epshtejn-proektivnyj-slovar-gumanitarnyh-nauk.html> (дата обращения: 07.09.2021).

DOI: 10.31862/9785426311954-184-193

Третьякова И.Ю.,
Костромской
государственный университет,
Россия, г. Кострома

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ-ОППОЗИТАМИ

Аннотация. На примере фразеологизма *волк в овечьей шкуре* выявляются особенности замен языковых компонентов, находящихся в отношениях противопоставленности. Многочисленные замены компонентов *волк* и *овечья* осуществляются на основе системных и асистемных связей этих компонентов в современном русском языке.

Ключевые слова: окказиональная фразеология, трансформации фразеологических единиц, преобразования фразеологизмов.

Irina Tretyakova,
Kostroma State University,
Russia, Kostroma

OCCASIONAL TRANSFORMATIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH OPPOSITIONAL COMPONENTS

Abstract. Taking the phraseological unit *a wolf in sheep's clothing* as an example, we define peculiarities in substituting components which are opposed to one another. Numerous substitutions of the components *wolf* and *sheep* are based on systemic and asystemic relations between them in the modern Russian language.

Keywords: occasional phraseology, transformations of phraseological units, conversions of idioms.

Фразеологизмы и паремии обладают активными преобразовательными возможностями. Подтверждением этому является большое количество исследований, в которых описываются трансформации единиц косвенной номинации, функционирующих в художественном, публицистическом и разговорном дискурсах. И если в начале изучения окказиональных фразеологизмов внимание ученых было сосредоточено на описании способов и приемов модификаций языковых единиц, то с течением времени научный угол зрения переместился и объектом внимания стали механизмы окказионального фразообразования, обусловленность трансформационных процессов структурно-семантическими особенностями фразеологических единиц (далее ФЕ), их прагматической направленностью и культурной нагруженностью.

Трансформационная активность языковых единиц во многом обусловлена особенностями их компонентного состава, в частности – включением в оборот антропонимов, библеизмов, соматизмов, колоративов, анимализмов и т.п. Определение преобразовательного потенциала одной из таких групп фразеологизмов, а именно ФЕ, имеющих в своем составе компоненты-оппозиты, и является задачей настоящего исследования. Под оппозитами в данном случае понимаются компоненты фразеологизма, находящиеся в отношениях противопоставленности.

Противопоставленность фразеологических компонентов выявляется как на уровне семантики, так и на уровне образности языковой ФЕ. В образной основе таких единиц содержатся элементы, которые носители языка воспринимают как контрастные по какому-либо признаку. В основании контраста лежат особенности предметов реально-чувственного мира. Например, слон – большой, муха – маленькая; зерно – полезное, плевелы – бесполезные; волк – хищник, овца – жертва и т.д. На процессы трансформации ФЕ могут повлиять и другие факторы из мира человека, в частности национально-культурная маркированность образных элементов, а также их символическая нагруженность. Например, лиса – воплощение хитрости, черный цвет – символ траура.

Активность окказиональных замен фразеологических компонентов-оппозитов может быть обусловлена организацией семантики этих единиц. Многие фразеологизмы данной группы характеризуются

изоморфизмом значения и формы. Компоненты-оппозиты в этом случае репрезентируют отдельные элементы значения фразеологизма.

Специфику окказиональных замен компонентов-оппозитов рассмотрим на примере окказиональных преобразований ФЕ *волк в овечьей шкуре*. В данном фразеологизме, имеющем значение ‘жестокий, коварный человек, скрывающий свои дурные намерения, действия под маской добродушия, кротости’ [2, с. 119] оппозитами являются компоненты *волк – овечья* (шкура здесь является «атрибутом» овцы).

В русской языковой картине мира *волк* и *овца* являются стереотипными образами: волк воспринимается как умный, жестокий, беспощадный хищник, признающий только силу [1, с. 64], овца же – как животное безобидно-глупое, покорное, не способное постоять за себя, представляющее собой легкую добычу [Там же, с. 132]. Такое представление о волках и овцах проявляется в ряде паремий и фразеологизмов, в частности, в пословице *И волки сыты и овцы целы*. Оба эти компонента, будучи элементами паремиологического образа, манифестируют биологический антагонизм волка и овцы в естественных жизненных условиях. Однако во фразеологизме *волк в овечьей шкуре* актуализировано иное представление об этих животных. ФЕ обладает изоморфизмом, компонент *волк* репрезентирует элементы значения ‘жестокий, коварный человек’, компонент *овечья (=овца)* – ‘добродушие, кротость’. Фразеологизм используется носителями языка при желании охарактеризовать кого-либо как человека лицемерного, способного на обман, на подлость.

Волк является главным действующим лицом характеризующей ситуации, поэтому большое количество трансформаций связано с заменой именно этого компонента – при устойчивости другого оппозита. Такой трансформационный «перекос» объясняется тем, что ситуации введения людей в заблуждение постоянно проявляются в самых разных сферах человеческой жизнедеятельности, и «волками» становятся самые разные люди, представители организаций, политические лидеры и даже целые государства. В связи с этим наблюдается различное соотношение коррелятов – языкового (*волк*) и его окказиональных компонентов.

1. Замены могут осуществляться при актуализации парадигматических связей компонента *волк* с существительными, входящими

в тематическую группу «Хищники»: *волк – медведь – тигр – ягуар – лиса*. При этом оппозиция компонентов в трансформах сохраняется: деятелями-лицемерами могут быть многие «хищные» лица, а распространенный способ обмана – прикинуться «овцой». Компоненты-зоонимы, как правило, включены в каламбурную игру: называют не зверей, а людей, предметы, организации, государства и многое другое. Такая замена связана с тем, что изначально в образную основу ФЕ положена ирреальная ситуация, которая должна истолковываться исходя из ее метафоричности. А следовательно, под волком изначально подразумевается не реальный зверь, а человек, способный к коварству и обману через лицемерие, ложь. Поэтому медведь – это символический образ России; лиса, лисица – это женщина с повадками лисы; тигр, ягуар могут быть сказочными персонажами, ведущими себя, как люди. См. названия статей: «Медведь в овечьей шкуре: европейцы задумываются о российской пропаганде» [3] – об уверенности представителей европейских политических элит в том, что Россия (=медведь), провозглашая принцип уважения и невмешательства в дела других государств, тайно разрабатывает новые методы влияния на некоторые страны Запада; «“Медведь” в овечьей шкуре: “Едро” хочет спрятаться за одномандатников?» [4] – о попытке бывших членов политической партии «Медведь», преемницей которой стала партия «Единая Россия», под красивыми лозунгами скрыть свою партийную принадлежность; см. название романа-фэнтези «Львица в овечьей шкуре» [5] – о вампирах и овечке-оборотне, превращающейся в ситуациях опасности в львицу.

2. Оказиональные заместители компонента *волк* являются антропонимами, например, называют конкретные имена людей, способных на обман, лицемеров (обычно речь идет о публичных людях): *волк – хромой Сейран – Серж – Эрдоган*. См.: название статьи «Серж в овечьей шкуре» [6] – о лицемерии президента Армении Сержа Саргсяна в вопросах внешней политики.
3. Компонент *волк* заменяется нарицательными одушевленными существительными, называющими человека по роду занятий, по профессии, по виду деятельности: *волк – банкир – мани-*

пулятор – цензор, при этом все названные лица, имеющие связанные с работой отрицательные поведенческие качества, ведут себя как «овцы» – не проявляя отрицательных качеств, ‘кротко, доброжелательно’, обманывают таким образом других людей. См. статью под названием «Банкир в овечьей шкуре», в которой говорится о том, что представители бизнеса, жалуясь на притеснения в виде проверок со стороны силовиков, на самом деле «тоже не всегда работают в белых перчатках, порой используют самые разные методы обмана государства и своих клиентов» [7].

4. Оказиональные заместители представлены группой нарицательных неодушевленных существительных, называющих самые различные объединения людей, а именно организации различного рода, партии, государства и т.п.: *волк – Нацсовет – «Талибан» – США* и др. См. название статьи «“Талибан” в овечьей шкуре» [8], где с большой долей скепсиса анализируется провозглашенная руководителями пришедшей к власти в Афганистане радикальной религиозной организации «Талибан» позиция сотрудничества с другими странами.
5. Оказиональными заместителями становятся слова, называющие предметы, явления, процессы, связанные с деятельностью человека: *волк – рок – толк*. См. название статьи «“Рок” в овечьей шкуре» [9], автор которой критически осмысливает творчество Бориса Гребенщикова.

Следует обратить внимание на то, что при широкой парадигме окказиональных замен компонента *волк* его оппозиит *овечья/овца* меняется крайне редко. Это объясняется, на наш взгляд, несколькими причинами. Во-первых, при контрастной оценочной представленности «плохой» – «хороший» в грамматической структуре доминирует компонент *волк*, а это значит, что посредством переноса дается характеристика человеку именно как носителю плохих качеств. Поэтому так многочисленны и разнообразны ряды окказиональных заместителей компонента *волк*. Компонент *овечья (шкура)* меняется реже, так как именно овца воплощает в себе идею кротости, неспособности ко злу и обману, а носителям языка (авторам текстов), рассуждающим об обмане, бывает достаточно использовать образ овцы для негатив-

ной характеристики лицемеров. Во-вторых, при окказиональном изменении фразеологизмов (за исключением образования ФЕ по аналогии) в трансформе обязательно должен присутствовать компонент языкового фразеологизма, который обеспечивает деривационную связь трансформа с языковым инвариантом; в данном случае таким средством часто становится *овечья шкура* или *шкура*. Компонент *волк* – при условии устойчивости второго оппозиита – активно заменяется в речи. Тем не менее в речи функционируют ФЕ с окказиональными атрибутивными компонентами. Эти компоненты неоднотипны, это могут быть атрибутивы и субстантивы, именующие животных, человека, предметы и др.

Компонент *овечья/овца* и его заместители входят в одну тематическую группу «Животные»: *овечья – баранья – медвежья – собачья* и др. Компонент *овечья/овца* репрезентирует элементы значения ‘добродушие, кротость’, и именно эти качества овцы актуальны при толковании значения ФЕ. В представлении носителей языка именно овца является носителем этих качеств. Любое другое животное (имеющее шкуру) не воспринимается как воплощение кротости, беззащитности. Поэтому при замене компонента *овечья/овца* другим зоонимом происходит изменение смысла фразеологизма. См., к примеру, наиболее близкий к ситуации, описываемой в языковой ФЕ, трансформ *волк в бараньей шкуре*. Преобразованный фразеологизм используется для названия басни [10]. В этом литературном иносказании волк надел баранью шкуру, чтобы проникнуть в стадо баранов и зарезать несколько животных. Автор басни, актуализировав фразеологический образ, изменил значение ФЕ. Баран (не агнец!) в представлении русских является животным крайне глупым и при этом упрямым. Фразеологический трансформ *волк в бараньей шкуре* теряет языковое значение ФЕ, оппозиит *баран* провоцирует актуализацию в компоненте *волк* иных качеств, связанных с другими особенностями этого зоологического образа, и возникает следующая противопоставленность: глупость, тупость барана – ум волка. В результате читатель басни должен декодировать значение оборота (по аналогии с семантикой языковой ФЕ) так: ‘некто умный осуществляет свои преступные намерения, прикидываясь существом глупым, тупым’.

При замене компонента *овечья/овца* другими зоонимами на первый план также выходит не столько новое значение фразеологического трансформы, сколько буквализация образа и значения фразеологизма. См., к примеру, название статьи «*Волк в собачьей шкуре*» [11] – о проявлении во многих породах собак повадок волков, никоим образом не связанных с лицемерием животных; «*Волк в медвежьей шкуре*» [12] – название квеста, где соперниками оказываются волки и медведи, и один из воюющих волков в целях маскировки надевает на себя шкуру медведя, при этом никаких признаков медведя как стереотипного образа (крупный, неуклюжий, сильный, незлобивый, умный [1, с. 120] здесь не проявляется. Во всех приведенных примерах компоненты-зоонимы не являются оппозициями – в понимании носителей языка, а потому деактуализируется важный элемент фразеологической семантики – обманные действия под маской добродушия, кротости.

Окказиональной замене подвергаются оба компонента-оппозита. Результаты такой трансформации языковой единицы различны.

1. Окказиональные компоненты-заместители выражены зоонимами, называемые ими животные являются природными антагонистами: *медведь – корова, лиса – заяц, кошка – мышь* и т.п. Такие компоненты наделены культурно маркированными значениями, воспринимаются как оппозиции. См., к примеру, название сказки для маленьких детей «*Лиса в заячьей шкуре*» [13], где героиня лиса, надев шкуру зайца, пробирается в курятник для добычи кур (по мнению автора сказки, куры зайцев не боятся). Здесь видится грамматическая и образно-ситуативная близость к языковой ФЕ. Однако образы лисы и зайца, будучи культурно маркированными единицами, воспринимаются иначе, нежели образы волка и овцы, по крайней мере, заяц не является воплощением кротости и беззащитности, следовательно, в трансформе актуализирована образная ситуация, но деактуализирован фразеологический смысл. Употребленный фразеологический трансформ направлен на буквализацию образа и значения.
2. Окказиональные компоненты-заместители являются зоонимами, но не считаются природными антагонистами. Не проявляется

и противопоставленность образов, именуемых существительными-зоонимами: *тигр* – *медведь*, *медведь* – *бык* и т.п.: *тигр в медвежьей шкуре*, *медведь в шкуре быка* и др. В трансформах окказиональные компоненты-зоонимы формально являются оппозитами, однако значения преобразованных фразеологизмов нетождественны значениям языковых ФЕ.

3. Окказиональные заместители объединяются в пару: зооним – человек: *волк в человеческой шкуре* [14], *банкир в овечьей шкуре* [15], *тигр в европейской шкуре* [16] и др.
4. Окказиональные компоненты-заместители не являются зоонимами, именуют людей, объединения людей, предметы, государства и др.: *бизнесмен в чиновничьей шкуре* [17] и т.п.

Компоненты-заместители 3-го и 4-го видов проявляют себя как оппозиты только в рамках фразеологического трансформы, противопоставленность компонентов обеспечивается исключительно содержанием текста, понять смысл, вложенный в преобразованную фразеологическую единицу можно только в контексте. И, несмотря на грамматическую тождественность трансформы и языковой ФЕ, на деривационную связь окказионального фразеологизма с его языковым фразеологизмом-прототипом, обеспечиваемую компонентом *шкура*, при отсутствии контекстных актуализаторов у носителей языка возникает проблема с декодированием смысла окказионального фразеологизма. См., к примеру, трансформ *тигр в европейской шкуре*, используемый в качестве заголовка политической статьи, в которой речь идет об интеграции Украины в европейское сообщество. Образ тигра в тексте имеет культурную маркированность (автор пишет: «Не надо забывать, что <...> тигр сильнее всех»). Однако без глубокого анализа содержания текста абсолютно непонятна противопоставленность тигра и Европы, а также значение фразеологического трансформы.

Окказиональные замены компонентов-оппозитов в составе фразеологических единиц, являющиеся частотными трансформациями, имеют особенности:

- 1) меняться может любой из компонентов-оппозитов, а также оба компонента;
- 2) круг замен достаточно большой по количеству и по разнообразию: окказиональные заместители языковых компонентов

- не ограничиваются рамками языковых антонимов, но входят в самые различные тематические группы и семантические поля;
- 3) в результате замен компонентов-оппозитов происходит образование окказионального фразеологизма, приобретающего значение, отличное от значения языкового фразеологизма, или происходит буквализация значения и образа; часто трансформация фразеологизма сопровождается ярким каламбурным эффектом;
 - 4) в пределах контекста обычно сохраняется противопоставленность компонентов-оппозитов – языковых и окказиональных;
 - 5) окказиональные трансформы, построенные по грамматической модели языковой единицы, сохраняющие в своем составе один-два языковых компонента, обеспечивающих деривационную связь трансформы с языковым фразеологизмом-прототипом, обычно опознаются в речи как фразеологизмы, и носители языка с большой долей вероятности понимают значение речевого фразеологизма; если же компоненты не воспринимаются как оппозиты, то декодирование значения фразеологизма становится затруднительным.

Литература

1. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков и др. М.: Гнозис, 2004. 318 с.
2. Фразеологизмы в русской речи. Словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. М.: Русские словари, 1997. 864 с.
3. <https://inosmi.ru/politic/20160727/237334901.html> (дата обращения: 17.01.2021).
4. <https://orenburg.bezformata.com/listnews/edro-hochet-spryatatsya-za-odno-mandatnikov/730090/> (дата обращения: 17.01.2021).
5. <https://litnet.com/ru/book/lvica-v-ovechei-shkure-b13372> (дата обращения: 17.01.2021).
6. <https://gulustan01.wordpress.com/2010/09/18/серж-в-«овечьей-шкуре»/> (дата обращения: 17.01.2021).
7. <https://wek.ru/bankir-v-ovechej-shkure> (дата обращения: 17.01.2021).
8. <https://pulse.mail.ru/article/taliban-v-ovechej-shkure-chto-afganistan-gotovit-rossii-i-zapadu-1186461889807764549-8398745195417747883/> (дата обращения: 17.01.2021).

9. https://zavtra.ru/blogs/rok_v_ovech_ej_shkure (дата обращения: 17.01.2021).
10. <https://stihi.ru/2009/07/20/1831> (дата обращения: 17.01.2021).
11. https://animalworld.com.ua/news/news_708 (дата обращения: 17.01.2021).
12. <https://мор.wowroad.info/?quest=27510> (дата обращения: 17.01.2021).
13. https://a2b2.ru/methods/29903_skazka_lisa_v_zayachey_shkure/ (дата обращения: 17.01.2021).
14. <https://ology.sh/ponder/volk-v-chelovechei-shkure/> (дата обращения: 17.01.2021).
15. <https://wek.ru/bankir-v-ovechej-shkure> (дата обращения: 17.01.2021).
16. <https://apn-nn.com/analytic/tigr-v-evropeyskoj-shkure/> (дата обращения: 17.01.2021).
17. https://kompromat.wiki/«Бизнесмен_в_чиновничьей_шкуре» (дата обращения: 17.01.2021).

DOI: 10.31862/9785426311954-194-198

Чумак-Жунь И.И.,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»,
Россия, г. Белгород

ПОЭТИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Поэтический дискурс, являясь особым эстетическим пространством, имеет специфические экспрессивно-образные ресурсы, среди которых выделяется так называемая поэтическая фразеология. В статье рассматривается этот феномен, употребление которого, с одной стороны, основано на эстетическом представлении о денотате поэта, а с другой – на «поэтических формулах» как основе поэтического антропогенеза.

Ключевые слова: поэтический дискурс, фразеология, поэтическое сознание.

Irina Chumak-Jun,
*Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education
“Belgorod State National Research University”,
Russia, Belgorod*

POETIC PHRASEOLOGY AS A SPECIFIC PHENOMENON OF POETIC DISCOURSE

Abstract. Poetic discourse, as a special aesthetic space, owns specific expressive and figurative resources, including the so-called poetic phraseology. The article discusses this under-investigated phenomenon, which is used, on the one hand, in terms of the aesthetic idea of the poet's

denotatum, and on the other hand, drawing on “poetic formulas” as the basis of anthropogenesis.

Keywords: poetic discourse, phraseology, poetic consciousness.

Со времен В. фон Гумбольдта получает постоянное подтверждение его мысль о том, что специфика поэтической образности состоит в «прекрасном назначении поэта»: в предельно сжатом творческом «импульсе» открыть всеобъемлемость и бесконечность человеческой мысли и чувства [8]. Поэтический дискурс как особое эстетическое пространство организован таким образом, что в его «недрах... зарождается, вызревает и выплавляется поэтическое слово, подвергается художественно-эстетической огранке» [10, с. 7].

Среди специфических языковых ресурсов поэтического дискурса выделяется поэтическая фразеология – область образования и употребления в стихотворном тексте словосочетаний («фраз»), которые репрезентируют языковые образы, образуя «особый класс экспрессивно-образных номинативных единиц» [2, с. 3]. Их употребление основано на возникновении в индивидуальном авторском сознании эстетического представления о денотате, являющегося сугубо авторской «амальгамой» художественного опыта образного познания [1]. В отличие от многих явлений номинационно-аналитического плана, функционирующих на периферии лексики, фразеологии и синтаксиса и обусловленных, в той или иной степени, процессами метафоризации семантики единиц, структурно превышающих слово, но обладающих денотативно-экспрессивной целостностью [3], поэтические фразеологизмы по своей природе антропогенны, формируются автором непосредственно в тексте. Базой при их антропогенезе выступают «поэтические формулы», под которыми А.Н. Веселовский понимал «нервные узлы, прикосновение к которым будит в нас ряды определенных образов... по мере способности умножать и сочетать вызванные образом ассоциации (выделено нами. — И.Ч.-Ж.)» [4, с. 86]. Эти образно-ассоциативные сочетания, в основе которых лежат архетипы концепта «Поэзия» (*огонь стихов, жар поэзии, стихи льются* и т.п.), способны «оживать» и актуализироваться в каждом конкретном поэтическом идиостиле, варьируясь в виде авторских фразеоэкспресsem. Так проявляется когнитивное-дискурсивная ментальная деятельность

поэта как индивидуальной, субъективно ощущающей, имманентной языковой личности, для которой характерно определенное национально-культурное восприятие действительности.

Одним из первых термин *поэтическая фразеология* употребил В.В. Виноградов, исследовавший идиомлект А.С. Пушкина. Обратив внимание на употребление юным поэтом традиционных «ходовых фраз» поэзии XVIII – начала XIX в., типа: *гремящей славы путь; гроза военной непогоды; луна, как лебедь величавый; среди сердец кремнистых гор; вместилище божественных красот* и т.п., ученый пришел к выводу, что наблюдаемое в зрелом пушкинском творчестве «разрушение старых поэтических формул, обращение к разговорно-бытовой фразеологии, создание новой системы поэтического языка были связаны с тончайшей художественной разработкой экспрессивных красок и оттенков слова» [5, с. 252].

Поэтический фразеологизм – перифрастическое выражение, основанное на обозначении языкового образа денотата либо иносказательным способом (поэт – *любимец муз*; юность – *весна жизни, пора любви*), либо описательно-метафорическим (любовь как *язвящее жало*).

Поэтические штампы (фразеологизмы) являются смыслообразующим ресурсом поэтического дискурса, так как отражают специфическое поэтическое мышление и выражают особые, поэтические знания о мире и о месте в нем поэта.

Своей внутренней формой поэтические фразеологизмы, в первую очередь, обращены к национальному культурно-языковому сознанию. Так, для русского языкового сознания характерна признаковая метафора, служащая для характеристики человека (эмоций, чувств, состояний, поступков), в основе которой лежит аналогия с огнем. В подобных оборотах слова *жар, пыл, огонь, пламень* и их производные употребляются в метафорически переносном (перенос с ощущения на чувство) значении – ‘страсть’, ‘страстный’: *гореть желанием, любовный пыл, пламя любви, горячее сердце, пламенная любовь, горящие глаза* и т.д. *Душа, сердце, любовь, страсть* выступают в данных оборотах как субъекты, обладающие способностью гореть (излучать жар). Именно эти свойства легли в основу перифраз *жар души, огонь души, пламя души, пламя любви, пламень страсти*, которые активно

используются в поэтических текстах: *И всё умрёт со мной: надежды юных дней, / Священный **сердца жар**, к высокому стремленью* (Пушкин); *И **жар любви** – мой дар души живой* (Иванов); *И **жар души** испытанной исчез* (Бальмонт).

Поэтическая языковая личность, используя стандартные модели перифраз, вербализует специфические ощущения, которые связаны с поэтическим процессом. Так, в сознании поэта состояние вдохновения связано с ощущением горения, например: ***Огонь поэзии*** (Батюшков); *В них **сердца утешенье**, / Награда для певцов, / И мук любви забвенья, / И **жар моих стихов*** (Пушкин); *И полный страха неземного / Горю **Поэзии огнем*** (Блок). В поэтическом дискурсе эти позиции могут заполняться другими, специфическими «поэтическими» субъектами (*поэзия, вдохновение, стих*).

Некоторые исследователи связывают с поэтической фразеологией индивидуально-авторское контекстно обусловленное употребление перифрастических сочетаний [6], возникающих на основе фразеосоциаций. Ср.: *Он верит, что в природе ночи / И тьмы лоскут, и **сна глоток**, / Что ночь – его чернорабочий, / А сам глядит на лунный рог, / Где сходятся, как в средоточье, / Котов египетские очи, / И пьёт **бессонницы глоток*** (Тарковский).

Совокупность внутри- и внедискурсивных факторов (когнитивных (креативность поэтического мышления), лингвистические (языковые изменения и поэтическая мода) способствуют поиску оживления фразеологизма, вследствие чего общепоэтические штампы в поэтическом дискурсе со временем утрачивают свои позиции или трансформируются.

Когниолингвистический анализ фразеологического образа предполагает выделение двух его ипостасей – этимологической, связанной с его семантическим архетипом как инвариантом, и «живой», которая актуализируется в поэтическом тексте. Именно «живой» образ – это «целостный образ, служащий источником ассоциативно-экспрессивной энергии фразеологической единицы» [9, с. 309]. Данное обстоятельство дает все основания считать поэтическую фразеологию весьма перспективным направлением исследования антропогенеза поэтической языковой личности.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. М.: Флинта; Наука, 2009. 344 с.
2. *Алещенко Е.И.* Русская поэтическая фразеология. На материале произведений Гаршина и Лескова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 24 с.
3. *Буров А.А.* Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке / под ред. проф. К.Э. Штайн. Ставрополь; Пятигорск, Изд-во СГУ, 2012. 400 с.
4. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 648 с.
5. *Виноградов В.В.* Стиль Пушкина. М.: Гослитиздат, 1941. 620 с.
6. *Воронова Т.А.* Индивидуально-авторские фразеологизмы в поэтическом словаре Арсения Тарковского // Научный вестник Воронежского гос. архитектурно-строительного ун-та. 2007. № 3 (3). С. 24–33.
7. *Григорьева А.Д.* Поэтическая фразеология конца XVIII – начала XIX века (именные сочетания) // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М.: Наука, 1964. С. 3–121.
8. *Гумбольдт В.* Избр. труды по языкознанию. М.: Наука, 1984. 397 с.
9. *Филоненко Т.М.* Фразеологический образ в языковых моделях пространства, времени и количества // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIII. М.; Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 532–538.
10. *Чумак-Жунь И.И.* Поэтический тест в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI в. М.: Директ-Медиа, 2014. 302 с.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ОНОМАСТИКА

DOI: 10.31862/9785426311954-199-209

Давыдова О.А.,

*Московский педагогический
государственный университет,
Россия, г. Москва*

ИКОНЫ СТИЛЯ И ДРУГИЕ ИКОНЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Аннотация. В современном медиадискурсе активизировались слова религиозного кода: у них возросла частота употреблений, расширилась семантика, возникли устойчивые сочетания с ними. Статья посвящена изменениям слова *икона* и многочисленным устойчивым сочетаниям с этими компонентами: *икона стиля, икона моды, кино-икона, икона спорта, поп-икона, рок-икона* и их вариантам. Изменения пока не нашли отражение в словарях.

Ключевые слова: язык СМИ, неологизм, толковый словарь, словарь новых слов, фразеологическая единица.

Olga Davydova,

*Moscow Pedagogical State University,
Russia, Moscow*

STYLE ICONS AND OTHER ICONS IN THE MODERN MEDIA DISCOURSE

Abstract. The words of the religious code have become more active in the modern media discourse. They have increased the frequency of use, they have expanded the semantics, and stable combinations with them have

emerged. The article is devoted to changes in the word *icon* and numerous stable combinations with these components: *style icon*, *fashion icon*, *movie icon*, *sports icon*, *pop icon*, *rock icon* and their variants. The changes have not yet been reflected in the dictionaries.

Keywords: media language, neologism, explanatory dictionary, dictionary of new words, phraseological unit.

Новейшее время характеризуется увеличением интереса к религии, что находит свое отражение в языке. Толковые словари фиксируют значительное количество слов, как правило, не отраженных в толковых словарях XX в. Появились специальные толковые словари [1; 5; 7 и др.], многие слова религиозной тематики стали частотными на страницах современных СМИ, т.е. «религиозный код» нашего языка значительно пополнился единицами, в том числе и фразеологическими. Данная публикация посвящена слову *икона* и устойчивым сочетаниям с ним в языке современных СМИ.

В современном медиадискурсе слово *икона* значительно расширило свою семантику, а толковые словари по-прежнему указывают старое значение, представляя лексему как однозначную: ‘Живописное изображение бога или святого, являющееся у верующих предметом поклонения; образ’ [5, с. 276; 8]. В современном издании большого академического словаря дефиниция лексемы изменилась незначительно: ‘Живописное изображение Иисуса Христа, Богоматери, святых, сцен из Священного Писания, являющееся предметом поклонения у верующих; образ’ [2; 8, с. 206], был обновлен только иллюстративный материал. Примерно такое же значение в других современных словарях: *икона* (от греч. *eikōn* – изображение, образ, подобие) – ‘Живописное изображение Бога или святого (святых), являющееся предметом религиозного поклонения; образ’ [3, с. 387]. Слово *икона*, по данным Национального корпуса русского языка (корпус «Газетные»), является одним из частотных, а его сочетаемость свидетельствует, что семантика лексемы значительно расширилась. Рассмотрим более внимательно, в сочетании с какими словами реализует значение слово *икона*.

Значительное количество употреблений слова приходится на фразеологизм *икона стиля*, который активно употребляют СМИ: *Самые*

популярные героини модных рубрик и светской хроники – жена и невеста внуков королевы Елизаветы II. «Лента.ру» разобралась, как девушкам удаётся быть **иконами стиля**, соблюдая королевский дресс-код (lenta.ru, 15.01.2018); Представители компании уверены, что коллекция Мадонны повысит спрос на одежду шведской марки. Ведь певица давно уже стала **«иконой стиля»** (РБК, 11.12.2006); Если у вас жена – **икона стиля**, то хочешь не хочешь, а думаешь и о своём обличье (КП, 29.04.2013) и др.

Кто же такая (такой) *икона стиля*? Поскольку ФЕ не отражена в словарях, то единого определения нет, но на модных сайтах наиболее популярным является такое определение: *икона стиля* – ‘знаменитость с выраженным индивидуальным стилем, пример для подражания, муза дизайнеров, эталон даже для будущих поколений’. Устойчивое сочетание в сегменте текстов о моде трансформируется, вводятся уточняющие определения *стиля*: Джованна Батталья – бывшая модель и муза Dolce&Gabbana, в настоящее время **икона уличного стиля** (lenta.ru, 11.19.2016); Вас называют **иконой итальянского стиля**. Что это для вас значит? (И., 21.11.2012) и др. Часто такими уточнителями являются указание на время: В своё время, к примеру, оно принадлежало Глории Гиннесс — светской львице, **иконе стиля середины XX века** (lenta.ru, 11.08.2016); Её (Валентино. – О.Д.) постоянными клиентками были **иконы стиля 60-х** – Одри Хепберн и Элизабет Тейлор, роскошная Софи Лорен (РБК, 06.09.2007). Уточнения могут относиться к компоненту *икона*: **Французская икона стиля** Инес де ля Фрессанж разработала очередную, шестую капсульную линию женской одежды в сотрудничестве с японским масс-маркетным брендом Uniqlo (lenta.ru, 16.08.2016) и др.

Считается, что устойчивое выражение, как и многие другие современные устойчивые сочетания русского языка, является калькой с английского *style icon*. Калькой ещё одного устойчивого сочетания *fashion icon* является устойчивое сочетание *икона моды*, имеющее несколько более узкое значение по сравнению с *иконой стиля*, – ‘персона, в наибольшей степени отражающая моду своего времени’: – Вы (Эмма Уотсон. – О.Д.) стали **иконой моды**. Какой у вас стиль? – Я думаю, лондонский (Т., 25.12.2008); В 2007 году ушла из жизни его подруга, **икона моды**, Изабелла Бло, которая также покончила жизнь

самоубийством (РБК, 12.02.2010); Ранее сообщалось, что на вручении премий *British Fashion Awards 2017* Гальяно и Донателла Версаче, получившая награду в номинации «**Икона моды**» (*Fashion Icon*), крепко обнялись, не смущаясь присутствия репортёров (lenta.ru, 08.12.2017). Часто ФЕ употребляется в виде полукальки с русским: Целью поездки **фэшн-икона** (Мадонна. – О.Д.) указала культурные связи (КП, 15.04.2013) и латинским написанием непереуведенного компонента: Там его «открыла» стилист и **fashion-икона** Изабелла Блоу, покровительница талантов (РБК, 12.02.2010). Устойчивое сочетание варьируется так же, как ФЕ *икона стилия*: Голливудские актрисы – всегда ещё и **иконы мировой моды** (КП, 17.12.2007); Кристиану уже стал **иконой мужской моды**. Миллионы молодых людей хотят одеваться, как он (СС, 26.06.2009); Британский принц Джордж назван главной **иконой детской моды**, сообщает *Hello Magazine* (gazeta.ru, 21.07.2016); В линейку также вошли комбинезоны и комплекты белья из гладких и блестящих тканей, вдохновлённых образами **фешен-икон 1970-х и 1980-х годов** (lenta.ru, 23.05.2017); Как отмечает *The Daily Mail*, вдохновением для авторов видео послужили **фэшн-иконы своего времени** (lenta.ru, 01.10.2015); С одной стороны, *Twiggy* – это псевдоним лондонской **иконы моды 60-х** (lenta.ru, 09.07.2017). Сочетание преобразуется в модная икона: Однако королевой бала стала... Сара Джессика Паркер, которую Совет американских дизайнеров провозгласил «**Модной иконой**» (И., 10.06.2004); Шарлотта Генсбур – франко-британская актриса и исполнительница собственных песен, дочь певца и актёра Сержа Генсбура и **модной иконы 70-х**, актрисы Джейн Биркин (lenta.ru, 26.05.2017).

Как было видно из уже приведенных примеров, иконами стилия (моды) чаще всего являются самые популярные персоны: представители правящих домов, артистки: Для меня (Ю. Рутберг. – О.Д.) **икона стилия** – не образец для копирования, не повод выщипать брови «под Целиковскую» или сделать прическу, как у Греты Гарбо. Это возможность не только в жизни, но в работе опереться, помимо визуального образа, на внутреннее содержание. Коко Шанель, Лайза Миннелли, Инна Михайловна Чурикова, Алиса Бруновна Фрейдлих, Марина Мстиславна Неёлова – вот мои **иконы стилия** (К., 42/19).

Второй большой кластер – тексты об артистическом мире, и в нем другие устойчивые сочетания с компонентом *икона*: В 70-е годы местный режиссёр-самоучка Василий Альчиков снял о Павлике фильм: не просто кинокартину, а **кино-икону** (Т., 16.11.2004); Моника Беллуччи остаётся едва ли не **главной иконой современного мирового кино** (КП, 19.06.2013); Вслед за победой его фильма «Фейерверк» на Венецианском фестивале в 1997 году Китано становится одной из **икон современного авторского кино** (КП, 24.08.2006); Картина, которую мы снимали практически без денег. И сразу же, в первый год его работы, на него съедутся многие **«иконы» мирового арт-хаусного кино** (РБК, 12.19.2007); Конечно, Жан-Марк **икона арт-кино**. Их работа с Ольгой (Симоновой. – О.Д.) напоминала хороший психологический театр с тонкой настройкой (НГ, 31.10.18); Роберт Редфорд, **икона и символ независимого кино**... засветился наконец в свои без малого 80 в крупной голливудской франшизе (И., 04.04.2014) и др. Иногда указываются жанры кино, в которых проявили себя артисты или режиссеры: После роли в фильме Жан-Люка Годара «На последнем дыхании» стал (Бельмондо. – О.Д.) **иконой кино «Новой волны»** (lenta.ru, 08.09.2016); 35 лет спустя Мартин стал не только мировой **иконой жанра фэнтези**, но также человеком, усилиями которого в Санта-Фе был организован Фестиваль независимого кино (lenta.ru, 17.10.2014); Вы не смогли пройти мимо первого исполнителя роли Джанго, **иконы спагетти-вестернов** Франко Неро (КП, 17.01.2013) и др.

Если это артисты других видов искусства, то повторяющимися становятся другие сочетания (композицы) – *икона рока*: «Металлика» – **икона рока**. Получил большое удовольствие. Хотя обычно слушаю танцевальную музыку – Эминема, Басту... (СС, 14.02.2009); 62-летняя **икона русского рока** (Борис Гребенщиков. – О.Д.) падала на колени, рычала и кричала в микрофон, играла, закинув гитару за голову, и вообще творила такое, что молодые люди, пришедшие на концерт, оторопели (НГ, 30.09.2016); или чаще рок-икона: Наряду с The Beatles и Sex Pistols, Led Zeppelin считаются одной из самых главных **рок-икон** за всю историю рок-музыки (РБК, 28.06.2007); О том, что Серебрянников «снимет историю становления **рок-икон** Виктора Цоя», стало известно в феврале (lenta.ru, 27.07.2017)

и др. Такой же популярный композит *поп-икона*: *Сегодня у главной поп-иконы мира Мадонны день рождения* (РБК, 16.08.07); *Для многих АВВА – подлинная поп-икона, одна из немногих групп, разрешённая к прослушиванию советским гражданам в 70-х* (РБК, 18.12.2007) и др. Называются и более конкретные музыкальные стили: *Дэвид Боуи так давно не радовал новой музыкой, что многие уж и перестали ждать чего-то от иконы глэм-рока* (КП, 26.02.2013); *Самая главная остинская знаменитость... – это икона кантри-музыки Вилли Нельсон* (lenta.ru, 20.05.2017); *Икона белого блюза, как часто называют критики певца и гитариста (Гэри Мура. – О.Д.), уселся перед журналистами в большом пуховике* (КП, 24.10.2010); *Икону мирового хип-хопа Шона Комбса (Sean Combs), известного под псевдонимом Пи Дидди (P. Diddy), уличили в ретуши снимков для соцсетей* (lenta.ru, 31.01.2018) и др.

Еще область использования слово *икона* – это спорт, в котором повторяющимся является не только сочетание *икона спорта*: *Они оба — иконы спорта, оба очень привлекательны для медиа, умеют развлекать публику* (lenta.ru, 30.07.2017); *Представьте, что будет с репутацией Ирландии, если наша икона спорта (борец Макгрегор. – О.Д.) окажется жертвой гангстеров* (lenta.ru, 30.11.2017); но сочетание слова с наименованием конкретного вида спорта, прежде всего, футбола: *Конечно, он (Томаш Губочан. – О.Д.) — икона футбола, часть истории мирового спорта* (СС, 25.07.2011); *Так в чём же величие нескладного аргентинского паренька (Месси. – О.Д.), ставшего иконой современного футбола?* (РБК, 01.03.2013); *Икона мирового футбола бразилец Пеле в качестве киноактёра оказался вполне успешен* (КП, 08.10.2005); *Пусть лучше остаётся иконой аргентинского футбола и не лезет в дела сборной, где нет места ни его вздорному и скандальному характеру* (СС, 11.08.2009); *Теперь вот икону российского футбола (Аршавина. – О.Д.) отметила Православная церковь* (СС, 18.06.2009) и др.; и даже икона конкретного спортивного клуба: *В частности, основная борьба должна была развернуться между Величе Шумуликоски и, как здесь написали, «иконой» «Спартак» Егором Титовым* (СС, 16.11.2006); *Проблема в том, что этот 40-летний правый крайний – Даниэль Альфредссон, икона «Оттавы», многолетний капитан клуба* (СС, 06.07.2013) и др.

Довольно большое количество употреблений слова *икона*, связано с лидерами разных движений, политических течений: *икона хиппи*, кубинской революции, террористов, исламофашизма, демократии, социал-демократии и т.д.: *И Борис Пастернак сначала стал... полузапрещённой «иконой» советской интеллигенции*, гуру молодых поэтов «оттепели» (lenta.ru, 10.02.2015); *Икона советской интеллигенции 1980-х... – профессор Преображенский – прекрасно знал законы безоблачного существования в голодной Москве в многокомнатной квартире* (И., 27.06.2012); неоднократно повторяется сочетание *икона феминизма*: *Многие признали мраморных раков «иконами современного феминизма»* (lenta.ru, 07.92.2018); *В 2010-м в Германии был снят байопик «Видение», закрепивший образ Хильдегарды как средневековой иконы феминизма* (И., 13.05.2012) и др.

Абсолютное большинство приведенных примеров именовали разнообразными *иконами* людей, однако словом *икона* называют и известные компании, и выпускаемую ими продукцию: *Аналитики говорят о громадном репутационном ущербе для Sony – японской компании-иконы*, в своё время создавшей *Walkman* (РБК, 21.09.2006); *А компания Merck&Co, некогда икона американской фармацевтики*, была вынуждена закрыть четыре перспективных проекта (РБК, 27.12.2006) и др.; однако чаще всего *иконами* именуют продукцию автопрома: *...сделать Peugeot иконой стиля для партнёров и конкурентов, стать лидером в сфере услуг мобильности* (РИА Новости, 26.03.2010); *На этот раз очередь дошла до кабриолета C70, который считается шведской премиальной иконой*, воплощая в себе не только многие инновации и технические нововведения компании, но и флегматичный северный характер (РБК, 28.07.2010); *Вот где не протолкнуться на международных автосалонах, так это возле стендов с иконами мирового автомобиллизма* (КП, 10.03.2012); *Mazda-6 – одна из икон японского спортивного седана и лидер статистики автогонов – получила обновление* (КП, 31.08.2012) и др.

Итак, слово *икона* – одно из высокочастотных в современном медиадискурсе. Опираясь на данные газетного подкорпуса, можно утверждать, что до 2006 г. большинство употреблений слова было связано с реализацией его прямого значения, однако в последние годы слово *икона* расширило семантический потенциал и под влиянием

английского аналога приобрело значение: ‘предмет поклонения, идол, кумир’, как нам кажется, прежде всего, значение ‘эталон, к которому стремятся и которому подражают’. Чаще всего это значение реализуется в конструкции с формой существительного в родительном падеже *икона чего?*, многие из такого рода сочетаний стали высокоповторяющимися и приобрели статус устойчивых: *икона стиля, икона моды* (в таком виде являющиеся калькой соответствующих устойчивых выражений английского языка *style icon* и *fashion icon*, последнее из которых употребляется в виде кальки и полукальки с различным графическим оформлением транскрибированного компонента: *fashion-икона, фэшн-икона, фешен-икона*). Кроме того, лексема *икона* реализуется в определительных сочетаниях с прилагательным: *модная икона*. Устойчивыми стали и композиты: *поп-икона, рок-икона*.

Слово *икона* употребляется в медиадискурсе в текстах разнообразной направленности, прежде всего текстах о моде, об искусстве, о спорте (потому что кумирами чаще всего являются актеры, певцы и спортсмены), о политике и об автомобильной промышленности.

Особенностью современного употребления является то, что слово *икона* с новым значением ‘человек/предмет – объект преклонения’, и ‘эталон, быть похожим на который стремятся многие’ употребляется в изолированном употреблении: *Он (Депардье. – О.Д.) действительно «икона» в нашей профессии, при этом он потрясающе прост в общении* (И., 11.03.2013); *В Китае много женщин-композиторов, и Губайдулина для них – икона* (И., 16.05.2012); *Либо давайте отпускать их. И по-прежнему считать Есенина национальной иконой* (КП, 21.95.2012); *Для украинцев он (Т. Шевченко. – О.Д.) не только икона, он – человек, который пробудил их мысль и душу* (НР, 10.93.2011) и др.

Каково значение слова в языке СМИ? Рассмотрим, синонимом каких слов является слово *икона* в современном употреблении: *образец для подражания, символ, знамя, кумир, легенда: «Легенду № 17» начнут сейчас использовать как «икону», образец, обязательный к подражанию* (И., 04.06.2013); *АвтоВАЗ – это русская икона, символ* (РБК, 16.04.2014); *Для оппозиционных либералов Ходорковский – икона, боевое знамя, что угодно, но только не политический деятель со своим набором идей и со своим мировоззрением* (И., 19.07.2012); *Понятно, что в Северной Америке сдувают пыль со своей иконы, местного кумира Сидни* (СС, 05.02.2013); *Несмотря*

на солидный возраст, Дэвид Боуи продолжает оставаться для мировой поп-культуры не просто **иконой и легендой**, но и более чем актуальным артистом (И., 08.01.2013) и др.

Икона – это сейчас номинация для высшего проявления известности: В одном из интервью Бейонсе прямо сказала, что быть звездой ей уже недостаточно и она стремится быть ни больше ни меньше **иконой** (РБК, 02.11.2009).

Изменение семантики слова повлекло изменение его сочетаемости, часто воспроизводимыми стали сочетания с глаголом *сделать/делать*: *Есть большое искушение **сделать** из большого человека **икону**. Так поступают со всеми великими (КП, 10.09.2013); Сейчас вытаскивают на свет фигуры, которые боролись против России, и **делают** из них **иконы** (КП, 03.19.2012) и др.*; глаголом *превратить/превратиться*: *Сотни итальянских журналистов, для которых Шумми, принеший «Феррари» пять чемпионских титулов, **превратился в икону**, на несколько минут погрузили зал в тишину (СС, 03.08.2009); И известные персонажи истории, **превращённые** своими государствами в **иконы** (НГ, 15.05.2018); глаголом *стать/становиться*: *Приехав в Штаты, она (Грета Гарбо. – О.Д.) мгновенно **стала иконой**. ...Всем её героиням присущи ум и сдержанная страстность (И., 24.12.2007); Ситх Киёв Фёдор с недавних пор в России **стал иконой** (СС, 05.02.2012) и др.**

Нередки употребления сочетания *живая икона*: *В том, что зал реагирует на **живую икону** горячее, чем на чествуемого классика, нет ничего странного или зазорного (И., 29.01.13); Джулиан Ассанж прошёл все ступени становления **живой иконой** левачких группировок (И., 21.06.12) и др.*

Появляются сочетания, противоречащие здравому смыслу, если опираться на прямое значение слово *икона*: *Жизнь американского убийцы Чарльза Мэнсона с самого начала была полна злоключений и неудач, но именно он стал иконой среди серийных убийц (lenta.ru, 28.06.2016); Будущая икона исламофашизма Дэвид Вулфстан Мьятт родился в 1950 году в британской колонии Танганьике, где его отец работал госслужащим (lenta.ru, 26.05.17); Икона вседозволенности (маркиз де Сад. – О.Д.) (МВ, 13.02.2018); Впрочем, на мировой легенде музыки и гей-иконе (Элтоне Джоне. – О.Д.) не было даже намёка на возраст и седину (МК, 22.12.2017) и др.*

Сами журналисты осознают, что от частой повторяемости модное сочетание *икона стиля* стало штампом, уже не воздействует на читателя: «Словосочетание “икона стиля” заезжено, но в случае с Кеннеди это практически часть его имени», – писал журнал *Mr. Porter* (lenta.ru, 29.05.2017), но продолжают активно употреблять слово *икона*.

Словари, как всегда, не успевают фиксировать изменения, поэтому переносное значение у слова *икона* отражено только в словаре Т.Ф. Ефремовой: *икона* II ‘Тот, кого боготворят, кого любят, перед кем преклоняются’ [4]. Представляется, что переносное значение (II), отражено неполно: должна присутствовать не только сема ‘любовь’, но и сема ‘образец для подражания’.

В современном языке СМИ с первого десятилетия XXI в. активно используются слова религиозного кода, в том числе слово *икона* и его дериваты, под влиянием английского аналога (*icon*) они приобрели переносные значения и часто повторяющиеся устойчивые словосочетания (*икона стиля* – *style icon*, *икона моды* – *fashion icon*, *икона футбола*, *поп-икона*, *рок-икона* и др.). Некоторые из сочетаний даже превратились в штампы. И приобретенные переносные значения, и устойчивые сочетания должны быть отражены как в словарях неологизмов 2000-х гг., так и в будущих изданиях толковых словарей.

Литература

1. Андреева И.В., Баско Н.В. Словарь православной лексики русской литературы XIX–XX вв. М.: АСТ-Пресс Книга, 2012. 272 с.
2. Большой академический словарь русского языка. М.; СПб.: Наука, 2004.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002. 1536 с.
4. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 14.09.21).
5. Мокиенко В.М., Лилич Г.А., Трофимкина О.И. Толковый словарь библейских выражений и слов. М.; АСТ; Астрель, 2010. 639 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 05.10.21).
7. Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. СПб.: Наука, 2000. 278 с.
8. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Наука, 1948–1965.

Список сокращений

- И. – «Известия»
К. – «Культура»
КП – «Комсомольская правда»
МК – «Московский комсомолец»
НГ – «Новая газета»
НР – «Новый регион-2»
РБК – «РБК Daily»
СС – «Советский спорт»
Т. – «Труд-7»

DOI: 10.31862/9785426311954-210-214

Декатова К.И.,
*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
Россия, г. Волгоград*

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу прагматических свойств фразеологических единиц в рекламном тексте. В работе описываются ошибки употребления устойчивых единиц в политической рекламе.

Ключевые слова: прагматические свойства, фразеологические единицы, политическая реклама.

Christina Decatova,
*Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Russia, Volgograd*

PRAGMATIC PROPERTIES OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN POLITICAL ADVERTISING

Abstract. The article is devoted to the analysis of the pragmatic properties of phraseological units in an advertising text. The errors of using phraseological units in political advertising are described.

Keywords: pragmatic properties, phraseological units, political advertising.

Несмотря на существующие на страницах научно-исследовательских работ обоснования некорректности часто встречающегося наименования рекламой политической и социальной справочной информации, агитации [6], термин «политическая реклама» укоренился

в понятийном аппарате политологии, социологии и активно используется в исследованиях, проводимых в рамках политической лингвистики. Став объектом изучения представителей нескольких научных сфер, реклама в политическом дискурсе исследовалась в разных аспектах с использованием различных подходов, и термин «политическая реклама» приобрел множество определений (С. Дейяна, В.В. Мыльников, Е.Н. Тогузаева, Т.С. Аكوпова, А.И. Ковлера, Б.Л. Борисова, Г.Г. Почепцов, М.Н. Грачева, Е.В. Егорова-Гантман, М.Ю. Рогожина и др.). В лингвистических работах политическая реклама рассматривается как одна из форм политической коммуникации. В современном зарубежном и отечественном языкознании особое внимание уделяется анализу лингвистических свойств, признаков, функций, отличающих язык политической рекламы от языка социальной, коммерческой рекламы, описываются типы рекламы в политической коммуникации и ее жанровое разнообразие, рассматривается роль рекламного текста в реализации разных стратегий и тактик достижения политических целей [2; 3; 5; 7; 10 и др.].

Поскольку целью политической рекламы является побуждение «людей к участию в каких-либо политических процессах» [1, с. 6], весьма актуальными становятся лингвистические исследования рекламных текстов, посвященные анализу языковых средств воздействия на участников политической деятельности. Выявление и описание прагматических свойств единиц разных языковых уровней в рекламном политическом тексте – одна из важных задач, решение которой позволяет понять «секреты» успешной рекламы. Интересным материалом для такого рода исследований становятся изобразительно-выразительные средства языка и фразеологические единицы. Последние нередко обладают мощным прагматическим зарядом и активно участвуют в реализации прагматического потенциала высказывания в политической рекламе [4]. Экспрессивность фразеологизмов помогает быстро и без лишних усилий достичь нужного коммуникативного эффекта: вызвать у людей необходимую эмоциональную реакцию, как справедливо отмечает А.А. Аксенов, побудить их «к тому или иному типу политического поведения, в том числе электорального», адресно воздействовать «на электоральные группы в лаконичной, оригинальной, легко запоминающейся форме» [1, с. 6].

Важнейшей функцией политической рекламы является информирование участников политических событий о преимуществах определенных политических сил, рекламные тексты часто нацелены на создание положительного образа лидера политического движения, его сторонников, одобрение его действий или намерений. Трансляция идей, вызывающих симпатию, в краткой и интересной форме позволяет привлечь новых сторонников. С другой стороны, реклама в политическом дискурсе отражает и процессы политической конкуренции, поэтому может содержать критику идей, поступков оппозиционных сил. Противопоставляя политические приоритеты, принципы одних политических сил взглядам и ценностным установкам других, политическая реклама призвана выполнять ориентирующую идеологическую функцию. Реализовать вышеназванные функции политической рекламы весьма эффективно помогают фразеологические единицы, обладающие оценочностью, которая способна формировать как отрицательное, так и положительное отношение к объекту номинации. Например, фразеологическая единица *партия жуликов и воров*, использованная в предвыборном слогане КПРФ **«Долой власть жуликов и воров»**, позволила выразить негативное отношение к политическим оппонентам – членам партии «Единая Россия». В лозунге единороссов **«Слово держим, дело делаем»** содержится фразеологизм *держат слово* ('выполнять обещанное' [11, с. 195]), который обладает положительной коннотацией и помогает реализовать предвыборные стратегии, нацеленные на формирование имиджа избираемых политических деятелей как людей, которым можно доверять.

Лингвистические исследования прагматических свойств фразеологизмов в политической рекламе предоставляют возможность не только создавать текст, позволяющий эффективно достичь поставленных «рекламных» целей, но и помогают избежать ошибок, вызывающих негативное отношение, иронию, недоверие к политической партии и ее сторонникам. Анализ рекламных слоганов, баннеров, размещавшихся в Российской Федерации перед выборами в Государственную Думу, а также выборами в региональные законодательные собрания, показал, что некорректное употребление фразеологизмов в рекламном тексте нередко превращает их в антирекламу. К наиболее часто встречающимся ошибкам употребления фразеологических

единиц в политической рекламе можно отнести некорректное использование устойчивых единиц, обусловленное незнание их значения или всего спектра значений. Так, в предвыборном слогане КПРФ «*Выслушаем и поможем. Наш человек в Думе*» используется устойчивое сочетание слов *наш человек*, обладающее значением ‘свой человек, разделяющий взгляды, мнение, вкусы (говорящего)’. Несмотря на, казалось бы, положительную коннотацию фразеологической единицы, одобрительная оценка кандидата в депутаты не формируется, поскольку создатели слогана не учли тот факт, что данный фразеологизм имеет и другие значения: 1) шутил. ‘русский царь Пётр I’, 2) шутил. ‘еврей’ [8, с. 731]. Отсутствие контекста, устранившего активацию всех известных читателю значений фразеологической единицы, является причиной неоднозначного прочтения слогана.

Наличие необходимого для правильного понимания значения фразеологизма контекста – важное условие успешной политической рекламы. Поскольку объем вербального контекста в слоганах, лозунгах ограничен, их создатели пытаются активировать необходимые смыслы и с помощью визуализации. Однако не всегда «визуальный контекст» корректно соотносится со значением фразеологизма, употребленного в рекламе. «Обыгрывание» значения устойчивой единицы, его буквализация тоже не всегда позволяют достичь ожидаемого эффекта. Так, на предвыборном плакате партии РОСТА, содержащем слоган «*Повернись лицом к городу*», кандидат в депутаты смотрит на прекрасные городские постройки, отвернувшись от избирателей. Это помогает привлечь внимание, поскольку приводит к буквализации значения фразеологизма, но такая семантическая модификация фразеологизма *повернуться лицом (к кому-то, чему-то)* – ‘начинать обращать внимание, проявлять заинтересованность в ком-либо или в чём-либо’ [11, с. 478] – вызывает негативное отношение к «рекламируемому» кандидату, который поворачивается спиной к избирателю, демонстрируя свои приоритеты.

Таким образом, изучение прагматических свойств фразеологических единиц, их реализации в рекламном тексте является весьма актуальным в рамках лингвополитических исследований. Результаты этих изысканий могут быть интересны не только лингвистам, но и социологам, политическим аналитикам и тем, кто непосредственно

участвует в подготовке и проведении политических кампаний, поскольку позволяют корректно и эффективно использовать в политической рекламе изобразительно-выразительные языковые средства и не допускать ошибок, нивелирующих достижения политических игроков и негативно влияющих на формирование отношения к ним избирателей.

Литература

1. *Аксенов А.А.* Реклама в политике: учеб. пособие. Комсомольск-на-Амуре: КНАГТУ, 2013. 113 с.
2. *Амелин В.Н., Федоркин Н.С.* Стратегия избирательной кампании. М.: РЦОИТ, 2001. 106 с.
3. *Декатова К.И.* Фразеологическое значение как средство изучения политической картины мира // Жизнь фразеологии – фразеология в жизни: сб. науч. статей к юбилею профессора А.М. Мелерович / отв. ред. и сост. И.Ю. Третьякова. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. С. 70–77.
4. *Декатова К.И.* Манипулятивная функция политических фразеологизмов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (138). С. 111–115.
5. *Егорова-Гантман Е.В., Плеваков К.* Политическая реклама. М.: Николо М, 2002. 236 с.
6. *Маркович А.М.* Реклама (рекламная деятельность) как вид предпринимательской деятельности в России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 173 с.
7. *Мишланов В.А., Нецветова Н.С.* Коммуникативные стратегии и тактики в современном политическом дискурсе (на материале политической рекламы предвыборных кампаний 2003, 2007, 2008 гг.) // Вестн. Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 6. С. 5–13.
8. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
9. *Мыльников В.В.* Проблемы понятия «политическая реклама» и некоторые подходы к его законодательному определению // Реклама и право. 2008. № 2 (11). С. 27–30.
10. *Пильгун М.А.* Речевые особенности политической коммуникации // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Т. 152. Кн. 2: Гуманитарные науки. 2010. С. 236–246.
11. *Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель; АСТ, 2008. 878 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-215-220

Еськова А.Д.,
*Санкт-Петербургский
государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург*

**СЛОВАРЬ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ КАК ЧАСТЬ
«ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РОМАНА
М. ГОРЬКОГО “ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА”»:
О ПРИНЦИПАХ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВНИКА**

Аннотация. В статье рассматриваются принципы отбора единиц во фразеологический выпуск «Идеологического словаря романа М. Горького “Жизнь Клима Самгина”» и организации этих единиц.

Ключевые слова: язык писателя, словарь, М. Горький, устойчивый оборот, словник, гнездование.

Anna Eskova,
*Saint Petersburg State University,
Russia, St. Petersburg*

**DICTIONARY OF INDIVIDUAL AUTHOR'S
PHRASEOLOGICAL UNITS AND PAROEMIAS
AS PART OF THE IDEOLOGICAL DICTIONARY
OF M. GORKY'S NOVEL
“THE LIFE OF KLIM SAMGIN”:
ON THE PRINCIPLES OF FORMING A DICTIONARY**

Abstract. The article discusses the principles of the selection of units in the phraseological issue of the Ideological dictionary of the novel by M. Gorky “The Life of Klim Samgin” and the organization of these units.

Keywords: writer's language, dictionary, M. Gorky, steady turnover, vocabulary, grouping.

Создавая любой словарь, важно понять, какие именно единицы будут в нем описаны и в каком аспекте они будут представлены.

Слово реализует свое значение в контексте, т.е. в окружении других слов. Поэтому одной из частей создаваемого ныне в Межкафедральном словарном кабинете «Идеологического словаря романа М. Горького “Жизнь Клим Самгина”» должен стать словарь индивидуально-авторских фразеологизмов и паремий романа. Нельзя не отметить некоторую оксюморонность задач такого сочинения. Фразеологизм есть нечто устоявшееся, многократно повторяемое, принадлежащее всем носителям языка. Индивидуально-авторским, напротив, считается то, что свойственно именно данному автору. Исследуя произведение художественной литературы, важно обратить внимание на те обороты, которые встретились именно в нем. В этой статье речь пойдет об авторских устойчивых выражениях в романе М. Горького «Жизнь Клим Самгина». К ним относятся прежде всего обороты, использованные в тексте несколько раз. Кроме того, устойчивыми можно считать и выражения, встретившиеся однажды, но характерные для того или иного персонажа. Эта характерность как раз и говорит о фразеологичности сочетания [4].

Авторский устойчивый оборот может стать и постоянным наименованием персонажа, аналогом имени собственного. Так происходит в романе, например, с выражением *горбатенькая девочка*. Это словосочетание в разных падежных формах применяется к персонажу по имени Гашка 11 раз, 3 раза она названа словами *горбатая девочка*, еще 3 раза – субстантивированным прилагательным *горбатенькая*. В речи ротмистра она *девчонка*, слепая бабушка, которой Гашка помогает, именуется ее словом *псовка*, а самое первое ее наименование в романе – *горбатенькая девочка-подросток*. Авторский фразеологизм и общеупотребительное слово становятся синонимичными.

Единицы, входящие в писательский словарь, нужно сгруппировать, чтобы сделать приводимую в нем информацию не только более доступной, наглядной, но и более полной. В частности, описываемые фразеологизмы можно объединить в гнезда – о гнездовании фразеологизмов см., например: [1; 2; 6; 8].

В одно гнездо можно включить обороты, относящиеся к одному персонажу, скажем, те, что встречаются в описаниях внешности: *мужичок в красной рубахе, красенький мужичок, грузчик на сибирской пристани* – наименования одного лица.

Особую группу авторских фразеологизмов образуют ругательства, в том числе и встретившиеся романе только один раз.

Возница, мужичок средних лет, с реденькой серой бородкой на жидком лице, не торопясь, слез с козел, взглянул под задок брички и сказал, улыбаясь:

*– Ось пополам, **драть её с хвоста**, я тут – ни при чём, господин, железо не вытерпело [3, т. 2, с. 353].*

Отмеченное выражение имеет явную эмоциональную окраску, в нем есть образ, к тому же его значение нельзя вывести из значения составляющих его слов. Эти свойства и позволяют отнести указанный оборот к фразеологизмам. В НКРЯ по запросу *драть с хвоста* нашелся только этот горьковский контекст, значит, оборот можно считать индивидуально-авторским.

Средством выделения авторских оборотов может быть и пунктуационный знак – кавычки. К примеру, Клим удивляется *способности Дронова ненасытно поглощать «умственную пищу»*, как говорил квартировавший во флигеле писатель Нестор Катин [Там же, с. 89–90]. Отметим в этой фразе и метатекстовый элемент – ссылку на речь писателя. Тема слова и словесности весьма значима в романе Горького, ей также планируется посвятить отдельный выпуск Идеологического словаря. Заметим, что Катин говорит о *пище*. Тема еды и питья в романе опять-таки значима, она тоже заслуживает отдельного словарного выпуска.

Одним из снований для включения оборота в словарь может быть его метафоричность. Сосед Клима, историк Козлов завел с ним беседу о недопустимости резких изменений в общественной жизни и пренебрежения к отечественной истории.

– Самомнения много у нас, – сказал Клим.

*– Именно! И – торопливость во всём. А ведь вскачь землю не пахут. Особенно в крестьянском-то государстве невозможно галопом жить. А у нас всё **подхлёстывают** друг друга **либеральным хлыстиком**, чтобы Европу догнать [Там же, с. 32].*

Выделенное выражение – это гапакс. Словосочетание не отмечено никем в романе как характерное для историка Козлова. Но метафорические обороты вообще ему свойственны. В связи с данным выражением, пожалуй, стоит вспомнить о том, что в 1906 г. в Астрахани вышел единственный номер сатирического иллюстрированного журнала «Хлыстик», задачей которого было «хлыстиком подгонять нерадивых, усмирять злобствующих, наказывать виноватых, выбивать спесь из гордых глупцов и пыль из залежавшихся» [5, с. 139]. У нас нет сведений о том, что Горькому был известен этот журнал, но исключать такую возможность тоже не следует. Он бывал в Астрахани неоднократно в разные периоды своей жизни. «В ночь на 27 августа 1929 г. Горький на теплоходе “Карл Либкнехт” в последний раз приехал в Астрахань. Во время заключительной поездки по городу Алексей Максимович осмотрел крепость, ездил на баркасе по заводам, расположенным на Волге, беседовал на семнадцатой пристани с грузчиками, встретился с местными начинающими писателями» [7]. А значит, и к астраханской периодике, он, по всей вероятности, не был равнодушен.

Единичное словосочетание *подхлёстывать либеральным хлыстиком* содержит в себе яркий образ. Оно, как мы видим, имеет и биографический подтекст, т.е. еще и поэтому заслуживает отображения в Идеологическом словаре. Исследуя авторские обороты, приходится обращаться к контексту эпохи: в частности, к общественно-политической ситуации в стране и мире, а также к биографии Горького. Возможно, факультативной частью словарной статьи станет комментарий.

Очевидно, однако, что не следует включать в словник все встретившиеся в романе метафоры. Идеологический словарь – это не словарь метафор. Необходимо найти критерий отбора. Наверное, нужно обратить внимание на то, в чьей речи – авторской или персонажной – встретился оборот, чья точка зрения используется в данном случае. Думается, прежде всего важно учесть единицы, характерные для конкретных персонажей. Для указания на говорящего (или думающего) стоит использовать специальные пометы и шрифтовые выделения.

Не менее важен вопрос о том, что считать заголовочной единицей гнезда, а что вариантом. Главным в гнезде стоит признавать оборот наиболее частотный.

Важным для словаря языка писателя является принцип полноты. Необходимо отразить в словаре все употребления выявленной единицы и максимально полно их истолковать.

Думается, что порядок расположения в словаре исследуемых единиц будет алфавитно-гнездовым. Подобный порядок использовался в «Частотном словаре имен собственных и названий романа» [8], в первой его части. К фразеологизмам он, в частности, применяется в «Словаре русской фразеологии» [1], на который мы во многом ориентируемся. И в «Словаре индивидуально-авторских фразеологизмов и паремий романа М. Горького „Жизнь Клима Самгина“» обороты будут приводиться под гнездовым словом, получать словарную дефиницию, а при необходимости и стилистическую квалификацию. Ср.: [Там же, с. 7].

Вероятно, в наш словарь будет включен и общий список оборотов с указанием на то, в связи с каким персонажем каждый из них встречается. Например: СМЕЯТЬСЯ, ПОСМЕИВАЯСЬ, ЗАСМЕЯЛСЯ ИКАЮЩИМ СМЕХОМ – *о неприятном смехе, напоминающем икание.*

Самгин (Иван). *Жарким летним вечером Клим застал отца и брата в саду, в беседке; отец, посмеиваясь необычным, икающим смехом, сидел рядом с Дмитрием, крепко прижав его к себе* [3, т. 1, с. 64].

Дронов. *Его [Макарова] сердитая шутка заставила Дронова смеяться неприятно икающим смехом* [Там же, с. 131].

Митрофанов. – *Видите ли... Рассказывал я вам о себе разное, там, ну – винюся: всё это я выдумал для приличия. Жён выдумал и вообще всю жизнь...*

– *Позвольте – зачем же? – неприятно и удивлённо спросил Самгин.*

– *Для благоприличия... – Иван Петрович трясущейся рукою налил водки, но не выпил её, а, отодвинув рюмку, засмеялся горловым, икающим смехом; на висках и под глазами его выступил пот, он быстро и крепко стёр его платком, сжатым в комок* [3, т. 2, с. 351].

Рассуждая об организации словника, нужно представлять себе и устройство словаря в целом. Поэтому в статье приводятся наброски словарных статей.

Возможно, данный выпуск Идеологического словаря следует назвать «Словарь индивидуально-авторских оборотов в романе М. Горького “Жизнь Клима Самгина”». Такое решение позволит включить в словник единицы, встретившиеся в тексте всего однажды, а кроме того, уравнивать в словарных правах словосочетания и предложения, фразеологизмы и паремии.

Итак, индивидуально-авторские фразеологизмы, встретившиеся в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» могут быть организованы как вокруг стержневого слова, так и вокруг употребившего их персонажа. Думается, что оба эти способа организации найдут применение в разных частях словаря.

Ведущим принципом при отборе единиц является принцип полноты. Он должен сохраниться также и в толковании оборота, и в цитации, но это уже тема для другого исследования.

Литература

1. Бирях А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
2. Гананольская Е.В. Образное гнездо как элемент системного описания развития фразеологии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 3. С. 199–208.
3. Горький М. Жизнь Клима Самгина (сорок лет) // Горький М. Полн. собр. соч.: художественные произведения в двадцати пяти томах. М.: Наука, 1968–1976. Т. 21–24.
4. Еськова А.Д. Авторская фразеология и паремиология в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Славянская фразеология: фразеологические неологизмы в славянских языках (в печати).
5. Лебедева А.А. Система астраханской периодики в годы первой российской революции // Известия Южного федерального ун-та. 2008. № 2. С. 129–141.
6. Лукьянова Ю.К. Функционально-семантические особенности фразеологизмов, содержащих слова с этимоном год-, в русском языке // Ученые записки Казанского ун-та. Серия гуманитарные науки. 2017. Т. 159. Кн. 5. С. 1132–1143.
7. Немировская Д. О пребывании Максима Горького в Астрахани. URL: <https://proza.ru/2015/08/18/1695> (дата обращения: 18.12.2021).
8. Частотный словарь романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: Имена собственные и названия. СПб.: СПбГУ, 2011. 208 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-221-230

Захарова-Дехамния В.В.,

*Челябинский
государственный университет,
Россия, г. Челябинск*

Витязева М.Л.,

*Челябинский
государственный университет,
Россия, г. Челябинск*

**СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ
В РЕЧАХ ДЕЯТЕЛЕЙ ИСКУССТВА
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ
ВО ВРЕМЯ ЦЕРЕМОНИЙ НАГРАЖДЕНИЯ
ПРЕМИЯМИ «ОСКАР» И «ЗОЛОТАЯ МАЛИНА»)**

Аннотация. Утверждение о том, что фразеологизмы, или фразеологические единицы, обогащают язык, отражая менталитет говорящих на нем людей, является бесспорным по сей день. Фразеологизмы широко употребляются не только в художественной литературе, но и в СМИ, однако при этом возникают сложности при переводе данных единиц из-за их экспрессивности, образности и многозначности. Следовательно, для недопущения искажения информации возникает потребность в их качественном переводе. В данной статье мы рассматриваем частоту использования актерами фразеологизмов на церемониях награждения кинопремиями «Оскар» и «Золотая малина», их эмоциональную окраску, а также особенности перевода их речей на русский язык.

Ключевые слова: фразеологическая единица, перевод, речевой дискурс, сопоставительный анализ, эмоциональная окраска.

Varvara Zakharova-Dehamnia,

*Chelyabinsk State University,
Russia, Chelyabinsk*

Maria Vityazeva,

*Chelyabinsk State University,
Russia, Chelyabinsk*

**STYLISTIC ASPECT
OF TRANSLATING PHRASEOLOGICAL UNITS
FROM ENGLISH TO RUSSIAN IN SPEECHES
BY ARTISTS (BASED ON SPEECHES DURING
THE OSCAR AND GOLDEN RASPBERRY
AWARD CEREMONIES)**

Abstract. To this day, the statement that phraseological expressions, or units, enrich the language and reflect the mentality of people, is an indisputable fact. Phraseological expressions are widely used not only in fiction, but also in the mass media. However, due to their emotional expressiveness, imagery and polysemy there are difficulties in translating these units, which means that there is a need for high-quality translation in order to prevent misrepresentation. In this article, we examine the frequency usage of phraseological units by actors at “The Oscars” and “The Golden Raspberry” Awards, their emotional coloring, as well as the translation features of their speeches in Russian.

Keywords: phraseological unit, translation, spoken discourse, comparative analysis, emotional coloring.

Утверждение о том, что фразеологизмы, или фразеологические единицы (далее ФЕ), не только обогащают язык, но и отражают менталитет говорящих на нем людей, является бесспорным. ФЕ встречаются как на страницах художественной литературы, так и в текстах СМИ. Британские и американские телепередачи, фильмы, книги активно проникают в российские средства массовой информации. Зрители в поисках «хлеба и зрелищ» с интересом просматривают различные каналы YouTube, читают блоги в социальных сетях.

Но, так как на русскоязычных информационных порталах информация из иностранных источников довольно часто подается скупо, а ФЕ либо опускаются, либо при их переводе используется описательный прием перевода, для полного понимания ситуации приходится обращаться к англоязычным СМИ. Следовательно, возникает потребность в их качественном переводе. Как известно, ФЕ яркие, экспрессивны, а самое главное – лаконичны и образны. Не удивительно, что их перевод с одного языка на другие представляет значительные трудности. При передаче ФЕ с английского языка на русский необходимо владеть не только этими языками, но и быть в какой-то мере экспертом в культуре этих языков.

Впервые термин *phraséologie* был введен Шарлем Балли. Он считал, что фразеология является неотъемлемой частью стилистики, т.е. не является отдельной дисциплиной, изучающей связанные сочетания. Он же и вывел концепцию фразеологических единиц (фр. *unité phraséologique*) как устойчивого словосочетания, смысл которого нельзя определить из значений составляющих его слов. Ш. Балли систематизировал словосочетания в двух своих книгах: «Очерки стилистики» и «Французская стилистика». Именно поэтому его считают основателем теории фразеологии [1].

Первая классификация фразеологических оборотов с точки зрения их семантической неделимости в русской лингвистике принадлежит В.В. Виноградову. Ученый выделял три типа оборотов: сращения, единства и сочетания [2, с. 121–139].

На основе работ В.В. Виноградова Н.М. Шанский разработал классификацию ФЕ [9], которую в современной лингвистике можно назвать общепринятой. С точки зрения семантической слитности, по замечанию ученого, можно выделить четыре группы фразеологических оборотов:

- 1) фразеологическое сращение – неделимые по смыслу словосочетания, значение которых не определяется значением каждого входящего в них слова;
- 2) фразеологическое единство – неделимые по смыслу словосочетания, значение которых мотивировано значениями входящих в их состав слов;

- 3) фразеологическое сочетание – словосочетание, в состав которого входят слова как со свободным значением, так и с фразеологически связанным;
- 4) фразеологическое выражение – устойчивый фразеологический оборот, который является не только семантически делимым, но и в состав которого входят слова со свободным значением.

Современные исследователи отмечают, что в составе фразеологических выражений «отчетливо выделяются составные наименования, глагольно-именные сочетания, пословицы, поговорки» [8].

Фразеология – чрезвычайно сложное явление, изучение которого требует своего метода исследования, а перевод фразеологизмов вдвойне сложная задача, поскольку он предусматривает глубинный анализ их смысла и возможной межъязыковой эквивалентности.

Я.И. Рецкер говорит о том, что «переводчик должен уметь рассматривать разные значения фразеологизмов, передавать их эмоционально-экспрессивные функции и, кроме того, разбираться в основных теоретических вопросах фразеологии» [6, с. 11, 145].

В.Н. Комиссаров в учебном пособии «Современное переводоведение» использует понятие «фразеологические соответствия» и пишет, что изучение фразеологических соответствий представляет большой интерес и что они играют особую роль в вербальной коммуникации, «оказывают воздействие на чувства и воображение рецептора» [3, с. 170].

Перевод ФЕ вызывает огромные трудности. Крайне важно, чтобы переводчик не только хорошо понимал их, но и мог определить их основные типы, а, следовательно, применять различные способы их передачи на языке перевода. Неверный перевод ФЕ может быть обусловлен тем, что переводчик их не «узнает» и, следовательно, попытается перевести как обычное свободное словосочетание, искажая смысл текста и разрушая замысел автора.

Согласно В.С. Слеповичу, фразеологизмы бывают образные (идиомы) и необразные. Первые означают, что общий смысл ФЕ привязан к образу, следовательно, нельзя переводить компоненты словосочетания по отдельности. Вторые – компоненты словосочетания сохраняют свое значение, однако сочетаются только с конкретными словами, поэтому их нельзя произвольно перемещать или заменять. Данное

деление помогает определить, каким способом перевода должен руководствоваться переводчик.

Так, необычные фразеологизмы можно переводить с помощью:

- одного слова (эквивалента);
- абсолютного эквивалента (каждый компонент словосочетания имеет соответствие в языке перевода);
- относительного эквивалента (только один из компонентов совпадает со словом языка перевода) [7, с. 73–81].

При переводе образных фразеологизмов, по мнению В.С. Слеповича, используются их соответствия в русском языке. Их можно выразить следующими способами:

- абсолютный эквивалент (так называемые «интернациональные выражения»);
- относительный эквивалент;
- фразеологический аналог;
- описательный перевод [Там же].

В качестве исследуемого материала нами были выбраны цитаты из речей актеров во время вручения кинопремий «Оскар» и «Золотая малина», в которых использовались ФЕ.

«Оскар» (англ. Oscar / The Oscars, или Academy Awards) – премия, вручаемая деятелям киноискусства за их вклад в создание фильмов.

«Золотая малина» (англ. The Golden Raspberry, или Razzie) – антипремия, которую вручают деятелям киноискусства за «худший фильм», «за худшую роль» и т.д. Иронично, но само название произошло от английского фразеологизма *to blow a raspberry* – что, согласно английскому словарю Macmillan, означает «надуть малину»; фыркнуть, насмехаясь над человеком или явлением; выразить пренебрежение или наплевать на кого-либо; враждебная критика.

В данной статье мы рассматриваем частоту использования актерами ФЕ при получении премий/антипремий и их эмоциональную окраску, а также особенности перевода ФЕ на русский язык. Нами было проанализировано 100 различных ФЕ.

Рассмотрим примеры, взятые из речей актеров на вручении премии «Оскар».

Южнокорейская актриса Юн Ё Джон, пытаясь справиться с переполняющим ее волнением, говорит: «...this I cannot believe. I'm here.

Okay, let me **pull myself together**», что можно перевести так: «...я не могу в это поверить. Я здесь. Хорошо, дайте **собраться**». Это яркий пример передачи необразного фразеологизма *одним словом* «собраться».

Еще один не менее красочный пример. Дэниел Калуя, британский актер угандийского происхождения, был растроган тем, что получил награду в номинации «Лучший актер второго плана» за картину «Иуда и черный мессия» (англ. Judas and the Black Messiah). Говоря об известном американском активисте Фреде Хэмптоне, трагически погибшем в 21 год, он заявил: «He was on this earth for 21 years, 21 years, and he found a way to feed kids breakfast, educate kids, give free medical care, **against all the odds**» – «Он пробыл на этой земле всего 21 год, 21 год, и он нашел способ прокормить своих детей, воспитать их, помог получить им бесплатное медобслуживание, **вопреки всему**». Здесь мы используем *относительный эквивалент* для передачи *необразного фразеологизма*.

В 1965 г. на награждении «Оскар» американский комик, актер театра и кино Боб Хоуп сказал: «For the first time, you can actually see the losers **turn green**» – «Впервые можно реально увидеть, как неудачники **зеленеют**». Актер, вероятно, имел в виду «зеленеют от зависти». В данном примере переводчик передал *образный фразеологизм абсолютным эквивалентом*.

Еще один интересный пример образного фразеологизма в речи кинодекоратора, художницы Джен Паскаль: «Thank you to my crew who **worked their tails off on this**, just to make it right» – «Благодарю мою команду, которая **работала** над этим, не **покладая рук**». Здесь мы видим фразеологический аналог в русском переводе. Идиому work one's tail off on something можно передать и так: «вкалывать», «работать день и ночь»; мы считаем, что и эти варианты перевода подошли бы, но остановились на «работать не покладая рук», поскольку он лучше «вписывается» в речь художницы.

Использование *фразеологического аналога* также можно увидеть при переводе крылатых выражений, пословиц и поговорок, которые, в свою очередь, нередко украшают речь выдающихся актеров. Отвечая на вопрос: «Как почувствовать, когда уже пора завершать карьеру?», обладатель «Оскара» Морган Фриман сказал: «You don't decide

if you're going to take some time off or rest. For those of us who are able to work, you've got to **make hay while the sun is shining**». Что можно перевести: «Вы не решаете брать ли вам небольшой таймаут или уйти в отпуск. Для тех из нас, кто еще в состоянии работать, должны **ковать железо, пока горячо**». Разумный совет содержит известную английскую поговорку *Make hay while the sun is shining*. Богатство русского языка позволяет подобрать несколько равносильных аналогов, переводчик остановился на одном из них – «ковать железо, пока горячо». Альтернативные варианты: «коси коса, пока роса», «готовь сено, пока солнце светит». Первый, по нашему мнению, звучал бы неестественно из уст зарубежного актера в контексте, где речь идет также о современной американской культуре. Во втором варианте, найденном во многих словарях, лексические единицы и их значения полностью совпадают с единицами и значением английского выражения.

Антипремия «Золотая малина» для многих является «позором», «насмешкой», другие же считают, что «презрение еще нужно заслужить». Награждение проходит накануне «Оскара» и, по словам многих актеров, может стать неплохим толчком для дальнейших творений в области кинематографа. Но, тем не менее, стиль речи может быть не таким торжественным, даже довольно ироничным. Помимо фразеологизмов может встречаться обценная лексика, что добавляет трудностей для переводчика.

Американская актриса Холли Берри – одна из немногих актрис, которая отважилась прийти на получение антипремии, поблагодарила всех так: «First of all, I want to thank Warner Brothers for **putting me in a piece-of-sh*t, god-awful movie**» – «Прежде всего я хочу поблагодарить компанию Warner Brothers за то, что **сняли меня в д***мом, отстойном фильме**». Если перевод выполняется для взрослой аудитории, возможно использование обценной лексики в языке перевода. Переводчик также может сгладить текст, используя нейтральную лексику: «в **ужасном фильме**».

В вышеупомянутом предложении можно увидеть в первом случае – *относительный эквивалент*, а во втором – *описательный перевод*.

Еще один пример. Актриса Сандра Буллок при получении статуэтки «Золотая малина» сказала с иронией: «But I love you guys and I hope you have a great night. Thank you for **ruining my career** with

a very bad decision» – «Но я люблю вас, ребята, и надеюсь, что вы прекрасно проводите вечер. Спасибо за то, что **разрушили мою карьеру** своим ужасным решением». *Необразный* фразеологизм передается *абсолютным эквивалентом*.

На основании проведенного исследования мы обнаружили, что в речи актеров на награждении необразные ФЕ переводятся *относительным эквивалентом* чаще, чем одним словом (рис. 1), а к образным ФЕ мы чаще подбирали *фразеологический аналог* (рис. 2).

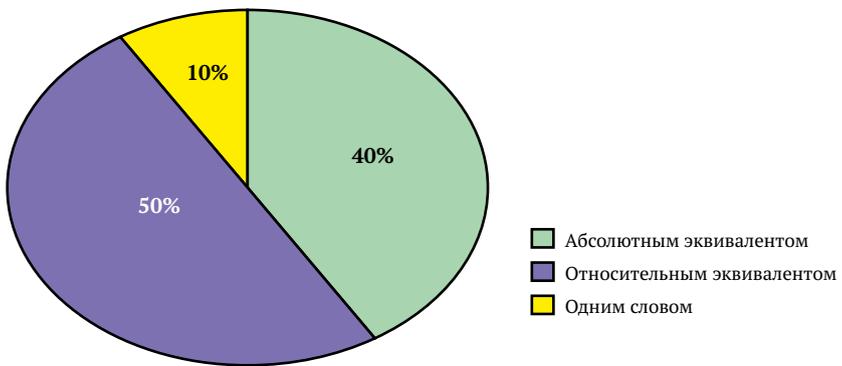

Рис. 1

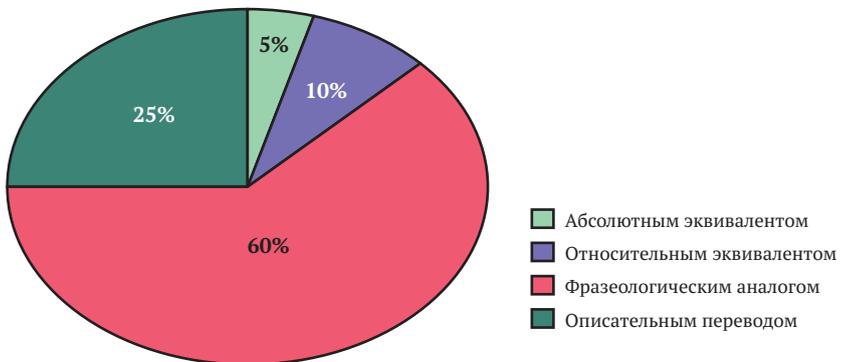

Рис. 2

Исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать следующие выводы:

- ФЕ были использованы вне зависимости от эмоционального состояния говорящего (гордость, злость);
- перевод ФЕ может быть усложнен употреблением обценной лексики, в этом случае перед переводчиком встает еще одна задача – передать эмоции говорящего, сохраняя стиль и не выходя за рамки цензуры;
- наиболее частотными способами перевода ФЕ явились *относительные эквиваленты и фразеологические аналоги*.

Таким образом, фразеология – довольно сложное явление, требующее от переводчиков особого внимания. Неверная интерпретация ФЕ может привести к серьезным последствиям, например к искажению смысла оригинального текста.

В результате проведенного анализа выбранных ФЕ и вариантов их перевода мы пришли к выводу, что на переводческое решение может повлиять множество факторов: коммуникативное задание, пожелания заказчика перевода, стиль, жанр, целевая аудитория. Если переводчик выполняет все необходимые условия, принимает правильное решение, то на выходе можно получить очень качественный и точный перевод текста, который захочется прочитать и услышать.

Литература

1. Балли Ш. Краткий очерк стилистики. М.: Эдиториал УРСС, 1995. С. 43, 57.
2. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. Избр. труды. М.: Наука, 1977. 312 с.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2001. 424 с.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., 1986. 396 с.
5. Мультитран. Интернет-система двуязычных словарей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.multitrans.com/> (дата обращения: 01.11.2021).
6. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / доп. и коммент. Д.И. Ермоловича. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аудитория, 2016. 244 с.

7. *Слепович В.С.* Курс перевода (английский – русский язык). Translation Course (English – Russian). 4-е изд., перераб. и доп. Мн.: Тетра-Системс, 2004. 320 с.
8. *Черпакова Т.П.* Русский язык как иностранный. Сохраняя культуру в языке: учеб. пособие. М., 2012. С. 4.
9. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. СПб.: Специальная литература, 1996. С. 4.
10. Macmillan Dictionary. The Free Online English Dictionary from Macmillan Education. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 28.10.2021).

DOI: 10.31862/9785426311954-231-236

Ковалева Н.А.,

*Автономная некоммерческая организация
высшего образования*

«Российский новый университет»,

Россия, г. Москва;

Нанкинский университет,

Китай, г. Нанцзинь (г. Нанкин)

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ
НАПРАВЛЕННОСТЬ
ЭПИСТОЛЯРНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ РУССКИХ КЛАССИКОВ)**

Аннотация. В статье на материале писем русских классиков рассматривается коммуникативно-прагматическая направленность эпистолярных фразеологизмов. Они являются предметом целенаправленного отбора автора в зависимости от тематики писем, его адресатов и отношений адресанта с ними.

Ключевые слова: эпистолярные фразеологизмы, адресант, интенции, адресат, коммуникативно-прагматическая направленность.

Natalya Kovaleva,

Russian New University, RosNOU,

Russia, Moscow;

Nanjing University,

China, Nanjin

**COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ORIENTATION
OF EPISTOLARY PHRASEOLOGISMS
(BASED ON LETTERS FROM RUSSIAN CLASSICS)**

Abstract. The article takes up the communicative-pragmatic orientation of epistolary phraseologisms on the material of letters of Russian classics.

They are the subject of targeted selection of the author, depending on the subject matter of the letters, their addressees and the sender's relationship with them.

Keywords: epistolary phraseologisms, sender, intents, addressee, communicative and pragmatic orientation.

В рамках лингвистического эпистоловедения (термин, введенный в научный обиход Т.П. Акимовой [1, с. 4]) особое место отводится исследованию эпистолярных фразеологизмов, представляющих собой экспрессивно-образные косвенно-номинативные единицы языка, подчиненные интенциям автора письма. Обращение к коммуникативно-прагматическому аспекту функционирования фразеологических единиц в эпистолярном коммуникативном акте обусловлено одним из его ведущих компонентов – интенцией автора письма, задающего способы представления в эпистолярном тексте всей совокупности отношений между компонентами коммуникативного акта и предопределяющего отбор фразеологических единиц (намерение адресанта сообщить адресату определенную информацию, получить от адресата интересующие адресанта сведения, побудить его к действию; отношение адресанта к информации, содержащейся в эпистолярном высказывании, к адресату, к самому себе; обеспечение оптимальной передачи содержательной информации и т.п.).

Частное письмо представляет собой широкую гамму эмотивной экспрессии от интимности до официозности, которая находит свое основное выражение в лексико-фразеологическом составе эпистолярный. Оно обладает собственной лексико-фразеолого-стилистической парадигматикой, отвечающей иллюкуциям, интонациям, тематике письма, что в начальном и конечном пунктах письменного послания обусловлено лицом читающим – личностью получателя письма. Коммуникативно-прагматическая направленность лексико-фразеологических единиц определяется отношениями между пишущим и читающим письмо, ментально-эмоциональным кругозором обеих личностей, их перцептивными возможностями – способностями непосредственного восприятия содержания письма в его многоголосии.

Так, в семейных письмах А.С. Пушкина выражается этическая нормативность, а прагматическая направленность проявляется не только

в когнициях и эмоциях бытового осмысления, но заключена и в портретных и пейзажных зарисовках:

*Нацокин занят делами, а дом его такая бестолочь и ералаш, что **голова кругом идёт**. С утра до вечера у него разные наряды: игроки, отставные гусары, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход...* (Н.Н. Пушкиной от 16 декабря 1831 г.).

Автор письма знает, что можно и нужно написать адресату письма, как и каким образом передать желаемое сообщение и оказать письмом воздействие на своего читателя, т.е. создать перлокутивный эффект. Эффект читательского восприятия определяется тонкостью чувств письменного послания, которую автор стремится донести до своего адресата различными психологическими и речевыми способами. В письме П.В. Анненкову от 25 января 1869 г. И.С. Тургенев следующим образом излагает свою просьбу напечатать статью о прекрасном исполнении романсов госпожой Виардо в московском или петербургском журнале:

*В Москве, я уверен, Катков не откажет. Предоставляю это Вашему благоусмотрению и только уверяю Вас, что ни за что никогда я Вам не буду так благодарен, как за эту услугу, при которой Вам и **кривить душой** не придётся. <...> Ещё раз **припадаю к стопам**: «Царь государь, взмилуйся!» и остаюсь навсегда любящий Вас Ив. Тургенев.*

Лексико-фразеологическая наполняемость этого письма показывает, какими чувствами и представлениями живет И.С. Тургенев и как он воздействует на адресата П.В. Анненкова. Одним из важнейших дел, которые он ищет вне литературы, является его «служба» артистической карьере Полины Виардо. «Жизнью около Виардо и служением ее артистической карьере он точно заменял то, чего не хватало ему в своей собственной... Тургенева влекла к себе салонная атмосфера – атмосфера успеха, поклонения, аплодисментов, атмосфера “талантов и поклонников”» [2, с. 10].

О коммуникативно-прагматической направленности фразеологизмов свидетельствуют супружеские письма Л.Н. Толстого к С.А. Толстой, особенно в последний период жизни писателя, когда драматизм

их отношений достигает апогея, в них прослеживается призыв ко взаимопониманию, сочувствию к нравственно-религиозному мироощущению писателя.

*Теперь мне кажется, это правило вошло в **плоть и кровь**, и я ищущу деятельности на этом пути (С.А. Толстой от 28 октября 1884 г.); Для того, чтоб отнестись равнодушно, я должен сделать крест над всей нашей прошедшей жизнью, **вырвать из сердца** все те чувства, которые есть к тебе (С.А. Толстой от 1 февраля 1897 г.).*

В письмах к литераторам посредством включения в эпистолярный текст фразеологизмов раскрывается отношение А.П. Чехова к своему творчеству, творчеству других авторов, содержатся оценки собственного труда:

*Вы поймёте всю цену и прелесть этого ответа, если вообразите себе г. Чехова, пишущего, потеющего, исправляющего и видящего, что от тех революционных переворотов и ужасов, какие терпит под его пером повесть, она не становится лучше ни **на единый аз** (А.Н. Плещееву, 14 сентября 1889 г.); Надо многое сократить и кое-что исправить, исправил бы я теперь, но голова настроена на сахалинский лад, и во всём, что касается изящной словесности, я теперь не в состоянии **отличить кулька от рогожи** (А.С. Суворину, 15 марта 1890 г.); Страсти мало; прибавьте к этому и такого рода психопатию: **ни с того ни с сего**, вот уже два года, я разлюбил видеть свои произведения в печати, оравнодушел к рецензиям, к разговорам о литературе, к сплетням, успехам, неудачам, к большому гонорару – **одним словом, стал дурак дураком** (А.С. Суворину, 4 мая 1889 г.); Мой «Медведь» следовало бы назвать «**Дойной коровой**». Он дал мне больше, чем любая повесть (Е.К. Сахаровой, 13 января 1888 г.).*

В письме своему брату Ал.П. Чехову от 20 ноября 1887 г. А.П. Чехов, как автор пьесы «Иванов», представил не только зарисовки портретных характеристик актеров во время игры, но и по своей сути подтекст серьезного самоанализа, свои эмоционально-когнитивные переживания, что находит отражение во фразеологизмах:

*Ролей не знают, путают, говорят вздор. Каждое слово режет меня ножом по спине. <...> Выходят шафера; они пьяны, а потому, видишь ли, надо клоунничать и **выкидывать колени**. Балаган и кабак, приводящие меня в ужас. Засим выход Киселевского: **душу захватывающее** поэтическое место, но мой Киселевский роли не знает, **пьян как сапожник**, и из поэтического коротенького диалога получается что-то тягучее и гнущее...*

Каждое использование ФЕ в письмах русских классиков, даже в непреобразованном виде, является предметом целенаправленного отбора их авторов, они содержат элемент коннотации, идущий от авторского замысла. Представляя собой «прагматические индикаторы, способные выражать эмоциональное состояние и квалификационно-оценочную деятельность говорящего, а также его коммуникативные интенции в их направленности на слушающего/читающего» [3, с. 69], фразеологические единицы, приведенные в качестве иллюстративного материала в эпистолярных текстах художников слова, усиливают свою коммуникативно-прагматическую направленность.

Степень коммуникативно-прагматической направленности повышается в случае индивидуального фразеологического преобразования, которое несет на себе печать своеобразного поэтического видения писателей. Основная причина индивидуально-авторского фразеотворчества заключается, вероятнее всего, не просто в усилении выразительности, а в стремлении связать семантику, эмоциональное и стилистическое значение с неповторимыми условиями эпистолярного текста и выразить авторскую позицию (этическую, эстетическую и др.) своими средствами и передать ее адресату. Обратимся к письмам А.П. Чехова:

Природа на Сингапуре выше всякой критики... (Н.А. Лейкину, 11 августа 1890 г.); *...автор должен быть гуманен до кончика ногтей* (Е.М. Шавровой-Юст, 28 ноября 1895 г.); *Теперь у меня работы меньше... придётся закрыть свою медицинскую лавочку* (Л.Я. Гуревич, 10 сентября 1892 г.); *Природа чудеснейшая, запихивающая за пояс всё, что я видел доселе* (Ал.П. Чехову, 27 мая 1338 г.); *Если пьеса провалится, то поеду в Монте-Карло и проиграюсь до положения риз* (О.Л. Книппер-Чеховой, 20 января 1901 г.).

Сравните языковые модели авторских трансформ: *ниже всякой критики* (языковой антоним), *до конца ногтей + до кончиков пальцев* = *до кончика ногтей* (контаминация); *закрывать лавочку* (вклинивание в авторскую ФЕ атрибутов); *затыкать за пояс* (в речи писателя глагольный компонент представлен лексическим синонимом); *напиться до положения риз* (изменение окружения единицы в тексте).

Таким образом, автор письма, являясь источником коммуникативной деятельности, непосредственно связан с адресатом, которому направлена содержательная и эмоционально-экспрессивная сторона послания, регулирующая коммуникативно-прагматическую направленность фразеологических единиц.

Литература

1. *Акимова Т.П.* Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста (на материале писем классиков русской литературы XIX–XX вв.). Волгоград, 2017. 421 с.
2. *Эйхенбаум Б.М.* Вступительная статья // А.Г. Островский. Тургенев в записях современников. Воспоминания. Письма. Дневники. М., 1999. 269 с.
3. *Эмирова А.М.* Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении: монография. Симферополь: Научный мир, 2020. 248 с.

Источники

4. *Пушкин А.С.* Переписка: в 2 т. М., 1982.
5. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1928–1958. Т. 59–90: Письма.
6. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М.; Л., 1961–1968.
7. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1983.

DOI: 10.31862/9785426311954-237-241

Напцок М.Р.,

*Адыгейский государственный университет,
Россия, г. Майкоп*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СЕМАНТИКА

Аннотация. В статье анализируется фразеологическая составляющая терминологии кинематографического дискурса, рассматриваются происхождение и семантика фразеологизмов, функционирующих в терминосистеме киноискусства.

Ключевые слова: кинематограф, кинодискурс, терминология кино, фразеологизмы, семантика.

Marietta Naptsook,

*Adyghe State University,
Russia, Maikop*

PHRASEOLOGISMS IN CINEMATIC DISCOURSE: ORIGIN AND SEMANTICS

Abstract. The article analyzes the phraseological component of the terminology of cinematic discourse, examines the origin and semantics of phraseological units functioning in the terminology system of cinematographic art.

Keywords: cinematography, film discourse, cinema terminology, phraseological units, semantics.

Кинематографу как культурному феномену отведена особая роль в современном мире. Слова вождя пролетариата о кино как важнейшем из всех искусств не теряют актуальности. Кино по-прежнему остается самой популярной и востребованной формой искусства.

Историческое развитие кинематографа началось в 1896 г., когда состоялась премьера фильма братьев Люмьер под названием «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота». С этого времени формируется терминология киноискусства, которая активно пополняется и обогащается вот уже 125 лет.

Объектом анализа современных исследователей – как искусствоведов, так и филологов – становятся язык и семиотика кино, кинематографический код, кинотекст и кинодискурс [1–3]. Развернутое определение кинодискурса в контексте современной технологической ситуации в мире дал А.В. Олянич: «Кинодискурс – комплексный лингвосемиотический коммуникативный феномен культуры, относящийся к цивилизационным ценностям, накапливаемым человечеством с конца XIX – начала XX столетий по сегодняшний день. Более того, векторно его развитие направлено в далекое будущее в связи с безостановочным развитием информационных технологий (цифровые мультимедийные средства визуализации информации, искусства в том числе) и нарастающей виртуализацией существования Homo sapiens» [3, с. 162].

В сложившейся к настоящему времени терминосистеме киноискусства выделяется фразеологическая составляющая, представленная профессиональными устойчивыми выражениями и характеризующая особенности процесса кинопроизводства, а также самих фильмов как продуктов этого процесса.

Фразеологизмы сферы кино образуют различные тематические группы. Однако профессиональные фразеологические термины наиболее широко представлены в двух группах:

- 1) выражения, характеризующие различные особенности кинофильмов, в том числе жанровые;
- 2) выражения, называющие технические и художественные приемы и штампы, используемые в съемочном процессе.

Рассмотрим отдельные фразеологизмы, принадлежащие каждой из представленных групп, с точки зрения происхождения и семантики.

1. Одно из распространенных понятий в современном киноискусстве представляет выражение *культовый фильм*, возникшее, как и многие термины кино, в английском языке (cult film). Культовым называют фильм, ставший объектом почитания (культа) для

определенной аудитории зрителей, что находит различные формы проявления – от регулярных просмотров до создания субкультуры на основе вымышленного мира (как это произошло, например, со «Звездными войнами»).

Черная комедия (black comedy) – жанр, называемый также комедией ужасов и основанный на черном юморе. Часто само название фильма подобного жанра звучит соответствующим образом, как, например, у американской картины «Смерть ей к лицу» (Death Becomes Her) или российской комедии «Парень с нашего кладбища».

В США, где существует традиция смотреть фильмы в кинотеатре, поедая попкорн, появилось выражение, служащее для описания легкого кино, которое приятно и весело смотреть под хруст этого лакомства, – *попкорновый фильм* (popcorn movie), т.е. посещаемая непритязательной публикой только для приятного развлечения кинокартина без серьезного драматического содержания и интеллектуальной глубины. Кроме того, в прилагательном *попкорновый* слышится отсылка к легковесной поп-культуре и слову *популярный*, также не обремененному глубоким смыслом.

Популярным среди телезрителей всего мира является жанр фильма, который получил название *мыльная опера* (soap opera). Зародился этот жанр в США в 1930-х гг. сначала на радио, где транслировались подобные передачи, которые слушали, как правило, домохозяйки. Название жанра связано с тем, что первыми спонсорами таких сериалов являлись производители мыла. В наше время мыльная опера представляет собой сентиментальный, мелодраматически насыщенный телесериал, посвященный проблемам любви, семейных отношений, воспитания детей, снимающийся и транслирующийся изо дня в день на протяжении нескольких лет.

2. Совершенствование технологии съемочного процесса вызвало появление массы разнообразных терминов, характеризующих технические особенности киносъемки.

Так, например, выражение *голландский* (или *немецкий*) *угол* (англ. Dutch angle) обозначает специфический способ съемки, при котором камера наклонена относительно горизонта. Этот прием часто используется для того, чтобы показать душевные волнения или напряженное состояние героя. При этом камера направлена на героя

снизу вверх, а горизонт смещается набок. Большинство кадров, снятых с голландского угла, статичные. В движении камера может вращаться, идти вслед за актером или двигаться по диагональной линии, заданной режиссером или оператором.

Именно такой ракурс часто использовался в фильмах немецкого экспрессионизма для выражения безумия, беспокойства, необычности и дезориентации. Считается, что отсюда произошло название приема, поскольку в английском языке слово *Deutsch* («немецкий») часто путается со словом *Dutch* («голландский»), которое имеет похожее происхождение и звучание.

Примечательно, что ветераны немецкого экспрессионизма, перебравшиеся в Голливуд, широко использовали съемку с острого угла в фильмах ужасов и фильмах-нуар (мрачные фильмы, обычно криминальные драмы). Это один из наиболее распространенных стилистических приемов нуаровой эстетики. В частности, в нуаре 1949 г. «Третий человек» было много кадров, снятых под голландским углом, чтобы подчеркнуть отчуждение главного героя перед всем тем, что его окружало в другой стране.

Фразеологизм *творимый человек* применяется в кинопроизводстве для обозначения монтажного эффекта, подразумевающего возникновение иллюзии, что на экране мы видим одного и того же человека, при сопоставлении кадров различных частей тела. Этот эффект был выявлен и описан в конце 1910-х гг. русским режиссером Львом Кулешовым (второе название этого феномена – *эффект Кулешова*), создававшим творимого человека при монтаже кадров с фрагментами тел разных женщин: «спиной одной женщины, глазами другой, ртом опять другой, ногами третьей и т.д.».

В 1929 г. Лев Кулешов проиллюстрировал открытый им эффект, монтируя крупный план Ивана Мозжухина с кадрами тарелки супа, детского гробика и девушки. В каждом случае зрители видели на лице героя разные выражения: голода, печали, влюбленности.

Одним из звуковых эффектов, часто применяемых в эпизодах борьбы, падений, взрывов и т.д., является *крик Вильгельма* (*Wilhelm scream*). Впервые он был использован в 1951 г. в вестерне «Далекие барабаны», в котором одного из солдат, пробирающихся через болота, кусает и утаскивает под воду аллигатор. Однако название этот эффект

получил по имени рядового Вильгельма, персонажа вестерна 1953 г. «Атака у реки Фезер», которого ранят стрелой из лука.

Крик Вильгельма обрел популярность, особенно после использования в «Звездных войнах» и «Индиане Джонсе», и стал одним из самых широко известных ироничных киноштампов в профессиональной среде звукорежиссеров Голливуда. Этот звуковой эффект применялся в сотнях фильмов и компьютерных играх.

Еще одним расхожим киноштампом является *синдром Эйфелевой башни* – термин, основанный на следующем наблюдении: если действие фильма происходит в Париже, из каждого окна должна быть видна Эйфелева башня. У этого синдрома множество проявлений. Например, если нужно показать разрушение какого-то города, то в первую очередь пострадает самый известный его объект. Так, гибель Нью-Йорка, как правило, связана с уничтожением статуи Свободы, а падение Рима – с разрушением Колизея.

Стремительное развитие кинематографа, глобальные трансформации, происходящие в киноиндустрии и выводящие ее на высокий технологический уровень, порождают новые понятия и номинации. Так обогащается терминологическая система кинодискурса, в которой важная роль принадлежит профессиональным фразеологизмам.

Литература

1. Бакулев Г.П. Англо-русский и русско-английский словарь кинотерминов. М.: КЛИМ, 2009. 242 с.
2. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
3. Олянич А.В. Кинодискурс // Дискурс-Пи. 2015. № 2. С. 162–165.

DOI: 10.31862/9785426311954-242-253

Савченко А.В.,

Государственный университет

Чжэнчжи,

Тайвань, г. Тайбэй

Хмелевский М.С.,

Санкт-Петербургский

государственный университет,

Россия, г. Санкт-Петербург

**СЛАВЯНСКАЯ
«ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ»:
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
С КОМПОНЕНТОМ-ОЙКОНИМОМ
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические единицы, основу которых составляют топонимы-ойконимы, выявляется механизм формирования метафорического образа. Отдельно затронут аспект национальной специфичности фразеологизмов с компонентом-ойконимом.

Ключевые слова: топонимическая фразеология, фразеологизм, ethnosymbol, топоним, ойконим.

Alexandr Savchenko,

*National Chengchi University,
Taiwan, Taipei*

Michael Khmelevsky,

*Saint Petersburg State University,
Russia, St. Peterburg*

**SLAVIC “TOPONYMIC PHRASEOLOGY”:
PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH AN OIKONYM COMPONENT
IN SLAVIC LANGUAGES**

Abstract. The article discusses phraseological units, which main metaphorical component comprises certain toponyms-oikonyms, the mechanism for the formation of a metaphorical image of such units is revealed. In addition, the aspect of national specificity of the phraseological units with an oikonym component is touched upon.

Keywords: toponymic phraseology, phraseological unit, ethnosymbolism, toponym, oikonym.

Одним из наиболее репрезентированных разделов фразеологического фонда славянских языков и наиболее частотных в употреблении фразеологических единиц (ФЕ) составляют выражения, относящиеся к тематической группе, которую можно обозначить как «топонимическая фразеология». В нее входят фразеологизмы, в основе метафорической модели которых заложен определенный топонимический компонент: слово (resp. сочетание слов), называющее географическое место – природный либо географический объект, возникший естественным путем или созданный человеком.

В зависимости от характера, типа обозначаемого объекта топонимы обычно разделяются на несколько подтипов. В данной статье рассматриваются ФЕ с ключевым словом-ойконимом, т.е. те, основу метафорической модели которых составляет название определенного города, выступающего не просто как «географический указатель», а в качестве компонента, ставшего концептуальным для жителей той

или иной страны и реализующего свое культурологическое ассоциативное содержание в идиоматических и устойчивых метафорических единицах, возникших и прочно закрепившихся в языковом ассоциативном сознании народа. Таким образом, ойконим можно считать топонимическим маркером фразеологического значения, в ядре которого содержится какая-либо историко-культурологическая или экстралингвистическая информация, вызывающая те или иные ассоциации, причем не только в исторической памяти, но нередко и на подсознательном уровне [8, с. 58].

В последние десятилетия все больше внимания лингвистов-компаративистов, в том числе и фразеологов, уделяется вопросам выявления этнокультурных особенностей и способов их реализации в различных языках [7, с. 3]. Нам представляется, что «топонимическая фразеология» являет собой один из наиболее показательных примеров отражения в языке национальной специфики и культурологической этносимволики.

Превалирующее большинство ФЕ, содержащих в себе топоним, относятся к непереводаемым, т.е. к не имеющим аналогов в других языках устойчивым фразеологизированным оборотам с особым национальным колоритом языкового мышления того или иного народа и со свойственным таким единицам специфическим образно-ассоциативным наполнением, возникающим в культурологическом сознании определенной нации. В этом аспекте корпус топонимических фразеологизмов можно разделить на следующие основные группы, в зависимости от источника происхождения и соотношения «фразеологическая универсалия – национально специфическое» (все примеры в статье взяты из фразеологических словарей и научных работ по рассматриваемому вопросу, см. список использованной литературы):

- 1) интернациональные ФЕ, относительно немногочисленные в количественном отношении: *все дороги ведут в Рим, Содом и Гоморра, увидеть Париж и умереть, идти в Каноссу*, а также аналогичные чешские: *všechny cesty vedou do Říma, Sodoma (a) Gomora, Vidět Paříž a zemřít, jít do Canossy*; польские: *wszystkie drogi prowadzą do Rzymu, Sodoma i Gomora, zobaczyć Paryż i umrzeć, pójść do Canossy* и др. Как правило, бóльшую часть

подобных фразеологизмов составляют выражения, связанные с античной культурой, и фразеологизмы-библейзмы;

- 2) ФЕ, в которых компонент-топоним (ойконим), метафоризируясь, выступает в значении уже собственно национального символа. Подобные топонимы-символы, которые у разных народов имеют свой аналог, заменяются в конкретных «национальных» ФЕ по имеющейся общей интернациональной или универсальной модели: *Москва не сразу строилась* и чешская: *Není Řím ani Praha jednoho roku / za jeden rok vystavěn*; *Киев – мать городов русских* и чешская: *Praha matka měst*; *Москва златоглавая* и чешская: *zlatá Praha, stověžatá Praha* (букв.: «стобашенная»); *Язык до Киева доведёт* – ср. варианты в белорусском: *да Кіева / да Вільна / да Варшавы*, в романских языках – букв. «до Рима», в турецком – «до Мекки», в китайском – «до Пекина» и т.д.;
- 3) топонимические ФЕ с компонентом-ойконимом, отражающие национальный менталитет определенного народа. Подобные фразеологизмы лежат в плоскости этнолингвистики, а заключенный в них топонимический компонент и связанный с ним образ являются уникальными для каждого народа (при наличии или отсутствии универсальной модели); внутренний образ, общее фразеологическое значение в данном случае возможно передать на другие языки лишь описательно или прибегая к поиску приблизительных аналогов, которые все равно не будут тождественны: русские – *Москва слезам не верит*; *Муж в дверь, а жена в Тверь*; *Хоть за ничего, да в Татищеве*; польская – *pisać do Bierdyczowa* («писать кому-л., не надеясь на ответ»); чешская – *dlouhý jako Lovosice* («очень длинный (о времени), высокий (о росте)»), сербская – *obilaziti kao kiša Kragujevac* («обходить стороной, уклоняться (о делах, работе)»); хорватские – *usput je (kome) kao magarcu u Karlovac* («не по пути», букв.: «по пути (кому) как ослу в Карловац»); *ravno kao cesta za Rabac* («о не прямой, извилистой дороге», букв.: «прямо как дорога в Рабац») и т.п. В качестве основы метафорической модели ФЕ в таких случаях используется топоним, который не просто обозначает название населенного пункта,

но и является определенным национальным символом с закрепленными за ним ассоциациями, коннотациями, стереотипами, культурологическим фоном, составляющими образную основу его фразеологической семантики.

Отметим, что подобного рода «этнонациональные» ФЕ находят свое отражение в самом широком понимании предмета фразеологии: кроме «классических» ФЕ, мы сюда также относим устойчивые сравнения (УС), паремии, прецедентные цитаты, а также случаи их языкового обыгрывания (травестийное обыгрывание, использование подобных единиц в так называемых малых формах фольклора, фразеологизированных сочетаниях слов, анекдотах и т.п.).

При анализе функциональной роли непосредственно самого топонима как стержневого компонента ФЕ, основы ее метафорической модели, можно достаточно четко выделить две основные группы, где:

- 1) компонент-топоним, метафоризируясь (внутри ФЕ, УС, паремий, присказок или устойчивых эпитетов), сохраняет свою функцию как имени собственного, т.е. свою непосредственную соотнесенность с конкретным городом, который он называет, например: *Киев – мать городов русских; Кто в Москве не бывал – красоты не видал; Питер женится, а Москва замуж идёт; В огороде бузина, а в Киеве дядька; В Астрахани и коро-вы рыбу едят; Тюмень – столица сибирских деревень; Вязьма в пряниках увязла;* чешские: *Praha matka měst; stověžatá Praha; je starý jako Praha* и т.п.;
- 2) в то же время, подвергаясь дальнейшему образному семантическому переосмыслению и приобретая (новое) концептуальное значение, данный ойконим фактически утрачивает чисто «топонимическую» функцию и живет в языке уже в том или ином широком фразеологическом значении, без привязанности к определенному географическому месту: русская – *Москва слезам не верит* («нет веры чьим-л. жалобам»), *Кому нужно, и в Москву недалеко* («нужда вынудит совершить большие дела»), *рука Москвы* («о вмешательстве политики СССР, России в дела других стран») (ср. пропагандистский штамп советской прессы времен «холодной войны»: *рука Запада*); *как швед под Полтавой* («пропасть, исчезнуть»), *как француз под Москвой*

(«замерзнуть»); украинские – *аж Київ видно* («широко, далеко») (ср.: *Рота розкрив, аж Київ видно*), *На кого біда нападає, той до Києва йде* («У кого беда случится, тот на многое готов»); чешские – *skví se jako Pardubice* («ярко блестеть»), *být už z Prahy doma* («наконец, понять, осознать что-л»); польская – *wieje jak na dworcu w Kielcach* («о сильном ветре»), сербская – *obilazi kao kiša Kragujevac* («уклоняться от дел, избегать дел, работы»); хорватские – *biti (zreo) za Šibenik* («быть сумасшедшим»), *tvrd kao da je iz Totovca* («очень упрямый») и др.

Рассмотрение ФЕ с точки зрения наличия в них топонимического компонента, имеющего определенную национально-культурную специфику, дает возможность лингвисту подойти к их изучению и описанию (resp. лексикологической паспортизации) не только с формальной точки зрения, т.е. определения значения данных ФЕ, их стилистической принадлежности или узусных характеристик, но и обнаружить в семантике такого типа ФЕ экстралингвистическую информацию об особенностях национальной культуры, истории страны, специфике менталитета и отчасти – те элементы, из которых складывается образ так называемой «внутринациональной картины мира». С помощью такого подхода можно, в частности, обнаружить целую «тематическую палитру» значений, связанных не только с чисто «топонимико-географическими» сведениями, но и с конкретным историко-культурным фоном, что дает возможность классифицировать их именно по такому принципу, выделив основные группы.

1. Факты из истории страны: *как швед под Полтавой; согрелся в Москве, да замерз в Березине* (аллюзия на отступление наполеоновских войск); *Вятка – всему богатству матка* (отсылка к временам, когда Вятка была богатым городом (через Вятку по Волге проходила вся торговля из Южной России в Центральную и Западную)); в зафиксированной В.И. Далем в сборнике «Пословицы русского народа» поговорка *Азов был славен, Смоленск – горд, а Вильна – дивна* отражена русская военная история; *dopadnout/pochodit jako sedláci u Chlumce* (букв.: «получиться/выйти как с крестьянами под Хлумцем», т.е. «потерпеть поражение, фиаско, ничего не добиться»). Фразеологизм возник на основе исторического события, когда в 1775 г. в городе Хлумец было подавлено народное восстание).

2. Нравы и быт: *Хоть за нищего, да в Конищево/Татищеве* (Конищево – село в двух километрах от Рязани, Татищево – поселок под Саратовом; употребляется без отнесенности к определенному населенному пункту в значении «выдать замуж по соседству, по близости»), *бей челом на Туле, а щипи в Москве*; чешская – *Je vod Drážďan, ne vod Verouna* (о мужчине, который предпочитает флиртовать, избегая серьезных отношений и женитьбы); хорватская – *Lilja iz Buljuka* (о безвкусно одетой женщине (Булук – маленький населенный пункт в Боснии вдали от путей сообщения)).

3. Национальный колорит: русская – *Славна Астрахань осетрами, а Сибирь соболями; В Тулу со своим самоваром*; чешская – *vědět/ poznat, zař je v Pardubicích perník* (пардубицкий пряник – своеобразный аналог тульского пряника – популярное кондитерское изделие, ставшее чешским «культурно-фразеологическим» феноменом; выражение приобрело ироническое значение «знать/узнать, где раки зимуют»).

4. Ассоциации, возникающие в сознании носителей языка в связи с тем или иным топонимом: *Ездил чёрт в Ростов, да напугался крестов; Москва славна калачами, а Путир усачами; Вязьма в пряниках увязла*; сербская – *obilaziti kao kiša oko Krađujevca* (букв.: «обходить как дождь вокруг Крагуеваца»); ФЕ употребляется уже без отнесения к определенному ойкониму в значении «избегать чего-л., уклоняться от какого-л. дела, работы». Основой для создания такого образа послужило географическое расположение города в особом микроклимате, где очень редко бывают дожди, так как тучи из-за холмов, окружающих город, обходят его стороной, и он известен как место с минимальным количеством осадков в год. А вот в основу чешской ФЕ *táhnout se / být (dlouhý) jako Lovosice* легло представление о необычно вытянутой форме города. Этот фразеологизм имеет следующие значения:

- длиться слишком долго и при этом быть скучным и утомительным;
- быть очень высоким и худым.

В основу чешского УС *skví se jako Pardubice* положен образ новой блестящей жестяной крыши на одной из главных башен города, которая на ней появилась после случившегося в XVI в. пожара. А чешский фразеологизм *nedovedeš vodyna Tábor* связан с особенностью местоположения города – высоко на холме, что создавало трудности с обеспечением города водой (как правило, используется в значении «бесполезно исправлять кого-л. или что-л.»).

5. Фольклорные, мифологические представления. Так, например, русская поговорка *В огороде бузина, а в Киеве дядька* обычно трактуется паремиялогами как оксюморон, синонимичный другой паремии – *Я ему про Фому, а он мне про Ерёму* или *Кто в лес, кто по дрова* (в общем значении «для собеседников нет общей темы»). Этимологически и генетически, это украинское выражение *На городі бузина, а в Києві дідько*, где *дідько* – «нечисть, черт», а *бузина* – ведьмовская ягода в Лысых горах, которых в Киеве было много (древний элемент восточнославянского фольклора, связанный с колдовством и темными силами). Согласно другим трактовкам, привлекающим украинский языковой материал, выражение может считаться не поговоркой, а пословицей, так как имеет назидательный характер и используется как предостережение об опасности. Украинская пословица построена по характерной для украинского фольклора модели: «в огороде что-то, это может означать что-то», например: *На городі чорна редька, любить, мамо, мене Петька, ой, мамо, що буде, як він мене не візьме; На вгороді калинонька, на обніжку бузина, чоловік мій у дорозі, десь поїхав, та й нема...* – в этих и многих других подобного рода фольклорных зачинах, выполняющих функцию своеобразных предзнаменований, примет, выражается идея плохого предчувствия, некоего предзнаменования чего-либо негативного, а частотность данной модели в украинском народном творчестве служит дополнительным подтверждением вышеуказанной этимологической трактовки русской поговорки.

ФЕ-ойконимы рассматриваемой тематики могут возникать на основе прецедентных текстов, в частности киноцитат, как, например, в случае с ФЕ *Hliník se vodstěhoval do Humpolce* (букв. «Глиник (имя персонажа. – Прим. авт.) переехал в Гумполец»), употребляющейся в контексте «кого-л. здесь нет, поэтому на этого человека нельзя рассчитывать; человек сейчас отсутствует и искать его нужно позже или в другом месте и т.п.» (из фильма «Маречек, подайте мне ручку!», 1976).

6. Отношение народа к столице своей страны. Здесь отметим, что в русском языке, по сравнению с другими языками, мы обнаруживаем множество ФЕ, УС и паремий, в которых используется данный ойконим, и по которым можно составить общую картину роли Москвы в сознании носителя русского менталитета. Подобные ойконимические ФЕ, в соответствии с их значениями, можно разделить на несколько основных тематических групп, в частности:

- красота города: *По Москве ходить – глаз не сводить; Кто в Москве не бывал, красоты не видал;*
- неприступность перед врагами: *На Москву пойдёшь – костей не соберёшь;*
- гостеприимство: *Москва-столица – для всего мира светлица;*
- большие размеры, многолюдность: *В Москве людей, что на дубе желудей;*
- богатство и купеческий дух: *Москва – людна и хлебна; В Москве калачи, что огонь горячи; Москву селёдками не удивишь;*
- централизованность России: *Что одобрено Москвой, то и признано страной; Живи, ребята, поколи Москва не проведала;*
- суровый нрав: *Москва бьёт с носка, Москва слезам не верит, ей дело подавай и др.,* многочисленные как с точки зрения лексико-семантических групп, так и количественно представленных в русском языке единиц [9, с. 528 и сл.].

В других славянских языках ФЕ и паремий, где в качестве основы метафорического образа выступает название столицы, мы находим значительно меньше. Так, русской поговорке в точности соответствует украинская: *Язык до Києва доведе*, в которой сохранилась устаревшая лексема *язык* (ср. укр.: *мова*), т.е. «дойти до искомой цели, расспрашивая людей», с вариантами: *Язык до Кия доведе; Язык не тільки до Києва доведе, але і до Кия; Язык до Києва доведе, а в Києві заблудить; Лихий язык до Києва не доведе* и т.д. В поговорке *У Києві не женись, а Ромнах коней не міняй* (ср. рус.: *менять коней на переправе*) отражено предупреждение об опасности в большом городе, о чем-либо недобром.

В чешском языке метафорический образ «суровой столицы» строится на контрасте положительной и отрицательной сторон жизни в столичном городе: ФЕ *V Praze blaze, ale draze* (букв.: «в Праге благодать, но дорого»), дает представление о веселой, комфортной, но в то же время дорогой жизни в столице (ср. рус.: *Деревня родна краше Москвы; Хороша Москва, да не дома; Москва – царство, деревня – рай* и др.). В свою очередь, фразеологизм *Být/bejt (už) z Prahy doma!* метафорически передает мысль о том, что чем дальше от столицы, тем жизнь понятнее, спокойнее, в отличие от неразберихи и суевы мегаполиса (общее значение ФЕ: «что-то наконец стало понятным, ясным; ситуация прояснилась»).

Значение зря потраченного времени и сил из-за поездки в большой столичный город отражено в такой сербской поговорке, как *Marko u Beograd, Marko iz Beograda* и ее хорватском аналоге *Martin u Zagreb, Martin iz Zagreba*, которые употребляются в значении «напрасно что-либо делать, переливать из пустого в порожнее; о невыполненном деле». Отметим, что данная пословицная модель встречается и в украинском языке в том же значении: *Дурень у Київ, дурень з Києва*. У черногорцев довольно распространена и такая устойчивая присказка, как *Stani na stolicu da vidiš Beograd!* (букв.: «встань на стул, и увидишь Белград»), употребляемая в отношении ребенка в значении: «станешь выше, далеко будешь видеть; почувствуй себя большим», здесь же можно провести параллель с украинским УС *аж Київ видно* («широко раскрыть, высоко поставить что-либо») или *як до Києва рачки* (букв.: «на карачках») в значении «кому-либо далеко до кого-либо (о неравном социальном положении)».

Как видно из большинства представленных выше примеров, с большими городами (в первую очередь, со столицами) нередко стереотипно связаны негативные коннотации: представление как о небезопасном, а точнее – непонятном, чужом месте, где может случиться что-то нехорошее, где трудно ориентироваться и т.п.

Образ крупного города (не только столицы) метафорически переосмыслется в ФЕ, при этом компонент-ойконим выступает в роли интенсификатора общего значения: «в большой/значительной мере/степени; в большом объеме» и т.п. В качестве примера назовем ряд УС со стержневым словом-названием крупного чешского города *Brno* (неофициально считающегося столицей Моравии), построенных по общей модели: *byla to facka/pětká/flek/lež jako Brno* (общее значение: «что-либо было в значительной степени большим, сильным, неприятно интенсивным; о чём-то, что вызвало сильное раздражение, очень неприятном, пугающем», *to byla facka jako Brno* («это был очень сильный, резкий, неожиданный удар (открытой ладонью) по лицу, оплеуха»); *(to je) ostuda jako Brno* («большой позор, дающий повод смеяться над кем-либо другим») или выражение *byla to lež jako Brno* («о большом обмане, большой лжи»). ФЕ *je to jasný/jasně jako Brno* употребляется в значении «абсолютно ясно и понятно».

7. Стереотипы о географической удаленности населенного пункта: *Бабка от бабки, как от Москвы до Вятки; Копна от копны, как*

от Ростова до Москвы и др. Польская ФЕ *писаć do Berdyczowa* употребляется в значении «писать письмо, не ожидая ответа» (аналог русской фразеологизированной крылатой фразы на деревню дедушке), в которой сохранилось представление поляков о городе Бердичеве (ныне Украина), находившемся на окраине Речи Посполитой. В действительности эта ФЕ (также в качестве шуточного намека на отказ продолжать общение *Pisz do mnie na Berdyczów!* (ср. русский прецедентный текст из романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев»: *Ну, пока! Пишите письма!*)) в современном польском языке изменила свою первоначальную семантику. Ранее Бердичев являлся важным торговым центром, куда съезжались купцы из разных стран, по этой причине и ФЕ употреблялась в значении «писать письма деловым партнерам», которые обязательно прочтут их сразу же, как только снова придут на очередную ярмарку.

В заключение, в качестве яркой и при этом весьма показательной иллюстрации функционирования ФЕ с ойконимами, утратившими свою соотнесенность с конкретным местом, которое они называют, приведем цитату из «Воспоминаний» Н.П. Макарова: *«Пошёл я один без провожатого – не боясь заблудиться в лабиринте московских улиц и переулков, зная пословицу “Язык до Киева доведёт”»* [1].

Таким образом, в общем фразеологическом фонде можно выделить особую тематическую группу ФЕ, которую мы обозначили как «топонимическая фразеология». Среди ключевых компонентов ойконимов, легших в основу метафорического образа фразеологизма, в первую очередь выделяются названия столиц как наиболее репрезентативных культурно-национальных маркеров. По нашим наблюдениям, русский корпус топонимических фразеологизмов выделяется на общем фоне славянских языков количеством ФЕ с ключевым компонентом-названием столицы (Москва; при этом, данный ойконим довольно частотен и в фразеологическом фонде других славянских языков). К другой большой группе можно отнести ойконимы, связанные с историко-культурным наследием мировой цивилизации (главным образом, христианского мира); сюда относятся ойконимы-библейзмы, города, играющие важную роль в европейской истории и культуре благодаря связанным с ними важным историческим событиями и культурным феноменам.

Проведенный нами анализ ФЕ «географического характера», в данном случае с ключевым компонентом-ойконимом, выявляет общие семантические модели формирования фразеологического значения и принципы формирования метафорического образа и связанных с ним коннотаций у ФЕ такого типа, одновременно демонстрируя специфику отдельных славянских языков.

Литература

1. Большой толково-фразеологический словарь русского языка Михельсона. М., 2004 [Электронный ресурс]. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&dict_id=127 (дата обращения: 24.09.21).
2. Выхованец Н.А. Топонимы в русской фразеологии // Эпоха науки. 2017. № 12. Гуманитарные науки. С. 188–192.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. В 2 т. М.: Художественная литература, 1989. 433 с.
4. Крејчи П.П. Регионални топоними у српској, хрватској, бугарској и чешкој фразеологији // Јужнословенски филолог: LXXIV, св. 2 (2018). Београд: САНУ, 2018. С. 185–198.
5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
7. Осыка М.В. Топонимические фразеологизмы в национальной концептосфере (на материале русской и французской лингвокультуры): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород: БГУ, 2010. 22 с.
8. Савченко А.В., Хмелевский М.С. «Города и веси» в русской фразеологии в концептуальном и лингвострановедческом освещении // Мир русского слова. 2020. № 4. С. 56–65.
9. Хмелевский М.С. «Москва... как много в этом звуке...» – прецедентные ойконимы в аспекте русской лингвокультурологии (на примере концепта «Москва») // Этнокультурные феномены в образовательном процессе: сб. науч. статей по итогам Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 27–28 октября 2021 г.). Чебоксары: ЧГПУ, 2021. С. 526–533.
10. Menac-Mihalić M. O hrvatskim dijalektnim frazemima s toponimom kao sastavnicom // Folia Onomastica Croatia. 2010. № 19. Zagreb: HAZU, 2010. S. 203–222.
11. Slovník české frazeologie a idiomatiky 1. Přirovnání. Hl. red. František Čermák, Jiří Hronek a Jaroslav Machač. Praha: Leda, 2009. 507 s.
12. Stěpanovová L. K etymologii frazeologismů s vlastními jmény // Naše řeč: roč. 72, čís. 1. Praha: ÚJČ AV ČR, 1989. S. 20–28.

DOI: 10.31862/9785426311954-254-263

Хмелевский М.С.,

*Санкт-Петербургский
государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург*

Жан Тянь,

*Санкт-Петербургский
государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург*

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕЧЕВЫЕ ШТАМПЫ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
ВЫРАЖЕНИЯ САРКАЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ
РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ)**

Аннотация. Настоящая статья посвящена функционированию фразеологических единиц как речевых штампов и видам их трансформаций в современной российской публицистике, выражающих явную либо скрытую оценочную категорию сарказма.

Ключевые слова: речевой штамп, фразеологизм, публицистический стиль, сарказм.

Michael Khmelevsky,

*Saint Petersburg State University,
Russia, St. Peterburg*

Jean Tian,

*Saint Petersburg State University,
Russia, St. Peterburg*

**PHRASEOLOGICAL SPEECH STAMPS
AS STYLISTIC MEANS OF EXPRESSING SARCASM
(BASED ON THE MATERIAL
OF RUSSIAN JOURNALISM)**

Abstract. This article is devoted to the functioning phraseological units as cliches and the types of their transformations in modern Russian news style, which express an explicit or implicit evaluative category of sarcasm.

Keywords: cliché, phraseological units, news style, sarcasm.

Речевые штампы (РШ) – это устойчивые сочетания слов, возникающие в языке как следствие стереотипного мышления и обычно характеризующиеся сниженной или стертой экспрессивностью. Это готовые, закреплённые и повторяемые формулы, используемые в качестве выразительного экспрессивного языкового средства. Данное понятие, ставшее лингвистическим термином, до сих пор не получило в науке о языке однозначного и полного толкования. Разнятся также и мнения исследователей относительно целесообразности их употребления, даются неоднозначные оценки этому явлению, в большинстве своем отрицательные, в которых РШ характеризуются как сухие, часто повторяемые языковые шаблоны, утратившие свою яркость и выразительность, которые на этапе пресыщения своим образом получают отрицательную стилистическую оценку [5, с. 575]. Их называют «избитыми выражениями с потускневшим лексическим значением и стертой экспрессивностью» [6, с. 518], засоряющими язык, а речь, избыточную штампами, – плохой, неценной речью, «рутиной, которая постоянно нарастает, как ржавчина, на поверхности языка, мешая созданию “новых построений”» [1, с. 29].

Считается, что основной сферой, где наиболее часто встречаются РШ, является газетно-публицистический стиль. К этому располагает прежде всего одна из функций самого стиля – воздействующая, т.е. стремление повлиять на мнение людей о каком-либо факте описываемой действительности. С этой целью в газетных текстах для поиска более простого и удобного средства выражения авторы зачастую не создают ничего нового или оригинального (в отличие, например, от художественной литературы), они прибегают к использованию уже готовых блоков, т.е. РШ, для усиления, поддержания или обновления их экспрессивного оттенка.

С развитием публицистического монологического общения в последние десятилетия в публицистике появилось довольно много различных видов РШ, которые в самом широком смысле могут быть разделены на три основные группы. Первая – это универсальные слова и выражения с часто размытым и очень обобщенным значением (например: *проблемы* обычно *глобального масштаба*; *диалог* – *конструктивный*; *стороны* – *противоборствующие*; *прогресс* – *небывалый*; *шаги* – *семимильные*; *сотрудничество* – *взаимовыгодное*; *чиновники* – *высокопоставленные*; *протесты* – *стихийные* и т.д.). Вторая – это оригинальные сочетания слов, прецедентные фразы, которые уже более или менее утратили свою индивидуальность, принадлежность автору, внутреннее смысловое содержание и, как следствие, яркость и выразительность (например: *прорубить окно в Европу*; *хотели как лучше*; *медвежья услуга*; *человек в футляре*; *работать с документами*; *рука Москвы* и т.п.). Третья группа – это фразеологизмы, устойчивые сочетания, паремии, постоянные эпитеты, ставшие речевыми штампами, речь о которых пойдет в настоящей статье.

Несмотря на то что большинство лингвистов негативно относятся к этим языковым средствам выражения, считают, что их появление превращает выражение в скучную и однообразную форму, настоятельно рекомендуют если не избегать, то хотя бы не перенасыщать ими речь, в настоящее время без них невозможно представить себе ни один газетный текст. Они стали своего рода маркером современного публицистического стиля, и РШ уже зачастую не воспринимаются читателем как таковые вследствие их постоянной повторяемости, они

перекочевывают из одной газетной статьи в другую, тем самым провоцируя увеличение частотности их использования и в повседневной разговорной речи.

В определенных текстах и контекстах, чтобы избежать громоздкости и путаницы, весьма активно используется варьирование и трансформирование фразеологических РШ путем изменения их структуры, компонентов, контекста употребления и, как следствие, изменения их внутреннего смысла. Таким образом автор придает РШ новую экспрессивно-эмоциональную окраску с сильной оценочной функцией, причем, как правило, отрицательной, негативно ироничной, саркастичной. А выражение сарказма – это одна из функций РШ в современных СМИ, задачей которых является высмеять тот или иной факт действительности, зло пошутить, при этом не прямо, не открыто, а косвенно, как бы завуалированно. Прикрывая свое субъективное авторское оценочное мнение устоявшимся РШ, т.е. фразеологизмом, цитатой, перифразом или языковой игрой слов, автор, преследуя своей целью воздействовать на мнение читателя, позиционирует свою субъективную мысль как всем известную, которой придерживается большинство, и, тем самым, претендует на объективность. Так, оценка любого факта действительности, выражаемая с помощью узнаваемых всеми устойчивых фигур речи, начинает казаться общепринятой, а не принадлежащей лишь одному человеку, и тут на первый план в качестве языкового средства выходят фразеологические единицы (ФЕ), восприятие которых лежит на уровне культурологического под-сознания, частью национальной культуры мира. Так, например, фраза *были приняты меры* требует от автора пояснений, а у реципиента порождает вопрос, какие именно меры были приняты, чего вполне можно избежать, используя РШ: *были приняты все меры, решительные меры, единственно возможные в данной ситуации*. Или фраза *депутаты много, хорошо работали* также требует уточнения характера их работы, которого можно избежать путем использования общеизвестного фразеологического РШ *депутаты работали засучив рукава, не покладая рук*. В этом смысле сравним еще ряд примеров: *пришлось начинать с начала* (то есть – с чего?) – *пришлось вспахать целину, начать с азав*; *нельзя было сделать всё* (что именно?) – *нельзя было*

объять необъятное; пенсий не хватает, чтобы купить... – не хватает на хлеб насущный; живут плохо, бедно (как именно бедно?) – живут за чертой бедности; представитель Евросоюза не уточнял детали (какие?) – растекался мыслью по древу; на форум были приглашены... – форум был проведён в широком формате; встреча прошла только между... без... – за закрытыми дверями; информация получена от... – из доверенных источников и др.

В таких и подобных случаях мы встречаемся с такими публицистическими фразеологическими оборотами и фразеологизированными метафорическими сочетаниями, которые, часто повторяясь, входят в сознание носителя языка и быстро теряют свою экспрессивную окраску: *железный занавес; дать зелёный свет; акулы пера; слуга народа; прорубить окно в Европу; держаться за кресло; фразеологизированные метафоры махровые, лихие, шальные девяностые, подковёрная борьба и др.* А такая категория, как категория оценки, постоянно требует в языке все новых и новых средств для ее пополнения, вследствие чего возникают модные, еще пока экспрессивно свежие фразеологические штампы и фразеологизированные метафоры, как, например, *испытывать инвестиционный голод; социальные недуги; интеллектуальный пустоцвет; грязные технологии; белоленточные митинги; «болотные» настроения; околополитическая тусовка* и т.п. Их, как любой РШ, ждет аналогичная судьба – либо полное забвение, либо стирание внутреннего содержания и эмоциональной окраски, размывание значения, расширение сферы употребления, т.е. превращение в «опустошенный знак» [7, с. 18].

Обратим внимание на то, что большинство из приведенных «новоупотреблений» – фразеологизированных РШ, так называемых «неофразем», встречаются в языке СМИ в основном с исключительно отрицательным эмоционально-экспрессивным оттенком, а именно для завуалированного выражения сарказма, а зачастую ерничества или стеба, прикрытого тем или иным РШ. При этом в современной публицистике мы наблюдаем такое ярко выраженное языковое явление, как всевозможные вариации ФЕ, их видоизменение, обыгрывание как на лексическом, так и на стилистическом уровнях с целью усиления или «оживления» их экспрессивной окраски, по большей части скрытого, но легко просматриваемого саркастического характера,

который в результате таких трансформаций приобретают даже ФЕ с исконными положительными коннотациями [4, с. 25]. Семантика нового образного оборота формируется в результате многократного его употребления в различных лингвистических и экстралингвистических контекстах, вследствие чего происходит некое «сложение» смыслов частных употреблений новой ФЕ [2, с. 22]. Ниже представим наиболее распространенные и часто встречающиеся в современном публицистическом стиле виды языковой игры, с помощью которых происходит «оживление» фразеологических РШ и их перевод в сферу категории негативной оценки действительности, приводя наиболее иллюстративные примеры, собранные нами из современного еженедельного издания – газеты «Завтра»:

- 1) фразеологическая метафора как РШ, основанная на соединении различных по своей сути понятий, с высокой степенью фразеологичности и идеоматичности: *офисный планктон* («широкая категории офисных служащих») – обычно употребляется с оттенком презрения или сарказма к их рутинному роду занятий; *высокие кабинеты* («политическая элита, чиновники»); *оборотни в погонах*; *нефтяные генералы*; *литературные власовцы*; *просочилась информация, подковерные бои быков* и пр.;
- 2) языковая игра с прямым и фразеологическим значениями устойчивых выражений: *испытание дождём, или что нужно, чтобы горожане не сели в лужу*; *ждать у Волги погоды*; *партия «Яблоко» становится яблоком раздора*; *медвежья услуга* (о социальных реформах Д.А. Медведева);
- 3) лексическая подмена компонентов при сохранении модели для узнаваемости ФЕ, так называемые антиполовицы: *чиновник с возу – бюджету легче; чем больше дров, тем реже лес; чем дальше в лес, тем больше вопросов*;
- 4) стилистическая подмена нейтрального компонента в ФЕ или устойчивом эпитете на разговорный или жаргонный: *развал Союза* (вместо *распад*); *огреть обухом по голове* (вместо *ударить*); *шившая интеллигенция*;
- 5) соединение двух или нескольких ФЕ: *сыграть в ящик Пандоры* (где *сыграть в ящик* – «умереть», *открыть ящик Пандоры* – «совершить действие, влекущее необратимые последствия»)

с одновременным соединением двух ФЕ разных стилей – сниженного и высокого); *И тогда граждане Государства Российского увидят стада генералов, оседлавших золотые унитазаы, уносящихся из России* (здесь перед нами соединение нескольких ФЕ: *оседлать коня* и *сидеть на унитазае*, а также новая ФЕ: *золотые унитазаы* – «излишняя роскошь», а также стилистическая игра и смешение аллюзий: *стада генералов* – *стадо баранов, коров*, в результате чего достигается высшая степень сарказма – стеб); *Колоссальные слои советского официоза канули в тёмный омут* (соединение ФЕ *кануть в Лету* и в *тихом омуте* с аллюзией на ФЕ *тёмные воды*);

- б) намеренное неуместное употребление фразеологизма для создания подчеркнутого сарказма: *братья наши меньшие (с преступными наклонностями)* – по отношению к гастарбайтерам, представителям оппозиции, сотрудникам правоохранительных органов, украинцам и т.п.; *сильные мира сего* – по отношению к чиновникам, бюрократам, олигархам и т.п.; *представители древнейшей профессии* – по отношению к журналистам;
- 7) расширение сферы употребления ФЕ с добавлением конкретизирующего эпитета или без него: *сидеть на нефтегазовой игле*; *сидеть на игле «пиара»*; *посадить на иглу арабской нефти*; *Красноярк сидит на угольной игле* (ср.: *сидеть на игле* – «быть наркозависимым»); *кампания против либеральной пятой колонны* (ср.: *пятая колонна* – «нацистская агентура в различных странах, помогавшая завоеванию этих стран немецкими войсками», изначально «агентура генерала Франко в Испании»); *шоковая терапия*; *сырьевая зависимость* (из медицинской терминологии); *окончательное решение чеченского, русского, украинского, советского, иракского, сирийского... вопроса* (ср.: *окончательное решение еврейского вопроса* – как штамп нацистской пропаганды); *крёстный отец Кремля Березовский* (обыгрывание исконного религиозного смысла и известного РШ по отношению к мафии);
- 8) языковая игра с фразеологизированными РШ из русских прецедентных текстов, включая их трансформации: *Золотой*

петушок на кровле кремлёвского терема вновь встрепенулся; Страна окончательно повернётся к России задом, а к Европе передом; Это решение было попыткой оказать давление на «русского медведя»; Дескать, «утром стулья, вечером деньги» – давайте сначала проведём переговоры по поставкам, а долги потом будем отдавать; Сюжет складывается как матрёшка; На снимках герои нашего времени: политики, бизнес-элита, деятели шоу-бизнеса; Преступление и наказание закрывать бани от честного народа; Мы покорно ждём вот уже тридцать лет и три года; Люди покупают жильё на курьих ножках;

- 9) стилистическая игра, при которой:
- ФЕ высокого стиля употребляются с явным пренебрежительным оттенком: *Валдайский клуб разливался своими высокомуdryми мыслями по древу; компромат на сильных мира сего; прокрустово ложе для добавленной стоимости; Кандидат наш – красно солнышко; В смутное время он оказался отброшенный на свалку;*
 - ФЕ высокого стиля употребляются в стилистически сниженном контексте: *Ноев ковчег: вчера, сегодня, завтра;*
 - ФЕ разговорного или сниженного стиля включаются в нейтральный контекст информационного содержания: *От выступления министра Сердюкова глаза на лоб полезли; Он вот уже много лет занимает высокий пост и находится у кормушки;*
- 10) фразеологическая антитеза: *Русская Мечта — это тот ясный сокол, который взмывает навстречу чёрному ворону; Сибирь – это не у чёрта на куличках, а у Христа за пазухой; Здесь уже не «тучи ходят хмуро», а ураган грозит; Это даже не ситуация, когда низы не хотят, а верхи не могут;*
- 11) актуализация ФЕ и речевых штампов советской эпохи: *Гайдар, Черномырдин и Фёдоров – ум, честь и совесть «дикого капитализма»; необходимость борьбы с враждебными режимами во имя сохранения дружественной Западу моровой системы; В штате Тенесси началась битва за урожай;*

- 12) оксюморон, в том числе в результате соединения речевых штампов: *наши партнёры пытаются подложить нам свинью* (партнеры – обман); *...в выражении лиц – ядовитых, насмешливых, готовых набрасывать чёрный саван на любое проявление света* (саван белый); *Этот живой труп* (о политике) *ещё при жизни смердит*;
- 13) фразеологизация устойчивых метафорических сочетаний с компонентом-эпитетом, взятым в основном из близкородственных языков, но, вследствие их постоянных тиражирований в языке СМИ, они прочно закрепились в современном русском языке и сознании с саркастическим или даже сильным ерническим оттенком, который у них полностью отсутствует в языке-оригинале: *незалежная Украина*; *бороться за незалежность*; *свидомый украинец*; *устраивать майданы* (укр. *майдан* – «главная площадь города, села»); *поднять жёлто-блакитный флаг/прапор*; *говорить на мове* (т.е. «по-украински»); *белорусские сябры*; *польские паны и пановье* и т.п.

Итак, в настоящей статье были проанализированы основные типы трансформаций фразеологизированных речевых штампов, встречающихся в публицистических текстах, которые как особое языковое средство находят свое отражение в современном публицистическом дискурсе как способ выражения сарказма, став его своеобразным маркером. Данное языковое явление фразеологической игры с целью усиления стертой экспрессивной окраски у РШ представляет собой интерес для фразеологов с той точки зрения, что данный процесс живой и актуальный в настоящее время, поскольку, беря свое начало в языке СМИ, он выходит за его пределы, попадая в повседневную разговорную речь, а впоследствии закрепляется фразеологическими и толковыми словарями русского языка. Несмотря на кажущуюся хаотичность данного процесса и спонтанность появления в его результате новых лексических и фразеологических единиц, в настоящей статье нами была сделана попытка наметить основные тенденции данного языкового явления и классифицировать виды фразеологических трансформаций в рамках как прагматической, так и оценочной категорий.

Литература

1. *Гаспаров Б.М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое культурное обозрение, 1996. 352 с.
2. *Григоренко О.В.* Неофраземы с агентивной семантикой в русском языке новейшего периода // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 27 (165). Филология. Искусствоведение. Вып. 34. С. 21–28.
3. Завтра. 2021. URL: <https://zavtra.ru/archive/2021> (дата обращения: 15.11.2021).
4. *Куклина И.Н.* Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГОУ, 2006. 251 с.
5. *Матвеева Т.В.* Речевой штамп // Культура русской речи: Энциклопедический справочник-словарь / под ред. Л.Ю. Иванова и др. М.: Флинта, 2003. 840 с.
6. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
7. *Тюленева Е.М.* «Пустой знак» в постмодернизме: теория и русская литературная практика: дисс. ... док. филол. наук. Иваново: ИГУ, 2006. 322 с.
5. Лингвокультурологическая парадигма в сопоставительном исследовании фразеологии

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИИ

DOI: 10.31862/9785426311954-264-272

Абакумова О.Б.,

*Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева,
Россия, г. Орел*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ПОСЛОВИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Статья посвящена проблемам перевода пословиц в художественном тексте. Применяя свою модель когнитивно-дискурсивного описания смысла пословицы в дискурсе, автор показывает возможности ее использования для выявления коммуникативной стратегии говорящего и адекватного перевода смысла пословицы в контексте художественного дискурса.

Ключевые слова: лингвокультурология, перевод, пословица, художественный текст, когнитивно-дискурсивное моделирование.

Olga Abakumova,

*Orel State University named after I.S. Turgenyev,
Russia, Orel*

LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS OF THE TRANSLATION OF PROVERBS IN A LITERARY TEXT

Abstract. The paper covers problems of translation of proverbs. Cognition-discourse model of proverb's sense actualization is offered that helps

recognize the speaker's intention and choose the adequate equivalent for phraseological unit in fiction discourse.

Keywords: linguo-culture, translation, proverb, text of fiction, cognition-discourse modeling.

Лингвокультурология (ЛК) является достаточно молодой наукой, возникшей на рубеже XX–XXI вв., но она имеет глубокие философские, психолингвистические и лингвистические корни. По поводу ее предмета существуют разные точки зрения. В.А. Маслова считает, что объектом лингвокультурологии является исследование «взаимодействия языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями, и человека, который создал эту культуру, пользуясь языком» [12, с. 45]. По мнению Н.Ф. Алефиренко, объектом лингвокультурологии является «языковая / дискурсивная деятельность, рассматриваемая с ценностно-смысловой точки зрения» [2, с. 56]. Практически все исследователи пришли к мнению, что лингвокультурология объединяет три компонента: язык, культуру, личность. М.Л. Ковшова и Д.Б. Гудков, авторы «Словаря лингвокультурологических терминов», определяют лингвокультурологию как «молодое научное направление, изучающее взаимодействие и взаимосвязь двух семиотических областей – языка и культуры, которые понимаются как формы сознания, отражающие мировоззрение человека, и описываются в синтезе, как целостный феномен» [10, с. 6]. В центре внимания ЛК, считают исследователи, находится «язык, конструирующий ментальность человека, его культурное самосознание; а основная цель состоит в выявлении способов и средств воплощения языка культуры в языковые структуры и исследовании культурно-языковой компетенции субъекта языка и культуры, проявляемой им в процессе употребления языковых знаков на фоне живых коммуникативных процессов» [Там же]. Наиболее значимым в этих исследованиях, как считают авторы, является описание путей интерпретации языкового знака в пространстве культуры и культурных коннотаций как результата этой интерпретации.

Существуют разные точки зрения и по поводу языкового статуса пословиц. По мнению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, пословицы представляют собой фразеологизмы со структурой предложения, обладают семантикой всеобщности и дедуктивной функцией.

Рекомендательная и объяснительная сила пословиц базируется на общем знании, разделяемом всеми носителями данного языка, тем самым они являются культурно зависимыми [3, с. 156]. Мы определяем пословицу как «сложный языковой знак, фразеологизм со структурой предложения, с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, практическое оценочное суждение, функционирующее в речи как косвенный речевой акт, чаще директивного типа, который используется для реализации коммуникативной стратегии говорящего» [1, с. 143].

Относительно перевода пословиц исследователи отмечают специфические сложности, поскольку переводчику необходимо уметь выявлять коммуникативные стратегии говорящего в ситуации использовании пословиц и учитывать национально-культурные различия между близкими по смыслу паремиями исходного и переводящего языков, так как, даже совпадая по смыслу, эти единицы могут иметь разную оценочную, а следовательно, и коммуникативную функции. Т.А. Казакова вводит ряд правил перевода фразеологических единиц:

- а) оптимальным переводческим решением является поиск идентичной фразеологической единицы;
- б) если полностью идентичная фразеологическая единица не найдена, то переводчику стоит искать ее переводной аналог, имеющий сходный смысл, но построенный на другой словесно-образной основе;
- в) менее эффективным является прием калькирования (дословный перевод), однако, он тоже иногда является допустимым, если в силу разных причин не подходят первые два приема;
- г) в случае культурно-исторических текстов может применяться «прием параллельного перевода, когда в одной фразе сочетается сама фразеологическая единица и объяснение ее переносного значения»;
- д) «если отсутствует идентичная или аналогичная фразеологическая единица в переводящем языке, а дословный перевод не представляется возможным, то применяется перевод-объяснение посредством трансформации устойчивого словосочетания в свободное» [8, с. 131–141].

Для культурной интерпретации фразеологизма, понимаемой как референция к предметной области культуры, М.Л. Ковшова предлагает использовать лингвокультурологический метод, в результате применения которого выявляется и описывается культурная коннотация данной единицы [9, с. 147–150].

Метафоры, эталоны, символы, стереотипы – средства, кодирующие культурное содержание, и являющиеся репрезентантами **кодов культуры**. В.Н. Телия видит коды культуры как совокупность окультуренных представлений о природных реалиях, «вещах», пространственных объектах, времени, живых существах, человеке, его различных свойствах, состояниях, видах деятельности и духовных ценностях, материальных и вербальных знаках данной культуры [4, с. 777].

Для анализа лингвокультурологических аспектов перевода пословицы в контексте предлагается использование когнитивно-дискурсивной модели (КДМ) [12]. Рассмотрим возможности перевода пословицы *Charity begins at home* с использованием модели КДМ на материале романа Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах».

Коммуникативная ситуация представляет беседу дядюшки Суизина с его родственницей, к которой он чувствует расположение, доверяет ей и, приняв несколько бокалов шампанского, делится своими наболевшими проблемами. В числе прочего он осуждает своего квартиросъемщика, который разорился, помогая зятю, и оставил таким образом своего квартиродателя без ожидаемой суммы денег. Иронически и с нескрываемым осуждением Форсайт использует при этом пословицу *Charity begins at home*.

«*Charity begins at home*» – You should take care of your family and other people who live close to you before helping people who are living further away or in another country (пер.: «Хочешь быть благодетелем, начинай с собственного дома» // русский аналог: *Своя рубашка ближе к телу*) [5].

*When, warmed by champagne, he had her all to himself, he unboomed himself of his wrongs; of his smothered resentment against the new chef at the Club; his worry over the house in Wigmore Street, where the rascally tenant had gone bankrupt through helping his brother-in-law – as **charity begins at home**; of his deafness, too, and*

that pain he sometimes got in his right side (Голсуорси) – «Разомлев от шампанского, чувствуя, что теперь уж он завладел Ирэн полностью, Суизин поделился с ней всеми своими горестями: глухим раздражением, которое вызывал у него новый шеф-повар в клубе; беспокойством по поводу дома на Уигмор-стрит, съёмщик которого разорился, подлец, помогая своему зятю, – **заботился бы лучше о своих собственных делах**; пожаловался и на глухоту и на боль в правом боку» (перевод М.Ф. Лорие).

Своя рубашка ближе к телу – русская пословица. Обычно имеет неодобрительный оттенок. Как пишет В.И. Зимин, «эта пословица восходит к выражению из комедии Плавта (сер. III в. – ок. 184 г. до н. э.): “Туника ближе (к телу), чем плащ”, т.е. что ближе, то дороже» [6, с. 46]. В словаре эта пословица располагается в разделе «Эгоист», где приводится идеал эгоиста: *Жить в своё удовольствие* (не думая о нуждах других).

Анализ коммуникативного эпизода по модели КДМ.

Коммуникативная составляющая показывает реализацию асоциальной (инструментальной) коммуникативной стратегии говорящего, который жалуется, что квартиросъемщик не смог оплатить аренду помещения из-за того, что помогал родственнику и сам разорился, а также на свое здоровье, желая получить сочувствие у женщины, ее эмоциональную, а может быть, и материальную поддержку.

Констативная (когнитивная) составляющая отражает наложение трех типов фреймов как развертывание пословичного сценария.

Образный фрейм связан с благотворительностью, которая, по мнению англичан, должна начинаться дома. На самом деле благотворительность обычно осуществляется по отношению к людям или организациям, нуждающимся в материальной помощи, анонимно, и этот процесс исключает родственников. *Charity* – 1) (money or help given because of) kindness and generosity towards people who are poor, sick, in difficulties, etc.; 2) an organization that helps people, who are poor, sick, in difficulties; 3) sympathy and kindness shown in judging others [16, с. 162].

Обобщенный фрейм отражает ситуацию, в центре которой находится явление, обладающее одним свойством (оказание материально-денежной помощи), а значит, по мнению носителей английской

культуры, и должно обладать другим свойством (пользой для себя, своих близких). Ср. 1-я логико-семиотическая модель Г.Л. Пермякова: «Если к.-либо вещь обладает одним свойством, она должна обладать и другим» [13].

Окказиональный фрейм описывает ситуацию помощи, которую персонаж оказал мужу сестры и сам пострадал в результате: не смог оплатить аренду собственного дома.

Экспрессивная составляющая включает эпистемическую модальность, которая опирается на негативный опыт говорящего, его отрицательную оценку ситуации, а также аксиологическую (в основе лежат деньги и собственная выгода как высшая ценность). Эксплицитно утверждается, что нужно помогать родственникам, но косвенный директив имплицитно указывает, что нужно было заботиться прежде всего о себе, своих интересах.

Регулятивная составляющая опирается на социальные нормы утилитарного типа, принятые в английском обществе: «следует быть осторожным», «следует быть экономным», «не следует принимать необдуманных решений». Опираясь на нормы своей культуры, говорящий ждет сочувствия у своей родственницы и рассчитывает на поддержку.

Наш анализ подтвердил правильный выбор переводчика, который не стал переводить английскую поговорку ее русскоязычным аналогом *Своя рубашка ближе к телу*. Представляется, что это было бы неверно, поскольку говорящий не русский крестьянин, а богатый английский буржуа, собственник. Переводчик отказался и от буквально-го перевода, учитывая коммуникативную цель говорящего, его оценку ситуации, обстоятельства общения (неформальный стиль общения подвыпившего пожилого человека), его социальную принадлежность. Обратный перевод не возвращает нас к исходной поговорке по данным словарей: *Своя рубашка ближе к телу*: 1) об эгоисте, который думает только о своих интересах; 2) о человеке, который заботится только о том, что принадлежит ему, и не волнуется о сохранности чужого имущества. Ср. англ.: *The parson always christens his own child first; Close sits my shirt, but closer is my skin.*

Английская поговорка и ее русские аналоги имеют общую базовую основу: архетипические оппозиции *свой/чужой, близкий/далёкий*.

Но культурное содержание кодируется как общими, так и различными тематическими кодами, поэтому, возможно, оценка ситуации и поведения человека в этих пословицах отличается.

Английская пословица *Charity begins at home* входит в ряд пословиц о доме и использует артефактивный/домообустроительный тематический код лингвокультуры, что еще раз подчеркивает склонность англичан к уединению, их необщительность (*reserve*), любовь к своему личному пространству, чувство собственности (ср. их национально-специфический концепт *privacy*):

There is no place like home. Every bird likes its own nest. Every dog is a lion at home. Dry bread at home is better than roast meat abroad. He has no home whose home is everywhere. An Englishman's home (house) is his castle. Charity begins at home. A также Self comes first (букв. «Сам прежде всего»). *The parson always christens his own child first. Close sits my shirt, but closer is my skin.*

Артефактивный домообустроительный тематический код культуры комбинируется здесь с собственно антропным (*Self comes first*), пространственным (*свой – чужой*), а также с положительными зооморфными метафорами, образами, символизирующими свободу (*птица*) и силу, власть (*лев*); безопасность, комфорт (*дом*); своего пространства, религиозный (*образ пастора*), костюмный (*рубашка*). Оценка ситуации в английской пословице в основном положительная или нейтральная, эгоизм оправдывается.

Эталон, который выявляется на базе английского паремического дискурса с учетом наличия в семантике пословиц квантора всеобщности (о связи кванторов с эталонами см. [7]): следует заботиться в первую очередь о себе и своих близких. Система эталонов имплицитно отражает систему ценностей культуры.

Стереотип: люди не всегда поступают разумно, недостаточно ценят то, что имеют, не думают о своих интересах и в результате теряют деньги, здоровье и т.п.

Русские аналоги пословицы со сходным смыслом кодируются чаще костюмным кодом культуры в совокупности с антропным/соматическим (*рука*), с пространственным (*далеко – близко*), а также с негативными зооморфными образами-символами русской культуры

(*сова* – зловещая нечистая птица, в которой видят воплощение черта, *мышь* – нечистое животное в славянской мифологии, ущерб, причиняемый мышами, метафорически уподобляется ущербу от кражи). «Рубашка, сорочка – народное название околоплодного пузыря, в котором рождаются некоторые дети, что в народных поверьях расценивается как явление необычное, указывающее на сверхъестественные свойства новорожденного» [14].

Оценка поведения человека в данных пословицах, как правило, негативная, эгоизм порицается. Для эгоиста *своя рубаха дороже чужой шкуры; ему сгори целый свет, лишь бы он был согрет*. Живёт он по принципу *после нас хоть трава не расти; после нас хоть потоп; своя рубаха (шкура) ближе к телу; сова о сове, а всяк о себе; мышка, и та в свою норку тянет; своя рука к себе гребёт; пальцы-то внутрь ладони гнутся*. Идеал эгоиста: *жить в своё удовольствие*. Однако не надо бы забывать, что *любовь к людям – лучшее богатство; кто слишком любит себя, того не любят другие* [6, с. 46].

Эталон: нельзя быть эгоистом, нужно заботиться об интересах других людей (ср.: *Кто себя забывает, кого Бог вспоминает; Любовь к людям – лучшее богатство; Кто слишком любит себя, того не любят другие*).

Стереотип: люди склонны думать в первую очередь о своих интересах и оправдывать свои эгоистичные поступки.

Анализ приведенного эпизода показывает мировоззрение типичного представителя английской буржуазной культуры, где высшей ценностью являются деньги и частная собственность, считается, что каждый человек должен сам позаботиться о себе. Основываясь на исследованиях социо-антропологической лаборатории Хофстеде [14], можно уверенно назвать английскую культуру индивидуалистической, в которой выявляется высокий приоритет личной жизни, преобладает трезвый расчет, преследование собственных целей, стремление к лидерству и разнообразию, приоритет индивидуальных решений, а не групповых, одна из главных целей в жизни – удовольствия, увлечения и безопасность, индивидуальная инициатива поощряется обществом, связи между людьми не так важны; считается, что каждый человек должен сам позаботиться о себе.

Литература

1. *Абакумова О.Б.* Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 354 с.
2. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, 2016. 136 с.
3. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Классификация фразеологизмов: новый взгляд на классическую проблему // Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и в говорах. Орел: Изд. ОГУ, 2010. С. 80–87.
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга. 2006. 784 с.
5. *Буковская М.В., Вяльцева С.И., Дубянская З.И.* Словарь употребительных английских пословиц. М.: Русский язык, 1990. 240 с.
6. *Зимин В.И., Спиринов А.С.* Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. Ростов н/Д.: Феникс; М.: Цитадель-трейд, 2005. 544 с.
7. *Иоанесян Е.Р.* Стереотипы и эталоны в высказываниях с кванторами // Когнитивные исследования языка. Вып. № 2 (45). М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. С. 222–232.
8. *Казакова Т.А.* Практические основы перевода. English-Russian. СПб.: Союз, 2001. 320 с. (Изучаем иностранные языки).
9. *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 456 с.
10. *Ковшова М.Л., Гудков Д.Б.* Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2018. 192 с.
11. *Котова М.Ю.* Русско-славянский словарь с английскими соответствиями. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.
12. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
13. *Пермяков Г.Л.* О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978. С. 105–135.
14. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
15. *Hofstede G.* Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organisations accross nations. 2nd ed. California: Thousands Oaks, 2001; 3rd ed. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2008. 530 p.
16. Longman Dictionary of Contemporary English. Vol. 1: A–L. Longman, 1992. 626 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-273-282

Авдеева О.И.,

*Московский педагогический
государственный университет,
Россия, г. Москва*

Горелов А.Р.,

*Московский педагогический
государственный университет,
Россия, г. Москва*

**ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА
СО ЗНАЧЕНИЕМ
«СТЕПЕНЬ ЗАНЯТОСТИ ЧЕЛОВЕКА»
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. В данной статье рассмотрена семантическая группа со значением «степень занятости человека», выделенная во фразеологических системах двух неродственных языков – русского и китайского. Данная фразеосемантическая группа сформирована архисемой «степень занятости». На основании дифференцирующих сем в составе данной фразеосемантической группы выделены подгруппы и синонимические ряды. Выявлены общие и отличительные черты в структуре и семантике фразеосемантической группы «степень занятости» в русском и китайском языках.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологизм, фразеосемантическая группа, русская и китайская фразеологии, сопоставительный анализ, занятость, занятой, свободный.

Olga Avdeeva,

*Moscow Pedagogical State University,
Russia, Moscow*

Aleksandr Gorelov,

*Moscow Pedagogical State University,
Russia, Moscow*

**PHRASEOSEMANTIC GROUP
WITH THE MEANING
OF “THE DEGREE OF EMPLOYMENT OF A PERSON”
IN RUSSIAN AND CHINESE**

Abstract. This article examines a semantic group with the meaning of “the degree of a person’s employment”, identified in the phraseological systems of two unrelated languages – Russian and Chinese. This phraseosemantic group is formed by the archiseme “degree of employment”. On the basis of the differentiating semes within this phraseosemantic group, subgroups and synonymous series are distinguished. The general and distinctive features in the structure of the phraseological-semantic group “the degree of employment” in the Russian and Chinese languages have been revealed.

Keywords: phraseological unit, phraseological unit, phraseosemantic group, Russian and Chinese phraseology, comparative analysis, employment, busy, free.

Сопоставление устойчивых фраз, пословиц, поговорок и крылатых выражений является одной из приоритетных областей языкознания. Они несут в себе наиболее яркое представление о культуре и традициях народов. Сопоставительный анализ русского и китайского языков позволяет соотнести культурные и языковые реалии, облегчить изучение и понимание каждого из языков как иностранного, а также внести определенный вклад в теоретическую систему научного языкознания.

Проблемам лексической и фразеологической семантики, а также исследованию системных отношений единиц лексики и фразеологии

посвящены многие современные исследования [1; 6; 7 и др.]. Анализ семной структуры фразеологизмов послужил основой полевого подхода к исследованию фразеологического корпуса языка, членение которого производится на основе учета гипонимических, синонимических и антонимических отношений единиц фразеологии (омонимические отношения фразеологизмов как противоречащие понятию поля остаются за пределами исследования).

Для фразеологических единиц (ФЕ) русского и китайского языков характерно структурно-семантическое и функционально-стилистическое своеобразие.

Развитие фразеологии как самостоятельного раздела науки о языке в Китае началось только в XX в., и в настоящий момент оно активно продолжается. В современном китайском языкознании, как и в русском, существуют разные взгляды на определение объема фразеологии. «По таким признакам, как происхождение, грамматические функции и стилистическая отнесенность современный китайский лингвист Ма Гофань выделяет пять основных разрядов фразеологических единиц в китайском языке: чэньюй, яньюй, сехоуэй, гуаньюнюй и суюй» [11, с. 44]. Чэньюй – это единицы, соответствующие русским фразеологическим сращениям и фразеологическим единствам, по форме представляющие собой словосочетания или компактные предложения, например: 东奔西走 *dōng bēn xī zǒu* (букв. «бежать на восток, идти на запад»), что значить «быть занятым», «иметь очень много дел» [13, с. 207]. Яньюй – лаконичные речения, которые можно соотнести с русскими пословицами и поговорками, например: 本地姜不辣 *ben di jiang bu la* (букв. «в родных краях имбирь недостаточно острый»), что соответствует русской поговорке «В чужом огороде трава зеленее» [12, с. 79]. Сехоуэй – иносказания-недоговорки, например: 酒嗑子打跟头 – 壶闹 *jǐu kē zǐ dǎ gēntou – hú nào* (букв. «кувшин для вина перекувырнулся – чайник загремел»), что означает «валить дурака» [3, с. 129]. Подобный разряд не имеет аналогов в русской фразеологии. Гуаньюнюй – устойчивые треморфемные сочетания, соответствующие русским фразеологическим сочетаниям и фразеологическим единствам, например: 狗腿子 *gǒu tuǐ zi* (букв. «собачья лапа»), что означает «прислуживать, пресмыкаться» [3, с. 210]. Суюй – поговорка, например: 成者王侯败者贼 *cheng zhe wang hou bai zhe zei*

(букв. «в случае удачи стану властителем (ванхоу), в случае неудачи стану разбойником») – «победитель всегда прав, а проигравший – неправ» [14, с. 297]. Данная классификация является общепринятой в китайской лингвистике.

В китайском языке основными источниками устойчивых выражений, идиом, пословиц и поговорок являются притчи, мифы и легенды. Это объясняет особую образность, метафоричность и витиеватость языка китайской фразеологии. В свою очередь, основным источником для фразеологии русского языка является человеческий быт и житейский опыт. Таким образом, общепринятая классификация китайских фразеологизмов существенно отличается от многочисленных классификаций русских фразеологизмов.

Все разряды ФЕ китайского языка обладают основными свойствами, присущими и ФЕ русского языка: сверхсловность, воспроизводимость, целостность значения, устойчивость структуры, образность и системность. Как в русском, так и в китайском языке фразеологизмы имеют основные семы (архисемы) и семы, несущие дополнительное оценочное значение (денотативные и коннотативные). Таким образом, ФЕ могут образовывать фразеосемантические подгруппы в зависимости от наличия дополнительных сем в структуре их значений. В этом случае фразеологизм приобретает дополнительные оттенки значения.

Цель данного исследования – выявить структурно-семантические особенности фразеологизмов, входящих в состав фразеосемантической группы (ФСГ) «степень занятости человека» в русском и китайском языках.

Данная фразеосемантическая группа сформирована на основе архисемы «степень занятости», которая присутствует в семной структуре каждого из фразеологизмов, входящих в данную группу в русском и китайском языках. В составе данной ФСГ в обоих языках можно выделить две антонимичные фразеосемантические подгруппы (ФСПГ): «занятой» и «незанятой, свободный» в зависимости от наличия или отсутствия дел и свободного времени.

Фразеосемантическая подгруппа «занятой» образована на основе архисемы «занятость, недостаток времени». ФЕ, входящие в данную подгруппу, имеют следующую семную структуру: «признак предмета» + «непроцессуальный признак» + «признак живого

предмета» + «качества человека» + «социальные качества человека» + «постоянный/переменный признак человека» + «степень занятости» + «высокая степень занятости».

Данная подгруппа включает несколько синонимических блоков с дополнительными оттенками значения:

- 1) «имеющий много дел»;
- 2) «не имеющий времени»;
- 3) «занятой в течение длительного промежутка времени».

Каждый из предложенных синонимических блоков объединен на основании общих сем, имеющих свои отличительные оттенки значений.

1. Синонимический блок с дополнительным оттенком значения «имеющий много дел» сформирован на основе архисемы «имеющий много работы, дел». Сюда можно отнести следующие ФЕ русского языка: **работы (дел) по горло, занят по горло, работы (дел) невпроворот, хлопот (забот) полон рот, дел как у собаки блох** [2, с. 61]. В китайском языке можно выделить ФЕ со схожим значением, например: 七手八脚 *qī shǒu bā jiǎo* [11, с. 327] (букв. «семь рук, восемь ног») – суeta, суетиться, иметь очень много дел; 东奔西走 *dōng bēn xī zǒu* [4, с. 106] (букв. «нестись на восток, идти на запад») – забегаться, мотаться по многочисленным делам, суетиться, разрываться от дел. Все представленные ФЕ объединены значением «множество дел» и выражают высокую степень занятости человека.
2. Синонимический блок с дополнительным оттенком значения «не имеющий времени» объединен на основе архисемы «отсутствие времени на выполнение дел». В данный блок следует отнести ФЕ русского языка: **вертеться (кружиться) как белка в колесе** [9, с. 58], **крутиться как бобик, вертеться (кружиться) колесом, вертеться как юла, как в котле кипеть (вариться), быть в запарке, некогда голову поднять** [2, с. 64]. Представленные единицы описывают человека, полностью погруженного в дела и заботы, не имеющего ни на что больше времени. Среди ФЕ китайского языка можно выделить следующие синонимичные единицы: 席不暇暖 *xí bù xiá nuǎn* [4, с. 453] (букв. «циновка не успевает нагреться») – нет времени

на себя и на отдых, чрезмерная занятость на работе, всё время на ногах; 孔席墨突 kǒng xí mò tū [4, с. 236] (букв. «циновки Конфуция и дымоход Мо Ди [всегда холодны]») – не иметь времени на отдых, хлопотать, быть всегда занятым общественными делами и редко бывать дома; 食少事烦 shí shǎo shì fán [Там же, с. 392] (букв. «есть мало, а делать много») – быть очень занятым, забывая о еде, нет времени даже поесть; 日不暇给 rì bù xiá jǐ [Там же, с. 360] (букв. «время не празднично даётся») – всегда не хватает времени, вертеться как белка в колесе; 自顾不暇 zì gù bù xiá [Там же, с. 327] (букв. «перегруженный делами») – даже на себя не хватает времени, со своими делами не справляться; 衣不解带 yī bù jiě dài [Там же, с. 503] (букв. «не раздеваться, чтобы лечь отдохнуть») – не до сна из-за забот, нет времени отдыхать, нет времени на сон; 目不交睫 mù bù jiāo jié [Там же, с. 293] (букв. «не размыкать ресницы») – не смыкая глаз, не спать совсем, не иметь времени на сон; 目不窥园 mù bù kuī yuán [Там же, с. 295] (букв. «не заглянуть даже в сад») – не иметь времени на собственные дела, не отвлекаться, уйти с головой в работу. Таким образом, данный синонимический блок выражен единицами, обозначающими степень занятости и отсутствие времени на что-либо (сон, еду, отдых и т.д.).

3. Синонимический блок с дополнительным оттенком значения «быть занятым длительный промежуток времени» создан на основе архисемы «занят большое количество времени, весь день». Среди ФЕ русского языка можно выделить следующие единицы, описывающие занятость человека в очень длительный промежуток времени: **от зари до зари, от темна до темна, от петухов до петухов** [5, с. 274], **с утра до ночи, день и ночь, и днём и ночью** [2, с. 201]. Представленные фразеологизмы указывают на высокий уровень занятости человека, т.е. с самого утра и до позднего вечера. Их можно соотнести с ФЕ китайского языка: 争分夺秒 zhēng fēn duó miǎo [4, с. 555] (букв. «бороться за минуту, урвать секунду») – использовать каждую свободную минуту, быть предельно занятым; 宵衣旰食 xiāo yī gàn shí [Там же, с. 464] (букв. «до рассвета одеваться, вечером есть») – работать с самого утра до ночи, быть занятым

весь день; 日以继夜 *rì yǐ jì yè* [4, с. 362] (букв. «день сменяет ночь») – быть занятым день и ночь, работать с утра до ночи; 朝耕暮耘 *cháo gēng mù yún* [Там же, с. 60] (букв. «утром сеять, вечером полоть сорняки») – работа и утром, и вечером; 披星戴月 *pī xīng dài yuè* [Там же, с. 317] (букв. «набрасывать на себя звёзды, надевать на голову луну») – быть занятым день и ночь, работать от зари до зари, от заката до рассвета. Данные ФЕ обоих языков указывают на занятость человека с самого утра и до позднего вечера или в очень долгий промежуток времени.

К данной подгруппе можно отнести периферийные ФЕ со значением «занятой, зависящий от кого-либо». Это такие единицы русского языка: *сам себе не хозяин, сам себе не господин, мальчик на побегушках* [2, с. 61]. И ФЕ китайского языка 马首是瞻 *mǎ shǒu shì zhān* [4, с. 183] (букв. «голова лошади смотрит вперёд») – бесспорно подчиняться кому-либо, идти на поводу; 俯仰由人 *fǔ yǎng yóu rén* [Там же, с. 141] (букв. «кланяться перед другими людьми») – поступать так, как хочется другому, действовать по чужой указке; 奴颜婢膝 *nú yán bì xī* [12, с. 215] (букв. «на коленях, как раб») – рабская душонка, раболепие, с рабской угодливостью, 债台高筑 *zhài tái gāo zhù* [4, с. 551] (букв. «долговые обязательства высотой с дом») – иметь огромные долги, по уши увязать в долгах. Представленные единицы имеют отрицательную оценку и описывают человека, который находится в зависимости у другого. Следует отметить, что среди фразеологизмов китайского языка обнаруживается большое количество единиц, обозначающих денежную зависимость.

Фразеосемантической подгруппе «занятой» противопоставляется подгруппа «незанятой, свободный», которая образована на основе архисемы «незанятость, наличие свободного времени». ФЕ, входящие в данную подгруппу, имеют следующую семную структуру: «признак предмета» + «непроцессуальный признак» + «признак живого предмета» + «качества человека» + «социальные качества человека» + «постоянный/переменный признак человека» + «степень занятости» + «низкая степень занятости».

Представленный блок содержит следующие ФЕ русского и китайского языков: рус. *плевать в потолок* [2, с. 28], *лежать на боку (на печи)* [9, с. 213], *лежать (валяться) на боку, сидеть как*

именинник [2, с. 28], **на свободу с чистой совестью** (в переносном значении) – при окончании тяжелой и длительной работы (первоначально – это лозунг людей, выходящих из тюрьмы на свободу). Данные единицы описывают человека не занятого никаким делом, имеющего много свободного времени, или человека, освободившегося от тяжелой длительной работы. В китайском языке имеются синонимичные ФЕ: 人浮于事 *rén fú yú shì* [4, с. 356] (букв. «людей больше, чем дел») – иметь много свободного времени, много свободных рабочих рук; 日上三竿 *rì shàng sān gān* [Там же, с. 361] (букв. «солнце встало на три бамбука») – говорят про человека, у которого много свободного времени, есть время на сон, поздно встает, засоня; 坐吃山空 *zuò chī shān kōng* [Там же, с. 594] (букв. «сидеть и есть – гора опустеет») – быть ничем не занятым, бездельничать и проедать жизнь. Все эти ФЕ описывают человека, у которого много свободного времени, который ничем не занят, может себе позволить отдыхать и празднично проводить время. Данная подгруппа пересекается с фразеосемантическими группами «ленивый», «безынициативный», «напрасно тратящий время», а также с глагольной ФСГ «бездельничать».

ФСГ «степень занятости» содержит также периферийные ФЕ со значением «свободный, ни от кого не зависящий». Например, **вольный как ветер, вольный казак** [2, с. 179], **вольная птица (пташка)** [10, с. 751] или 逍遥自在 *xiāo yáo zì zài* [4, с. 465] (букв. «свободно и комфортно существовать») – вести себя свободно, сам себе господин. Однако основным значением данной подгруппы является не указание на степень незанятости человека, а на наличие независимости. Поэтому данная подгруппа противопоставляется подгруппе «несвободный, зависимый» с основным значением «зависящий от кого-либо, несвободный». Перечисленные выше ФЕ могут быть использованы в тексте в значении «незанятой, свободный от дел», однако в составе ФСГ «степень занятости человека» они относятся к периферийной зоне.

Таким образом, рассмотренная фразеосемантическая группа в обоих языках основана на архисеме «степень занятости», которая присутствует в семной структуре каждой ФЕ данной ФСГ. В составе ФСГ «степень занятости человека» выделены две фразеосемантические подгруппы: «занятой» и «незанятой, свободный». В обоих

языках преобладают единицы, обозначающие высокую степень занятости человека. В рассматриваемой ФСГ для русской фразеологии особенно характерно сравнение с животными или предметами быта (**как белка в колесе, как юла, как бобик**), тогда как для единиц китайского языка характерны упоминания природных явлений (**набрасывать звёзды и надевать луну, нестись на восток и идти на запад**), однако присутствуют и предметы быта, а также собственные имена выдающихся личностей (**циновки Конфуция и дымоход Мо Ди**). Подгруппа «незанятой, свободный» в обоих языках насчитывает меньшее количество единиц, и в большинстве случаев они имеют отрицательную коннотацию (**плевать в потолок**), 人浮于事 *rén fú yú shì* [4, с. 356] (букв. «людей больше, чем дел»). Это можно объяснить тем, что и в русском, и в китайском языке незанятость часто ассоциируется с ленью и праздностью. Несмотря на то что фразеосемантические группы «степень занятости человека» в русском и китайском языках имеют сходства в семантическом и структурном аспектах, в них наблюдаются различия в образной основе и во внутренней форме фразеологизмов, в их отнесении к ядру и периферии данных групп, а также в источниках их происхождения, что само по себе представляет богатый лингвокультурологический материал, использование которого чрезвычайно полезно при изучении чужого языка.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие для студентов филол. специальностей высш. учеб. заведений. 5-е изд., стер. М.: Академия, 2012. 384 с.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В.М. Мокиенко. М.: АСТ-Пресс книга, 2009. 448 с.
3. Войцехович И.В. Практическая фразеология современного китайского языка: учебник. М.: АСТ; Восток–Запад, 2007. 509 с.
4. Готтлиб О.М., Му Хуашин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. М.: АСТ; Восток–Запад, 2007. 608 с.
5. Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Около 730 синонимических рядов / под ред. В.П. Жукова. М.: Рус. яз., 1987. 448 с.

6. Кузнецова Э.В. Русская лексика как система: учеб. пособие. Свердловск: УрГУю, 1980. 89 с.
7. Сидоренко М.И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке: учеб. пособие к спецкурсу. Л.: ЛГПИ, 1982. 108 с.
8. Толмац К.В. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 2000 словосочетаний с иллюстрированными примерами. М.: Восточная книга, 2009. 506 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Войнова и др.; под ред. и с послесл. А.И. Молоткова, М.: АСТ, 2006. 524 с.
10. Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. М.: Русский язык, 1985. 304 с.
11. 马国凡. 成语简论, 辽宁, 1964 (Ма Гофань, 1964).
12. 温瑞政. 方言与俗语研究: 温瑞政语言学论文选集, 上海辞书出版社, 上海, 2003. (Вэнь Жуйчжэн, 2003).
13. 成语大词典 [电子资源] Большой словарь чэньюй [Электронный ресурс]. URL: <http://www.esk365.com/chengyu/> (дата обращения: 29.10.21).
14. 大汉俄词典. 商务印书馆, 2001年, 2857 页。

DOI: 10.31862/9785426311954-283-292

Авдеева О.И.,

*Московский педагогический
государственный университет,
Россия, г. Москва*

Стремянова О.И.,

*Московский педагогический
государственный университет,
Россия, г. Москва*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТОМ-ТУРЦИЗМОМ, ОБОЗНАЧАЮЩИМ ЖИВОТНЫХ

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию особенностей фразеологизмов русского языка с компонентом-турцизмом, обозначающим животных. Анализ фразеологического этимологического поля, основанного на компоненте-турцизме, позволил выявить в его структуре ядро, околядерную и периферийную зоны. Семантический анализ данного позволил выявить в его составе семантические микрополя, а также проанализировать семантическую структуру рассматриваемых фразеологизмов. В ходе исследования был выявлен высокий фразеологический потенциал некоторых лексем турецкого происхождения со значением «животные».

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологическая единица, компоненты фразеологизмов, турцизмы, турецкие заимствования, лексемы турецкого происхождения, этимология, животные.

Olga Avdeeva,

*Moscow Pedagogical State University,
Russia, Moscow*

Olga Stremyanova,

*Moscow Pedagogical State University,
Russia, Moscow*

PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN LANGUAGE WITH THE COMPONENT-TURCISM DESIGNATING ANIMALS

Abstract. This article is devoted to the study of the peculiarities of phraseological units of the Russian language with the Turkish component denoting animals. The analysis of the phraseological etymological field, based on the Turkish component, made it possible to identify the core, perinuclear and peripheral zones in its structure. The semantic analysis of this data made it possible to identify semantic microfields in its composition, as well as to analyze the semantic structure of the considered phraseological units. The study revealed a high phraseological potential of some lexemes of Turkish origin with the meaning “animals”.

Keywords: phraseological units, components of phraseological units, turcisms, Turkish borrowings, lexemes of Turkish origin, etymology, animals.

Процесс становления и развития любого языка включает в себя, наряду с другими, процессы, в результате которых в язык входят и закрепляются в нем иностранные лексические элементы. Одним из значимых показателей ассимилированности заимствованных лексем является их функционирование в составе фразеологических единиц (ФЕ), как правило, демонстрирующее широкое вхождение и активное использование в языке новых лексем. Важно также, что большая часть фразеологических единиц с компонентом иноязычного происхождения находит отражение в современных лексикографических и фразеографических источниках, свидетельствуя об активном

функционировании данных компонентов в русском языке в настоящее время. На протяжении развития русского языка в состав его фразеологии в качестве компонентов вошло значительное количество лексических единиц из тюркских языков, в том числе из турецкого, что позволяет исследовать своеобразие русских фразеологизмов с компонентами турецкого происхождения, называемыми в данной работе общим термином «турцизмы».

Объектом исследования в данной статье являются фразеологизмы русского языка с компонентом турецкого происхождения, обозначающим животных. Цель настоящей статьи – выявить структурные и семантические особенности корпуса фразеологизмов русского языка с компонентами – названиями животных, этимологически восходящими к турецкому языку.

Известно, что на протяжении своей истории турецкий язык испытывал сильное влияние персидской и арабской языковых систем. По этой и иным причинам в турецкий язык на всех уровнях включено множество элементов: собственно турецкие, общетюркские, мусульмано-тюркские, огузские и др.

Современный турецкий язык – это типичный тюркский язык с фундаментальными особенностями: сингармонизм и посткорневая агглютинация. На общем фоне тюркских языков его отличают ярко выраженные огузские очертания, например переходы букв *м* в *б* (например, *бонджук-мунчук*); *б* в *в*; оглушение *б*. Вследствие этого в турецком языке появились особенности в звучании слов (например, *parmak* при общетюрк. *barmaq*) [9]. Особенностью турцизмов также является повторение гласных в пределах слова, например: *аркан*, *кафтан*, *башмак* и др. [10]. Характерны конечные *-ча*, *-лык*, *-джак*, например: *парча*, *ярлык*, *санджак* и др. [10]. Сложность вычленения турцизмов заключается в том, что турецкие лексемы могли заимствоваться как непосредственно из турецкого, так и через другие языки, например немецкий (*киоск*) и французский (*кювет*). Поэтому при выдвигании гипотез относительно происхождения лексем следует руководствоваться принципом историзма, включающим обязательный учет исторических данных и закономерностей изменения слов и морфем.

Лексемы турецкого происхождения, обозначающие животных, формируют единое лексическое этимологическое поле, а фразеологизмы с этими лексемами-турцизмами – единое фразеологическое этимологическое поле. Поэтому в основе исследования фразеологического этимологического поля с компонентом «животные» вполне обоснованно лежит исследование одноименного лексического этимологического поля.

Возможность выделения единого этимологического поля обоснована многочисленными исследованиями отечественных и зарубежных ученых по теории системного строения лексики и, как следствие, по теории лингвистического поля, история изучения которых нашла отражение во многих научных источниках [1; 2; 6; 7 и др.].

В ходе данного исследования было выявлено 58 лексических единиц со значением «животные», характеризующихся в этимологических словарях как лексемы с достоверной или спорной турецкой этимологией. Состав указанной тематической группы не исчерпывается лексемами, рассмотренными в данной статье, что объясняется бесспорным существованием «невьявленных» турцизмов, т.е. лексем русского языка турецкого происхождения, отраженных в письменных памятниках или бытующих в многообразных диалектах русского языка, но не получивших фиксации в лексикографии.

Лексическое этимологическое поле лексем-турцизмов со значением «животные» включает в себя ядро, околядерную зону и периферию. Аналогичная структура присуща одноименному фразеологическому этимологическому полю. Ядро лексического этимологического поля образуют «лексемы турецкого происхождения, заимствованные русским языком непосредственно из турецкого, что подтверждено данными этимологических словарей» [3, с. 6], например: *бузан* – ‘белый аист, *Ciconia alba*’; *караган* – ‘степная лисица, *Canis melanotus*’; *карангич* – ‘летающая рыба, морской петух, *Trigla*’; *кочкарь* – ‘племенной баран’; *мамона* – ‘обезьяна’; *турач* – ‘кавказская куропатка, *Tetragallus caucasicus*’; *тыртыр* – ‘вредная гусеница на виноградной лозе’; *чивиль* – ‘воробей’ [10]. С точки зрения фразообразования данные лексемы оказываются непродуктивными. Отсутствие вышеперечисленных лексем, обозначающих животных и птиц, в литературном языке и в составе русских фразеологизмов свидетельствует

о недостаточной ассимилированности этих лексем ввиду ограниченности сферы и территории использования обозначаемых понятий.

Околоядерную зону лексического этимологического поля образуют «лексемы тюркского происхождения, заимствованные русским языком непосредственно из турецкого» [3, с. 6], типа *барсук*, *бугай*, *ишак*, *карга*, *лошадь*, *сазан*, *саранча*, *тушкан*. Большая часть этих слов встречается в русском литературном языке и поэтому их значение хорошо известно носителям языка. Например, слово *лошадь* рассматривается в этимологическом словаре М. Фасмера как «стар. заимствование из тюрк.; тур., крым.-тат., тат., карач., балкар. *alaşa*» [10, с. 525]. А.Г. Преображенский отмечает тюркское происхождение этой лексемы [8, с. 473]. С точки зрения фразеобразования эта группа оказывается достаточно продуктивной. К околоядерным ФЕ с компонентом *лошадь* относятся такие, как *ломовая лошадь* – ‘о безответном человеке, на которого взваливают всю тяжёлую, невыигрышную работу’; *коренная лошадь* – ‘то же, что коренник (лошадь, запрягаемая в корень, т.е. в оглобли; средняя лошадь в тройке)’; *обывательские лошади* – ‘(устар.) нанимаемые у обывателей или предоставляемые ими в качестве повинности для каких-л. перевозок’ [12]. Причем единицы *коренная лошадь* и *обывательские лошади* представляют собой терминологические наименования, для которых характерно отсутствие коннотации. К этой же группе относятся ФЕ с компонентом – уменьшительно-ласкательным наименованием лошади – *лошадка*: *тёмная лошадка* – ‘(прост.) о том, чьи внутренние качества, характер, принципы и т.д. неизвестны, неясны’ [Там же, с. 138], а также ФЕ с отыменными прилагательными, образованными от этой лексемы: *лошадиная доза* – ‘очень большая доза’; *лошадиная сила* – ‘внесистемная единица измерения мощности’ [8, с. 138]. Наличие деривационных связей у слова *лошадь*, а также его использование в качестве компонента фразеологических и терминологических единиц говорит о достаточной высокой степени его ассимиляции в русском языке.

Также отмечены в русском языке ФЕ с компонентами *бугай* и *ишак*: *работать (вкалывать) как ишак* – ‘работать очень много; трудиться до изнеможения, с крайним напряжением сил’ [4, с. 201], *здоров как бугай* – ‘(прост., неодобр.) об очень здоровом и толстом человеке’ [Там же, с. 68].

С лексемой *карга* зафиксирована в словарях только одна ФЕ – *старая карга* – ‘(бран.) о старухе’ [4, с. 193]. Причем значение лексемы *карга*, обозначающей в турецком языке ворону, оказывается неизвестным широкому кругу носителей русского языка, так как оно в качестве отдельного слова в литературном языке не встречается. Остальные лексемы не отмечены в качестве компонентов ФЕ.

Периферийная зона лексического этимологического поля, образованного лексемами-турцизмами, обозначающими животных, включает три вида лексем:

- 1) «лексемы иноязычного происхождения (кроме тюркских языков), пришедшие в русский язык через посредство турецкого языка» [3, с. 6], например: *барс*, *лефер* – ‘рыба типа скумбрии, *Temnodon saltator*’, *обезьяна*, *шакал* [10]. Так, слово *обезьяна*, по мнению М. Фасмера, пришло в русский язык через турецкое посредство из персидского языка [Там же, с. 98]. Н.М. Шанский также отмечает персидское происхождение этой лексемы [13, с. 296];
- 2) «лексемы турецкого происхождения, пришедшие в русский язык через посредство других языков» [3, с. 7], например: *куцан* – ‘некладеный баран’ [10, с. 437]. М. Фасмер отмечает: «Можно предположить заимствование из монг. *quṣa*, калм. *χutsə* “баран”, которое связано с чагат., тур. *koç* “баран”»;
- 3) «лексемы, турецкое происхождение которых является спорным в современной этимологии» [3, с. 7], например: *коза*, *кукушка*, *слон*. Так, М. Фасмер отмечает, что слово *коза* «родственно алб. *keth*, *kedhi* “козлёнок”, др.-англ. *hæscen* “козлёнок”, *hæcele*, *hæcele* “плащ”, гот. *hakuls* “плащ”» [10, с. 277–278]. А.Г. Преображенский допускает турецкое происхождение слова, ссылаясь на М. Корша: «Коршь считает заимств. изъ какого-л. тур.-алт. языка: ср. тур. *качи коза*», однако склоняется к исконно русской этимологии [8, с. 329]. В свою очередь, Н.М. Шанский пишет о возможно тюркской этимологии слова [13, с. 186–187]. Лексема *кукушка* также имеет спорную этимологию. В словаре М. Фасмера зафиксирована вероятность как звукоподражательной этимологии, так и турецкого происхождения этого слова «тур. *kuku* “кукушка”, *kuçuk* – то же» [10, с. 407–408].

Лексема *слон*, по мнению Н.М. Шанского, представляет собой «общеслав. заимствование из тюркск. яз. (ср. турецк. *aslan* – “лев”)» [13, с. 415]. Однако А.Г. Преображенский считает, что слово *слон* «по всей вероятности, искусственное книжное образование отъ слонити» [8, с. 324], о том же пишет М. Фасмер [10, с. 674–675]. Соответствующее фразеологическое этимологическое поле также включает фразеологизмы с этими тремя видами лексем, вследствие чего оно оказывается более объемным, чем околядерная зона. К периферийным ФЕ с лексемой *обезьяна* относятся следующие зоологические термины: *узконосые обезьяны* – ‘(зоол.) группа обезьян, включающая мартышкообразных, гиббонов и человекообразных обезьян’; *широконосые обезьяны* – ‘(зоол.) название группы высших приматов’; *человекообразные обезьяны* – ‘(зоол.) название семейств обезьян, к которым относятся горилла, орангутан, шимпанзе и гиббон’, а также ФЕ с образованием от этого слова: *обезьяний мех* – ‘мех нутрии с выщипанной остью’ [12]. Периферийными ФЕ со словом *коза* являются такие, как *отставной козы барабанщик* – ‘(шутл. или ирон.) о человеке, занимавшем незначительную должность и потерявшем её или вышедшем в отставку’; *на козе не объедешь* – ‘(прост.) не проведёшь, не обманешь’; *на козе не подъехать* – ‘(прост.) о несговорчивом, упрямом человеке’ [13, с. 111], а также термин *дикая коза* – ‘то же, что косуля (жвачное млекопитающее сем. оленей)’. ФЕ с образованиями от лексемы *коза*: *драть (отдрать) (или лупить (отлупить) и т.п.) как козла* – ‘бить (избить) беспощадно’; *драть козла* – ‘(прост.) петь плохо, неприятным голосом’; *забивать (забить) козла* – ‘(прост.) играть в домино’; *козёл отпущения* – ‘о человеке, на которого постоянно сваливают чужую вину, ответственность’; *пустить (пускать) козла в огород* – ‘дать (давать) кому-л. доступ туда, где он может быть особенно вреден; допустил (допускаешь) кого-л. к тому, из чего он и хочет извлечь корысть’; *как от козла молока*; *как от козла – ни шерсти, ни молока* – ‘(погов.) о человеке бесполезном в каком-л. отношении’; *козья ножка* – ‘самодельная папироса, свёрнутая в виде воронки и согнутая пополам’;

отделять (отделить) овец от козлиц – ‘(книжн.) отделять (отделить) хорошее от плохого, полезное от вредного’; *составить (составлять) или ставить (поставить) ружья (или винтовки) в козлы* – ‘составить ружья вместе, установив на приклад, штыками вверх крест-накрест по 3–6 штук’ [12]. Примерами ФЕ со словом *кукушка* является следующая: *менять (променять) кукушку на ястреба* – ‘из плохого выбирать худшее, ошибаться в расчётах’ [11]. Отмечена один термин с образованием от этой лексемы: *кукушкин лён* – ‘один из видов мха’ [12, с. 132]. В рассматриваемых словарях выявлены следующие ФЕ с лексемой *слон* и образованиями от нее: *делать (сделать) из мухи слона* – ‘сильно преувеличивать (преувеличить) что-л., придавать (придать) чему-л. незначительному большое значение’; *слон на ухо наступил* – ‘о человеке, лишённом музыкального слуха’; *слона не приметить (не примечать)* – ‘(ирон.) не увидеть самого важного, самого заметного’; *как (или что) слону дробина* – ‘совершенно недостаточно, слишком мало’; *слоны слонять* – ‘(прост.) ходить, слоняться без дела’; *слон в посудной лавке* – о неловком человеке; *слоновая болезнь* – ‘заболевание, характеризующееся значительным увеличением объёма отдельных частей тела, чаще всего ног’; *слоновая бумага* – ‘(спец.) сорт толстой шероховатой бумаги для рисования, черчения’; *слоновая кость* – ‘бивни слонов и мамонтов как ценный поделочный материал’ [Там же, с. 264].

Семантический анализ фразеологического поля «животные» позволил определить семантические поля со значениями:

- 1) характер человека – *на козе не подъехать*; *козёл отпущения*;
- 2) умственные способности человека – *на козе не объедешь*;
- 3) манера поведения человека – *слоны слонять*;
- 4) умения человека – *отставной козы барабаничик*; *как от козла молока*; *как от козла – ни шерсти, ни молока*; *слон на ухо наступил*.

В русском языке лексемы турецкого происхождения со значением «животные» имеют неодинаковую степень ассимиляции и поэтому играют разную роль в лексическом и фразеологическом составе языка. Одна часть этих лексем прочно вошла в активный словарный запас

современного русского литературного языка (типа *коза*, *слон* и т.д.) и является компонентами многих ФЕ. Еще одна часть лексем, также активно используемых в современном русском литературном языке (типа *обезьяна* и т.д.), не образуют ФЕ или образуют ФЕ в рамках своего значения, так как имеют только одно прямое значение и в процессе ассимиляции не нарастили символического значения. Остальные лексемы, обозначающие животных, не имеют фразеологического потенциала, вероятно, из-за вхождения в состав русской диалектной лексики, ограниченной южным и восточным регионами распространения (*томбуй*, *кабарга* и т.д.) [10].

Итак, в составе фразеологического этимологического поля, образованного на основе компонентов-турцизмов со значением «животные», были выделены ядро, околядерная зона и периферия. Лексемы ядерной зоны исследуемого этимологического поля имеют слабую степень ассимилированности, о чем свидетельствует их редкое употребление в современном русском литературном языке и нулевая продуктивность в области фразообразования русского языка. Лексемы околядерной и периферийной зон оказываются более продуктивными как в области фразообразования, так и в области использования данных лексем в литературном языке, что свидетельствует о большей степени их ассимилированности. Причем, наиболее продуктивными оказались лексемы периферийной зоны. Таким образом, использование лексем-турцизмов, обозначающих животных, в качестве компонентов фразеологических единиц является одним из важнейших свидетельств высокой степени ассимилированности этих лексем в современном русском литературном языке.

Литература

1. *Абрамов В.П.* Синтагматика семантического поля (на материале русского языка). Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. 112 с.
2. *Авдеева О.И.* Фразеосемантическая группа «утверждение – отрицание»: структурно-семантический аспект: монография / науч. ред. Ю.А. Гвоздарев. Майкоп: Аякс, 2003. 126 с.
3. *Авдеева О.И., Стремянова О.И.* Фразеологизмы русского языка с компонентом-турцизмом, обозначающим одежду: сб. ст. Международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные

- научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации» (Казань, 12.08.2021). Т. 2. Уфа: OMEGA SCIENCE, 2021. С. 5–8.
4. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В.М. Мокиенко. М.: АСТ-Пресс книга, 2009. 448 с.
 5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 2000.
 6. *Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 216 с.
 7. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Лексическая система языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. 148 с.
 8. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка: в 3 т. М., 1910–1949.
 9. *Таныш С.* Морфологический аспект освоения турецких заимствований в русском языке // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe*. 2016. Т. 8. № 3. С. 70–75.
 10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964–1973. 2304 с.
 11. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1968.
 12. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. А. Н. Тихонова; сост.: А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова: в 2 т. М.: Наука, 2004.
 13. *Шанский Н.М.* Этимологический словарь русского языка М., 2004.

DOI: 10.31862/9785426311954-293-302

Бакина А.Д.,
*Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева,
Россия, г. Орел*

КОНЦЕПТОСФЕРА БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. В статье затрагивается проблематика концептуального описания фразеологического пласта лексики, а именно обсуждаются вопросы, связанные с исследованием некоторых концептов фразеологии библейского происхождения. Концептосфера библейской фразеологии понимается как структурированная совокупность концептов, формирующая библейскую картину мира. Перспектива исследования видится в дальнейшем выявлении структурно-содержательного наполнения библейской концептосферы, в подробном анализе и описании библейских концептов, а также в сопоставлении концептосфер библейской фразеологии в разных языках.

Ключевые слова: библейская фразеология, фразеологизмы библейского происхождения, концепт, библейский концепт, концептуализация, концептосфера.

Anna Bakina,
*Orel State University named after I.S. Turgenev,
Russia, Orel*

CONCEPTOSPHERE OF BIBLICAL PHRASEOLOGY IN A COMPARATIVE ASPECT

Abstract. The article touches upon the problems of the conceptual description of the phraseological layer of vocabulary, namely, the issues related to the study of some concepts of phraseology of biblical origin

are discussed. The conceptual sphere of biblical phraseology is understood as a structured set of concepts that form the biblical picture of the world. The prospect of research is seen in the further identification of the structural and content aspects of the biblical conceptual sphere, a detailed analysis and description of biblical concepts, as well as the comparison of the conceptual spheres of biblical phraseology in different languages.

Keywords: biblical phraseology, phraseological units of biblical origin, concept, biblical concept, conceptualization, conceptual sphere.

Библейская фразеология сегодня – это активно разрабатываемое в русле многочисленных подходов научное лингвистическое направление, которое требует всестороннего изучения, в том числе и в аспектах семантизации и концептуализации библейских фразеологических единиц.

Вопросы, связанные с изучением концептуальной «модели» мира как сложного ментального конструкта, позволяющего систематизировать информацию, получаемую индивидом о реальной и нереальной действительности, решаются в рамках когнитивной лингвистики.

Неослабевающая популярность лингвокогнитивных исследований позволила сформировать когнитивный подход к изучению фразеологии (см. работы Н.Ф. Алефиренко [2], А.Н. Баранова [4], Д.О. Добровольского [5], О.В. Гусельниковой [8] и др.). Именно в рамках этого подхода стало возможным исследование концептосферы библейской фразеологии.

Большой научный интерес получают исследования, связанные с рассмотрением библейских концептов, а именно их формирования, развития, трансформирования, типологизации; с описанием фреймовой специфики фразеологизмов библейского истока, восприятием и интерпретацией концептуальной картины Библии, взаимовлиянием общекультурных концептов с библейскими (см., например, работы [9; 10]).

Общекультурная концептосфера включает целый пласт библейских концептов, основная часть которых формирует самостоятельную концептосферу библейской фразеологии.

Ввиду специфичности объекта, а именно фразеологических единиц, восходящих к библейским текстам и сюжетам, определение границ концептуального поля, а также всего многообразия концептов

библейской фразеологии, выступает одной из главных задач. Как отмечает В.Н. Телия, при концептуализации фразеологические единицы предстают в форме некоторых свернутых знаков, единиц, готовых к употреблению как текст в тексте, микротекстов, включающих разные типы информации [13, с. 8].

По мнению Ю.С. Степанова, будучи более богатым по содержанию, чем понятие, концепт «неразрывно связан с миром культуры, так как представляет собой как бы сгусток культуры в сознании человека; способ представления культуры в ментальном мире человека...» [12, с. 45]. Автор рассматривает концепты в их взаимосвязи, культура же выступает принимающим контекстом, в котором они функционируют. Таким образом, культура отдельного народа есть его национальная концептосфера.

Библейская концептосфера являет собой фрагмент библейской картины мира, сформировавшейся на основе древнееврейского, реже древнегреческого, представления и включает в себе совокупность понятий, которые могут быть связаны отношениями взаимосвязи, оппозиции, иерархическими отношениями, а также быть тематически сгруппированными.

Перевод Библии на тот или иной национальный язык определяет специфику формирования национальных библейских концептосфер в результате многочисленных интерпретаций библейских первоисточников.

Под библейскими фразеологизмами мы, вслед за профессором Т.Н. Федуленковой, будем понимать «устойчивые, воспроизводимые в речи сочетания слов или предложения с полностью или частично переосмысленным значением, возникшие на основе библейского прототипа и восходящие к тексту Библии или библейскому сюжету» [14, с. 23]. Библия, как вместилище множества разнообразных текстов, есть мощный прецедентный текст, который породил большое количество частотно воспроизводимых, образных фразеологических единиц.

Итак, библейская фразеология того или иного национального языка представлена рядом концептов, которые формируются в некую концептосферу, обуславливающую специфику преломления и отражения информации о мире, действительности посредством использования

фразеологических единиц библейской этимологии. Лингвокогнитивный анализ библейских фразеологизмов позволит выявить библейские концепты на основе когнитивных признаков этих концептов.

Множество библейских концептов неоднородно, оно включает концепты-представления, концепты-понятия, концепты-фреймы с разветвленной системой субфреймов (см., например, [3, с. 12–18]), концепты-сценарии, охватывающие несколько эпизодов во времени, наконец, «концепты-гештальты, представляющие собой комплексные, целостные мыслительные структуры, упорядочивающие многообразие отдельных явлений в сознании» [11].

Выделению концептов способствует выявление отдельных тематических групп лексики библейских текстов, точнее фразеологических единиц, репрезентирующих, вербализующих эти концепты. Вслед за Т.Н. Федуленковой выделяем организованные по тематическому принципу группы [14, с. 67–77]:

- 1) «Человек и его отношения с окружающим миром» (подгруппы: «Наименования лица», «Возраст человека», «Поведение человека», «Общество и общественные отношения»);
- 2) «Неживая природа» (подгруппы: «Абстрактные понятия», включающие «Время», «Начало», «Конец» и др.); «Явления и состояния внешнего мира».

Такая тематическая организация фразеологизмов позволяет выделить фразеологические единицы библейского происхождения, с помощью которых библейские концепты вербализуются. Так, в тематическую группу «Человек и его отношения с окружающим миром» входят следующие подгруппы: «Человек – представитель человеческого рода», например: *a Job's comforter* – горе-утешитель, *weaker vessel* – слабый пол; «Черты характера человека, поведение, эмоции», например: *Solomon's wisdom* – мудрость Соломона, *a little lower than angels* – суций ангел, *good Samaritan* – добрый самаритянин, *ministering angel* – добрый ангел, *the black sheep* – паршивая овца, *a prodigal son* – блудный сын, *Judas Iscariot* – предатель Иуда, *the kiss of Judas* – поцелуй Иуды; «Социальные характеристики человека»: *a citizen of no mean city* – достопочтенный гражданин, *a fisher of men* – проповедник, миссионер и т.д.

Кроме описанного выше способа выделения концептов с помощью тематической организации групп библейской фразеологической лексики, являющихся вербализацией библейских концептов, можно отметить ряд базовых концептов, которые совпадают с общекультурными, но, входя в концептосферу библейской фразеологии, имеют свою специфику семантики и, следовательно, функционирования. К ним относятся *хлеб* (англ. bread), *свет/тьма* (англ. light/dark), *рай/ад* (англ. heaven/hell), *жизнь/смерть* (англ. life/death) группа концептов, репрезентирующих части тела человека, таких как *голова* (англ. head), *рука* (англ. hand), *нога* (англ. leg), *глаз* (англ. eye), *сердце* (англ. heart), *волосы* (англ. hair) и т.п.

Концепт *хлеб* (англ. *bread*) в библейских текстах имеет значение, немного отличное от содержания общекультурного концепта. Для представителя русского культурного сообщества, например, «хлеб» является главным исконно русским предметом пищи, основным продуктом питания наряду со «щами» и «кашей», то, что делает русского человека РУССКИМ. Ср. коммуникативные фразеологизмы: «Хлеб всему голова», «Хлеб вскормит, а вода вспоит», «Там и рай, где хлеба край», «Хлеб – батюшка, кормилец», «Без хлеба куска везде тоска», «Хлебом люди не шутят». Помимо прямого значения, у «хлеба» имеется переосмысленное значение, в котором слово употребляется подчас даже чаще, чем в прямом. «Хлеб» – символ гостеприимства (ср. «встречать хлебом-солью»); заработок, достаток, добро.

Библейский концепт *хлеб* включает такие когнитивные признаки, как «духовная пища», «дар», «наивысший дар с небес», символ «священного таинства». Лексема «хлеб» входит в состав фразеологических единиц, и самая частотная библейская идиома – «хлеб насущный». Уже здесь мы наблюдаем взаимопересечение концептов, общекультурного и библейского.

Среди фразеологизмов библейского истока, вербализующих концепт *хлеб/bread*, отметим следующие.

1. *Хлеб [наш] насущный* – ‘средство, крайне необходимое для существования, для жизни; нечто исключительно важное’. Восходит к евангельскому выражению: «*Хлеб наш насущный даждь нам днесь*» (Матф., 6: 11). См. также: «Отче наш, сущий на небесах! да святится

имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; *хлеб наш насущный дай нам на сей день*» (Матф., 9: 11). Англ.: [**Our**] **daily bread** (a person's means of subsistence, necessities of life). Source: Our Father which art in heaven, Hallowed be thy name. Thy kingdom come. Thy will be done in earth, as it is in heaven. Give us this day *our daily bread*. And forgive us our debts, as we forgive our debtors. And lead us not into temptation, but deliver us from evil: For thine is the kingdom, and the power, and the glory, for ever. Amen (Mt., 6: 9–13; Lk., 11: 2–4) [1, с. 196].

Пример использования евангельского фразеологизма: Everything that you learn is useful. Didn't you know that everything you learn, and everything you suffer, will come in useful at some time in your life? "You got that from Mother Ignatius", – Tilda interrupted. Once, in the closing years of the last century, a poor woman earned her *daily bread* by working long hours at her treadle sewing machine. Work, work, ah it was all work I'm telling you in them days. Up and down, up and down, went that unwearying right foot of hers [16].

2. **Попросить хлеба, а получить камень.** В источнике: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его *попросит у него хлеба подал бы ему камень*» (Матф., 7: 9). Англ.: **Ask for bread and be given a stone.** Source: Or what man is there of you, whom if his son *ask bread, will he give him a stone?* (Mt., 7: 9) [7].

Пример использования евангельского фразеологизма: It reminds me of what Robert Burns' mother said when they erected a stately monument to his memory: "Ah, Robbie, ye *asked them for bread*, and they hae [=have] gi'en ye a stane [=stone]" (M. Twain. The Innocents Abroad) – Это похоже на то, что сказала мать Роберта Бёрнса, когда ему воздвигли величественный памятник: «Ах, Робби, ты *просил у людей хлеба*, а они тебе подали камень» [Там же].

3. **Отпускать хлеб по водам.** В источнике: «Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдёшь его» (Ек., 11: 1). Англ.: Cast one's bread upon the waters Source: **Cast thy bread upon the waters:** for thou shalt find after many days (Ec., XI, 1) [15, с. 20–21].

Например: This was all rather playing into his hands. Seeds sown unknowingly long ago. Cast your *bread upon the waters*, and it will come back buttered [16].

4. **Есть (горький) хлеб унижения** – ‘хлебнуть горя’. Англ.: **Eat the bread of affliction** (humiliation, sorrows). Source: It is vain for you to rise up early, to sit up late, *to eat the bread of sorrows*: for so he giveth his beloved sleep (Psalms, CXXVII, 2) [15, с. 21].

Например: ...so the unemployed underwent their destiny – *ate the bread... of affliction* [7].

5. **Даром есть хлеб** – ‘вести праздную жизнь, лодырничать, бездельничать’. Англ.: **eat the bread of idleness**. Source: She looketh well to the ways of her household, and *eateth not the bread of idleness* (Proverbs, XXXI, 27) [15, с. 21].

Например: You cannot *eat the bread of idleness* on board of a man-of-war (Fr. Marryat. Newton Forster, ch. XI) – На борту военного корабля хлеба даром не поешь [7].

6. **Ни хлебом единым жив человек** (не о хлебе едином жив будет человек) – ‘человеку следует заботиться об удовлетворении не только материальных, но и духовных потребностей’; ‘человек не может обойтись без духовного начала’; ‘для человека духовные потребности не менее важны, чем материальные’. Изречение восходит к Ветхому Завету: «Он [Господь] смирял тебя, томил тебя голодом и питал тебя манною, которой не знал ты и не знали отцы твои, дабы показать тебе, что *не одним хлебом живёт человек*, но всяким [словом], исходящим из уст Господа, живёт человек» (Вт. 8, 3). Эти слова, по Евангелию, Иисус повторяет в пустыне дьяволу-искусителю, который предлагает ему превратить камни в хлеб для доказательства того, что Иисус – Сын Божий: «Он же сказал ему в ответ: написано: *не хлебом одним будет жить человек*, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Матф., 4: 4; Лк. 4: 4). Англ.: **Man cannot live by bread alone; Man shall not live by bread alone** (prov.). Source: And he humbled thee, and suffered thee to hunger, and fed thee with manna, which thou knewest not, neither did thy fathers know; that he might make thee know that **man doth not live by bread only, but by every word that proceedeth out of the mouth of the LORD doth man live** (Deut, 8: 3). And when the tempter came to him, he said, If thou be the Son of God, command that these stones be made bread. But he answered and said, It is written, **Man shall not live by bread alone, but by every word that proceedeth out of the mouth of God**. (Mt., 4: 3–4). And the devil said unto him, If thou be the Son of God, command this stone that it be made bread. And Jesus answered

him, saying, It is written, That *man shall not live by bread alone, but by every word of God* (Lk., 4: 3–4) [1, с. 191].

7. *Преломить хлеб* с кем-л. Англ.: *to break bread* with smb. Source: And upon the first day of the week, when the disciples came together to *break bread*, Paul preached unto them, ready to depart on the morrow; and continued his speech until midnight (Act., XX, 7) [15, с. 20].

8. Воды краденые сладки и *утаённый хлеб приятен* (Пр., 9, 17). Англ.: Forbidden fruit is sweet; Stolen waters are sweet. Stolen waters are sweet, and *bread eaten in secret* is pleasant (Prov., 9, 17). Это библейское выражение является прототипом фразеологизма *Запретный плод сладок*. Означает: «то, что трудно достижимо и недоступно, представляется особенно желанным, привлекательным, заманчивым» [1, с. 22, 25].

9. Примечателен также и следующий библейский фразеологизм, сохраняющий образ «хлеба» как «средства к существованию», – в *поте лица [своего]* делать что-л. Означает: ‘усердно, с большим напряжением, не жалея сил делать что-л., чаще всего – добывать средства к существованию’. Выражение из Ветхого Завета, где Бог, изгоняя Адама из рая, говорит ему: «В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт., 3: 19). Англ.: *by (in) the sweat of one’s brow*. Source: *In the sweat of thy face shalt thou eat bread*, till thou return unto the ground; for out of it wast thou taken: for dust thou art, and unto dust shalt thou return (Gen., 3: 19) [Там же, с. 35].

10. *Кто не работает, тот [да] не ест* (о недопустимости паразитизма, тунеядства). Пословица возникла на основе евангельского афоризма, в котором отражена обычная для раннехристианского общества формула трудовой повинности: «Ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас, не потому, чтобы мы не имели власти, но чтобы себя самих дать вам в образец для подражания нам. Ибо когда мы были у вас, то завещевали вам сие: *если кто не хочет трудиться, тот и не ешь*» (2Фес., 3: 8–10). Англ.: *If any would not work, neither should he eat; He who does not work, neither shall he eat; He that will not work, shall not eat* (prov.). For even when we were with you, this we commanded you, that *if any would not work, neither should he eat* (2Thes., 3: 10) [Там же, с. 62].

Отметим, что, с одной стороны, «наднациональность» библейской фразеологии прослеживается в концептуализации объективной действительности, с другой стороны, национально-культурная специфика обуславливает специфичность концептосферы библейской фразеологии в различных лингвокультурных сообществах.

Таким образом, с учетом представленных выше умозаключений и примеров можно говорить об объективной возможности организации информации и знаний в виде библейских концептов, формирующихся в единое целое, т.е. в концептосферу библейской фразеологии. Эти концепты способны актуализироваться фразеологизмами библейского происхождения, содержащими в качестве компонента соответствующую концепту лексему или не имеющими ее в своем компонентном составе, но выделяемую сему(ы) в значении в качестве признака концепта. Исследование специфики концептуализации библейской фразеологии и ее концептосферы позволяет глубже проникнуть в библейскую картину мира. Использование лингвокогнитивного подхода в изучении библейской фразеологии несомненно расширит понимание особенностей концептуализации фразеологического пространства. В качестве перспективы настоящего исследования мы видим дальнейший анализ библейских концептов, наполняющих концептуальное поле с выделением ядра и периферии его структуры; изучение библейской концептосферы, учитывающее сходства и различия, национально-специфическое и универсальное в интерпретации библейской картины в разных языках, а также сопоставительный анализ и описание концептосфер библейской фразеологии разных языков.

Литература

1. Адамия З.К. Лепта библейской мудрости. Т. 2: П–Я / авт.-сост. З.К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е.Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2019. 308 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение и концепт // Когнитивная семантика: материалы II Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11–14 сентября 2000 г. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. В 2 ч. Тамбов, ТГУ. 2000. Ч. 2. С. 33–36.

3. *Бакина А.Д.* Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы ежегодной Международной конференции. Екатеринбург, 5–6 февраля 2021 г. Ч. I. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2021. С. 12–18.
4. *Баранов А.Н.* Структура знаний и их языковая онтологизация в значении идиомы // Исследования по когнитивным аспектам языка: тр. по искусственному интеллекту. Тарту, 1990. Вып. 903. С. 20–36.
5. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологизации. М., 2008. 656 с.
6. Библия онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://bible.by/> (дата обращения: 10.12.2021).
7. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык – Медиа, 2006. URL: https://large_phrasebook_en_ru.academic.ru/ (дата обращения: 08.12.2021).
8. *Гусельникова О.В.* Динамика фреймовой структуры фразеологизмов с семантикой количества в обыденном сознании носителей языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Новосибирск, 2007. 18 с.
9. *Мжельская О.К.* Семантическая специализация и концептуализация заимствований: на материале ономастических компонентов библейской фразеологии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Омск, 2008. 151 с.
10. *Орлова Н.М.* Библейский текст как прецедентный феномен / под ред. Л.В. Балашовой. Саратов: Саратовский гос. социально-экономический ун-т, 2008. 350 с.
11. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
12. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
13. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
14. *Федуленкова Т.Н.* Лекции по английской фразеологии библейского происхождения: учеб. пособие. М.: Дом Академии Естествознания, 2016. 146 с.
15. *Федуленкова Т.Н., Мартюшова Е.В.* Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии. М.: Боннемарк; Архангельск: Поморский университет, 2008. 167 с.
16. British National Corpus (BNC). URL: <https://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 13.12.2021).
17. King James Bible Online. URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org/> (дата обращения: 10.12.2021).

DOI: 10.31862/9785426311954-303-309

Басова Т.А.,

*Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Россия, г. Владимир*

СИМВОЛИЗМ КОМПОНЕНТА ПАЛЕЦ В АНГЛИЙСКОЙ И ЯПОНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу символизма, заключенного в компоненте *палец/пальцы* в номинативной фразеологии английского и японского языков. В процессе сопоставления выявляются общие символы «обвинение», «привлечение внимания», «активность, действие», «числа / метод счета» и уникальные для английского символы «чувствительность», «присваивание», «умение». В отдельную группу собраны фразеологизмы, в которых пальцы связаны с тем или иным культурным обычаем.

Ключевые слова: фразеология, символы, лингвокультурология, номинативные фразеологизмы.

Tatiana Basova,

*Vladimir State University
named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Russia, Vladimir*

SYMBOLISM OF THE *FINGER* COMPONENT IN ENGLISH AND JAPANESE PHRASEOLOGY

Abstract. The article is dedicated to the symbolism present in the component *finger/fingers* in nominative phraseological units of English and Japanese. The comparative analysis reveals a number of common symbols: “accusation”, “drawing attention”, “action”, “counting”, and a few symbols found only in the English language: “a sensitive place”, “interference”, “skill”. Idioms in which fingers are connected with a certain cultural tradition were put in a separate group.

Keywords: phraseology, symbols, linguoculturology, nominative phraseological units.

Как известно, фразеология национальных языков глубоко культурноносна. Культурные коды находят свое выражение во фразеологических единицах, как и «осколки» культурного и исторического наследия, имеющие вес символы и идеи, национальные обычаи и представления, а также культурные категории [6; 7; 9; 11]. Соматизмы, или номинации частей тела и органов, участвуя в компонентном составе номинативных и коммуникативных фразеологизмов, имеют в каждом национальном языке определенный символизм, раскрывая грани телесного кода культуры, который является одним из самых насыщенных и существенных кодов [4, с. 182], так как, как пишет Г.И. Берестнев, человеку свойственно отождествлять свое внутреннее «Я» (ментальный и духовный план) со своим внешним «Я» (телом) [3, с. 15]. М.Л. Ковшова определяет символы как «знаки, избранные в процессе мировосприятия и осознания мира для устойчивого, регулярного воплощения в них ценностного содержания культуры, ее основных категорий, ее смыслов [4, с. 216]. Согласно Ю.А. Башкатовой, «у символа богатый импликационал и бесконечность границ смысловой интерпретации» [2, с. 240].

В национальной культуре соматизмы наделяются реальными или мифологическими свойствами, базируясь на поверьях и представлениях о функционировании тела, и таким образом возникает так называемая «наивная анатомия», позволяющая углубиться в культурные архетипы, ценности и мировидение того или иного народа. Ввиду фундаментальности телесного кода соматические фразеологизмы весьма распространены, они охватывают весь спектр деятельности человека и все оттенки его внутреннего мира.

Сопоставление позволяет глубже раскрыть специфику языковой и фразеологической картины мира того или иного языка и выявить общее и частное в сфере символизма компонента [1; 8].

Предметом анализа в данной статье послужили фразеологизмы английского и японского языков с компонентом *finger/yubi*. Методом прямой выборки из соответствующих словарей было собрано около двадцати идиом с компонентом *палец (yubi)*, тогда как в английском их обнаружено 35, включая региональные выражения, что позволяет сделать вывод о том, что это не самый распространенный соматизм в обоих языках.

В процессе анализа символизма компонента *palec* мы выделили следующие группы.

1. И в английском, и в японском указывающий палец символизирует обвинение и имеет негативные коннотации:

To point the finger at – критиковать, шептаться за спиной; *point the finger of scorn at* – насмехаться; *the finger of responsibility (points at...)* (букв.: «перст ответственности») – вина.

(Ushiro) yubi wo sasu (букв.: «показывать („задним“) пальцем») – критиковать.

Указательный жест выделяет объекты реальности, но по отношению к человеку во многих культурах считается достаточно грубым, невежливым, тяжелым, создающим определенное давление. Однако, когда указывают на предмет, то это нейтральный жест привлечения внимания:

Jumoku no miru tokoro, jisshi no sasu tokoro (букв.: «место, которое видят десять глаз, место, на которое указывают десять пальцев») – общее мнение.

Сам жест второстепенен, уступая по важности тому, на что указывается: *tsuki wo yubisaseba, yubi wo mitomu* (букв.: «показываешь луну, а смотрят только на палец»), т.е. обращают внимание на незначительные детали, а не на суть. Однако если указывает Бог, то важен и жест, и то, на что указывается, так как это уже перст судьбы, важнейший мистический знак – *the finger of God/Fate*. *Finger* в данном случае отождествляется с самим объектом указания, наделяя его религиозно-мистической значимостью.

2. И в японском, и в английском языке палец или пальцы также символизируют активность или готовность действовать. Малейшее движение пальца – это уже выход из бездействия.

One's finger itches – руки чешутся; *an itchy trigger finger* – жажда поспешно совершить какое-л. действие; *to lift a finger* – сделать хоть что-либо; *a finger on the trigger* – готовность к немедленным военным действиям; *to get (one's) fingers burned* – обжечься на чем-то, т.е. пострадать от нежелательного исхода какого-л. предпринятого действия.

Shokuyubi ga ugoke (букв.: «двигается указательный палец») – иметь желание что-л. сделать, иметь амбиции.

Интересно, что английские выражения связаны с объективной реальностью, тогда как японское восходит к китайскому произведению «Цзо-чжуань», где персонаж посчитал, что движение указательного пальца, который также называется «пальцем для еды», сулит ему пир, который он начал предвкушать, жаждать. *Yubi wo someru* (букв.: «окрасить пальцы») – приступить к чему-л., начать что-то делать. Избыток активности при этом изнашивает пальцы: *work one's fingers to the bone*.

В японском также стоит отметить фразеологизм *yubi wo kuwaete miru* (букв.: «смотреть с пальцем во рту») – смотреть с завистью и ничего не делать. Палец во рту (символически получается, что это возможность действовать, как бы «запертая» ртом) выступает как символ бездействия и задумчивости.

3. Также в обоих языках пальцы отвечают за простой счет и связаны с числовым кодом культуры, символизируя либо метод счета, либо число «пять», либо число «десять»: *to count on the fingers of one hand, to tick off on (one's) fingers* – считать на пальцах; *jisshi ni amaru* (букв.: «превышать 10 пальцев») – количеством больше десяти; *yubi wo oru* (букв.: «ломать пальцы») – считать на пальцах; *yubiori wo kazoeru* (букв.: «считать загнутые пальцы») – считать на пальцах (особенно дни до желанного события).

Пальцы в японском языке также показывают не просто число «пять», а «топ-пять», т.е. пять самых-самых. То, что выходит за эти пределы, уже не так существенно, так как на пальцах одной руки уже не посчитать.

Goshi ni hairu (букв.: «входить в пять пальцев»), т.е. входить в «топ-пять», или пять самых-самых; *goshi ni amaru* (букв.: «превышать пять пальцев») – обладать более чем пятью (достоинствами, например).

На этом признаки сходства заканчиваются. Так, в английском языке мы находим ряд символов, отсутствующих в японском.

1. Пальцы – это место тонкой чувствительности, так как их подушечки пронизаны большим количеством нервных окончаний. Пальцы выступают как индикатор.

A finger on the pulse, a finger to the wind – следить за событиями, стараться быть в курсе дела; *my little finger told me that* – сорочка на хвосте принесла. Существовало поверье, что необычное чувство в мизинце может предсказывать события.

2. Обширная группа ФЕ с компонентом *finger* раскрывает, транслирует такие символы, как посягательство, присваивание или вмешательство, способность захватывать и удерживать, владеть:

catch (one) with (one's) fingers in the till/cookie jar – поймать с поличным; *a finger in the pie* – доля в деле, влияние; *have sticky/light fingers* – иметь склонность воровать; *stick to smb.'s fingers* – прилипать к рукам (о деньгах), присвоить; *slip through (one's) fingers* – проскальзывать сквозь пальцы, т.е. не иметь силы удерживать, так как пальцы – символ удерживания – не имеют силы; *to put the finger on* – задевать кого-либо, касаться, ударять; *a five finger discount* – воровство; *to have smth. at one's fingers' ends* – знать как свои пять пальцев, т.е. пальцы символизируют владение.

Отдельно стоит сказать о мизинце как символе чего-то маленького и якобы незначительного, но осуществляющего влияние.

Выражение *to wrap someone around (one's) little finger* передает ситуацию очень умелого доминирования, контроля или обмана через гиперболу: захват другого человека вокруг якобы бессильного мизинчика; *to crook one's little finger* – поманить пальчиком, здесь мизинец также выступает как очень легкое воздействие, создающее эффект сильного контроля, влияние на кого-либо.

3. Пальцы также могут символизировать умение, способность что-то делать: *to have green fingers* – быть хорошим садоводом; *to have butterfingers* – быть неуклюжим, не уметь ничего делать.

В отдельную группу я включила фразеологизмы, в которых отражен тот или иной уникальный культурный обычай, связанный с пальцами.

В английском это *to cross one's fingers* – скрестить пальцы на удачу или исполнение желания, обычай, происходящий, как сейчас считают, либо из языческих традиций, либо имеющий корни в раннем христианстве и относящийся к символике креста.

В японском языке таким выражением является *mitsuyubi mehachibu* (букв.: «три пальца, ниже уровня глаз») – хорошие манеры. Идиома

происходит из ритуалов вежливости, принятых в японском обществе, т.е. важности касания пола тремя пальцами при поклоне в сидячей позе и преподнесения подарка обеими руками, при этом держа предмет немного ниже уровня глаз.

Таким образом, в процессе сопоставления выявлены общие символы «обвинение», «привлечение внимания», «активность, действие», «числа / метод счета» и уникальные для английского языка символы «чувствительность», «присваивание», «умение». Сходство символической основы компонента *палец* в английском и японском языках говорят о частичной общности образного фонда культур, тогда как различия свидетельствуют о различии путей, по которым развивались эти культуры, и экстралингвистические факторы (история, культура, религия, география и др.) сыграли в этом большую роль.

Литература

1. Басова Т.А., Федуленкова Т.Н. Подход Г.А. Климова к лингвистической компаративистике. Рецензия на книгу: Климов Г.А. Основы лингвистической компаративистики. М.: ЛИБРОКОМ, 2016. 168 с. (Из лингвистического наследия Г.А. Климова) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 5 (98). С. 238–244.
2. Башкатова Ю.А. Символические признаки соматических концептов // Сибирский филологический журнал. 2014. № 2. С. 239–246.
3. Берестнев Г.И. Самосознание личности в зеркале языка: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 243 с.
4. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 453 с.
5. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.
6. Федуленкова Т.Н. Английская фразеология как объект лингвокультурологии и лингводидактики. Рецензия на книгу: Артемова А.Ф., Леонович О.А. Страноведение через идиоматику. М.: ФЛИНТА; Наука, 2019. 128 с. // Вестник Нижегородского гос. лингв. ун-та им. Н.А. Добролюбова. 2020. Вып. 4 (52). С. 143–150.
7. Федуленкова Т.Н. Британский национальный характер сквозь призму паремии. Рецензия на монографию: Горохова А.М. Репрезентация Британского национального характера в паремиологическом фонде английского языка. М.: ФЛИНТА, 2020. 208 с. // Вестник Северного (Арктического)

- федерального ун-та. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2020. № 2. С. 100–104.
8. Федуленкова Т.Н. Дискутируемые проблемы современной фразеологии. Рецензия на книгу: Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М.: ЛЕНАНД, 2019. 176 с. // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 2021. № 1 (53). С. 149–155.
9. Федуленкова Т.Н. Новаторский словарь – ответ на требование времени. Рецензия на книгу: Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков; отв. ред. М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2017. 192 с. // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2019. № 3 (90). С. 188–193.
10. Японско-русский фразеологический словарь. Около 4000 фразеологических единиц / С.А. Быкова. 2-е изд. М., 2007. 439 с.
11. Fedulenkova T. Idioms as an effective means in intercultural approach. In: Approaches to Teaching English in an Intercultural Context. M. Grosman (ed.). Ljubljana: University of Ljubljana, 1997. Pp. 67–74.

DOI: 10.31862/9785426311954-310-316

Виниченко Л.Г.,
*Южный федеральный университет,
Россия, г. Ростов-на-Дону*

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЙ КОМПОНЕНТОВ-ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦАХ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. В статье исследуются устойчивые единицы русского и немецкого языков с компонентом-цветообозначением ахроматического ряда: *белый, серый, чёрный*. Выявляются компоненты значения исследуемых цветообозначений в устойчивых единицах двух языков. Проводится сопоставление компонентов значения указанных цветообозначений для выявления значений, присущих только одному из языков. Выявленные различия объясняются национально-культурным своеобразием каждого языка, выраженным на лексико-семантическом уровне.

Ключевые слова: цветообозначения, устойчивые единицы, компоненты значения, сопоставление, национально-культурное своеобразие языков.

Ludmila Vinichenko,
*Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don*

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE VALUES OF THE COMPONENTS OF COLOR VALUES IN STABLE UNITS OF GERMAN AND RUSSIAN

Abstract. The article examines stable units of the Russian and German languages with a component-the color designation of the achromatic series: *white, gray, black*. The components of the meaning of the studied color values in stable units of two languages are revealed. A comparison

of the components of the meaning of the specified color values is carried out to identify the values inherent only in one of the languages. The revealed differences are explained by the national and cultural identity of each language, expressed at the lexico-semantic level.

Keywords: color designations, stable units, components of meaning, comparison, national and cultural identity of languages.

Характерной чертой современной лингвистики является постоянно возрастающий интерес исследователей к национально-культурной специфике, к коллективным представлениям целого народа, отражающимся в его языке. Такой подход обусловлен повышенным вниманием к человеку, его внутреннему миру. Исследования в этом направлении позволяют выявить некий «умственный инструментарий, который определяет отношение общности людей, народа к основным вопросам бытия» [4, с. 15].

Национально-культурная специфика отдельного народа неразрывно связана с такими понятиями, как «ментальность», «менталитет», которые определяются как «психологические установки, способы восприятия, манера чувствовать и думать. Идеи на уровне ментальности – это не порожденные индивидуальным сознанием завершенные в себе духовные конструкции, а восприятие такого рода идей определенной социальной средой» [Там же, с. 17].

Исходя из данного определения можно предположить, что если наблюдения человека над природой, жизнью и т.д. у разных народов одинаковы, то эти наблюдения столь же одинаково могут отражаться и в языках этих народов. В то же время объективно существующие различия, например, в культурных, экономических, географических и других условиях жизни разных языковых общностей не могут не проявиться в их языках. Особо следует подчеркнуть тот факт, что разные способы восприятия, манеры чувствовать и думать обуславливают существование различий во вторичных значениях лексических единиц отдельных языков.

Целью настоящего исследования является сопоставление семантики компонентов-цветообозначений (КЦ) для выявления национально-специфического своеобразия семантики цветообозначений (ЦО) во фразеологических единицах (ФЕ) русского и немецкого языков.

ЦО как неотъемлемый сегмент лексического корпуса любого языка представляют интерес для лингвистического исследования, поскольку, именуя конкретный денотат – цвет, они в значительной степени подвержены процессам переосмысления, особенно в рамках ФЕ. Вероятно, эта особенность лексем-цветообозначений стала причиной того, что «лексика цветообозначений стала предметом внимания многих общих лингвистических работ...» [1, с. 3].

Поскольку «цветонаименования представляют собой открытое множество» [2, с. 124], мы ограничили наше исследование ахроматическими ЦО *белый, чёрный, серый*. Данные ЦО относятся к так называемым неокрашенным цветам, которые отличаются только степенью светлоты и представляют собой один непрерывный ряд, где на одном конце находится белый цвет, на другом – чёрный, между ними – все оттенки серого. Ахроматические цвета относятся к ряду «легко узнаваемых» и активно участвуют в процессе фразообразования сопоставляемых языков.

Сопоставление ФЕ русского и немецкого языков с указанными ЦО позволило выявить компоненты значения (КЗ) (М.Д. Степанова), присутствующие лишь одному из сопоставляемых языков.

В **русском языке** для ЦО *белый* такими КЗ являются:

- **свободный, вольный:** *белый свет* – вольный свет, свобода на все четыре стороны; *белые крестьяне* – свободные от всех податей и повинностей крестьяне; *белое духовенство* – низшие священнослужители, свободные от обетов строгого воздержания, безбрачия и т.д.;
- **нерифмованный:** *белый стих* – стих без рифмы, созвучия;
- **чистый, незапятнанный:** *белая изба, белая горница*;
- **светлый** (о времени суток): *белым утром* – на рассвете; *белым днём* – светлое время суток;
- **водка:** *белая головка* – водка; *белая горячка* – заболевание вследствие алкоголизма;
- **привилегированный, барский:** *белая кость* – люди знатного происхождения, преимущественно дворяне; *белая кухня* – барская кухня.

В **немецком языке** для ЦО *weiß* такими КЗ являются:

- **невинный, невиновный:** *kein weißes Schaf sein* – nicht unbescholten sein («не быть безупречным»);

- **безупречный, незапятнанный:** *eine weiÙe Weste haben* – nichts Unehrenhaftes getan haben (не совершить ничего бесчестного, предосудительного);
- **потусторонний, привидение:** *weiÙe Dame / Frau* – Gespenstererscheinung (привидение);
- **немаркированный, анонимно произведенный:** *weiÙe Zigaretten* – ohne Markierung od.-Zeichen; zu den No-name-Produktion gehörend (продукция, произведённая без маркировки или анонимно).

В русском языке для ЦО *серый* такими КЗ являются:

- **простой, непривилегированный:** *серый люд* – простые люди, непривилегированные люди;
- **необразованный, малокультурный:** *серый мужик/человек* – необразованный, малокультурный человек;
- **грубый, необработанный:** *серые нитки* – суровые, небеленые нитки; *серое сукно* – некрашеное сукно; *серая бумага* – грубая, самая простая бумага.

В немецком языке для ЦО *grau* такими КЗ являются:

- **интенсивный, экспрессивный:** *sich grau dergern* – sich sehr ärgern («очень злиться»);
- **старый, давний, древний:** *graue Vorzeit* – zeitlich weit entfernt («в далёком прошлом»);
- **пессимистичный:** *alles grau in grau malen* – alles pessimistisch beurteilen («судить обо всем пессимистично»);
- **неопределённый, туманный:** *graue Theorie* – rein theoretisch, nicht praktisch bewiesen («только теоретически, без доказательства на практике»).

В русском языке для ЦО *чёрный* такими КЗ являются:

- **физически тяжёлый, неквалифицированный:** *чёрная работа* – наименее значительная, подсобная работа;
- **неотделанный, необработанный:** *чёрный болт* – необработанный болт;
- **неглавный, непарадный:** *чёрная лестница* – непарадная, неглавная лестница, предназначенная для повседневных нужд;
- **губительный, тяжёлый:** *чёрная смерть* – чума; *чёрная немочь* – падучая, паралич;

- **крайне реакционный, контрреволюционный:** *чёрная сотня* – реакционно-монархическая банда погромщиков (1905–1907); *чёрные полковники* – представители реакционной военщины в Греции (1967–1974);
- **необразованный, отсталый:** *чёрный народ* – невежественный, отсталый народ;
- **бранный, нецензурный:** *чёрное слово / брань* – нецензурная брань, сквернословие.

В немецком языке для ЦО *schwarz* такими КЗ являются:

- **мужской:** *schwarze Partie* – Herrenausflug ohne Ehefrauen («поездка/путешествие мужчин без жён»);
- **судья:** *Mann von der schwarzen Zunft* («человек чёрной гильдии»);
- **танковый:** *schwarze Gefahr* – Panzertruppen («танковые войска»);
- **католический:** *schwarzer Peter, schwarze Polizei* – Geistlichkeit («духовенство»);
- **праздничный, торжественный:** *großes Schwarzes, kleine Schwarze (anziehen)* – kurzes dunkles Besuchs-Abendkleid («надеть маленькое чёрное платье»);
- **написанный, напечатанный:** *die schwarze Kunst* – Buchdrucker-gewerbe;
- **прибыль:** *schwarze Zeilen schreiben* – Gewinne machen («получать прибыль»);
- **достигший цели, удачный:** *ins Schwarze treffen* – das richtige sagen oder tun («удачно выразиться или поступить»);
- **отсутствие средств, безденежье:** *schwarz wie die Nacht* – völlig mittellos («быть полностью без средств»);
- **ужасный, неприятный:** *der schwarze Mann* – Schreckfigur («страшный человек»);
- **пьяный:** *jemand hat sich schwarz gemacht* – jemand ist betrunken («кто-то опьянел»);
- **глупый:** *jemanden für schwarz halten* – jemanden für dummlich halten («считать кого-то глупым»).

Сопоставление ФЕ исследуемых языков с ЦО *белый/schwarz* показало, что ряд значений этого ЦО формируют специфику каждого языка.

Так, например, *белый* в значении «вольный, свободный», «привилегированный» используется только в русском языке. В то время как значения «невинный, невиновный», «анонимный, немаркированный» принадлежат только немецкому языку.

Особенностью ЦО *серый* во ФЕ русского языка являются такие КЗ, как «грубый, необработанный», «простой», «малокультурный, необразованный». Формирование данных значений в русском языке связано с переосмыслением конкретной экстралингвистической ситуации – внешнего вида необработанной бумаги, ткани или одежды простого бедного человека из грубой, неокрашенной и, следовательно, самой дешевой ткани. В немецком языке данные значения у цвета *grau* отсутствуют. В тоже время ЦО *grau* в немецком языке способно выражать экспрессию и создавать эмоциональный фон.

Особенности культуры, быта носителей разных языков отразились и в семантике цвета *чёрный*. Вторичные значения этого ЦО в русском языке, как и в немецком, имеют преимущественно отрицательное коннотативное значение. Однако семантическое наполнение этого ЦО в русском языке имеет свои особенности. Только в русском языке *чёрный* может активизировать в рамках ФЕ такие значения, как «неотделанный, необработанный», «неглавный, непарадный», «смертельный, губительный» – *чёрная немочь*. Национально-культурной особенностью русского языка в сравнении с немецким языком является и использование цвета *чёрный* в значении «бранный, нецензурный» – *чёрное слово*. Изначально данная ФЕ означала брань, связанную с упоминанием черта, который являлся в представлении русского народа воплощением злых, дьявольских сил. Однако в немецком языке ЦО *schwarz* содержит КЗ с явной положительной коннотацией, а именно «праздничный, торжественный, «прибыльный, означающий прибыль», «достигший цели, удачный».

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что в семантике ЦО русского языка в сопоставлении с немецким языком ясно просматривается феномен национально-культурной специфики каждого из языков, выраженной на лексико-семантическом уровне.

С этой особенностью сталкивается любой изучающий иностранный язык. Подобные несовпадения в соотношении «слово – денотат – слово» при сопоставлении семантики лексических единиц различных

языков приводят к необходимости выявления культурной составляющей, так называемой «предыстории», которая привела в свое время именно к такому восприятию и осмыслению, т.е. была положена в основу лексической номинации.

Из сказанного следует, что сама по себе языковая компетенция не способна обеспечить адекватное понимание собеседника, для этого необходимы еще и обширные познания в области культуры народа изучаемого языка.

Литература

1. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 292 с.
2. Василевич А.П. «Основные» цветоименования: конструкт, или Психологическая реальность? // Тезисы VII Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации / Ин-т языкознания АН СССР; отв. ред. Ю.А. Сорокин. М.: Изд-во АН СССР, 1982. С. 124–125.
3. Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначения в языках разных систем) / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1987. 138 с.
4. Гуревич А.Я. Избр. тр.: в 2 т. Т. 1. М.: Университетская книга, 1999. 218 с.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 12.10.2021).
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.
7. Duden. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik / Bearb. von Günter Drosdowski u. Werner Scholze-Stubenrecht. Mannheim; Leipzig; Zürich: Dudenverlag, 1992. 826 s.
8. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Günter Drosdowski. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverl., 1989. 1816 s.
9. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart, 1987. 959 s.
10. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache; Klappenbach R., Steinitz W. Bd. 1–6. Berlin; Akademie-Verlag, 1961–1977. 4579 s.

DOI: 10.31862/9785426311954-317-321

Лучинская Е.Н.,

*Кубанский государственный университет,
Россия, г. Краснодар*

Лю Хуэй,

*Кубанский государственный университет,
Россия, г. Краснодар*

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С СЕМАНТИКОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности фразеологии и фразеологических единиц, сопоставляются устойчивые выражения с семантикой вежливости в русском и китайском языках.

Ключевые слова: фразеологизм, устойчивые выражения, формулы речевого этикета.

Elena Luchinskaya,

*Kuban State University,
Russia, Krasnodar*

Liu Hui,

*Kuban State University,
Russia, Krasnodar*

STABLE EXPRESSIONS WITH THE SEMANTICS OF POLITENESS IN RUSSIAN AND CHINESE

Abstract. This article deals with the features of phraseology and phraseological units, comparing fixed expressions with the semantics of politeness in Russian and Chinese languages.

Keywords: phraseological units, fixed expressions, speech etiquette formulas.

Фразеологизм – свойственное тому или иному языку устойчивое словосочетание, смысл которого не определяется значением отдельно взятых слов, входящих в его состав [2]. «Фразеологизм» переводится на китайский как 成语. Подобные устойчивые изречения являются особенностью традиционной китайской культуры, они имеют устойчивую структуру, характеризуются постоянным значением и применяются как единое целое в предложении. При этом в структуре фразеологической единицы, как правило, предполагаются такие компоненты, как субъект, объект и определенный артикль. Большая часть китайских фразеологизмов унаследована из древних периодов развития китайского языка, и каждый такой оборот имеет свою историю, вызывает те или иные аллюзии, ассоциации с известными историческими событиями или литературными источниками. Например, фразеологизм 功败垂成 (досл. «провал накануне успешного завершения»), который переводится как «успех и неудача устанавливаются по вертикали», взят из «Битвы при Цзинь Яне», а 完璧归赵 (досл. «возвратить вещь в целостности ее владельцу») переводится как «возвращение печени Чжао», взят из «Ши цзи – Лянь По и Линь Сяню». Некоторые китайские фразеологизмы изначально являются свернутыми предложениями.

Фразеологизм достаточно жестко структурирован, поэтому невозможно изменить порядок слов, добавить или вычестить из него компоненты. Кроме того, китайские идиомы в основном состоят из четырех иероглифов.

Современные ученые по-разному интерпретируют понятие фразеологизма, однако наиболее часто выделяются следующие его свойства: воспроизводимость, устойчивость, сверхсловность, принадлежность к номинативному инвентарю языка.

В связи с особенностями китайских иероглифов можно определить следующие основные характеристики китайских идиом: фиксированность структуры, целостность смысла, многообразие грамматических функций, элегантный стиль.

Фразеологическая единица – это лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению сочетание слов, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы. Одной из значимых классификаций фразеологизмов является классификация

В.В. Виноградова. Он представил три типа фразеологизмов, основанных на степени идиоматичности составляющих в составе фразеологизма. Рассмотрим их.

1. Фразеологические сращения – устойчивые сочетания, обобщенное значение которых не выводится из значения составляющих их компонентов. Например, *собаку съест*, 目无全牛 – со значением ‘быть мастером своего дела, знать дело до мельчайших деталей’. На китайский язык этот оборот дословно переводится так: «смотреть на быка (бычьей тушу) не как на единое целое».
2. Фразеологические единства – это единицы, общее значение которых определенным образом мотивировано индивидуальными значениями составляющих его слов. Например, *зарыть талант в землю*, ср. кит.: 兔死狐悲 (досл. «когда заяц погиб, лиса горюет») – ‘страшиться такой же участи, смерти для себя’.
3. Фразеологические сочетания – это единицы, в состав которых входят слова со свободным и фразеологически связанным значением, причем целостное значение вытекает из значения отдельных слов [1]. Например, *сбить с толку*, 调虎离山 – ‘отвлечь внимание, отвлекающий манёвр, выманить врага из его укрепленной базы’ (досл. «выманить тигра с гор»).

И в русском, и в китайском языках есть фразеологизмы с семантикой вежливости, например: *тёплое слово и в мороз согревает*. Эти единицы описываются в обоих языках в различных лингвистических источниках: в монографиях, статьях, словарях [5; 6]. Однако их употребление имеет свою специфику в каждом из языков и поэтому требует тщательного изучения. Эквивалентами в китайском языке являются выражения 良言一句三冬暖 и 恶语伤人六月寒, которые буквально переводятся как «доброе слово согревает три зимы, злая речь ранит как холод в июне» и «на добрый привет – добрый и ответ».

В китайском языке есть выражение 以眼还眼, 以牙还, эквивалентное русскому *око за око, зуб за зуб*. Смысл этой поговорки в том, что недоброе слово и злое дело не остаются без возмездия. Частичным эквивалентом в китайском языке является выражение 善有善报, которое буквально переводится следующим образом: «за добро платят добром, за зло – злом».

Кроме фразеологизмов существует множество других устойчивых выражений с семантикой вежливости. Устойчивые формы вежливо-го общения относятся к речевому этикету. С точки зрения культуры, не существует универсальных средств выражения вежливости, которые были бы в равной степени применимы для всех национальных сообществ. Речевая реализация категории вежливости предполагает отражение в ней лингвокультурной специфики. Поведенческие и этикетные формы выражения у разных народов национально специфичны, ведь культура каждой нации всегда неповторима и уникальна. Процесс коммуникации в каждой национальной культуре может быть настолько уникален, что одни и те же формы вежливого общения в разных странах будут восприниматься по-разному. И.А. Стернин отмечает, что «вежливость – центральная категория, речевого этикета – в разных языках выражается разными системами средств» [3, с. 14].

В русском речевом этикете для выражения приветствия чаще всего употребляется формула *здравствуй(-те)*, что в этимологическом плане означает пожелание быть здоровым. В китайском языке этой формуле соответствует слово 您好 («здравствуйте»), которое буквально переводится как «Вы хороши».

Русская формула *Привет!* является сокращением фразы *Приветствую!*, которая образована от глагола *приветствовать*, произведенного от *привѣтити*, которое, в свою очередь, образовано от слова *вѣтити* – «говорить». В китайском языке ей соответствует формула 你好!, означающая приветствие, а буквально она переводится как «Ты хороший». Но обе формулы вежливости – 您好! и 你好! – чаще всего используются при первой встрече или в официальных случаях, они очень редко употребляются при общении между знакомыми людьми. В русском же речевом этикете при приветствии может быть использовано слово *Здравствуйте!*, которое употребляется при встрече как приветственная фраза в русском языке, подразумевающая пожелание собеседнику здоровья (ср.: *Будьте здоровы!*). Слово *Привет!* используется при встрече людей, хорошо знакомых между собой и обязательно равных в социальном и возрастном отношении. Китайские приветствия являются более «ситуационными», т.е. они ориентированы на конкретную речевую ситуацию, например: 吃饭了吗 (досл.: «Вы поели?»). Цель такого приветствия состоит в том,

чтобы выразить обеспокоенность и эмоциональную связь, а не получить конкретные ответы собеседника. В Китае эти формулы популярны как приветствия для всех возрастов. Но в России аналогичная фраза может использоваться только после приветствия и с совершенно другим смыслом, т.е. в прямом значении.

При прощании люди говорят *До свидания!* (再见!). Кроме того, в России люди часто используют устойчивые выражения *Всего хорошего!* или *Всего доброго!* В китайском языке такие конструкции отсутствуют, но существуют похожие: 慢走, 注意安全, которые переводятся как «Медленно идите!», «Будьте осторожны!». Они в полной мере воплощают национальную культуру, в которой принято заботиться о других. Эти прощальные формулы обычно говорят тем, кто уходит. Таким образом, вопрос об изучении фразеологизмов с семантикой вежливости требует в перспективе дальнейшего рассмотрения с точки зрения лингвокультурологии и лингвопрагматики.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избр. труды. Лексикология и лексикография. М.: Флинта; Наука, 1997. С. 140–161.
2. Большая российская энциклопедия. М., 2017. Т. 33. С. 527.
3. *Стернин И.А.* Русский речевой этикет. Воронеж, 1996. 73 с.
4. *Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие. Воронеж: Гарант, 2001. 252 с.
5. *Формановская Н.И.* Вы сказали: «Здравствуй!» (Речевой этикет в нашем общении). 3-е изд. М.: Знание, 1989. 160 с.
6. *Шанский Н.М., Филиппов А., Зимин В.И.* Школьный фразеологический словарь русского языка. Значение и происхождение словосочетаний. М.: Просвещение; Дрофа, 2007. 384 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-322-328

Марабини Алессандра,
Университет Альдо Моро,
Италия, г. Бари

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СФЕР
КОММУНИКАЦИИ**

Аннотация. Статья посвящена лингвокультурологическому аспекту изучения русских и итальянских фразеологических единиц в некоторых профессиональных дискурсах. Фразеологизмы профессиональных сфер содержат лингвокультурные особенности, выявляющиеся как в синтаксической и лексической структуре, так и в их значениях. Статья многоаспектна, так как рассматривает культурные, лингвистические, метафорические, когнитивные, терминологические и семантические свойства фразеологизмов. Посредством перевода можно определить степень эквивалентности фразеологизмов на лингвокультурологическом уровне. В заключении намечаются перспективы дальнейшего исследования функционирования терминологических фразеологизмов в специализированных дискурсах.

Ключевые слова: профессиональные сферы, лингвокультурология, эквивалентность, метафоры, русский язык, итальянский язык, номенклатурные названия.

Alessandra Marabini,

*Aldo Moro University of Bari (UNIBA),
Italy, Bari*

LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF STUDYING RUSSIAN AND ITALIAN PHRASEOLOGICAL UNITS OF PROFESSIONAL SPHERES OF COMMUNICATION

Abstract. The article is devoted to the linguo-cultural research of Russian and Italian phraseological units of some professional discourses. The phraseologisms of the professional sphere have linguo-cultural features, which are detected in their syntactic and lexical structure, as well as in their meaning. Different aspects are faced in the article: cultural, linguistic, metaphorical, cognitive, terminological and sematic features. Through translation it is possible to determine the level of equivalence at a linguo-cultural level. In the conclusion a further investigation of the phraseological terms in the specialised languages is proposed.

Keywords: professional spheres, linguoculturology, equivalence, metaphors, Russian language, Italian language, nomenclatures.

Как известно, фразеологизмы являются культурными единицами, хранящими традиции и обычаи народа. Фразеологизмы также вербализируют в речи данные культурные традиции, что позволяет нам говорить о связи между языком и культурой. Именно фразеологическая лингвокультурология как одно из ярких проявлений антропоцентрического подхода, представителями которого являются Н.Ф. Алефиренко, В.Н. Телия, А.П. Бабушкин, Л.Г. Золотых, К.И. Декатова, Т.В. Гриднева, Л.В. Кавалева, Л.Ю. Буянова и др., занимается изучением взаимодействия языка и национальных культур в определенные периоды или эпохи жизни народа [1, с. 10]. В лингвокультурологии в качестве семиотических признаков выступают лингвокультуремы, т.е. символы, стереотипы, эталоны и понятия, присущие одной лингвокультуре [1, с. 149–150].

Говоря о культуре, мы часто обращаемся к таким концептам и понятиям, как «жизнь», «смерть», «счастье», «любовь», «пространство», «время», «истина» и др. Эти понятия, с одной стороны, универсальны, а с другой стороны, национально специфичны и по-разному воспринимаются и вербализируются в каждой культуре.

Однако культуру можно также считать совокупностью материальных, социальных, экономических, физических, астрономических, лингвистических, юридических, политических, медицинских и других явлений. Эти профессиональные сферы входят в поле культуры, и это вполне очевидно, когда имеем дело с фразеологическими единицами (ФЕ). Благодаря их особенностям (переосмысление, образность, устойчивость, воспроизводимость, семантическая неделимость и т.д.), фразеологизмы профессиональных сфер коммуникации представляют собой единицы, свойственные определенной лингвокультуре и поэтому способствующие вербализации профессионального знания. В сопоставлении с другими языками они могут быть полными, частичными или нулевыми эквивалентами.

Объектом данной статьи выступают русские и итальянские фразеологизмы вышеуказанных профессиональных сфер. Они исследуются в сопоставительном аспекте лингвокультурологической парадигмы. Степень эквивалентности отмечается нами в виде полных эквивалентов, частичных эквивалентов и нулевых эквивалентов.

Отличительным признаком фразеологизмов можно считать образность. В основе образности лежит переносно-метафорическое значение фразеологизма. Единицы со свойством переосмысления и метафоризации входят в специализированные языки, такие как язык физики, астрономии, лингвистики [2, с. 150]. Проанализируем русские ФЕ, их эквиваленты в итальянском языке и дадим комментарии к этим примерам. Например:

- 1) *точка кипения* – *punto di ebollizione*;
- 2) *абсолютный ноль* – *zero assoluto*;
- 3) *усталость металла* – *fatica del metallo*;
- 4) *белый гигант* – *stella gigante*;
- 5) *жёлтый карлик* – *nana gialla*;
- 6) *глухой согласный* – *consonante sorda*;
- 7) *мягкий знак* – *segno dolce*.

Примеры 1, 2, 5 и 6 являются полными эквивалентами: их значения, внутренние формы и лексические структуры идентичны. Имеют место лишь различия в синтаксической структуре сочетаний, не затрагивающие образной основы фразеологизма. В примере 3 *усталость* можно определить как «чувство утомления, состояние усталого человека», которому соответствует итальянский термин *stanchezza*. Однако при переводе физического термина мы использовали не *stanchezza*, а *fatica* в связи с тем, что последнее слово актуализирует семантические признаки «труд, усилие, напряжение». Очевидно различие в лексическом составе фразеологизмов: русский термин отсылает к состоянию усталости человека, а итальянский – к состоянию напряжения человека. Что касается примера 4, соответствующий перевод на итальянский содержит наименование явления *stella u* и не содержит цветового компонента *белый*, как в русском сочетании. Наконец, пример из сферы лингвистики 7 характеризуется, по нашему мнению, лингвокультурными признаками, так как прототип этого фразеологизма несет информацию об особенностях русской графики, отсутствующих в итальянском языке; однако перевод на итальянский язык оказался возможным.

Во фразеологии любого языка есть национальные особенности, связанные с уникальными концептами и специфическими реалиями определенного фрагмента действительности. Национально-культурная специфика проявляется в особенностях социо-политического устройства. В этом аспекте весьма значимы наблюдения российского ученого Н.Ф. Алефиренко, который рассматривает примеры метафор, актуальных в современной общественной жизни. Он выделяет два вида таких метафор:

- 1) общество – это «здание»;
- 2) общество – это «механизм» в его динамическом аспекте.

На основе этих постулатов выявляются следующие метафоры: *фундамент перестройки, надстройка, несущие опоры, блоки, иерархические лестницы, государственный механизм, механизм перемен, рычаги власти, граждане-винтики, машина голосования* [1, с. 135–137]. Отметим, что все метафоры коннотативно, культурно и исторически маркированы. Они проникли в итальянский язык благодаря тому, что связаны с теми или иными известными явлениями или историческими

событиями, происходившими в российском обществе. Соответствующие переводы: *fondamento della perestrojka, sovrastruttura, colonne portanti, blocchi, scale gerarchiche, meccanismo statale, meccanismo di trasformazione, leve di potere, cittadini-rotelle dell'ingranaggio, macchina elettorale*.

ФЕ профессиональной коммуникации образуются на подсознательном уровне. Это значит, что в основе коммуникации лежит когнитивная деятельность говорящего, который концептуализирует, а затем вербализует профессиональные знания. Когнитивная деятельность взаимодействует с культурными явлениями, следовательно, культурные когнитивные признаки формируют представления о мире. Научный дискурс медицины также отражает действительность в подсознании индивида. Терминологическая метафора итальянского языка *fuoco di Sant'Antonio* (досл.: «Огонь святого Антония») является лингвоспецифичной метафорой для коллективного подсознания итальянцев и, шире, для представителей европейских народов. Название болезни вошло и в русский язык в форме ФЕ *антонов огонь*. Медицинские метафоры функционируют в языке на уровне терминологии [3, с. 129] и представляют собой функционально ограниченные словосочетания. Например, *иммунная система (sistema immunitario), костный/спинной/продолговатый мозг (midollo osseo/spinale/allungato)*. Из примеров следует, что как в русском, так и в итальянском первый компонент в составе ФЕ зависит от второго и сочетается только с ним, что позволяет нам говорить о семантической неделимости фразеологизмов и о полной эквивалентности русских и итальянских единиц.

В современном специализированном дискурсе экономики широко используются метафоры, несущие национально-специфическую информацию. Множество метафорических единиц дискурса экономики происходят из английского языка; это связано с тем, что английский язык представляет собой язык бизнеса и международных контактов. При проникновении их в русский язык многие подобные фразеологизмы становятся фразеокальками. Если образные компоненты исходного фразеологизма и переводного фразеологизма совпадают, то исходный фразеологизм несет в себе символические смыслы и все этнокультурные особенности. Сходство ассоциаций может, например, проявляться в цветообозначениях, например, выражению *golden rush*

(досл.: «золотая спешка») соответствуют русское сочетание *золотая лихорадка* и итальянское сочетание *febbre dell'oro* (досл.: «золотая лихорадка»). В данном случае имеет место некоторая мутация второго составляющего лексического компонента (ср.: англ. *rush*, рус. *лихорадка* и итал. *febbre*).

Если образные компоненты исходного фразеологизма и переводного фразеологизма не совпадают, то исходная информация и смысл теряются. Это подтверждает Л.П. Тарнаева, приводящая в своей работе «Лингвокультурные маркеры лексического слоя делового дискурса» пример *cut-throat competition*, который можно перевести следующим образом: «конкуренция не на жизнь, а на смерть» [4, с. 102]. Конечно же отмечается применение различных понятий в двух языках [Там же, с. 101–102]. Подобная безэквивалентность встречается и в итальянском языке (*concorrenza spietata* – досл. «жестокая конкуренция»), и в этом случае приходится передавать смысл исходного фразеологизма описательными выражениями или с помощью пояснений.

Фразеологизмы в каждой лингвокультуре представляют собой маркированные выражения. В двух разных культурах, таких как русская и итальянская, фразеологизмы, связанные с одинаковой внеязыковой деятельностью, могут характеризоваться различными внутренними формами. Например, русский и итальянский фразеологизмы *горячая линия* и *numero verde* (досл.: «номер зелёный»), обозначающие бесплатный номер, являются метафорически маркированными. Русское выражение концептуализирует бесплатный номер в виде «горячей линии», а итальянское – в виде «зелёного номера».

Семиотическими признаками лингвокультуры можно считать также номенклатурные названия, которым в нашей работе уделено особое внимание. Номенклатурные названия подчиняются законам официально-делового языка и рассматриваются, прежде всего, в качестве терминологических наименований [5, с. 71]. Тем не менее они имеют общие черты с ФЕ. Например, они характеризуются целостностью, их структура – цельнооформленная; в их составе один из компонентов, как правило, выступает в переносном значении. Итак, в названиях *Министерство иностранных дел*, *Совет министров* и *Красная книга РФ* термины *дело*, *совет* и *красная* не употребляются в их первом значении. К тому же номенклатурные названия называют экономические

и политические учреждения и документы определенной страны, которые не имеют прямых аналогов в зарубежных национальных культурах. Поэтому эквиваленты на итальянском языке, хотя и возможны (*Ministero degli affari esteri* (досл.: «Министерство иностранных дел»), *Consiglio dei Ministri* (досл.: «Совет министров») и *Libro rosso dei dati della Federazione Russa* (досл.: «Красная книга Российской Федерации»), но все-таки эквивалентность не полная.

Подводя итоги, можем констатировать, что как номинативные единицы, так и метафоры профессиональных сфер коммуникации обладают культурными компонентами. Это позволяет утверждать, что профессиональные языки могут являться объектами лингвокультурологии, а именно ее сопоставительного направления. Намечаются перспективы дальнейших исследований в изучении профессиональных фразеологических единиц, в рамках которых возможно рассмотрение следующих аспектов:

- 1) терминологические фразеологические единицы;
- 2) связанные с ними материальные коды культуры;
- 3) когнитивные процессы и мотивации, формирующие профессиональные ФЕ;
- 4) степень культурной маркированности ФЕ в двух языках.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. М.: Элпис. 2008. 271 с.
2. *Гусева Н.А.* Фразеология научной и деловой речи // Труды БГТУ. История, философия, филология. 2014. № 5. С. 150–152.
3. *Зубкова О.С.* Медицинская метафора как результат культурной фиксации в медицинской терминологии // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина, 2008. С. 127–135.
4. *Тарнаева Л.П.* Лингвокультурные маркеры лексического слоя делового дискурса // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 3. С. 99–112.
5. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-329-335

Тюменева Е.И.,

*Высшие курсы иностранных языков,
Министерство иностранных дел
Российской Федерации,
Россия, г. Москва*

Нгуен Тхань Ха,

*Университет имени Йерсена,
Вьетнам, г. Далат*

РОЛЬ ПРОФЕССИИ УЧИТЕЛЬ ВО ВЬЕТНАМСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ, ПОГОВОРКАХ И ИЗВЕСТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

Аннотация. Пословицы об учителях, поговорки о школе как во вьетнамском, так и в русском языках выражают отношение народа к профессии учителя, к педагогической работе и учебе. Многие устойчивые выражения свидетельствуют об уважении, народной любви к учителю – инженеру духа всех времен. В современном обществе, несмотря на высокое техническое оснащение, научные достижения, играющие важную роль в процессе образования, не могут заменить учителя. Поэтому во все времена учитель – символ нравственности, порядка, вдохновения для своих учеников. Все эти качества находят отражение во вьетнамских и русских фразеологизмах, что составляет их лингвокультурологическую ценность.

Ключевые слова: роль учителя, задача учителя, профессия, образование, русский язык, вьетнамский язык, фразеологизмы, поговорки.

Elena Tyumeneva,

*Higher courses of foreign languages,
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Russia, Moscow*

Nguyen Thanh Hai,

*Yersin university,
Vietnam, Dalat*

THE ROLE OF THE TEACHER'S PROFESSION IN VIETNAMESE AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS, SAYINGS AND FAMOUS SAYINGS

Abstract. Proverbs about teachers, sayings about school in Vietnamese and Russian language, express the people's attitude to the teaching as a profession, to all pedagogical work and study. Many expressions show respect, love of the people for the teacher – the engineer of the spirit of all the time. In modern society, despite the high technical equipment, scientific achievements that play an important role in the educational process, nothing can replace the teacher. Therefore, at all times, the teacher is a symbol of morality, order, inspiration for his students. All these qualities are reflected in Vietnamese and Russian phraseological units, which constitutes their linguistic and cultural value.

Keywords: teacher's role, teacher's task, profession, education, russian language, vietnamese language, phraseological units, sayings.

Посредственный учитель рассказывает.
Хороший учитель объясняет.
Превосходный учитель демонстрирует.
Великий учитель вдохновляет

Уильям Артур Уорд

The mediocre teacher tells.
The good teacher explains.
The superior teacher demonstrates.
The great teacher inspires.

William Arthur Ward

В течение всей истории создания и сохранения своего государства вьетнамский народ создавал, строил и хранил много хороших традиций, в том числе и *Tôn sư trọng đạo* (букв.: «уважать учителя и следовать дао (моральным принципам)») [3, т. 2, с. 959]. Это выражение говорит о том, что учитель должен блюсти моральные нормы, сохранять достоинство и иметь большой ум. Ученик должен соблюдать правила и уважать учителя. В случае, если ученик совершит ошибку, он должен просить прощения и исправить свою ошибку. Эта нравственная традиция несет в себе явственный вьетнамский национальный колорит.

21 октября 1964 г. Хо Ши Мин с президентом Мали Модибо Кейта посетили Ханойский педагогический университет. В своей речи, обращенной к преподавателям и студентам университета, Хо Ши Мин отметил: «Нет учителя – нет образования. Роль учителя очень важная и светлая». Покойный премьер-министр Фам Ван Донг в своей речи 7 мая 1961 г. говорил: «Быть учителем – самая светлая профессия, самая созидательная профессия. Учителя не только учат буквам, а еще учат быть человеком. Они как сосна на склоне холма, как коричневое дерево среди дикого леса, тихо источают аромат, просвещают умы, дают силы для жизни...»

Школьные годы – это всегда весьма насыщенное событиями время в жизни всякого человека. Русские и вьетнамские пословицы об учителях, поговорки о школе выражают отношение народа к профессии учителя, к педагогической работе и учебе. Фразеологизмы говорят о большом труде, который тратит учитель на обучение учеников. Смысл любой пословицы об учителе в том, что профессия его очень

важна для общества: *Nhất tự vi sư, bán tự vi sư (Một chữ cũng là thầy, nửa chữ cũng là thầy)* – букв.: «одна буква – учитель, половина буквы – учитель». Выражение говорит о том, что того, кто научил тебя хотя бы одной букве, ты называешь учителем; тот, кто научил тебя половине буквы, тоже твой учитель. Кто не уважает учителя, тот не может быть достойным человеком [2, т. 2, с. 265]. *Không thầy đố mày làm nên* – букв.: «без учителя нельзя обойтись в жизни». Иными словами, всеми достижениями в жизни ты обязан своим учителям [3, т. 1, с. 1229]. Это выражение подчеркивает важную роль учителя в жизни каждого человека – следует всегда быть благодарным тому, кто тебя учит. В русском языке отмечены аналоги: *Учитель – второй родитель*. *Muốn sang thì bắc cầu kiều, muốn con hay chữ thì yêu lấy thầy* – букв.: «если хочешь проехать через (реки), нужно ставить мост, если хочешь, чтобы твои дети много знали, нужно любить учителей». Идея пословицы такова: уважение детей к учителю – важное условие, необходимое для того, чтобы они выросли образованными. Во вьетнамском языке выражение *Trọng thầy mới được làm thầy* означает ‘только уважая учителя, сам станешь учителем’. В русском языке также есть выражения с аналогичным значением: *Почитай учителя, как родителя*; *Учитель – второй родитель*; *И гряда книг не заменит хорошего учителя*. Все эти выражения показывают уважение и любовь русского народа к учителю – инженеру духа всех времен.

Хотя в обществе существует много разных сфер деятельности, и все они важны, безусловно, учитель – одна из самых важных, уважаемых и востребованных профессий. Учитель не только дает навыки правописания, но и учит быть *Человеком с большой буквы*. Поэтому хороший учитель должен быть образцом воспитанности и культуры поведения. В.И. Даль писал: «Воспитатель сам должен быть тем, кем он хочет сделать воспитанника». По мнению известного русского педагога К.Д. Ушинского, «если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях». Смысл этих высказываний заключается в том, что человек-воспитатель должен обладать такими качествами, которые он хочет привить своему воспитаннику. Об этом вьетнамский народ говорит так: *Tiền học lễ, hậu học văn* – букв.: «во-первых, учить вежливости, во-вторых, учить литературе». Иными словами, надо

в первую очередь учить детей вежливости, правилам взаимоотношений с другими людьми [2, т. 2, с. 608]. Вьетнамцы считают, что *Một kho vàng không bằng một nang chữ* – букв.: «один склад золота не равен одной сумке букв, т.е. на деньги ума не купишь» [3, т. 2, с. 218]. Образ «кладовая золота» — это богатство, которого хватит для роскошной жизни человека. Образ «сумка букв» означает огромные знания человека, богатство его духа. Деньги можно потерять в любой день, а с помощью знаний можно создавать материальные ценности (в том числе и деньги).

Главная задача учителя – не просто учить и объяснять преподаваемую науку, побуждать учеников любить свой предмет, но также воспитывать их и прививать им высокие моральные качества. Для этого достаточно *отдавать сердце детям* – ‘всецело отдаваться преподаванию, хорошо понимать каждого ребенка’. Ш. Амонашвили в книге «Отдаю сердце детям» изложил свою концепцию деятельности учителя начальных классов. По его мнению, учитель должен жить работой, вкладывать в нее душу, проявлять неподдельный интерес к педагогической деятельности. Все это заключено в выражении *отдавать сердце детям*. Примерно о том же писал в свое время и Л.Н. Толстой: «Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, – он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он – совершенный учитель...»

Каждый педагог через свой предмет не только учит тому или иному предмету – он учит жизни. Учит быть честными и справедливыми, уметь отличать добро от зла, быть непримиримыми к лени, злу, равнодушию, жестокости. Деятельность учителя занимает важное место в системе духовных ценностей вьетнамцев; в знак уважения и любви к представителям этой профессии во Вьетнаме учрежден профессиональный праздник День учителя, который отмечают 20 ноября. Во вьетнамском языке есть поговорка *Mùng 1 tết cha, mùng 3 tết thầy* – букв.: «первое число – день тэт для отца, третье число – тэт для учителя». Встреча Нового года – один из самых запоминающихся праздников во Вьетнаме, который отмечается по лунному календарю. Тэт (Tết) означает «праздник первого утра». Тэт – это семейный праздник.

Ночью перед тем, как наступит Тэт, дети и внуки поздравляют бабушек, дедушек, родителей и желают им долголетия, крепкого здоровья и благополучия. В первый день люди делают ритуальные подношения предкам. Этот день начинается с похода в храм. В первый праздничный день люди приходят в дом отца. В третий день праздника люди приходят в гости к своим учителям или к учителям своих детей, чтобы отдать им дань уважения и благодарности.

Для того чтобы о человеке не говорили, что он ни *аза не знает*, ему надо *набираться ума-разума, грызть гранит науки*, т.е. усердно учиться. Об этом говорят русские фразеологизмы. Вьетнамская поговорка ***Muốn biết phải hỏi, muốn giỏi phải học*** буквально переводится так: «хочешь знать – спроси; хочешь иметь знания – учи». В русском языке ближайшие соответствия этому выражению – поговорки *Жизни человека есть предел, учению – нет; Век живи, век учись*. Люди учатся не только у учителя, но и у окружающих: в семье, у друзей, знакомых... ***Học thầy không tày học bạn*** – букв.: «учиться у друзей учителя не хуже, чем у учителя». Образованный человек создает вокруг себя круг таких же знающих и мудрых людей, как и он сам, поэтому «учиться у друзей учителя» не менее эффективно, чем у него самого [3, т. 1, с. 1097].

Сунь Цзы – китайский стратег и мыслитель, живший в VI в. до н.э., автор знаменитого трактата о военной стратегии «Искусство войны». Одним из его учеников был иностранец по имени Мо. Мо учился плохо, но сам считал себя лучшим. После нескольких лет учебы он уехал домой. Другой ученик спросил мнение Сунь Цзы о том, что будет, если Мо станет чиновником, полковником или разбойником, но Сунь Цзы не обеспокоился. Но как только узнал, что Мо будет учителем, посоветовал бежать от него не мешкая. Потому что, по его мнению, если бы Мо стал плохим чиновником, полковником или разбойником, то причинял бы небольшой ущерб малому количеству людей, а если бы он стал учителем, тогда, возможно, причинял бы вред всем и всегда. «Образование – это самое мощное оружие, с помощью которого можно изменить мир», – заявил Нельсон Мандела, президент ЮАР, в своей речи в Университете Витватерсранда, Йоханнесбург, 16 июля 2003 г.

Образование вносит весомый вклад в будущее всего народа. Хо Ши Мин, выступая на политическом занятии для учителей основной и средней школы всего Северного Вьетнама 13 сентября 1958 г., отметил: «Для выгоды на 10 лет – расти дерево, для выгоды на 100 лет – расти человека».

Ученик всегда помнит и благодарит своих учителей. Об этом говорится во вьетнамском выражении *Ăn quả nhớ kẻ trồng cây* – букв.: «ешь плод – помни человека, посадившего дерево» [3, т. 1, с. 69], т.е. будь благодарным. В русском языке есть аналогичные выражения: *Спаси Бог того, кто поит и кормит, а вдвое того, кто хлеб-соль помнит; Учитель в школе, что посеет в поле.*

В современном обществе, несмотря на высокое техническое оснащение, научные достижения, играющие важную роль в процессе образования, ничто не может заменить учителя. Во все времена учитель – символ нравственности, порядка, вдохновения для своих учеников.

Учитель – профессия сложная, на пути к ее постижению человек преодолевает много трудностей. Возможны и ошибки, которые могут серьезно повлиять на подрастающее поколение. Поэтому общество много требует от учителя. Учитель должен любить своих учеников, хорошо знать их желания и мечты, руководить ими в современном сложном мире. Все эти установки находят свое отражение во вьетнамской и русской фразеологии, составляя ее лингвокультурологическую ценность.

Литература

1. *Вьет Чьонг. Словарь пословиц, поговорок, частушек Вьетнама. Т. 1. Донг Най, 2010. 919 с.*
2. *Вьет Чьонг. Словарь пословиц, поговорок, частушек Вьетнама. Т. 2. Донг Най, 2005. 814 с.*
3. *Новый большой вьетнамско-русский словарь / отв. ред. В.А. Андреева, Нгуен Тует Минь. Т. 1, 2. М.: Восточная литература, 2012. 1276 с.*

DOI: 10.31862/9785426311954-336-344

Цзян Хуа,
*Харбинский
политехнический университет,
Департамент
управленческих наук и инженерии,
Китай, г. Харбин*

Мямлин М.М.,
*Харбинский
политехнический университет,
Китай, г. Харбин*

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
РУССКИХ И КИТАЙСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В СОСТАВЕ МИКРОПОЛЯ
«СЧАСТЛИВАЯ ЛЮБОВЬ»
ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
«ЛЮБОВЬ И БРАК»**

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения и сопоставления фразеологизмов со значением «любовь и брак» в русском и китайском языках.

Ключевые слова: межязыковые фразеологические эквиваленты, культурно-национальная самобытность фразеологизмов, фразеологические единицы, сопоставительная лингвистика.

Jiang Hua,

*Harbin Institute of Technology,
Department of Management Science
and Engineering,
China, Harbin*

Mikhail Myamlin,

*Harbin Institute of Technology,
School of Economics and Management,
China, Harbin*

**COMPARATIVE ANALYSIS
OF RUSSIAN AND CHINESE
PHRASEOLOGICAL UNITS AS PART
OF THE “HAPPY LOVE” MICROPOLE
OF THE PHRASEOSEMANTIC FIELD
“LOVE AND MARRIAGE”**

Abstract. The article is devoted to the study and comparison of phraseological units of the “love and marriage” category in Russian and Chinese languages

Keywords: interlingual phraseological equivalents, equivalence of phraseology, cultural-national identity of idioms, phraseological units, comparative linguistics.

В последнее время в лингвистике возрос интерес к исследованию семантической, прагматической и национально-культурной специфики языка в целом и его составляющих в антропоцентрическом аспекте. Особый интерес представляет фразеологический материал, составляющий важную часть номинативного уровня любого языка и отличающийся особой уникальностью.

Также следует отметить, что «постоянно расширяющиеся контакты российского и китайского народов предполагают активное взаимное изучение русского и китайского языков, переводы художественной, научной, публицистической, официально-деловой, технической

и другой литературы, создание новейших и развитие существующих методик изучения языков, издание различных учебников, словарей, справочников, разговорников и т.д. Важнейшее место в данном процессе занимает изучение фразеологии обоих языков в сопоставительном плане» [4, с. 6].

В данной статье рассматриваются некоторые русские и китайские фразеологизмы, относящиеся к микрополю «Счастливая любовь», которое входит в состав фразеосемантического поля «Любовь и брак».

Микрополе «Счастливая любовь» включает фразеологизмы, обозначающие все проявления счастливой любви на разных этапах ее развития и в разных ее формах: зарождение и развитие любовных отношений, сватовство и помолвка, вступление в брак – свадьба, многолетние любовь и брак и даже совместное проживание без вступления в брак, так как оно тоже является проявлением взаимной любви.

Причем обозначаемые отношения людей могут иметь временные рамки (например: рус. *строить глазки*; кит. 眉目传情 méi mù chuán qíng (букв.: «бровь – глаз – передавать – чувство») – строить глазки, флиртовать), а могут их и не иметь (например: рус. *муж и жена – одна сатана*; кит. 夫唱妇随 fūchàngfùsuí (букв.: «мужчина – петь – замужняя женщина – следовать»), «муж запеваёт — жена подпеваёт») – муж и жена – единое целое).

Микрополе «Счастливая любовь» сформировано фраземами, передающими общее значение «счастье в любви». Это микрополе создано на основе семы «взаимная любовь», выделенной в значении каждой фраземы и в русском, и в китайском языках. Она является архисемой для данного микрополя.

Фразеологические единицы (ФЕ), входящие в микрополе «Счастливая любовь» имеют следующий семный состав:

- 1) предмет или явление;
- 2) характеристика человека;
- 3) внутренний мир человека;
- 4) чувства;
- 5) любовь;
- 6) взаимная любовь;
- 7) дифференциальная сема – архисема для каждой фразеосемантической группы (ФСГ);

- 8) наличие брака / отсутствие брака;
- 9) есть временные границы / нет временных границ;
- 10) длительные отношения / краткосрочные отношения;
- 11) этапы любви;
- 12) оценка (положительная/отрицательная).

Все ФЕ, входящие в микрополе «Счастливая любовь», имеют в своем значении одинаковые семы – с 1-й по 6-ю, которые являются архисемами для данного микрополя.

Рассмотрение микрополя «Счастливая любовь» предполагает выделение в его структуре таких элементов, как тематические группы, включающие в себя фразеосемантические группы (ФСГ). В микрополе «Счастливая любовь» в общей сложности выделены восемь тематических групп, которые включают 21 ФСГ, но в рамках данной статьи мы рассмотрим их лишь частично.

Микрополе «Счастливая любовь» сформировано фразеологизмами, содержащими в своем составе архисему «взаимная любовь». На основе дифференцирующих сем в данном микрополе выделены восемь тематических групп:

- 1) «начальная стадия любви»;
- 2) «развитие любви»;
- 3) «сватовство, помолвка»;
- 4) «вступление в брак, свадьба»;
- 5) «родство в связи с браком»;
- 6) «многолетние любовь и брак»;
- 7) «совместное проживание без вступления в брак»;
- 8) «необычные любовь и брак».

Каждая из этих тематических групп включает в свой состав одну или несколько фразеосемантических групп.

Первая тематическая группа «начальная стадия любви» сформирована на основе архисемы «начало любви» и включает пять ФСГ, выделенных на основе дифференцирующих сем:

- 1) «романтическая характеристика любви»;
- 2) «внешние проявления любви»;
- 3) «о влюбленных, которые дружили с детства»;
- 4) «о первой любви»;
- 5) «зарождение любви».

Рассмотрим первые две ФСГ.

1. ФСГ «романтическая характеристика любви» сформирована на основе 7-й семы – архисемы «романтическая характеристика любви» и включает следующие русские и китайские ФЕ: рус. *конфетно-букетная стадия, любовь с первого взгляда, розы-миמוзы*; кит. 见钟情 yǐjiàn zhōngqíng (букв.: «один – взгляд – влюбиться (час – любовь)») – полюбить (любовь) с первого взгляда; 花前月下 huā qián yuè xià (букв.: «цветы – перед – луна – под / вниз») – среди цветов и под луной; романтика любви [2, с. 301].

Все русские и китайские ФЕ данной ФСГ являются ядерными.

Анализ стилистического компонента показал, что почти все русские фразеологизмы данной ФСГ являются разговорными, лишь один фразеологизм нейтральный – *любовь с первого взгляда*. Китайские ФЕ – книжные и нейтральные.

2. ФСГ «внешние проявления любви» сформирована на основе 7-й семы – архисемы «внешние проявления любви» и включает следующие ФЕ: рус. *не сводить глаз, глаза просмотреть (протереть)* [3, с. 249], *не надыхаться на кого* [6, с. 110]; кит. 含情脉脉 hán qíng mò mò (букв.: «взгляд, преисполненный чувств») – смотреть влюбленными глазами (часто о девушках); 眉目传情 méi mù chuán qíng (букв.: «бровями и глазами выражать любовь») – бросать влюбленные взгляды, строить глазки, кокетничать, флиртовать; 眉来眼去 méiláiyǎnqù – обмениваться взглядами, строить глазки; 打情骂俏 dǎ qíng mà qiào – 1) заигрывать, приставать; кокетничать; 2) обниматься, целоваться; 撒狗粮 sā gǒuliáng (букв.: «выбросить собачий корм») – выставлять романтические отношения напоказ (перед одиночками и холостяками); 高调秀恩爱 gāodiào xiù ēn'ài – демонстрировать свои отношения (то же, что и выше); 秀恩爱 xiù ēn'ài – демонстрировать чувство между влюбленными (например, в соцсетях).

Большинство фразеологизмов данной ФСГ имеет положительную оценку. Хотя часть фразеологизмов могут использоваться в ироническом ключе, например кит.: 撒狗粮 sā gǒuliáng (букв.: «выбросить собачий корм») – выставлять романтические отношения напоказ (перед одиночками и холостяками); 高调秀恩爱 gāodiào xiù ēn'ài – демонстрировать свои отношения (то же, что и выше); 秀恩爱 xiù ēn'ài – демонстрировать чувство между влюбленными (например, в соцсетях). Это

находит отражение и в эмотивном компоненте значения: в словарях при таких ФЕ имеются пометы *ирон.*, *насмешл.*, *пренебр.* и т.д. Мотивационный компонент значения опирается на демонстрацию чувства (взгляды, поцелуи, объятия и т.д.). Национально-культурный компонент не задействован ввиду универсальности описываемого явления – внешних проявлений чувств между любящими людьми.

Все китайские ФЕ данной ФСГ являются ядерными, а большинство русских – периферийными (*не сводить глаз, глаза просмотреть (протереть), не надыхаться*).

Вторая тематическая группа «развитие любви» сформирована на основе архисемы «развитие любовных отношений» и включает четыре ФСГ, выделенных на основе дифференцирующих сем:

- 1) «состояние любви, влюбленности»;
- 2) «названия любимого человека»;
- 3) «характеристика пары»;
- 4) «объясняться в любви».

В этой тематической группе рассмотрим первую ФСГ.

ФСГ «состояние любви, влюбленности» сформирована на основе 7-й семы – архисемы «состояние любви, влюбленности» и включает следующие русские и китайские ФЕ: рус. *терять/потерять голову, (быть) без ума* [6, с. 107], *без памяти* [Там же, с. 108], *по уши* [Там же], *свести/сводить с ума* [6, с. 295], *войти в душу* [5, с. 87], *крутить любовь* [Там же, с. 327], *только и свету в окне (в окошке) что...*, *как порох (как порошок) в глазу, быть по душе (по сердцу, по вкусу, по нраву, по нутру – прост.) кому-л., быть по шерсти (по шёрстке – прост.) кому-л.* ('нравиться, соответствовать вкусу, взглядам кого-л. '), *прийтись по душе (по сердцу, по вкусу, по нраву, по нутру – прост.) кому-л.* ('понравиться, полюбиться, приглянуться кому-л. '), *быть в кайф кому, быть по кайфу кому-л.* ('доставлять удовольствие, нравиться кому-л. '), *быть без памяти от кого-л., быть без ума от кого* ('быть влюбленным в кого-л., очень любить кого-л. '), *души не чаять в ком-л.* ('очень сильно, безгранично любить кого-л. '), [его] *хлебом не корми [дай...], [он] так и рвётся к кому-л., не удержать кого-л. от чего-л.* [1, с. 88]; кит. 儿女情长 *ěrnǚqíngcháng* – 'любить, любовь, нежные чувства'; 红豆相思 *hóngdòu xiāngsī* – 'мысли возлюбленных друг о друге'; 情有独钟 *qíng yǒu dú zhōng* – 'питать особое пристрастие, обожать';

一心一意 *yīxīn yīyì* – ‘всей душой; всей душой стремиться; всецело поглощён мыслью; сосредоточить всё внимание; всем сердцем и всеми помыслами’; 情比金坚 *qíng bǐ jīn jiān* – ‘любовь крепче золота’; 情意绵绵 *qíngyì miánmián* – ‘неугасающее чувство, вечная любовь’; 天造地设 *tiānzàodìshè* – ‘уготованный самой природой, природой предназначенный; естественный, готовый, не требующий дополнительной обработки (в том числе о любви)’; 不能自拔 *bùnéng-zìbá* (букв.: «невозможно – сам – вытаскивать») – ‘не выбраться; не высвободиться, не вырваться, застрять; не найти выхода’; 动心 *dòngxīn* – 1) ‘дрогнуть; прийти в замешательство; заколебаться’; 2) ‘быть растроганным (трогнутым)’; 3) ‘волновать, трогать (не обязательно о любви)’.

Анализ денотативного компонента значения ФЕ, входящих в данную ФСГ, позволил выявить в их семном составе следующие семы: «состояние любви, влюбленности» (архисема); «наличие брака / отсутствие брака»; «отсутствие временных границ»; «длительные/краткосрочные отношения»; «этап развития любви»; «положительная/ироничная оценка».

Большинство фразеологизмов данной ФСГ имеет положительную коннотацию, хотя некоторые из них могут использоваться в ироническом ключе, например: *по уши, крутить любовь*, что находит отражение и в эмотивном компоненте – в словарях при таких ФЕ имеются пометы *ирон.*, *насмешл.*, *пренебр.* и т.д. Мотивационный компонент значения основывается на описании состояния человека, испытывающего чувство любви/влюбленности. Национально-культурный компонент не задействован ввиду универсальности описываемого явления – состояния любви и влюбленности в душе человека.

Большинство русских ФЕ данной ФСГ являются периферийными. Среди китайских есть как ядерные, так и периферийные.

Анализ стилистического компонента показал, что почти все русские фразеологизмы данной ФСГ являются разговорными, лишь один фразеологизм книжный – *попасть в тон*. Китайские ФЕ – нейтральные и разговорные.

Третья тематическая группа «сватовство, помолвка» сформирована на основе архисемы «сватовство, помолвка» и включает одну ФСГ.

Она сформирована на основе 7-й семы – архисемы «сватовство, помолвка» и включает следующие русские и китайские ФЕ: рус.

просить руки; делать предложение; предлагать руку и сердце [5, с. 519]; *засылать сватов; у вас товар, у нас – купец*; кит. 求婚 qíúhūn – ‘просить руки, делать предложение, свататься (к кому-л., за кого-л.); предложение; сватовство’; 向邻家的女儿求婚 – ‘свататься к дочери соседа’; 向她求了婚 – ‘посватался к ней’; 答应 (某人的) 求婚 – ‘принять (чь-л.) предложение’; 答应求婚 dāying qíúhūn – ‘согласиться на предложение’.

Анализ денотативного компонента значения ФЕ, входящих в данную ФСГ, позволил выявить в их семном составе следующие смы: «сватовство, помолвка» (архисема); «отсутствие брака»; «есть временные границы»; «длительные отношения»; «этап помолвки»; «положительная оценка».

Большинство фразеологизмов данной тематической группы характеризуется положительной оценкой, что находит отражение и в эмотивном компоненте: в словарях при таких ФЕ имеется помета *одобр.* и т.п. Мотивационный компонент значения основывается на изображении ситуации сватовства. Национально-культурный компонент проявляется в ФЕ, отсылающих к китайской культуре: 良媒 – из древнего стихотворения (имя служанки, познакомившей свою хозяйку с парнем) liángméi – ‘умная сваха, удачливый сват’; 红绳系足 hóngshéngxìzú (букв.: «красный шнурок опутал ноги» – ‘помолвка совершилась’ (цитата из легенды) [2, с. 278], 月老 (из той же легенды) yuèlǎo – 1) ‘миф. Лунный старец (божество брака)’, 2) ‘перен. сват’ [Там же, с. 1058].

Все ФЕ данной тематической группы являются ядерными.

Анализ стилистического компонента показал, что русские фразеологизмы данной тематической группы являются разговорными и нейтральными, китайские – нейтральными и книжными.

Анализ исследуемых фразеологизмов показал, что в русском и китайском языках имеются ФЕ одинаковой денотативной направленности, что объясняется однотипностью логико-мыслительных операций людей разных национальностей. Кроме того, иногда сходство ФЕ в разных языках может объясняться их происхождением из одного источника. Однако конкретное образное воплощение часто бывает своеобразным, что объясняется специфическими особенностями культуры народа и его языка.

Литература

1. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В.М. Мокиенко. М.: АСТ-Пресс книга, 2009. 448 с.
2. Большой словарь китайских идиом – 于明善.成语大词典. 北京: 华语教学出版社. 2015. 1271页.
3. *Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т.* Словарь фразеологических синонимов русского языка: около 730 синонимических рядов. М.: Рус. яз., 1987. 448 с.
4. *Ли Чуньли.* Сопоставительный анализ фразеологизмов, выражающих характер человека в русском и китайском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 258 с.
5. *Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. Около 13 000 фразеологических единиц. М.: АСТ, 2008. 880 с.
6. *Яранцев Р.И.* Русская фразеология: словарь-справочник: около 1500 фразеологизмов. 2-е изд., стер. М.: Русский язык, 2001. 845 с.

ФРАЗЕОЛОГИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

DOI: 10.31862/9785426311954-345-352

Андрейченко О.И.,
*Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского,
Россия, г. Симферополь*

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА «ПРОСТРАНСТВО» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассмотрены пропозиционно-диктумный и ассоциативно-терминальный типы мотивации фразеологических единиц русского языка, объективирующих концептосферу «Пространство».

Ключевые слова: язык, фразеологизм, пространство, мотивация, концептуализация, концептосфера.

Oksana Andreychenko,
*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Russia, Simferopol*

PHRASEOLOGICAL CONCEPTOSPHERE “SPACE” IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract: the article considers different types of motivation of phraseological units of the Russian language objectifying the conceptual sphere of «Space».

Keywords: language, phraseology, space, motivation, conceptualization, conceptosphere.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения лингвокогнитивного ментального пространства и особенностей его языковой реализации с помощью фразеологизмов «как «ниши» для хранения культурной информации [14], прагматического потенциала фразеоресурсов языка» [9, с. 72].

Цель статьи – проанализировать типичные когнитивные модели ФЕ русского языка, объективирующие концептосферу «Пространство», формирующую в человеческом сознании представления:

- 1) об объектах (их количестве, целостности, размере, форме и конфигурации);
- 2) о месте (открытые/закрытые участки);
- 3) о локализации (расположение объекта относительно определенных ориентиров);
- 4) о движении (передвижение, изменение положения, формы и размера объектов) [15, с. 174].

Когнитивная фразеология – это способ репрезентации знаний, одна из сложных ментальных структур представления мирового знания. Дж. Лакофф назвал их идеальными когнитивными моделями [20, с. 68]. Такое понимание фразеологизма связано с анализом регулярного использования в языке одной концептуальной сферы на обозначения другой: первая квалифицируется донорской (область источника), а другая – реципиентной (сфера мишени) [Там же, с. 41]. Вслед за Дж. Лакоффом, А. Ланглотц определяет сферу-источник как буквальное значение фразеологизма, или же внешнюю форму выражения, а сферу-цель – как значение фразеологизма, т.е. названный ФЕ фрагмент действительности [21, с. 66]. Отношение между этими двумя сферами реализуют особенности мировосприятия и специфику категоризации и кодификации знаний носителями языка.

Когнитивный анализ фразеологизмов, объективирующих концептосферу «Пространство», предполагает выборку ФЕ, обобщенно обозначающих фрагменты действительности; выделение семантических и структурных особенностей таких фразеологизмов; выявление и характеристику типичных моделей корреляции *внешняя форма – семантика фразеологизма*, т.е. специфики соотношения между донорской зоной и реципиентной зоной. Концептуальный анализ предполагает

также когнитивную характеристику компонентного состава фразеологических единиц.

ФЕ являются «мотивированными знаками», поскольку семантика фразеологизма связана с внешней формой. В основе ФЕ лежат словосочетания, компоненты которых полностью или частично теряют самостоятельную денотацию и референтную автономность. Но фразеологизмы в процессе переосмысления «переносят» в свое значение один или несколько мотивационных признаков из «полипризнакового» свободного словосочетания [14, с. 84–85]. Сквозную лингвopsихоментальную операцию формирования ономаcиологической структуры языковой единицы на основании выбора мотиватора из мотивационной базы Е.А. Селиванова называет мотивацией [13].

В результате применения процедур когнитивного анализа в русском языке пространственные фразеологические единицы (ПФЕ) распределены на единицы с пропозиционно-диктумным и ассоциативно-терминальным типами мотивации.

Пропозиционно-диктумная мотивация пространственных фразеологических единиц базируется на выборе мотиватора из сферы объективных, истинных знаний об обозначаемом – диктума, ядром которого является предикат, коррелирующий с уровнями аргументов, качества, количества, оппозитивов и партонимов [Там же]. По своей природе данный тип мотивации является метонимическим и отображает буквальную информацию в прямых значениях компонентов по смежности. Поскольку большинству ФЕ присуща образно-метафорическая природа, то во фразеологическом фонде русского языка пропозиционно-диктумный тип мотивации не является распространенным. Но следует отметить высокую производительность именно этого типа мотивации в исследуемом фразеологическом материале. Это обеспечивается его семантикой, т.е. ФЕ с пропозиционно-диктумным типом мотивации чаще всего передают семантику пространства и времени и основываются на кинетических стереотипах этноса [12].

Большинство ПФЕ с пропозиционно-диктумной мотивацией в русском языке относятся к семантической группе «Движение». Значительное их количество зафиксировано в пределах семантической группы «Локализация». Этот тип мотивации основан на выборе

мотиваторов, коррелирующих с уровнем партонимов. Продуктивными компонентами таких ПФЕ являются соматизмы.

В составе ПФЕ, репрезентирующих семантическую группу «Движение», зафиксировано значительное количество соматизмов, обозначающих конечности (руки, ноги) или их части – партонимы.

Наиболее репрезентативными является компонент ФЕ **нога**: *быстрый на ногу* – ‘кто-либо очень быстро и много может ходить, не уставая’ [17, с. 328], *еле держаться (держаться) на ногах* – ‘с трудом ходить или стоять от сильной усталости, слабости и т.д.’ [18, с. 231], *унести ноги* (разг. ирон.) – ‘убегать, спастись бегством’ [Там же, с. 248]; **пятки**: *только пятки сверкают (засверкали) у кого-л.* (разг.) – ‘о человеке, бросившемся бежать, пустившемся убежать откуда-л.’ [17, с. 473]. Такая продуктивность объясняется тем, что нога как нижняя часть тела – символ движения, и ее данный признак подвергается градуированию, оцениванию, интенсификации.

Компоненты-соматизмы ПФЕ с пропозиционно-диктумной мотивацией, репрезентирующие семантическую группу «Локализация», обозначают местоположение объекта относительно другого предмета, в частности указывают на близкое расстояние: **рука** – *рукой подать* [17, с. 328], *под рукой* [Там же, с. 401], *попадать под руку* [Там же, с. 343] и др.

К этой же группе относим ФЕ с соматическими компонентами, объединенные общим значением ‘непосредственная близость’: **лицо** – *лицо к лицу* [17, с. 229], *лицо в лицо* [Там же]; **нос** – *из-под самого носа* [17, с. 285], *под самым носом* [Там же, с. 287], *нос с носом* [Там же, с. 285]; **плечо** – *за плечами* [Там же, с. 323], *плечом к плечу* [Там же, с. 324], *на плечах* [Там же, с. 323], *плечо в плечо* [Там же, с. 324]; **бок** – *бок о бок* [Там же, с. 41], *под боком* [Там же, с. 42]; **спина** – *за спиной* [Там же, с. 448]; **глаза** – *куда ни кинь глазом (взглядом)* [Там же, с. 197], *на сколько хватает (достигает) глаз* [Там же, с. 103].

Таким образом, анатомия человеческого тела и физиологические характеристики передвижения являются основой мотивации пропозиционно-диктумных ПФЕ, вербализирующих движение и местонахождение объекта.

Интеграционно-сравнительная мотивация пространственных фразеологических единиц базируется на знаках ассоциативно-терминального фрагмента ментально-психонетического комплекса

(в основе – сравнение). Сравнение традиционно считается одним из этапов создания метафоры, «наиболее универсальным способом выражения метафорического переноса» [4]. Такие ПФЕ объединяют в себе две предметные сферы [12]. Следовательно, при рассмотрении их мотивации считаем допустимым использовать термины донорская и реципиентная зоны. Выявление донорских зон, объективирующих реципиентную зону «Пространство», требует определения стержневого компонента ПФЕ, на котором строится своеобразное фразеологическое значение, т.е. общий образ-символ. Такое «ключевое слово» является центром целых фразеологических кластеров [7, с. 22].

Анализ компонентного состава ПФЕ позволил выделить четыре донорские зоны: «Человек», «Артефакт», «Натурфакт» и «Биосфера».

Донорская зона «Человек». Структура данной зоны базируется на схемах проектирования понятийного универсума, в центре которого находится человек во всех его проявлениях: как существо живое, духовное и общественное [19, с. 477]. Соответственно, к донорской зоне «Человек» относим компоненты ФЕ, номинирующие человека и представления о нем, связанные с ментальными, интеллектуальными и эмоциональными проявлениями; деятельностные характеристики человека: наименование физических действий и процессов, движений и состояний, жестов и мимики. Например, фразеологизмы **дохнуть (дыхнуть) негде** [17, с. 273], **плюнуть негде** [Там же, с. 274] обозначают пространственную характеристику помещения, где очень тесно, людно и мало свободного места.

В составе ПФЕ встречаются онимы и названия профессий, например фразеологизм куда **Макар телят не гонял**, т.е. ‘очень далеко, в самые отдаленные места (выслать, загнать, попасть и т.п.)’ [Там же, с. 235]. В.М. Мокиенко указывает, что отрицательное отношение к имени Макар связано с лубочными картинками, где его изображали в смешных базарных сценках вместе с сатирическими героями рынка Захаркой, Назаркой, Фомой и Еремой, Пантюхой и Филатом. Так постепенно складывался образ бедного простака и неумехи Макара [10, с. 69].

Донорская зона «Артефакт». Артефакт (от лат. *ars* – ремесло, искусство и *factum* – сделанное) – любые искусственно созданные объекты [8, с. 38]. К артефактам относят предметы, технику, орудия труда, одежду, хозяйственную утварь, жилище и дороги, созданные людьми [5].

Соответственно, донорская зона «Артефакт» включает совокупность наименований искусственно созданных объектов материального мира, например ФЕ *быть видимым как на блюдечке/блюде* [16, с. 193]; *ровный, гладкий как скатерть* [Там же, с. 255]; *плотный, твёрдый, ровный как асфальт* [Там же]; *пушкой не прошибёшь* [17, с. 367].

Словосочетания *на выстрел, на пушечный выстрел, на расстоянии пушечного выстрела*, по наблюдениям В.М. Мокиенко, еще в XIX в. могли восприниматься и в прямом, и в переносном значении, ведь традиция «выстрельного» измерения пространства была достаточно сильна. Чем больше, однако, отрывались слова и словосочетания «стрелецкого» дела от своей конкретной первичной основы, чем приблизительнее они обозначали пространство, тем решительнее переходили в разряд метафорических наименований [10].

Донорская зона «Натурфакт». Натурфакт является археологическим термином, обозначающим «не-артефактные» объекты, т.е. такие, которые не испытали культурного воздействия человека и являются частью природной среды [11]. Таким образом, к донорской зоне «Натурфакт» относятся ФЕ с компонентами, номинирующими ландшафт, природные явления, стихии, вещества, космические объекты и др. – все, что составляет неорганическую природу [2]. Например: *бескрайний, широкий* и т.п. *как море* [16, с. 251], *под открытым (голым) небом* [17, с. 273], *не за горами* [Там же, с. 116] и др.

Донорская зона «Биосфера». Биосфера – сложная наружная оболочка Земли, населенная организмами, составляющими в совокупности живое вещество планеты [3]. Учитывая общепринятую в биологии классификацию всех ядерных организмов, включающую три сферы [1], донорская зона «Биосфера» охватывает ФЕ с компонентами-наименованиями животных, грибов и растений. Например, во время быстрого движения человек сравнивается с животными: *вертеться (кружится) как белка в колесе* – ‘быть в беспрестанных хлопотах, заботах, занятиях’ [18, с. 60], *работать (трудится) как пчелка* – ‘интенсивно работать’ [6, с. 379] и др.

Таким образом, продуктивным типом мотивации пространственных фразеологических единиц является пропозиционно-диктумный, метонимический по своей природе. Наиболее полно этот тип мотивации реализуется в семантических группах «Движение» и «Локализация».

В основе ПФЕ, репрезентирующих движение, лежат кинетические стереотипы лингвокультуры (чаще всего соматическая пара «нога – рука»). Мотивация большинства ПФЕ с соматическими компонентами связана с функциональными свойствами частей тела человека, жестами и позами, при которых задействованы соматизмы. Компонентный состав ПФЕ, вербализирующих местоположение, свидетельствует о высокой степени зрительного восприятия пространства. Анализ пространственных фразеологизмов с ассоциативно-терминальной и интеграционно-сравнительной мотивацией позволил выделить четыре донорские зоны, являющиеся сферой-источником для реципиентной зоны «Пространство»: «Человек», «Артефакт», «Натурфакт» и «Биосфера». Наиболее продуктивными в русском языке являются донорские зоны «Человек» и «Артефакт», что объясняется принципами антропоцентризма и предметоцентризма. Русская зоофразеология сохраняет древнейшую мифологическую форму восприятия мира – анималистическую. В составе ФЕ с компонентами-артефактами используются традиционные для русской лингвокультуры предметы.

Литература

1. Биологический энциклопедический словарь / гл. ред. М.С. Гиляров. М.: Сов. Энциклопедия, 1986. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_biology/ (дата обращения: 06.01.2022).
2. Галимова Д.Н. Метафорические существительные, представляющие понятийные сферы «Артефакты» и «Натурфакты» в русских говорах Приамурья // Слово: фольклорно-диалектический альманах. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2006. Вып. 4. С. 32–39.
3. Геологический словарь: в 2 т. / Х.А. Арсланова и др. М.: Недра, 1978. 486 с. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_geolog/ (дата обращения: 08.02.2022).
4. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. СПб., 2000. 190 с. URL: <https://www.philology.ru/linguistics1/glazunova-00.htm> (дата обращения: 07.01.2022).
5. Культура и культурология: справочник [Электронный ресурс]. URL: <https://www.artap.ru/cult/index.htm> (дата обращения: 19.10.2021).
6. Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 512 с.
7. Левченко О.П. Символи у фразеологічних системах української та російської мов: лінгвокультурологічний аспект : дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.01;

- 10.02.02 / Національна академія держ. управління при Президентові України. Львівський регіональний ін-т держ. Управління. Львів, 2007. 465 с.
8. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В.В. Бычкова. М., 2003. 607 с.
9. *Ломакина О.В.* Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография. М.: РУДН, 2018. 344 с.
10. *Мокиенко В.М.* Загадки русской фразеологии. 2-е изд., перераб. СПб.: Азбука-классика, 2005. 256 с.
11. Научно-просветительский портал наук об этногенезе [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--c1acc6aafa1c.xn--p1ai/> (дата обращения: 20.02.2022).
12. *Селиванова Е.А.* Новые векторы исследования фразеологии в современном парадигмальном пространстве лингвистики // *Parnie narodu slovanskych II*. Ostrava, 2005. С. 14–22. URL: <http://selivanova.net/downloads/Novye%20vektory%20issledovaniya%20frazeologiyi.doc> (дата обращения: 21.01.2022).
13. *Селиванова Е.А.* Когнитивно-ономазиологический аспект фразеологического семиозиса // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме: четвертые Жуковские чтения: материалы Международного научного симпозиума (4–6 мая 2009 г.). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. С. 69–72. URL: <http://selivanova.net/downloads/kognitivno%20onomasiol%20aspect%20frazeologicheskogo%20semiozisa.doc> (дата обращения: 20.01.2022).
14. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 228 с.
15. *Тодорова Н.Ю.* Концептуальна структура домену «Простір» // Наукові записки. Кіровоград: Видавець Лисенко В.Ф., 2016. Вип. 146. С. 173–177.
16. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь / Л.А. Лебедева М.: ФЛИНТА, 2011. 300 с.
17. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
18. Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н. Тихонов. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.; Медиа, 2007. 334 с.
19. *Щербачук Л.Ф.* Культурні коди через призму негатиї у фразеологічній системі української мови // Мовні і концептуальні картини світу: збірник. К.: ВПЦ «Київський університет», 2011. Вип. 37. С. 476–481.
20. *Lakoff G.* Women, fire and dangerous things. Chicago, L., 1987. 632 p.
21. *Langlotz A.* Idiomatic creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom variation in English. Amsterdam-Philadelphia, 2006. 325 p.

DOI: 10.31862/9785426311954-353-359

Арефьева Н.Г.,

*Одесский национальный университет
имени И.И. Мечникова,
Украина, г. Одесса*

МИРОВОЗЗРЕНИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ В ЗЕРКАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКИХ ГОВОРОВ ОДЕСЩИНЫ

Аннотация. В статье на материале фразеологии рассматривается мировоззрение старообрядцев, проживающих на территории Одесской области Украины. Автор приходит к выводу о доминировании религиозного начала во фразеологической картине мира староверов.

Ключевые слова: русские говоры Одесщины, фразеология, старообрядцы.

Natalia Arefieva,

*Odesa University (ONU),
Ukraine, Odessa*

WORLD OUTLOOK OF OLD BELIEVERS IN THE MIRROR OF RUSSIAN DIALECTS OF ODESSA REGION

Abstract. In the article on the material of phraseology the world outlook of old believers, residents of Odessa region of Ukraine, is examined. The author comes to conclusion about prevailing of religion in the phraseological picture of the world.

Keywords: Russian dialects of Odessa region, phraseology, old believers.

Русские говоры юга Украины – переселенческие, островные, южнорусские – по своему происхождению в большинстве своем курско-орловские, около двухсот и более лет функционирующие в поликультурной и полилингвальной среде. Компактно проживают русские

переселенцы в Одесской области Украины, где насчитывается свыше сорока русских селений. Условно в Одесской области можно выделить несколько ареалов:

- 1) устье Дуная (Измаильский и Килийский районы);
- 2) Буджак (Саратский, Татарбунарский, Арцизский и Тарутинский районы);
- 3) Белгород-Днестровский район;
- 4) низовье Днестра (Беяевский район).

В каждом из них проживают представители разных конфессий: старообрядцы (липоване, некрасовцы); православные нового толка (нестарообрядцы), преимущественно потомки государственных крестьян, переселенцев из южнорусских (Курской, Орловской, Воронежской) губерний [4, с. 27]. Жители исконно русских селений берегут свои культурные традиции, хорошо помнят о своем происхождении, о чем свидетельствуют многочисленные записи, сделанные во время полевых исследований, проводимых студентами и преподавателями Одесского национального университета имени И.И. Мечникова:

Я сам липаван, бапка утикала из Расии ат уанения вёры. Нам пра эта, кауда мы пацанё были, старики расказывали (Мур., 1973). Сяло нашэ насилылась сто шыысят лет с арлофскай губёрнии. Ишли пёшки цэлый уот. В Адёси зимавалиси (Серг., 1974). У нас аты, деды, прадеды населились тут, сами мы с Курьскай губёрнии (Возн., 1985). Фсе, каво ни прапытать, пирилёны с Курьска (Павлов.). Дёдушка мой пришол с Расии. Эта никрасафцы, а итё пажакі (Рус. Ив.). Силу нашэму бдлее двести пидисят лет. Жывут здесь старабрыяцы-липаваі. Людї здесь сваіабразныя, прідержываюцца старых устдөв. Цёркафь дөйствующая, никауда ни разрушалась (Прим., 2012) [2, с. 9; 5].

Яркое отражение во фразеологической семантике русских говоров получило мировоззрение старообрядцев, на протяжении длительного времени сохраняющих исключительную закрытость по отношению к окружающему миру, что позволило в значительно большей, чем у нестарообрядцев, степени сохранить не только исконные черты материнских диалектов, элементы языковой архаики, но и ярко выраженную культурную специфику.

На обширном фразеологическом материале мы уже отмечали *богоцентричность* лингвокультурного пространства носителей русских островных говоров Одесщины, см., напр.: [1, с. 34–36; 2, с. 269–270]. Доминирование религиозного начала в обыденной жизни старообрядцев Пермского края отмечает И.А. Подюков [9]. Религиозная компонента, безусловно, занимает центральное место в мировоззрении старообрядцев, проживающих на территории Одесской области Украины. Так, устойчивое сравнение *локтаť как собаќи вѡду из одной круќки*, транслирующее негативные коннотации и употребляющееся в селе Старая Некрасовка Измаильского р-на Одесской области в значении ‘об утрате религиозности, обусловленной совместным проживанием с представителями других конфессий (у старообрядцев)’ [2, с. 122–123], сопряжено не только с исключительной закрытостью старообрядцев по отношению к «чужакам»-иноверцам. Верующие, отступившие от религиозных канонов, ассоциируются в сознании липован с бездомными собаками: *Тяпѣрь мы фсе пауѡные стаѡли, а ранѣче знѡли вѣру...; Лѡкчим как сабаќи вадѡ с адной круќки* (Ст. Некр., 1977) [Там же, с. 122–123]. Известен старинный обычай липован, до сих пор соблюдающийся в селе Приморском Килийского р-на Одесской области, выбрасывать кружку, если из неё пил иноверец [5]. Как отмечает известный одесский историк-исследователь старообрядчества на Дунае А.А. Пригарин, конфессиональное по своей природе предписание, согласно которому старообрядцы пользовались исключительно собственной посудой, стало этнодифференцированным в восприятии липован [12, с. 81].

Соблюдение/несоблюдение конфессиональных традиций коррелирует с оппозициями *норма/антинорма, хорошо/плохо, достойно/недостойно*, ср.: [*правильный*] *как контора* – ‘о правильной (по представлениям старообрядцев) вере’ [7, с. 283] и в *образ не вѣрять* (неодобр.) – ‘не верить в Бога’: *Па кнѡгам их правѣли – в ѡбрас ни вѣрять* (Петр., 1963) [2, с. 54]; *ни Бѡга не знѡет, ни в человека не вѣрит* (погов.) – ‘о некрещѡном человеке’: *Ёсли ѣн нихриќднѡй атарвѡнец, ни Бѡга ни знѡить, ни ф чилавѣка ни вѣритъ* (Коса, 1980) [Там же, с. 139].

Исключительная религиозность старообрядцев отражена в многочисленных устойчивых сочетаниях обобщающего характера (*Бѡжѡицы*

си́лы нельзя предска́зывать (посл.) – ‘человек не в силах изменить начертанное свыше; на всё Божья воля’: *Божы́цы си́лы нильзя́ притска́зывать: ниудда́ или што – эта́ я на со́нцу* (Прим.) [6], в формулах этикета (*Спаси́ Христос – ‘спасибо’* [10, с. 4; 11, с. 196]; *Нехай́ Бог дае́т вам с воды́ и росы́!* – ‘пожелание удачи, счастья в речевом этикете старообрядцев-липован’ [2, с. 138–139]), устойчивых сочетаниях, сопряженных с той или иной частью обряда (*И го́спода помя́нем до́брым сло́вом, и нам бу́дет хорошо́!* – ‘ритуальная фраза во время трапезы по поводу завершённого обмолота пшеницы’ (Троиц.) [Там же, с. 99]; *родима́я моли́тва* (обряд.) – ‘молитва, читаемая во время рождения ребёнка’: *Да крище́ния ба́тюшка чита́ть радима́ю малитву́. Ф хату́ захадит́ нильзя́, е́сли малитва́ ни вычитана́* (Б. Пл.) [Там же, с. 182]); идиомах (*стоять как грех над душой* (неодобр. или шутл.-ирон.) – ‘надоедать кому-либо’: *Што ты стаи́ш, как үрех над душо́й – от навиза́лся, нильзя́ аты́тыцца* (Прим., 2017–2018) [Там же, с. 202]).

В ряде случаев формулы религиозного этикета переосмысливаются, приобретая новое, фразеологическое, значение. Так, заключительная фраза в ритуале богослужения у липован, проживающих в селе Приморском Килийского района Одесской области, *И Богу нашему слава* в результате переосмысления получила новое прочтение и стала означать конец, завершение какого-либо дела, сохраняя при этом присущие ей сакральность и торжественность: *Замари́лись за́ день, наару́тились... Шчас павиче́рим, памо́дмся, и Бо́у на́шиму сла́ва* (Прим., 2017–2018) [Там же, с. 99]. Устойчивое выражение ни *печали́ ни воздыха́ния*, произносимое в одной из молитв во время ритуального обряда погребения и бытующее в том же селе, также было со временем переосмыслено и стало обозначать беспечного, безынициативного, равнодушного ко всему человека, который в восприятии старообрядцев по своему поведению и внутреннему состоянию ассоциируется с покойником: *Жыве́т он – ни пичали́, ни ваздыха́ния* (Прим., 2017–2018) [1, с. 35–36; 2, с. 141].

Фразеологический фонд фиксирует в мировоззрении староверов смерть праведника и грешника – дихотомию, коррелирующую с оппозицией *верх/низ*; при этом смерть праведника воспринимается как путь к Богу и правде, ср. *пойти́ к Бо́гу* – ‘умереть’ (у старообрядцев

Подунавья – о хорошем, безгрешном человеке) (Ст. Некр.) [2, с. 162], **быть на правде, пойти на правду, принял Бог** – в том же значении [Там же, с. 43, 162–163, 172], тогда как смерть грешника подразумевает нарушение основ установленного миропорядка и движение в обратном направлении, ср.: **пойти вверх ногами** – о смерти плохого человека, грешника (Ст. Некр.) [Там же, с. 162]; **кабыкаться/кабыкнуться в яму** – ‘умирать’ (обычно о пьющем человеке, пьянице): *Пьютъ вѣтку, а патѡм кабыкаюцца в яму* (Б. Пл., 1979); *Пилпил – так и кабыкнулся в яму сасѣт* (Б. Пл.) [Там же, с. 105]. Ср. диал. глаголы: *перевернуться, перемекнуться, переметнуться* со значением ‘умереть’, в основе которых «архаичные представления о перевернутости связей загробного и “того” миров» [8, с. 131]. У староверов Одесского региона умирающих кладут в святой угол под иконы, читая над ними молитвы, ср.: **поклáсть под святы́е и поклáсть под иконы** – ‘положить больного под иконы, читая над ним молитвы’ (Ст. Некр.) [2, с. 164]; **клáсть под икѡны** – ‘класть умирающего больного на пол или лавку в святой угол под иконы’ (Б. Пл.) [Там же, с. 111].

Культурное пространство староверов отражают фразеологизмы **пойти на лек** – 1) ‘начать поправляться после таинства соборования’ (у староверов); 2) ‘начать выздоравливать после тяжелой болезни’: *Мой дет пять лет лижъл ф пастѣли, упъл на нѡуи. Сильна хваръл. Патѡм, слáва бѡгу, пашѡл на лѣк* (Прим., 2017–2018) [Там же, с. 162]; **покрыть платѡк** – ‘надеть платок для посещения богослужения, закрыв два его конца высоко на груди булавкой’ (у старообрядцев) [13, с. 74] и др.

Оппозиция *свой – чужой* занимает центральное место в концептуальной, а следовательно, языковой и фразеологической картинах мира старообрядцев. Символом *своего* является конфессиональная принадлежность и церковь как ее материальное воплощение. Ярким примером отображения данной оппозиции, сопряженной с концептом *церкви* как символом веры, на наш взгляд, может служить шутившая поговорка **Нáша цѣрковъ на два пáльца вѣше!**, употребляющаяся в качестве последнего аргумента в споре: *Ды нихáй! Гаварí ни уаварí, а нáша цѣркафъ фсѣ равнѡ на два пáльца вѣше* (Прим., 2017–2018) [2, с. 131–132]. В основе внутренней формы выражения, понятного большинству местных жителей, лежит спор двух местных

жительниц-липованок по поводу того, чья церковь лучше: Казанской божьей матери в селе Приморском или Рождества Христова в городе Вилково. Исчерпав все аргументы, одна из спорщиц воскликнула: «Все равно наша церковь на два пальца выше!» [2, с. 131–132]. Поговорка стала широко употребительной в селе благодаря заложенной в ней важнейшей для носителей веры установке, обусловившей ее экспрессивность и дальнейшее переосмысление, – *то, что касается веры, не требует доказательств*.

Литература

1. *Арефьева Н.Г.* Духовно-религиозный лингвокультурный код во фразеологическом пространстве носителей русских говоров Одесщины // Славянская фразеология и паремиология. Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое. К 70-летию со дня рождения профессора В.И. Коваля: сб. науч. статей. Гомель, 2021. С. 34–41.
2. *Арефьева Н.Г.* Фразеологический словарь русских говоров Одесщины / под ред. Е.Н. Степанова. Одесса: ОНУ им. И.И. Мечникова, 2020. 236 с.
3. *Арефьева Н.Г.* Фразеология русских переселенческих говоров юга Украины: монография / науч. ред. Е.Н. Степанов. Одесса: Астропринт, 2021. 352 с.
4. *Баранник Л.Ф.* Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в разноязычном окружении: учеб. пособие. Одесса: Одесский нац. ун-т им. И.И. Мечникова, 2015. 178 с.
5. Диалектная фонотека. Кафедра общего и славянского языкознания ОНУ им. И.И. Мечникова (до 2020 г. – кафедра русского языка). Одесса, 2012–2018.
6. Картотека «Словаря русских говоров Одесщины». Рукопись. Кафедра русского языка (с 2020 г. – кафедра общего и славянского языкознания ОНУ им. И.И. Мечникова). Одесса, 1956–2018.
7. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
8. *Подюков И.А.* Негативные аспекты образа смерти в диалектном лексико-фразеологическом выражении // Филология в XXI веке. Вып. 1 (13). ПГНИУ. 2019. С. 128–133.
9. *Подюков И.А.* Особенности фразеологического состава пермских старобрядческих говоров // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 285–300.

10. *Пригарин А.А.* Липоване и «Липоване...» в новейшей практике и историографии: опыт саморефлексии // *Липоване: история и культура русских старообрядцев*. Одесса, 2013. Вып. 10. С. 3–18.
11. *Пригарин А.А.* Новые издания по старообрядческой тематике // *Липоване: история и культура русских старообрядцев*. Одесса, 2013. Вып. 10. С. 190–196.
12. *Пригарін О.А.* Відображення процесів формування осередку російських старообрядців на Дунаї в історичній пам'яті їхніх нащадків // *Україна модерна*. К.; Львів: Критика, 2007. Ч. 11. С. 58–84.
13. *Швец А.И.* Традиционная народная культура и ее отражение в диалектной лексике. *Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства*. Одеса, 2012. № 18. С. 71–74.

DOI: 10.31862/9785426311954-360-364

Горбунова Ю.С.,

*Южный федеральный университет,
Россия, г. Ростов-на-Дону*

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ,
ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА,
В ДОНСКИХ ГОВОРАХ**

Аннотация. Статья посвящена диалектным фразеологизмам, определяющим различные черты характера в донских говорах.

Ключевые слова: диалектный фразеологизм, фразеология, диалект, донские говоры, характер.

Julia Gorbunova,

*Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don*

**PHRASEOLOGICAL UNITS
DEFINING THE CHARACTER OF A PERSON
IN THE DON DIALECTS**

Abstract. The article is devoted to dialect phraseological units defining various character traits in the Don dialects.

Keywords: dialect idiom, phraseology, dialect, Don dialects, character.

Русские говоры включают в себя богатейшие запасы фразеологизмов, различных и по использованию, и по структуре, и по эмоциональной насыщенности. Источником фразеологии в говорах являются различные обряды, древние языческие праздники, почти не сохранившиеся, но оставившие свой след в языке. В большинстве случаев в основе диалектных устойчивых оборотов лежат конкретные представления: разговорная речь обладает неограниченными возможностями

метафоризации значений слов и целых выражений [3, с. 185]. Проблема диалектной фразеологии была и остается крайне актуальной и с точки зрения стилистики, и с точки зрения лингвистики.

Донские казачьи говоры – это живая народная речь казаков, живущих на территории двух соседних областей – Ростовской и Волгоградской (территория бывшей области Войска Донского). Специфика донских говоров в сравнении с другими диалектами русского языка определяется главным образом историческими судьбами той части русского народа, которая в течение нескольких веков носила название донских казаков. Донские говоры являются говорами вторичного образования, тесно связанными по структуре с исконными говорами, прежде всего с восточной группой южновеликорусских говоров – воронежскими, рязанскими, тамбовскими, а также с восточной частью курских, орловских, тульских [5, с. 5].

Лексический и фразеологический состав современного донского диалекта, сохраняющий определенное сходство с лексикой и фразеологией родственных южнорусских говоров, в то же время отличается специфическими чертами и представляет собой самостоятельную, своеобразную систему, не совпадающую с системами исконных диалектов.

Донскими диалектными фразеологизмами являются обороты, имеющие локальное распространение (территория бывшей области Войска Донского) и не входящие в состав других функциональных разновидностей языка: *точить (точать) балы (балики)* – ‘проводить время за пустыми разговорами’; *Бог крыл* – ‘удалось избежать чего-л. неприятного’; *под метлу* – ‘подряд, подчистую’ [1, с. 5]. Фразеологическая система донских говоров явилась объектом разноаспектного анализа в работах Л.К. Алахвердиевой, Е.В. Брысиной, В.М. Глухова, Е.И. Дибровой, Г.В. Токарева и других исследователей.

Внутренние качества человека в донских говорах определяются фразеологизмами разных грамматических типов: именными, адъективными, адвербиальными, глагольными. Эти устойчивые обороты указывают на признак (черту характера), несмотря на различия в структурной организации. Адъективные фразеологические единицы обладают категориальным значением признаковости: *не трусого десятка* – ‘не робкого десятка, смелый’. В именных ФЕ категориальное

значение предметности может быть оттеснено значением адъективности: *сдирок с чертовой шкуры* – ‘необузданный человек’. Глагольные фразеологизмы выражают качественную характеристику лица: *сесть (как) на якорь* – ‘заупрямиться’ (*Он сел как на якорь, и не спихнёш иво с места, нипаслушной*). Такие обороты могут определять постоянные качества характера в зависимости от контекста.

В донской фразеологии часто оцениваются волевые черты характера (нами проанализировано свыше 50 примеров). Это объясняется тем, что большинство качеств характера человека зависит от его воли [4, с. 125]. Многочисленность фразеологических единиц (ФЕ), определяющих волевые черты характера, доказывает и особую ценность их для казака: в казачьей среде всегда почитались храбрость, отвага, а трусость и малодушие оценивались негативно. Особенностью характера казаков являлось мужество и бесстрашие в любых экстремальных условиях: в бою, в трудном походе.

Диалектные фразеологические единицы, определяющие волевые качества характера, можно распределить по нескольким семантическим группам: отвага/трусость (*оторви собаке хвост* – о смелом, бойком человеке); безрассудство, вспыльчивость (*сполошной чёрт* – о человеке, совершающем неожиданные, неоправданные поступки, действия); независимость/беспомощность (*идти на свою волю* – выходить из повиновения, начинать вести самостоятельную жизнь); упрямство, своенравие (*сесть на якорь* – заупрямиться); твердость/мягкость (*крепкое сердце* – о выдержанном, стойком человеке).

Для казаков большое значение имеет отношение к труду, всегда почитались усердность, ловкость, а лень и праздность оценивались негативно. В донской фразеологии часто оценивается отношение человека к труду (нами проанализировано свыше 100 примеров). Фразеологизмы определяют такие противоположные качества, как усердие – недобросовестность, трудолюбие – праздность, ловкость – нерасторопность, активность – инертность. Донские фразеологизмы со значением «отношение к труду» можно классифицировать по нескольким семантическим признакам: отношение человека к труду может быть положительным или отрицательным. Вслед за Г.В. Токаревым, установлены несколько разделов таких фразеологизмов [6, с. 32].

В микрополе «Отрицательное отношение к труду» есть раздел «выполнение работы определенным образом». Эти качества оцениваются в донском говоре по различным параметрам: ответственность за результат работы, например: *спустя (с) рук* – ‘кое-как; спустя рукава’; затрата времени на выполнение, например: *ни три ни мни (сухие ремни)* – ‘о медлительном, нерасторопном, ничего не умеющем делать человеке’; затрата физических сил, например: *поворачиваться как сом в вентере* – ‘делать что-либо вяло, быть неповоротливым’. Содержание другого раздела определяется в отношении образа жизни ленивого человека и формулируется как «жить определенным образом, проявляя отрицательное отношение к труду»: *жить (прожить) лёгким духом* – ‘жить легко, не трудясь’. Также выделяется ситуация уклонения от работы: *идти (ходить) как лында* – ‘слоняться без дела’. Наиболее многочисленны фразеологизмы раздела «бездельничать»: *сидеть как печерица, сбивать шабалы, смолить булды, бить баглаи, ворочать дурака*.

В микрополе «Положительное отношение к труду» выявлены следующие разделы: уровень квалификации (например, фразеологизм *суетная Марина* – ‘расторопная, проворная женщина’); координация действий (*как загорская кобыла* – ‘энергично что-либо делать’); затрата физических сил (*до крови жизни* – ‘до упаду, не жалея сил’, *обмываться потом и кровью* – ‘работать до изнурения’); объем работ (*покладать труда* – ‘много трудиться’). Наиболее многочисленны фразеологизмы со значением «много работать»: *гнуть хрип, не класть (покладать) рук, крутиться как в коловерти*.

Заслуживают внимания фразеологизмы с культурно маркированными компонентами. Слово «казак» является значимым в лингвокультурологическом аспекте, так как указывает не только на субэтническую принадлежность человека, но и на определенные черты его характера [2, с. 35]. Компонент «казак» в составе диалектных фразеологизмов является символом таких понятий, как удаль, храбрость, независимость: *казачья развязка* – ‘удаль, ловкость (казаков)’, *казачья хватка* – ‘ловкость, решительность, находчивость’, *ни хохол, ни казак* – ‘о человеке, живущем бесцельно, без пользы для других’.

Изучение диалектной фразеологии дает богатые сведения об особенностях менталитета русского народа, свойствах и чертах его характера.

Литература

1. Большой толковый словарь донского казачества / ред. В.И. Дегтярев и др. М., 2003.
2. *Брысина Е.В.* Лингвокультурный потенциал диалекта // Проблематика бытования русского языка и русской культуры на юге России: история, современность и перспективы: материалы Всероссийского научно-практического семинара. Ставрополь, 2012.
3. *Колесов В.В., Ивашко Л.А.* и др. Русская диалектология. М., 1990.
4. *Левитов Н.Д.* Психология характера. М., 1969.
5. Словарь русских донских говоров: в 3 т. / отв. ред. В.С. Овчинникова Ростов на/Д., 1975–1976.
6. *Токарев Г.В.* Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке). Волгоград, 2003.

DOI: 10.31862/9785426311954-365-371

Григорьевская О.В.,
*Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского,
Россия, г. Симферополь*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПРИВЛЕЧЕНИЕ И УДЕРЖАНИЕ ВНИМАНИЯ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье описаны каузальные фразеологизмы семантической группы «Привлечение и удержание внимания». Представлена структура данной семантической группы. Дается анализ семантики привлечения и удержания внимания, которая вербализируется с помощью фразеологических единиц, представляющих каузальную ситуацию. Лингвокультурологический подход к описанию языковых единиц позволяет выявить национально-культурные особенности ситуации привлечения и удержания внимания, что находит отражение в фразеологической картине мира русского языка. Описаны основные образы, на которых основаны фразеологизмы исследуемой семантической группы.

Ключевые слова: фразеологическая единица, лингвокультурология, каузация, привлечение и удержание внимания.

Olga Grigorjevskaya,
*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Russia, Simferopol*

PHRASEOLOGISMS OF THE SEMANTIC GROUP “ATTRACTING AND RETAINING ATTENTION” IN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article is devoted to the causal idioms from the semantic group “Attraction and retention of attention”. The structure of this semantic group is presented. The semantics of the destruction is analyzed, which

is verbalized by means of phraseological units, representing the causal situation. Linguistic and cultural analysis allows to reveal the ideas about national and cultural peculiarities of situation of destruction in the phraseological picture of the world of the Russian language. The main images which the phraseological units of researched semantic group are based on are described.

Keywords: phraseological unit, cultural linguistics, causation, semantic of attraction and retention of attention.

В конце XX в. на первый план выдвигаются проблемы человека, личности, менталитета и культуры. Поэтому ведущим принципом лингвистики становится принцип антропоцентризма. При антропоцентрическом подходе к изучению языка, основоположниками которого являются В. Гумбольдт и А.А. Потебня, провозглашается принцип постижения языка в тесной связи с бытием человека.

Фразеология, как наука о наиболее культурно маркированных различных единицах языка, не могла не сориентироваться на принцип антропоцентризма. Одной из наиболее важных задач антропоцентрической фразеологии является исследование взаимоотношения лингвистических и экстралингвистических смыслов в семантике фразеологических единиц (ФЕ).

В современных исследованиях (М.Л. Ковшова [4], В.А. Маслова [6], В.М. Мокиенко [7], Ю.Ф. Прадид [8], В.Н. Телия [9], А.М. Эмирова [11], Т.А. Яценко [12] и др.) для выявления экстралингвистических компонентов в семантике ФЕ используется лингвокультурологический подход, позволяющий установить связи фразеологизмов с разными кодами культуры, выявить образы, на которых базируются исследуемые единицы, определить роль фразеологизма в ходе описания и восприятия мира. Всем этим и объясняется актуальность данной статьи.

Цель исследования – вычленив из фразеологического фонда русского языка группу фразеологических единиц с семантикой «привлечение и удержание внимания» и описать ее в рамках лингвокультурологического подхода к изучению языка.

ФЕ указанной семантики функционируют в рамках двух полярных синонимических рядов:

- 1) обращать внимание;
- 2) не обращать внимания.

Как показал анализ фактического материала, семантика «привлечение и удержание внимания» характерна в большинстве случаев для каузальных фразеологизмов (более подробно о репрезентации каузальной семантики см. [5]).

Каузация вслед за Т.А. Яценко понимается как «устанавливаемое субъектом отношение между каузирующей и каузируемой ситуациями, которое реализуется в языке определенным репертуаром лексико-грамматических и контекстуальных средств» [12, с. 97]. «В лингвистике существует две точки зрения на понимание каузации. Согласно первой точке зрения, в понятие каузации входят причина и следствие без включения цели, условия, уступки (А.Д. Азимова, К.Г. Максипетян, Г.В. Плаксина, А.В. Халчанская). Мы же придерживаемся второй точки зрения, более широкой, с включением в каузацию цели, условия и уступки (О.Ю. Богуславская, Т.В. Булыгина, Г.А. Золотова, И.Б. Левонтина, М.В. Ляпон, М.И. Конюшкевич, Н.К. Онипенко, Ю.С. Степанов, А.Д. Шмелев, Т.А. Яценко)» [5, с. 42].

Следует отметить, что «исследуемые ФЕ описывают определенную каузальную ситуацию, участниками которой являются каузатор (активный участник) и каузируемое лицо, реже каузируемый объект (пассивные участники). В роли каузатора в большинстве случаев выступает человек, в роли каузируемого лица – одушевленный объект, а каузируемый объект – это неодушевленный предмет. При этом ситуация подразумевает, что каузатор совершает некое воздействие на каузируемое лицо или объект» [6, с. 24].

Фразеологизмы указанной семантики, как правило, содержат в своей структуре каузативный глагол в форме инфинитива, который в рамках одной лексемы выражает оба положения дел: порождающее и порожденное (*посадить, положить* и т.д.) или только порожденное (*просить, побуждать, вынуждать, разрешать* и др.).

Перейдем к описанию ФЕ синонимического ряда «Обращать внимание». Данные фразеологизмы описывают ситуацию, когда каузатор обращает внимание каузируемого лица на что-л. При этом каузируемое лицо часто не называется или мыслится обобщенно: *звонить (ударять) во все колокола; трубить/затрубить в (во все) трубы; кричать на всех перекрестках; тыкать/ткнуть в нос (носом); выскивать (ловить) блох* и т.д. «Образы данных ФЕ основаны

на древнейшем противопоставлении “близкий – далекий”. Достигнуть далекого пространство можно было только при помощи громких звуков» [1, с. 236]. В составе фразеологизмов *трубы, колокола* метафорически уподобляются языку как речевой способности человека и инструменту речи: *трубить, кричать, звонить* – распространять сведения на большое расстояние: *Про этих суворовцев и нахимовцев трубили во все трубы, печатали фотографии, показывали в кинохронике – не то что про нас* (А. Рекемчук. Нежный возраст); *Приедем вот домой, так звони во все колокола, туда и сюда вноси свои предложения* (А. Авдеенко. Над Тиссой). Такие ФЕ наделяются коннотациями неодобрения.

ФЕ *выискивать (ловить) блох* описывает ситуацию обращения каузатором внимания на что-л. незначительное. Образ данной ФЕ мотивирован уподоблением осторожности и скрупулезности действий при ловле блох придирчивости каузатора, который замечает даже мелочи. Такое поведение не одобряется в русском языке сознанием, что отображается в коннотациях осуждения фразеологизмов: *Однако он опасался, что если признается в своём авторстве, то друзья станут неискренне хвалить его творчество – или, наоборот, примутся выискивать блох* (В. Титов. Золото колдуна).

Образ ФЕ *тыкать/ткнуть в нос (носом)* содержит метафору «отучать животного от дурной привычки – обращать внимание». Компонент *нос* в структуре ФЕ *тыкать/ткнуть в нос (носом)* как наиболее заметная часть лица метонимически замещает человека вообще: *А вот у тебя люди заражены неверием, угнетены трудностями, а ты им... только дурацкие бумаги в нос тычешь* (П. Павленко. Счастье).

Рассмотрим национально-культурные особенности ФЕ семантической группы «Не обращать внимания». Фразеологизмы этой группы находятся в антонимических отношениях с ФЕ с семантикой «обращать внимание» (*закрывать/закрыть глаза на что; смотреть сквозь пальцы; поворачиваться/повернуться спиной к кому/чему-л.; сбрасывать (скидывать)/сбросить (скинуть) со счетов (счёта) кого/что-л.* и т.д.): *Невозможно, как бы сильно кому-то этого ни хотелось, вдруг повернуться спиной к Цхинвали и начать контакты с представителями Тбилиси на местах, не являющимися стороной в конфликте и по определению не имеющими никакого отношения к переговорному*

процессу», – говорится в комментарии МИДа, распространённом в среду (www.newsru.com/russia/27jun2007); *И животных Одессы не упустил из вида* Эдуард Гурвиц (www.newsodessadetail/209/2087).

Ситуация, в которой каузатор не обращает на кого / что-л. внимания, может подразумевать нежелание воспринимать кого/что-л.: *закрывать/закрыть глаза на что; пропускать/пропустить мимо глаз; пропускать/пропустить мимо ушей*. В составе этих ФЕ выделяются компоненты *глаза и уши*, называющие органы восприятия и символизирующие инструмент восприятия. Данные компоненты метонимически замещают самого человека: *Скажи это другой кто-нибудь, я бы слова мимо ушей пропустил. Но это сказала она...* (В. Песков. Война и люди); *Президент России заявляет, что не собирается закрывать глаза на недостатки работы правительства* (www.glasweb.com/news62138/).

Фразеологизмы с семантикой «не обращать внимания» соотносятся с семантикой «проявлять пренебрежение, безразличие»: *махнуть рукой на кого/что-л.; пропускать/пропустить сквозь пальцы; смотреть сквозь пальцы* и т.д.

«Образ ФЕ *пропускать/пропустить сквозь пальцы; смотреть сквозь пальцы* восходит к архетипическому противопоставлению “закрытый – открытый” и к связанному с ним противопоставлению “тайный – явный”. В основе образа данных ФЕ лежит метонимическое отождествление “зрение – видение”, основанное на смежности понятий: орган зрения – зрение как перцептивное восприятие – видение, знание как результат полного восприятия» [1, с. 644]. Компонент *пальцы* символизирует преграду, мешающую видеть что-л. ясно, четко, в полном объеме, что, в свою очередь, мешает осознать происходящее: *Осуществлять тренерскую поддержку во время матчей запрещено, хотя на женских турнирах на этот запрет часто смотрят сквозь пальцы, чтобы как-то оживить трансляции* (www.palm.newsru.com/sport/11sep2006/).

ФЕ *махнуть рукой на кого / что-л.* соотносится с жестовым кодом культуры (махнуть рукой – ‘пренебречь’): *А насмешникам остаётся два выхода – или срочно менять профессию (мне поздно), или, махнув рукой на вечность, обращаться к нынешнему зрителю и читателю, пытаясь оставить след в душах...* (Э. Рязанов. Неподведённые итоги).

Проанализированные выше ФЕ получают коннотации неодобрения.

ФЕ данной группы представляют также ситуацию, в которой наблюдатель не замечает кого / что-л. из-за невнимательности, рассеянности и т.п.: *упускать (выпускать)/упустить (выпустить) из виду; слона не заметить*. В данном случае образы ФЕ основаны на метафоре «зрение – восприятие». Компонент *слон* в структуре ФЕ *слона не заметить*, источником которой является басня И.А. Крылова, обозначает большое животное и тем самым символизирует что-л. важное, значимое. Уподобление большого животного чему-л. значимому и привносит коннотации иронии, насмешки: *Разделы имеют главы. И в их названиях многократно фигурирует слово «орган». Так вот догадайтесь, какого слона не заметили? Да, да – органы печати* (www.glasweb.com/news62138/).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Лингвокультурологический подход к описанию фразеологизмов с семантикой привлечения и удержания внимания позволил выявить национально-культурные особенности исследуемых единиц.
2. Фразеосемантическая группа указанной семантики имеет четкую структуру и представлена двумя антонимичными синонимическими рядами: «Обращать внимание»; «Не обращать внимания».
3. Образы исследуемых фразеологических единиц преимущественно базируются на таких древнейших противопоставлениях, как «близкий – дальний», «закрытый – открытый», «тайный – явный».
4. Проведение лингвокультурологического анализа позволило выявить основные метафоры, лежащие в основе ФЕ синонимического ряда «Обращать внимание», а именно: уподобление предметов для звучания инструменту речи; уподобление скрупулезных действий ситуации обращения внимания; уподобление поведения с животным ситуации привлечения внимания.
5. ФЕ синонимического ряда «Не обращать внимания» основаны, как правило, на метонимическом отождествлении «зрение – видение», «зрение – восприятие». Стержневыми компонентами

в структуре данных единиц выступают глаза, уши, называющие органы восприятия и являющиеся символами инструмента восприятия.

Литература

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2006. 784 с.
2. Жуков А.В. Словарь современной русской фразеологии. М.: АСТ-Пресс, 2016. 416 с.
3. Жуков В.П. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1987. 448 с.
4. Ковишова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 48 с.
5. Колесникова О.В. Лингвокультурологическое описание фразеологизмов тематической группы «Социальные действия человека» // Научный диалог. 2016. №11 (59). С. 40–53.
6. Колесникова О.В. Национально-культурные особенности репрезентации каузальной семантики фразеологическими средствами русского языка // Научный диалог. 2018. № 1. С. 22–35.
7. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре. Витебск: Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2004. 214 с.
8. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1990. 159 с.
9. Прадід Ю.Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень). Сімферополь, 1997. 252 с.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
11. Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986. 1335 с.
12. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении: монография. Симферополь: Научный мир, 2020. 228 с.
13. Яценко Т.А. Каузация в русском языковом сознании. Симферополь: ДИАЙПИ, 2006. 478 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-372-381

Гуриненко Н.А.,
*Московский педагогический
государственный университет,
Россия, г. Москва*

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ
С КОМПОНЕНТАМИ-ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ
В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ
И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Аннотация. Статья посвящена выявлению типологических связей фразеологизмов с компонентом-числительным в русском и польском языках. В процессе написания работы были использованы методы сопоставительного и лингвокультурологического анализа. В ходе исследования были выявлены разновидности структурно-типологических соответствий русских и польских фразеологизмов и определены их этнокультурные особенности.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологический образ, структурно-типологическое соответствие.

Natalia Gurinenko,
*Moscow Pedagogical State University,
Russia, Moscow*

**PHRASEOLOGISMS
WITH NUMERAL COMPONENTS
IN RUSSIAN AND POLISH:
SEMANTIC AND LINGUOCULTURAL ASPECTS**

Abstract. The purpose of the article is to identify typological links of phraseological units with the numerical component in Russian and Polish. Methods of comparative and linguoculturological analysis were

used in the study. In the course of the work, various types of structural-typological correspondences of Russian and Polish phraseological units were identified and their ethnocultural characteristics were determined.

Keywords: phraseological unit, phraseological image, structural-typological correspondence.

Фразеологический фонд любого языка является отражением соответствующей культуры. Именно поэтому изучение фразеологии, в большей степени, чем изучение какого-либо другого сегмента языка, позволяет понять его национально-культурную специфику.

Кроме того, «фразеологический состав (фразеология) любого языка является “неисчерпаемой сокровищницей”... его образных, ярко коннотированных выражений, помогающих воспринять сложные и отвлеченные понятия на основе конкретных и наглядных представлений и картин» [6, с. 204].

В данной статье мы рассмотрим фразеологизмы русского и польского языков, включающие в свой состав компоненты, выраженные именем числительным. Однако поскольку мы осуществляем наше исследование в сопоставительном ключе (сопоставляем данные двух разных, хотя и родственных, славянских языков), то должны отдавать себе отчет в том, что не всегда перед нами будут полные эквиваленты. В процессе анализа фразеологизмов мы намерены рассмотреть их в соответствии со структурно-типологической классификацией, разработанной Ю.П. Солодубом. Согласно этой классификации, различаются следующие разновидности структурно-типологических соответствий фразеологизмов.

1. Межъязыковые фразеологические эквиваленты (МФЭ) – «это фразеологизмы различных языков, совпадающие по своим значениям... фразеологическим образам и стилистической окраске» [6, с. 207].

Нужно подчеркнуть, что тождество значений и стилистических характеристик сопоставляемых разноязычных фразеологических единиц является обязательным условием для всех типологических сопоставлений в данной классификации.

В свою очередь, МФЭ делятся на четыре разновидности:

- МФЭ-I – предполагают полное соответствие разноязычных фразеологизмов на лексическом и грамматическом уровнях;

- МФЭ-II – характеризуются отсутствием полного сходства разноязычных фразеологических единиц на лексическом уровне;
- МФЭ-III – характеризуются отсутствием полного сходства фразеологизмов разных языков на грамматическом уровне;
- МФЭ-II-III – характеризуются отсутствием полного сходства разноязычных фразеологизмов как на лексическом, так и на грамматическом уровнях [6, с. 208–210].

2. Межъязыковые фразеосемантические соответствия 1-й степени сходства (МФС-I) «характеризуются уже не тождественными, а только близкими фразеологическими образами, что, безусловно, находит свое отражение прежде всего в определенных лексических несоответствиях... сопоставляемых разноязычных фразеологизмов» [Там же, с. 210].

3. Межъязыковые фразеосемантические соответствия 2-й степени сходства (МФС-II) характеризуются, помимо тождества значений и стилистических характеристик, обязательных для всех типов соответствий, «только общностью фразеологической модели (ФМ). Фразеологические образы в пределах данной ФМ совершенно различны и носят очень часто специфически национальный характер» [Там же, с. 212]. При этом «под ФМ... мы понимаем обобщенную схему логико-семантического конструирования значений определенных фразеологизмов» [Там же].

Рассмотрим фразеологизм русского языка, имеющий в своем составе числительное *ноль*: *круглый ноль (нуль)*. Во фразеологическом словаре находим такое толкование данной единицы: «Ничего не значащий, не стоящий человек. – Муж твой для тебя – круглый ноль, ты сама это знаешь. К чему тогда все эти слёзы и упрёки? (А. Чехов. Выгодная сделка)» [7]. Синонимом этого фразеологизма является фразеологическая единица *ноль (нуль) без палочки*: «То же, что *круглый ноль (нуль)*. Федот Федотыч на вызов в Совет не явился, сказавшись хворым... Харитон предписание, обязывающее везти хлеб в город, не взял и не расписался за него. – Встанет батя на ноги, с ним и толкуйте. А я в хозяйстве *ноль без палочки*. (И. Акулов. Касьян Остудный)» [Там же]. Синонимический ряд фразеологизмов с компонентом *ноль* продолжает фразеологизм *абсолютный ноль* – «Человек ничтожный или совершенно бесполезный в каком-либо деле» [Там же].

Обратим внимание на то, что если значения фразеологизмов *круглый ноль* и *ноль без палочки* совпадают (так говорят о человеке, степень важности которого в глазах окружающих или в его собственных глазах ничтожна), то фразеологическая единица *абсолютный ноль* имеет еще дополнительный семантический признак «бесполезность в каком-либо деле».

В польском языке существуют фразеологические единицы *zero kompletne* (букв. «полный ноль») и *zero absolutne* (букв. «абсолютный ноль»), например: *Jak możesz podziwiać kogoś, kto jest kompletnym zerem?!* («Как ты можешь восхищаться кем-то, кто является круглым нулём?!»)

Эти польские фразеологизмы можно рассматривать как МФЭ-1 по отношению к соответствующим русским фразеологизмам *круглый ноль* и *абсолютный ноль*, так как данные разноязычные фразеологические единицы имеют семантическое тождество, совпадают по стилистической окраске и не обнаруживают лексических несоответствий. Несовпадение компонентов, выраженных прилагательными (*круглый – полный*), является чисто формальным, так как слово *круглый* в составе русского фразеологизма употребляется в значении «полный, совершенный» [5, с. 249].

Следующий фразеологизм, который мы хотели бы рассмотреть, – *стоять одной ногой в гробу*, значение которого во фразеологическом словаре сформулировано так: «Доживать свою жизнь, быть близким к смерти. Обычно о больном или старом человеке» [7]. Вариантом этого фразеологизма является фразеологическая единица *стоять одной ногой в могиле* – «То же, что *стоять одной ногой в гробу*. *Перед вами старец, убелённый сединами, стоящий одной ногой в могиле*. (А. Чехов. Юбилей)» [Там же]. Вопрос о разграничении фразеологической синонимии и фразеологического варьирования является дискуссионным. Назвав фразеологическую единицу *стоять одной ногой в могиле* вариантом (а не синонимом) фразеологизма *стоять одной ногой в гробу*, мы исходим из того положения, что лексическая замена компонента не меняет образ, характер фразеологизма. Слова *могила* и *гроб* находятся в одном «тематическом круге лексики, обеспечивающем относительную тождественность образного представления» [4, с. 32].

В польском языке для выражения данного значения используется фразеологизм *być jedną nogą na tamtym świecie* (букв. «быть одной ногой на том свете»). Например: *Był niemal jedną nogą na tamtym świecie, a mimo to wyzdrowiał* («Он, казалось, был одной ногой в могиле, но, несмотря на это, выздоровел»).

Нетрудно заметить, что рассмотренные выше семантически тождественные русские фразеологизмы включают в свой состав слова, связанные с обрядом погребения (*гроб, могила*), т.е. имеющие отношение к реалиям нашего мира, тогда как в польском фразеологизме отражено представление о потустороннем мире (выражения *тот свет, на том свете* присутствуют и в русском языке, но в рассмотренных фразеологизмах они не актуализованы). Таким образом, представленные выше фразеологизмы двух языков со значением «быть близким к смерти» следует отнести к разновидности МФС-I, так как они обладают близкими, но не тождественными фразеологическими образами. Их близость заключается в том, что они имеют отношение к тематической сфере «смерть».

Рассмотрим русский фразеологизм *в двух шагах (от кого, чего)*, значение которого определяется так: «Совсем близко, недалеко. *От меня в двух шагах живет семейство, с которым мне очень хочется вас познакомить.* (И. Тургенев. Накануне)» [7]. Этому фразеологизму в польском языке соответствует в семантическом отношении фразеологизм *o dwa kroki (od czegoś)*. Например: *Mieszkaś o dwa kroki stąd, a i tak się spóźniasz!* («Ты живешь в двух шагах отсюда, но всё равно опаздываешь!»).

Однако между русским и польским фразеологизмами наблюдается грамматическое несоответствие: в русском языке в данном случае используется форма предложного падежа числительного и существительного с предлогом *в*, в польском языке – форма винительного падежа числительного и существительного с предлогом *о*. Таким образом, данные фразеологизмы мы должны отнести к разновидности МФЭ-III.

Теперь обратимся к фразеологизму русского языка *убить двух зайцев*, значение которого таково: «Одновременно выполнить два разных дела, осуществить сразу два разных намерения. *Цель моя – убить сразу двух зайцев: правдиво нарисовать жизнь и... показать, насколько эта жизнь уклоняется от нормы.* (А. Чехов. Из письма А. Плещееву

от 9 апреля 1889 г.)» [1]. Иногда в речи употребляется расширенный вариант этого фразеологизма – *убить двух зайцев одним выстрелом* (при этом компонент *одним выстрелом*, выполняющий функцию обстоятельства, может находиться как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к опорным компонентам). В польском языке употребляется семантически тождественный фразеологизм *upiec dwie pieczenie przy jednym ogniu* (букв. «приготовить две порции жаркого на одном огне»). Например: *Jeśli jutro spotkam się z nim i podpiszę tę umowę, to upiekę dwie pieczenie przy jednym ogniu* («Если завтра я встречу с ним и подпишу этот контракт, то одним выстрелом убью двух зайцев»). В данном случае мы имеем дело с разными фразеологическими образами (при общности фразеологической модели), а следовательно, перед нами разновидность МФС-II. Интересно отметить, что русский фразеологический образ восходит к представлению об охоте, которая в России имеет многовековые традиции; фразеологический образ польского фразеологизма связан с кулинарным искусством, также имеющим в Польше богатую историю.

Обратимся к фразеологизму *один на один*. Нас интересует первое его значение: «Наедине, без посторонних, без свидетелей. – *Значит, и раньше, ещё до моей болезни, ты тоже могла, но только не хотела, оставаться со мною один на один.* (А. Куприн. Олесья)» [7]. Данное значение в русском языке выражается также фразеологизмом, не содержащим числительных – *с глазу на глаз*. Этой же семантикой обладает фразеологизм польского языка *w cztery oczy* (букв. «в четыре глаза»). Например: *Pomówmy o tym w cztery oczy, w moim gabinecie* («Поговорим об этом с глазу на глаз, в моём кабинете»). Интересно отметить, что польская фразеологическая единица *w cztery oczy* создана на основе синекдохи (часть вместо целого) и указывает на общее количество собеседников (их именно двое), тогда как в русском фразеологизме *один на один* подчеркивается идея «раздельности»: здесь каждый из собеседников обозначен соответствующим числительным. Данный русский фразеологизм в сопоставлении с польской фразеологической единицей представляют собой разновидность МФЭ-II-III, так как они различны и в лексическом, и в грамматическом отношении.

Рассмотрим фразеологизм русского языка (*как пятое колесо в телеге*, значение которого словари определяют так: «Ненужный, лишний,

беспольный в каком-либо деле (говорится пренебрежительно о том, кто является помехой чему-либо). *Я-то к чему тут примешался? Что за глупое пятое колесо в телеге!* (И. Тургенев. Дневник лишнего человека)» [1]. Синонимичным данному фразеологизму выступает фразеологизм (как) *собаке пятая нога*. В польском языке употребляется фразеологизм (*jak*) *piąte koło u wozu* (букв. «как пятое колесо у телеги»). Например: *Czuję się okropnie, kiedy traktujesz mnie jak piąte koło u wozu* («Я ужасно себя чувствую, когда ты относишься ко мне как к пятому колесу в телеге»). Будучи семантически идентичным русскому фразеологизму (как) *пятое колесо в телеге*, он отличается от последнего только грамматической структурой: в польском фразеологизме мы наблюдаем форму родительного падежа существительного с предлогом *u* (*u wozu*), тогда как соответствующий компонент русского фразеологизма представлен формой предложного падежа существительного с предлогом *в* (*в телеге*). Значит, в соответствии со структурно-типологической классификацией перед нами разновидность МФЭ-III.

С точки зрения классификации В.В. Виноградова, все рассмотренные выше фразеологические единицы русского языка являются фразеологическими единствами. Они характеризуются «семантической сложностью своей структуры, потенциальной выводимостью своего общего значения из семантической связи компонентов» [2, с. 30]. Фразеологическое единство обладает также яркой внутренней формой (фразеологическим образом). Так, например, очевидно, что в основе фразеологического образа единиц *круглый ноль*, *абсолютный ноль* и *ноль без палочки* лежит общее для разных народов представление о том, что ноль (от лат. *nullus* – никакой) является числом, представляющим абсолютное ничто. А фразеологический образ устойчивых сочетаний (как) *пятое колесо в телеге* и (как) *собаке пятая нога* зиждется на представлении о том, что данные элементы являются совершенно ненужными, лишними и даже создают помехи.

Теперь мы хотели бы обратиться к фразеологизму *седьмая вода на киселе*, значение которого в словаре определено так: «Очень дальний родственник. – *Да наследники-то какие: троюродные, седьмая вода на киселе.* (И. Гончаров. Обломов)» [7]. Данный фразеологизм имеет вариант (правда, менее распространенный в речи): *десятая вода на киселе*. Эта единица, с точки зрения классификации

В.В. Виноградова, является фразеологическим сращением. Фразеологические сращения «не мотивированы и произвольны. В их значении нет никакой связи, даже потенциальной, со значением их компонентов» [2, с. 28]. Для образной мотивации их значений необходимо иметь определенные этнокультурные сведения. Существует несколько версий происхождения этого фразеологизма. По одной из них, кисель нередко передерживали, в результате чего от него отделялась жидкость, по своим качествам совершенно отличающаяся от свежего напитка. Именно эту жидкость и называли седьмой водой на киселе. Другая версия связана с особенностями приготовления этого напитка, основой которого является картофельный крахмал. Его получали после неоднократного промывания картофельного пюре водой: после того, как вода отстоится, крахмал постепенно оседает на дно. Однако каждая повторная процедура сокращает его количество.

В польском языке также используются семантически тождественные русским фразеологизмы *siódma woda po kisielu* и *dziesiąta woda po kisielu*. Например: *To moja ulubiona kuzynka, chociaż nasze pokrewieństwo to siódma woda po kisielu* («Это моя любимая родственница, хотя наше с ней родство – седьмая вода на киселе»). Грамматическая структура русских и польских фразеологизмов также в целом совпадает, они различаются лишь предлогом: в русском языке в данном случае употребляется форма предложного падежа существительного с предлогом *на* (*на киселе*), в то время как в польском языке используется форма предложного падежа существительного с предлогом *po* (*po kisielu*). Таким образом, данное структурно-типологическое соответствие можно отнести к разновидности МФЭ-III.

В завершение статьи нам хотелось бы отметить такие случаи, когда для фразеологических единиц одного языка не обнаруживаются эквивалентов в другом языке. Так, например, в польском языке употребляется фразеологизм с компонентом-числительным *sraść jak kot na cztery łapy* (букв. «упасть как кошка на все четыре лапы») со значением «легко выйти из любого (затруднительного) положения» [3, т. 1, с. 617]. В основе фразеологического образа здесь лежит знание об особенностях анатомии этого животного. Уникальный вестибулярный аппарат кошки помогает ей обернуться в полете вокруг оси своего тела, поэтому кошка всегда падает на спружинивающие лапы.

В русском языке к описанной ситуации применимо выражение *быть везучим*. Употребляемое в русском языке устойчивое сравнение *живучий как кошка* имеет иную семантику – «жизнеспособный, выносливый».

Польский фразеологизм *od siedmiu boleści* (букв. «от семи болей») имеет значение «(обычно о специалисте) никуда не годный» [Там же, с. 213]. В русском языке для обозначения подобной ситуации можно употребить сложное существительное *горе-специалист* или словосочетание *никудышный специалист*.

Фразеологическая единица польского языка *za pięć dwunasta* (букв. «без пяти (минут) двенадцать») обладает значением «(сделать что-либо) в самый последний момент». Будучи употребленной в прямом значении, эта конструкция является указанием на определенное время: 11.55 или 23.55 (в разговорном языке поляки, как и русские, при вербальном обозначении времени не различают «дневное» и «ночное» время, это различие наблюдается лишь в официальном стиле). Здесь, скорее всего, имеется в виду время за пять минут до полуночи, так как именно полночь является границей между определенными отрезками времени (с наступлением полночи начинаются новые сутки).

Русский же фразеологизм *без пяти минут* имеет иное значение: «вот-вот, очень скоро (станет кем-либо по профессии, положению и т.п.)» [7]. Например: *без пяти минут инженер*.

Итак, в процессе исследования фразеологизмов с компонентами-числительными в русском и польском языках мы пришли к таким выводам.

Среди проанализированных единиц, характеризующихся тождеством семантики и стилистической окраски, мы обнаружили структурно-типологические соответствия следующих разновидностей: МФЭ-I (фразеологизмы, полностью совпадающие на лексическом и грамматическом уровнях); МФЭ-III (фразеологизмы, совпадающие в лексическом, но различающиеся в грамматическом отношении); МФС-I (фразеологизмы, обладающие близкими, но не тождественными фразеологическими образами); МФС-II (фразеологизмы, построенные по общей фразеологической модели, но имеющие разные, этнокультурно маркированные фразеологические образы).

Некоторые фразеологизмы польского языка, включающие в свой состав компоненты-числительные, не имеют эквивалентов в русском языке. При их переводе на русский язык необходимо использовать прием адекватной замены.

Литература

1. Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский Н.М. Учебный фразеологический словарь. М.: АСТ, 1997. URL: <https://phraseologiya.academic.ru/893/> (дата обращения: 16.11.21).
2. Виноградов В.В. Основные типы фразеологических единиц в русском языке // Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. С. 27–33.
3. Гюлюмянц К.М. Польско-русский фразеологический словарь: в 2 т. Минск: Экономпресс, 2004. 1406 с.
4. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 287 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988. 750 с.
6. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект): учебник для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков. 2-е изд. М.: Флинта; Наука, 2003. 264 с.
7. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. 3-е изд., испр. М., 2008. 880 с. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/fc/slovar-192.htm#zag-11> (дата обращения: 16.11.21).

DOI: 10.31862/9785426311954-382-388

Скачёва Н.В.,
*Сибирский государственный университет
науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева,
Россия, г. Красноярск*

**ОБРАЗНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ
В РАМКАХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО
СОДЕРЖАНИЯ КУЛЬТУРЫ
(НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Аннотация. Воспринимая и осмысляя окружающий мир, человек отражает его в виде определенных структур знания, которые получают языковое воплощение. Языковое воплощение культуры в виде языковых выражений, несущих в себе образ, приводит нас к тексту культуры, благодаря которому можно не только получить представление о духовно-нравственном содержании, но и проследить трансформацию ценностей культуры. Однако главный вопрос заключается в том, какие образные языковые выражения являются кодом культуры, хранящие и передающие из поколения в поколение ценности и как их идентифицировать в многочисленном их своеобразии.

Ключевые слова: фразеологизм, образ, культура, духовно-нравственная культура, немецкий язык.

Nina Skacheva,

*M.F. Reshetnev Siberian State University
of Science and Technologies,
Russia, Krasnoyarsk*

**FIGURATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS
WITHIN THE SPIRITUAL AND MORAL
CONTENTS OF THE CULTURE
(BY THE EXAMPLE OF THE GERMAN LANGUAGE)**

Abstract. Perceiving and comprehending the world around, a person reflects it in the form of structures of linguistic image. The linguistic image of culture in the form of linguistic expressions carrying an image leads us to the text of culture, thanks to which it is possible not only to get an idea of the spiritual and moral content, but also to follow the transformation of cultural values. However, the main question is which language expressions are the code of culture that store and transmit values from generation to generation and how to identify them in their variety.

Keywords: phraseological unit, image, culture, spiritual and moral culture, German language.

Глобальные изменения, происходящие по всему миру, таковы, что материальные блага предпочтительнее духовных ценностей. Однако современное общество меняется и становится необходимым переосмысление существующих ценностей. Духовно-нравственная культура здесь играет одну из важнейших ролей. Сейчас ее сохранению уделяется все больше значения. Духовность – это то, что лежит в основе культуры.

Согласно Г.В.Ф. Гегелю, совокупная культура человечества – «духовная субстанция» – составляет сущность каждого индивидуума [3, с. 434]. Латинское значение слова «дух» означает дуновение, дыхание. То есть совершенно точно, что классическое философское понимание духа и духовности, не имеет ничего общего с природным, материальным началом. Духовность – свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных интересов над материальными [14]. Исходным постулатом для понимания базового значения

феномена духовности имеет представление о ней как о ценностном содержании субъекта [18].

Несмотря на то что рассуждения о ценностных понятиях – добра, красоты, справедливости – можно найти еще в работах античных философов и философов более позднего времени, таких как Г.В.Ф. Гегель с его теорией «Абсолютного духа» [3], реальное рассуждение о ценностях, о теории ценности, а не о формах бытия пришло только 60-е гг. XIX в. Так, основателем такого направления считают немецкого философа Г. Лотце [20], благодаря его книге «Микрокосм». В дальнейшем данную тему развивает М. Вебер [1], который указывает на то, что человеческие ценности и смыслы становятся центральными в науках о культуре.

Понятие нравственности восходит своим происхождением к церковно-славянскому языку. В данном языке было понятие «норов», что в дальнейшем преобразовалось в «нрав» [13]. Поэтому понятие «нравственное» стало употребляться намного позже. Первое упоминание встречается в статье «О добродетели» Н.И. Новикова, который говорит о нравах, получаемых нами от нашего окружения [Там же]. В это же время И. Кант в своих лекциях по этике интерпретирует понятие *Sittlichkeit* как внутреннее поведение морали в человеке [7]. Позднее Н.Г. Багдасарян пишет, что «любая ценность есть норма, но любая норма есть значение позитивной или негативной ценности» [11, с. 81]. Ценности и антиценности относятся к нематериальной, т.е. духовной культуре.

Нравственность, в свою очередь, – это «внутренние, духовные качества человека; нормы; правила поведения» [12, с. 70]. Нравственность здесь рассматривается как форма морали, взаимоотношения с обществом. Сравним с антонимом «безнравственный» – нарушающий принципы морали, норм поведения. То есть «нравственное» соотносится с общепринятой нормой общества, характеризующегося общей культурой, говорящего на одном языке. Таким образом, «духовное» – это объединяющее начало, выраженное в общих ценностях культуры, а «нравственное» – это нормы и правила поведения, приемлемые для определенного общества.

Рассмотрев определение духовно-нравственного содержания культуры, возникает вопрос о ее сохранении, так как проблема сохранения этнической идентичности широко обсуждается на национальном

уровне. Если мы возьмем немецкий этнос как группу общества, стремящуюся сохранить свою духовно-нравственную культуру, то невооруженным взглядом видим, что у них это получается. Так в нашем государстве есть множественные поселения немцев, например в Сибири: Омской, Томской областях и Красноярском крае. Немецкий этнос в Красноярском крае формировался на протяжении нескольких веков. Одно из первых упоминаний о немцах «Енисейской губернии (нынешний Красноярский край) относится к 1865–1866 г. С 1898 по 1911 г. это так называемое переселение “кулаков”, политэмигрантов и жителей приграничных районов» [5, с. 83]. Второй период заселения немцами пришелся на период Первой мировой войны: в 1915 г. в Енисейскую губернию стали прибывать иностранные военнопленные, которых размещали в бараках в Красноярске, Ачинске, Енисейске и т.д. Третья волна относится к периоду Второй мировой войны, так в 1943 году во все регионы Сибири были отправлены военнопленные немцы, которые работали на промышленных предприятиях и стройках [Там же, с. 84]. До сих пор существуют такие поселения российских немцев на всей территории России.

Одним из факторов сохранения этнической самобытности является язык. Однако общаясь с российскими немцами, мы заметили, что многие из них не умеют говорить на немецком языке или даже учат его в языковых школах. Но они знают отдельные слова и выражения, которые передают друг другу из поколения в поколение. Поэтому языковое представление ценностей передаются здесь посредством культурно-значимых концептов (согласно модели В.И. Карасика [8]). Ценностная картина мира должна входить в значение таких слов в неявном виде, именно тогда носители языка будут принимать ее на веру. Здесь носитель языка достаточно просто оперирует единицами языковой системы на нерациональном уровне. Анализируя язык эмоций, А. Вежбицкая говорила, что концептуализация эмоций представляет собой систему неосознанного [2]. Благодаря эмоциональному аспекту образа при фиксации его в языке он задает смыслы культуры. Поэтому образ связан с чувственным восприятием. Мозг человека способен быстро находить и «оживлять» данные образы, потому что они проходят на чувственном уровне, но подвергаются логической обработке мозга. Любые сигналы, поступающие через органы

чувств, подвергаются логической обработке [16, с. 18]. То же самое происходит и с языковыми образами. На начальном этапе языковые образы могут иметь индивидуальную специфику, затем в случае его распространения приобретает социальную специфику и становятся нормой. То есть у представителей одной группы чаще всего оперируют одинаковые языковые образы. Языковой образ представляет собой не понятие самих предметов, а образное воплощение тех языковых выражений, которые присутствуют в языковом опыте носителя языка. Такие языковые выражения являются отражением как языковой, так и культурной картины мира, так как они возникают для того, чтобы интерпретировать отношение субъекта к нему. Именно поэтому такие образные языковые выражения являются кодом культуры.

Код культуры — «это ключевое звено в интерпретации фразеологизмов» [9, с. 60], выступающих в качестве фиксатора и транслятора из поколения в поколение ценностей культуры. В основе таких фразеологизмов лежит «образность» [15]. Как сказал Д.Б. Гудков, образность, заложенная во фразеологизмах, является носителем культурной информации [4, с. 25–31]. В.Н. Телия образное основание фразеологизмов называет «основным нервом» [17, с. 214]. «Фразеологизм образуется посредством формирования образа» [6] в совместной работе В.И. Зимина и его последователя А.П. Василенко.

М.Л. Ковшова утверждает, что «фразеологизм традиции народа, передает из поколения в поколение культурные знания относительно реалий, положенных в основу фразеологического образа» [10, с. 115]. То есть фразеологизмы, имеющие в себе образ, являются трансляторами культурного смысла и участвуют в создании культурной семантики фразеологизма. Здесь смысл образного фразеологизма не равен сумме смыслов его отдельных компонентов – слов и может пониматься как текст культуры, в котором закодирована информация о ценностях определенного народа и который понятен только ему, так как прямое понимание фразеологизма не отражает его верного смысла.

Однако согласно мнению западных ученых (которых мы в своей работе не можем упустить, говоря о сохранении немецкой этнической культуры), к пласту фразеологизмов относятся все устойчивые выражения. Например, немецкий ученый, классик немецкой фразеологии, Х. Бургер относит к «фразеологизмам коммуникативные

фразеологизмы – это рутинные (повседневные) фразы, такие как *Guten Morgen* – доброе утро, *Ich meine* – я думаю (что...), а также структурные фразеологизмы, у которых есть функция производить грамматические соотношения, например: *in Bezug auf* – что касается, в отношении, *sowohl ... als auch* – как..., так и» [19, с. 37–40]. Поэтому вместо того, чтобы писать уточняющие определения: «образный фразеологизм», «фразеологизм, в котором закодировано духовно-нравственное содержание культуры», «фразеологизм как код культуры», мы использовали термин «аксиологический фразеологизм». Аксиологический фразеологизм – это фразеологизм, несущий в себе образ, отражающий духовно-нравственное содержание культуры определенного промежутка времени (где «духовное» – это объединяющее начало, выраженное в общих ценностях культуры, а «нравственное» – это нормы и правила поведения, приемлемые для определенного общества). Аксиологические фразеологизмы в рамках духовно-нравственного содержания культуры рассматриваются во взаимосвязи «язык – нормы – ценности – смыслы», где совокупность духовных ценностей и смыслов культуры фиксируются в языке в виде образов.

Литература

1. Вебер М. Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре // ИНИОН, Всесоюзный межведомственный центр наук о человеке при президиуме АН СССР. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1991.
2. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. IV. Ч. 1: Фемениология духа / пер. с нем. Г. Шпета. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 487 с.
4. Гудков Д.Б. Коды русской культуры: проблемы описания // Мир русского слова. 2005. № 1–2. С. 25–31.
5. Евменова Л.Н. Этнические культуры Приенисейского края: монография. 2-е изд. Красноярск: СФУ, 2007. 256 с.
6. Зимин В.И., Василенко А.П. Основные подходы к изучению культурного содержания фразеологизмов русского языка // Русский язык в школе. 2010. № 2. С. 58–62
7. Кант И. Лекции по этике / общ. ред., сост. и вступ. ст. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 2000. 431 с.

8. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
9. *Ковшова М.Л.* Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67. № 2. С. 60–65.
10. *Ковшова М.Л.* Сопоставительный анализ фразеологизмов: лингвокультурологический подход // Философия и культура. 2014. № 4 (38). С. 115–120.
11. *Культурология: учебник для студ. техн. вузов / колл. авт.; под ред. Н.Г. Багдасарьян.* 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2001. 511 с.
12. *Мясников А.Г.* Нравы, нравственность и морально-правовой долг правдивости (логико-понятийный анализ) // Этическая мысль. 2010. № 10. С. 70.
13. *Новиков Н.И.* Избранные сочинения. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1951 (1781). 787 с.
14. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / 4-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. 900 с.
15. *Скачёва Н.В.* Семантика концепта «справедливость» в образных фразеологизмах русского и немецкого языков // Litera. 2019. № 3.
16. *Славин А.В.* Наглядный образ в структуре познания. М.: Изд-во политической литературы, 1971. 272 с.
17. *Телия В.Н.* Русская фразеология (Язык. Семиотика. Культура). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 287 с.
18. *Штумпф С.П.* Природа духовности: дис. ... д-ра философ. наук. Красноярск: СФУ, 2016.
19. *Burger H.* Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1998. S. 240.
20. *Lotze R.H.* Mikrokosmos. Ideen zur Naturgeschichte und Geschichte der Menschheit. Versuch einer Anthropologie. 1856. 3 Bde.

DOI: 10.31862/9785426311954-389-395

Цыганков С.Б.,

ГБОУ «Школа № 609 г. Москва»,
Россия, г. Москва

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕМЫ
ЧЕСАТЬ ПОТЫЛИЦУ
(НА МАТЕРИАЛЕ «КАЗАЧЬИХ БАЕК
ДЕДА ИГНАТА ПРО ТО, КАК ЖИЛИ КОГДА-ТО»
В.Г. РАДЧЕНКО)**

Аннотация. В данной статье описываются лингвокультурологические особенности диалектных фразеологических единиц, рассматриваются группировки фразеологических единиц с точки зрения их компонентного состава, дается лингвокультурологический комментарий фразеологизма *чесать потылицу* на материале произведения В.Г. Радченко.

Ключевые слова: фразеология, лингвокультурология, диалект, диалектная фразеологическая единица.

Sergey Tsygankov,

GBOU “School No. 609 Moscow”,
Russia, Moscow

**LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES
OF PHRASEME *CHESAT POTYLITSU*
(BASED ON THE MATERIAL
“COSSACK TALES OF GRANDFATHER IGNAT
ABOUT HOW THEY ONCE LIVED”
BY V.G. RADCHENKO)**

Abstract. This article describes the linguocultural features of dialect phraseological units, considers the groupings of phraseological units

from the point of view of their component composition, provides a linguoculturological commentary on the phraseological unit *chesat potylitsu* based on the work of V.G. Radchenko.

Keywords: phraseology, cultural linguistics, dialect, dialect phraseological unit.

Интерес к проблемам развития и функционирования диалектов в последние годы объясняется «осознанием их значения как хранителей своеобразия национальных языковых картин мира» [2, с. 6].

При изучении диалекта в лингвокультурологическом аспекте предметом исследования могут выступать все языковые единицы, которые «способны выполнять функцию „языка“ культуры и отображать культурно-национальную ментальность ее носителей (паремиологический фонд диалекта, фразеологический фонд, эталоны, стереотипы, символы, метафоры и образы, мифологизированные языковые единицы, речевое поведение диалектоносителей)» [1, с. 52]. Под диалектной фразеологической единицей (ДФЕ), вслед за Е.В. Брысиной, понимаем «локально распространенное, не входящее в состав литературного языка устойчивое воспроизводимое сочетание слов, имеющее относительно целостное значение» [2, с. 7].

Этнокультурное своеобразие фраземки кубанского диалекта во многом определяется особенностями формирования казачества как особого субэтнического образования на территории правобережной Кубани и дальнейшего его распространения в Закубанье. Таким образом, рождается уникальный сплав украинского и русского языков, который принято называть «суржиком» или «балачкой» (от укр. балакати – говорить, беседовать), рассматриваемой сегодня как диалект русского языка.

Своеобразие формирования кубанского диалекта отразилось на его фраземике, в которой выделяются следующие группы ФЕ:

- 1) фраземы с компонентным составом, полностью состоящим из русских слов (*как баба рязанская, хоть поросят бей, ни до бога ни до людей* и др.);
- 2) ФЕ с украинскими словами в качестве одного или нескольких компонентов в структуре языковой единицы (*балакать с ножа, опять за рыбу гроши, нема ни греца, гудувать жданиками* и др.);

3) фраземы, включающие в свой состав слова иноязычного происхождения (*приблудный байдак, байдыки бить, хабур-чабур* и др.).

Ярким примером функционирования фраземистики кубанского диалекта во всем ее многообразии является произведение В.Г. Радченко «Казачьи байки деда Игната про то, как жили когда-то», опубликованное в 2008 г. внучкой писателя, кандидатом исторических наук и старшим научным сотрудником Московского государственного университета Софьей Пономаревой.

Семейные предания, рассказанные своим внукам Дмитрием Игнатовичем Радченко – «дедом Игнатом», сегодня являются уникальным историческим, этнографическим и лингвокультурологическим материалом. В «Байках» сохранилась значительная часть оригинальной лексики и фразеологии черноморского (кубанского) казачества XIX – начала XX в. Обращают на себя внимание используемые рассказчиком паремии и идиомы, в составе которых присутствуют слова-компоненты украинского языка, например: *брехать – не макуху жевать; шо нэ людына, то картына; як бдчжол, до бисового батька* и др.

Одной из таких единиц является фразама *чесать потылицу* – ‘думать, размышлять, пребывать в недоумении’, неоднократно встречаемая на страницах «Баек».

Опираясь на порядок лингвокультурологического комментария фразем, разработанный Вероникой Николаевной Телия и предполагающий: 1) соотнесение образа ФЕ с базисным пластом культуры, 2) соотнесение образа фраземы с кодом культуры и 3) соотнесение фразеологической единицы с наиболее конкретными тропами и «языком культуры» [7, с. 238–269], опишем анализируемую единицу.

В состав лингвокультурологического комментария «неизбежно приходится помещать» этимологию и лингвострановедческий комментарий, при этом этимология позволяет «увидеть» так называемый образ фраземы, а лингвострановедческий комментарий – объяснить собственно национальные факты материальной, социальной или духовной культуры [4, с. 74].

О важности образно-ассоциативного основания для семантики фразеологизма писал и Валентин Ильич Зимин, отмечая, что «в лингвокультурологическом аспекте образ фразеологизма является

источником и носителем культурной информации, именно в нем заключены истоки культуры прошлого» [3, с. 49].

Наличие в русском и украинском языках анализируемой фраземы [5, с. 394; 8, с. 525] позволяет утверждать о древнерусском периоде зарождения данной ФЕ. Обращает на себя внимание и вариативность фраземы: в русскоязычном варианте закрепились глагол «чесать» и существительное «затылок», тогда как в украинском – глагол «чухати» и существительные «потилиця», «голова», «чуприна». ДФЕ **чесать потылицу**, характерная для территории Кубани, вобрала в себя как русский, так и украинский компоненты – глагол русского языка «чесать» органично сочетается, с точки зрения диалекта, с украинским существительным «потилиця»:

– А что, – **почесал дед потылицу**, – давай своего племянника, я его утром, ещё до света, на баштан отвезу, хай трошки поживёт в балагане [6, с. 286].

Следует отметить, что в «Байках» активно используются такие варианты фраземы, как **почесать потылицу**, **поскрёб потылицу**, **покарябать-поскрести потылицу** и др.:

Почесал Балагура потылицу (затылок) и поведал сельповскому председателю про то, что видел. Дескать, на волка помолвка, а кобылу зайчик съел... Председатель тоже **поскрёб** свою **потылицу** и посоветовал Степану никому-никому про всё это не рассказывать... [Там же, с. 274].

Этимологический образ фразеологического сочетания **чесать потылицу** легко выводим из значения слов-компонентов, входящих в ее состав, и представляет собой описание жеста, которым человек выражает либо сопровождает раздумье, размышление и/или недоумение. Бытует мнение, что данный жест возник на Руси в дохристианский период и был связан с народной магией: таким образом наши предки призывали на помощь пращура, гения рода. Действительно, в славянской мифологии бог Род – создатель мира, причина всех причин, основатель и сущность мироздания – ассоциировался с живой, творящей мыслью, бесконечной во времени и пространстве.

В результате можно предположить, что образ рассматриваемой фраземы восходит к ритуальному пласту культуры:

*Потоптавшись на поляне, абреки по сигналу своего, видать старшого, исчезли. Спиридон, **почесав потылицу**, а он всегда это делал в затруднительных случаях, кинулся вслед за черкесами [6, с. 149].*

Как уже отмечалось выше, образ фраземы соотносится с кодом культуры, под которым следует понимать тот источник, который явился предметом его осмысления в контексте культуры. Так, компонент «потылица» (затылок) указывает на функционально значимый для культуры смысл «источник мыслей» и относится к соматическому коду культуры, в то время как компонент «чесать» включает в себе процессуальный смысл «воздействие». Поэтому образ фраземы **чесать потылицу** включает в себе процессуальный и соматический коды, объединенные в общий смысл «воздействие на источник мыслей».

Образ ФЕ **чесать потылицу** характеризуется стереотипной установкой: стоит почесать затылок – и появится мысль, искомый ответ на вопрос, что находит свое подтверждение в «Казачьих байках». Так, в байке 20-й, «про то, как казаки на кордонах служили, друг с другом дружили, и о пользе порой почесать потылицу», анализируемая фразема вынесена в заглавие и красной нитью проходит через всю историю. Композиционный замысел байки, основанный на многократном повторе ФЕ **чесать потылицу**, на обращении к фраземе в его заглавии и финале, призван подчеркнуть не только смекалку, изворотливость ума героя истории – казака Спиридона, но и донести до потомков наказ о пользе «почесать потылицу», что, на наш взгляд, подтверждает устойчивость стереотипа, скрытого в фразеологизме:

*– Отож, дети мои, – повторял на этом месте своей байки дед Игнат, – из всякого безвыходного положения завсегда бывает какой ни то выход. Треба только **поскресты потылицу** (затылок), та подумать, як следует! Тому пример – родный брат моего дида Спиридон Касьянович, хай ему на том свети добрые вареники приснятся! Умел он, коли шо, **потылицу покарябать-поскрести**, и подумать-померекать... [Там же, с. 152].*

*Прикройте глаза и прислушайтесь, и **почешите-поскребите затылок-потылицу**, и вам обязательно придёт в голову какая ни то добрая думка. С памятливой головой такое обязательно случается...* [6, с. 153].

Таким образом, лингвокультурологическое своеобразие ФЕ **чесать потылицу** заключаются в особенности ее образования, при котором русский глагол «чесать» соединился с украинским существительным «потылиця», образовав тем самым диалектную фразу, характерную для говоров смешанного типа, к числу которых, безусловно, относится и так называемый кубанский диалект.

В результате лингвокультурологического комментария установлено, что ДФЕ **чесать потылицу**, нашедшая отражение в «Казачьих байках деда Игната про то, как жили когда-то» В.Г. Радченко, и ее русский и украинский аналоги **чесать затылок** и **чухати потылицю** соответственно восходят к ритуальному пласту культуры и связаны с древним жестом, благодаря которому призывали на помощь своих предков и бога Рода.

Образ комментируемой фраземы соотносится с процессуальным и телесным ее кодами, при этом компоненты ФЕ передают функционально значимый для культуры смысл «воздействие на источник мыслей».

Литература

1. *Брысина Е.В.* Диалект через призму лингвокультурологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. № 2. С. 51–56.
2. *Брысина Е.В.* Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград: Перемена, 2003. 293 с.
3. *Зимин В.И.* Основные роли образа в семантической структуре фразеологизма // Современная фразеология: тенденции и инновации: монография / Н.Ф. Алефиренко, В.И. Зимин, А.П. Василенко, Т.Н. Федуленкова, Д.О. Добровольский, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко; отв. ред. А.П. Василенко. М.; СПб.; Брянск: Новый проект, 2016. 200 с.
4. *Крымская М.Я.* Лингвокультурологический анализ фразеологизмов со значением процесса речи // Актуальные вопросы лексикологии и фразеологии: сборник научных трудов, посвященный 90-летию со дня рождения

- В.Л. Архангельского. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2005. С. 71–77.
5. *Олійник І.С., Сидоренко М.М.* Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник. Київ: Радянська школа, 1991. 400 с.
 6. *Радченко В.Г.* Казачьи байки деда Игната про то, как жили когда-то. М.: Историко-культурное наследие Кубани, 2008. 336 с.
 7. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
 8. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров. 4-е изд. стереотип. М.: Русский язык, 1986. 543 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-396-402

Чапаева Л.Г.,
*Московский педагогический
государственный университет,
Россия, г. Москва*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В качестве фразеологизмов рассматриваются пословицы и поговорки, сохранившие в своем составе архаичные грамматические формы. В частности, формы имен существительных склонения с древней основой на согласный, а также реликты форм двойственного числа. Архаичные и современные формы сопоставляются с диалектными, которые отражают иной путь развития данных форм в системе русского языка. Вывод содержит обоснование о практической значимости использования фразеологизмов при обучении истории русского языка.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, грамматические архаизмы, существительное, основа на согласный.

Lyubov Chapaeva,
*Moscow Pedagogical State University,
Russia, Moscow*

PHRASEOLOGISMS AS SOURCES FOR STUDYING THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. As phraseological units proverbs and saying, saving archaic grammatical forms in the composition, are examined. In particular, forms of nouns of declension with ancient basis on accordant, and also relicts of forms of dual number. Archaic and modern forms are compared with dialectal, that reflect another way of development of these forms in the system of Russian. A conclusion contains a ground about practical

meaningfulness of the use of phraseological units at educating of history of Russian.

Keywords: proverbs, saying, grammatical archaisms, noun, basis on accordant.

Пословицы и поговорки по-разному оцениваются лингвистами. Одни считают, что пословицы и поговорки принадлежат лишь языку фольклора, как его малые жанры и не включают их в состав фразеологизмов. Другие (при взгляде на фразеологию в самом широком смысле) рассматривают пословицы и поговорки как единицы фразеологического уровня языка, которые функционируют в нем так же, как и другие фразеологические единицы. Не углубляясь в споры, примем вторую точку зрения, для данной статьи это не имеет принципиального значения.

По определению В.Л. Архангельского, пословица – это фразеологическая единица, «воспроизводимая по традиции... организованная по существующим или существовавшим моделям словосочетаний или предложений и обладающая единым значением, в разной степени комбинаторным в отношении к значениям сочетавшихся элементов, но стабильным в отношении означаемого или выражаемого» [1, с. 103–104]. Специфическая черта пословиц усматривается Е.А. Иванниковой, в частности, в «эвфонической спайке лексических компонентов» [3, с. 81], в использовании в них «лексических и грамматических архаизмов» [Там же, с. 83].

Поговорка и пословица близки по структуре и содержанию, поговорка часто оказывается частью пословицы, и провести четкую границу между этими единицами фразеологии подчас невозможно. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даль дал определение поговорок, в котором как раз и прослеживается мысль о том, что поговорка – часть пословицы. Он пишет, что поговорка не составляет полной пословицы, что это просто «изречение в ходячих выражениях» [2, с. 155]. То есть, как гласит народная мудрость, *поговорка – цветочек, а пословица – ягодка.*

Для историка русского языка пословицы и поговорки ценны тем, что, во-первых, они имеют в своем составе слова устаревшей или диалектной семантики, слова, вне устойчивых фразеологизмов уже

не употребляющиеся; во-вторых, они сохраняют утраченные или преобразовавшиеся в системе литературного языка грамматические формы; и, в-третьих, они не просто сохраняют эти формы-архаизмы, но иллюстрируют сам процесс развития фонетической и морфологической систем, становления грамматических категорий русского языка, изменения норм лексической сочетаемости.

В связи с этим фразеологизмы целесообразно использовать как источники в курсе исторической грамматики, спецкурсах и на уроках русского языка. В нашем случае речь пойдет преимущественно о грамматических архаизмах. По мнению Р.Н. Попова, содержащиеся в структуре пословиц грамматические архаизмы усиливают экспрессивность их значения, увеличивают устойчивость и «прочность» их лексико-грамматического состава. «Они содействуют стабильности порядка расположения слов и неизбылемости их словоформ, поскольку последние являются изолированными от современной грамматической системы» [4, с. 5]. Во фразеологизмах, дошедших до нас из разных эпох, в которые многие морфологические процессы еще развивались, сохраняются древние, архаичные, на наш современный взгляд, формы. Сохранение этих форм в пословицах и поговорках поддерживается и поэтическими законами их построения: им присущи особая ритмика и эвфония, когда компоненты фразеологических единиц связаны не только лексико-грамматически, но и рифмой, как внешней, так и внутренней.

При историческом комментировании грамматических архаизмов представляется целесообразным и небезынтересным как бы накинуть на них «сетку» прежних, генетически определивших их парадигм. Это дает возможность представить эти морфологические осколки на фоне регулярных, закономерных образований древней системы языка. Случайные для современного языка, исторически они окажутся примыкающими к регулярным парадигмам.

В исследованных пословицах и поговорках (все примеры взяты из книги «Русские пословицы и поговорки» под редакцией В. Аникина [5]) отражены практически все элементы развивающейся системы русского языка, в частности имени существительного: становление категорий (напр., одушевленности), вариативность форм, возникшая в результате взаимодействия разных типов склонения, влияние одних

форм на другие, а также сохраняются утратившиеся формы древних типов склонения, например с исторической основой на согласный.

Широко известный пример с формой дат. п. ед. ч.: *Нашему теляти да волка поймати* – является не единственным. В этой же форме встречается и существительное **дитя**: *Не плачь, мати, по чужому дитяти*; и в других падежах: *Радуется сердце мати от ласкового дитяти*. Многие пословицы содержат древние формы им. п. ед. ч. этого же склонения, и лексический состав имен существительных значительно шире тех, что отмечены в письменных источниках: *теля, порося, котя, куря, княжа, утя* (см., напр.: *Княгине – княжа, кошке – котя, а Катерине – своё дитя; Малая собака и под старость цыня; Дерево без листа, что теля без хвоста; У кого порося пропало, тому и в ушах визжит; Узнала свинья своё порося; Утя без воды, что пьяница без вина; Как напьёмся, так со всеми дерёмся, а как просимся, так куря боимся* [5]).

«Пути изменения существительных со значением «детеньш» в литературном языке известны: сохранив наращение *-ат-* во множественном числе, они, по существу, сохраняют и древнюю парадигму, тогда как в единственном числе получают суффикс *-онок* и переходят во II склонение, изменив еще и род» [6].

В диалектах суффикс *-онок* иногда распространяется и на формы множественного числа, в том числе присоединяется к тем основам, которые в литературном языке этого суффикса иметь не могут. То есть «продуктивная модель словообразования и словоизменения в диалектах функционирует активнее, что и отражают пословицы и поговорки, принадлежащие разговорному языку» [Там же], напр.: *Для матери ребёнок до ста лет дитёнок; Молодые опёнки, да черви в них; У кобылы хоть семь жеребёнков, а ей свой хомут*.

Живая диалектная речь, не сдерживаемая литературными нормами, отражает естественный путь развития и других имен существительных этого же склонения, слова на *-мя*: их постепенное сближение с другими именами существительными среднего рода, а также устранение противопоставленности основ именительного-винительного и других падежей. В следующих пословицах основы обобщены в единственном числе: *Дело во время не тяжкое бремя, а дело без время – несносное бремя; Ремесло за плечами не висит,*

а ко время годится; Ко время гость не в убыток; Огнём дышит, полымём пышет.

Что касается отражения утраты категории двойственного числа, то пословицы и поговорки не дают большого количества иллюстраций. Встречаются отдельные диалектные образования с формами дв. ч., например: *В очи льстит, по заочью поносит* (ср.: в литературном языке *воочию*); или слова, образованные по аналогии: *Нашему забору семиюродный плетень* (ср.: *двоюродный*); *Доселе русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а ныне русский дух в очью является.*

Категория одушевленности, как известно, развивалась из частной категории лица и распространялась постепенно на имена существительные, которые обозначали живых существ, и в XVII в. была еще «живой». Фразеологизмы своеобразно отражают развитие этой категории.

Во-первых, некоторые существительные, получившие эту категорию впоследствии, ее не отражают, например: *Из грязи в князи* – самая известная поговорка; *Авирон не боится ворон, а на галки есть палки; Щебет соловьишко, забыв свои детки; Кто в кони пошёл, тот и воду вози; Не суйся в волки, когда хвост тёлкин; Осердяся на блохи – да одеяло в печь.* Условием, способствовавшим сохранению старых форм винительного падежа в пословицах, является наличие при нем предлогов *в* и *на*, которые указывают на то, что данные формы не именительного падежа и омонимия, преодоление которой во многом определило развитие категории одушевленности, в данном случае неактуальна.

Во-вторых, категорию одушевленности получают имена существительные, называющие неживые предметы: *Знай, лапоть, лаптя, а сапог – сапога; Котёл горшка бранит, что чёрен он на вид...; Не хвали ветра, не извеяв жита* (в таких случаях, конечно, надо учитывать влияние олицетворения как особенности народной поэтики).

Что касается других частей речи, то пословицы и поговорки также дают богатый материал, например, отражают утратившиеся в функции определения краткие прилагательные, особенно важно, что в косвенных падежах (*в пусте городе и сидни дороге*); архаичные формы числительных, местоимений (и образований от них), ненормативное

употребление некоторых глагольных форм (причастий и деепричастий), а также диалектную лексику и словообразование. Например, по одной из точек зрения наречия типа *докрасна, добела* объясняются как образования из косвенных падежей кратких форм имен прилагательных с различными предлогами, в то время как очевидные параллельные образования к вышеназванным (*слева, справа* и т.п.) возводятся к формам существительных. В пословицах и поговорках отмечается достаточное количество контекстов, «где зафиксированы формы именно имен существительных среднего рода типа *красно* и др., что подтверждает идею об образовании таких наречий, как *докрасна*, от существительных, точно так же, как и *слева, сверху*: *Жить в добре и красне хорошо и во сне; Успеть в красне и хороше находится – лишь бы было в чём; Твёрдо крепку брат*» [7, с. 45; 8, с. 58].

Использование пословиц и поговорок как лингвистических источников может способствовать сознательному усвоению родного языка, пониманию законов его развития, выработке умения оперировать языковыми категориями, умению формулировать собственные выводы на конкретном материале [подробнее см.: 6]. Наблюдения над грамматическими архаизмами и их анализ, комментирование могут быть использованы не только в учебных курсах по истории русского языка, но и для творческих заданий на факультативах и олимпиадах по русскому языку.

Литература

1. Архангельский В.Л. О понятии устойчивой фразы и типах фраз // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы / под ред. А.М. Бабкина; АН СССР, Ин-т русского языка. М.; Л.: Наука, 1964. С. 102–105.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. III. 584 с.
3. Иванникова Е.А. Об основном признаке фразеологических единиц // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы / под ред. А.М. Бабкина; АН СССР, Ин-т русского языка. М.; Л.: Наука, 1964. С. 70–89.
4. Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов: учеб. пособие для филол. специальностей пед. ин-тов. М.: Высшая школа, 1976. 199 с.
5. Русские пословицы и поговорки / под ред. В. Аникина; сост. Ф. Селиванов, Б. Кирдан, В. Аникин. М.: Худож. лит., 1988. 431 с.

6. Чапаева Л.Г. УМК по модулю «Исторический комментарий к русскому языку». М., 2012. URL: <https://gigabaza.ru/doc/786-pall.html> (дата обращения: 18.11.2021).
7. Чапаева Л.Г. История русского языка: историческая грамматика: учеб. пособие с упражнениями, тестами и контрольными заданиями. 3-е изд., испр. и доп. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. 141 с.
8. Чапаева Л.Г. История русского языка: историческая грамматика: учеб. пособие с упражнениями, тестами и контрольными заданиями. 5-е изд., испр. и доп. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 160 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-403-412

Шулежкова С.Г.,

*Магнитогорский государственный
технический университет имени Г.И. Носова,
Россия, г. Магнитогорск*

«ЖЕСТОВЫЕ» ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием блока жестовых фразеологизмов в общеславянском литературном языке Средневековья. Особое внимание уделяется наименованиям жестов, привнесенных христианской культурой. Новизна исследования состоит в том, что впервые к анализу кинем – сверхсловных единиц привлекаются старославянские памятники. Полученные результаты свидетельствуют о том, что немало жестовых фразеологизмов современного русского языка уходят корнями в эпоху христианизации славян.

Ключевые слова: жестовый фразеологизм, кинема, старославянский язык, устойчивый словесный комплекс, христианство, язычество.

Svetlana Shulezkova,

*Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Russia, Magnitogorsk*

“SIGN” PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE COMMON SLAVIC LITERARY LANGUAGE OF THE MIDDLE AGES

Abstract. The article deals with the questions of forming special groups of “gesture” phraseological units in the common literary language of the Medieval Slavs. The particular attention of the author is paid to the names of gestures borrowed of Christian culture. The novelty of the study lies in the engaging of the Old Church Slavonic manuscripts

to the analysis of kineme-superword units. The results of the analysis prove that some “gesture” phraseological units of modern Russian language originated in the time of Christianization of the Slavs.

Keywords: “gesture” phraseological unit, kineme, Old Church Slavonic language, set phraseological unit, Christianity, paganism.

Общеславянский литературный язык Средневековья, жестовые сверхсловные единицы которого являются объектом нашего исследования, – результат гениальной деятельности Кирилла и Мефодия. Главной целью солунских братьев было крещение многочисленных славянских племен, приобщение их к новому вероисповеданию. И в качестве кратчайшего пути к достижению успеха они избрали создание славянской азбуки и понятного для славян-язычников сакрального общеславянского языка, языка богослужения. «Цель “**причести сѧ велицѣхъ зацѣхъ**”» – возвысить славянскую речь и возвести ее в чин сакрального языка, языка, по своим функциям и возможностям равного латинскому и греческому, – была не только поставлена, но и достигнута <...> Константином и Мефодием и всем их окружением создавалась по сути дела третья широкомасштабная культура – культура славянская...», для которой было характерно «сочетание признаков христианства и славянства», получившее в трудах крупнейшего отечественного слависта название «славянское христианство» [10, с. 45, 46].

Ни одна этническая культура не может обойтись без жестовой системы. У славянского христианства корпус кинем представлял собой совокупность названий традиционных жестов и жестов, освоенных через крещение. Традиционные славянские и новые христианские черты можно обнаружить в старославянских памятниках при анализе кинем, общее количество которых исчисляется несколькими десятками.

В специальном словаре жестовых единиц современного русского языка описано около 100 кинем. Среди них есть как однословные (*голосовать, кивнуть, отшатнуться, подбочениться, подмигнуть, прищур, уставиться* и пр.), так и сверхсловные единицы (*встать на вытяжку, ломать руки, махнуть рукой, показать кукиш, присесть на дорогу, стоять с протянутой рукой, схватиться за голову, толкнуть в бок* и пр.) [1, с. 44–50, 59–70, 85–87, 89–92, 101–104, 124–127,

134–140, 148–150]). И корни многих из них исторически связаны с жестовыми устойчивыми словесными комплексами (УСК) общеславянского литературного языка Средневековья.

В ограниченных рамках статьи остановимся на характеристике лишь некоторых кинем, появившихся в условиях освоения славянами нового религиозного исповедания. Самой значимой из них следует признать единицу **крѣстьноѡ знаменіе**. В славянских памятниках X–XI вв. она обладает синонимо-лексическими вариантами (**образѣ крѣстьныи, знаменіе христово**) и входит в состав оборотов **начрътати знаменіе крѣстьноѡ; творити/сътворити крѣстьноѡ знаменіе; съврѣшати/съврѣшити крѣстьноѡ знаменіе** и **осѣпати/осѣпити крѣстьнымъ знаменіемъ кого**. **Крѣстьнымъ знаменіемъ** стали называть молитвенный жест, стихийно возникший у последователей Иисуса Христа после его распятия. Этот жест должен был напоминать христианам о смертных муках, которые испытал Мессия, принесший себя в жертву во имя спасения человечества:

скоро же приде с(вѣ)тыи идеже ангѣль стогаше • знаменыи начръта крѣстьноѡ • и црък'вицѣ съзѣда тѣ • доселѣ прѣвыиваштѣж • (Супр 567: 28–30–568: 1); и въ самѣ тѣ прѣвыи днь • благодѣтнѣ в(о)жѣи прѣсты своѣ оукрѣпивѣ • правѣдныи знаменіемъ крѣстѣнымъ • и тыѣ вѣложи въ оуши страждѣштаго • и авнѣ сътвори прослышати глаоухоуоумоу • и прѣминѣвъ къ оустомъ • и тѣмъ же образомъ крѣстѣнымъ сътворивѣ отвръзе кмоу оуста • и сътворивѣ кмоу томъ часѣ проглаголати • (Супр 552: 25–30–553: 1–2).

В православном энциклопедическом словаре крестному знаменію посвящена особая статья, в которой говорится: «Обычай делать кр(естное) знам(ение) беретъ начало со времянь апостольскихъ; причемъ православные дѣлають его 3 пальцами – складывая большой, указательный, средний <...> а католики дѣлають его безъ всякихъ перстосложений. – Троеперстіе было подтверждено на Соборах 1666–1667 гг. на основании вескихъ доводовъ по этому вопросу» [7, т. 2, с. 1486]. Старообрядцы, отказавшиеся принимать церковные нововведения (с ориентацией на книги и обрядность греческой церкви), инициированные патриархом Никоном, продолжают до сих пор

совершать крестное знамение «двуперстно», соединяя указательный и средний пальцы. В современном русском языке оборот *крестное знамение*, как и его вариант *знамение креста* в значении ‘молитвенный жест христиан’ продолжает использоваться; в словарях эта кинема сопровождается пометой *книжн.* (см., напр., [4, с. 228]).

В соответствии с эмоциональной окраской и иллокутивным значением привлеченные для анализа кинемы христианской тематики, обнаруженные в старославянских памятниках, можно разделить на несколько групп.

Первая из них называет позы либо телодвижения, совершаемые во время молитвы и символизирующие высшую степень любви к Господу Богу, благоговения перед ним и надежды на помощь в самых тяжелых жизненных ситуациях. Это УСК *падати/оупасти на колѣноу; покланати/поклонити колѣнѣ (свои); прѣкланати/прѣклонити колѣнѣ; прѣгьбати колѣнѣ (свои)* [8, т. 1, с. 737]; *въздѣти рѣцѣ (горе, на небо, къ небеси)*:

въѣзъше же с(вѣ)тти въ темницѣ прѣклониша колѣнѣ свои • и молиша г(оспод)а глаголюще • изъми насъ г(оспод) и отъ напасти • и отъ съблазни творашии твои безаконик • (Супр 70: 13–15); коньча (кодратъ) ѱалъмъ • и на мнозѣ помолви въ сѣ • и благодарствивъ бога • прѣклонивъ колѣнѣ и въшъ протѣгъ • въ доврѣ исповѣданни • оусѣченъ въстъ • (Супр 119: 8–11); блаженъли же (пионии) шедъ на мѣсто иждеже бѣаше огонь раждѣженъ • видѣвъ пламень палатъ • моли сѣ ведшии гни мъ кто воиномъ • ославити кмоу часть малъ • да молитвѣ сътворитъ • и прѣклонивъ колѣнѣ и въздѣвъ рѣцѣ инѣмъ поддържаштемъ кто <...> нача же молити сѣ господоу • (Супр 142: 24–29, 143: 2–3); свѣтъли же слышавъ глаголы тты • и въздѣвъ рѣцѣ на небо • и молитвѣ сътворивъ • иде на сѣрѣтеньк юньцоу • (Супр 566: 5–7).

Эти УСК, благополучно пройдя через тысячелетие, хранятся в арсенале русского языка. Выражение *преклонять/преклонить колени* по-прежнему называет позу, которую принимает христианин для молитвы [4, с. 270]. Однако оно приобрело еще два значения: «**ПРЕКЛОНЯТЬ КОЛЕНА** [колени] *перед кем, перед чем*. 1. Покоряться, смиряться, признавать чью-либо власть над собой. 2. С уважением,

почтением относиться к кому-либо или чему-либо, признавать величие, достоинства кого-либо или чего-либо» [12, с. 352]. Что же касается оборота *воздеть (поднять) руки горе*, то, приобретя значение ‘поднять руки в знак протеста, возмущения’, он вошел в разряд *книжных, устарелых* [4, с. 409].

Вторая группа старославянских сверхсловных кинем объединяет единицы, называющие оскорбительные физические действия, нацеленные на унижение адресата (*повивати/повити, избивати/избити* камнями, *каменькь* кого; *бросати/бросити* камень *въ* кого; *оударяти/оударити* за *оухо*; *дати/дагати* *заоушинж* *комоу*; *оударяти/оударити* по *ланитѣ*, по *ланитама* кого; *пльвати въ* *лице чик / запльвати* *лице* *комоу*; *посылати/посълати* на *блждилитѣ* *кого*):

І(κ)р(оуґсали)ме избивѣ пр(оро)кѣ. і каменіемъ повиваа. посълаанѣа къ тебѣ (Мф 23: 37; Мар 86); гла(гола)ша емоу. оучителю си жена ѡта естѣ нгнѣ въ прѣлюбодѣбаниі. а въ законѣ намъ мози повелѣ. таковѣа каменіемъ повивати (Ин 8: 4–5; Мар 347); Тѣгда запльваша лице его (Исоуґса Христа). і пакости емоу дѣаша. ови же за ланитж оударша гла(гола)шѣ. прорьци намъ х(рист)е кто естѣ оударен тѣ. (Мф 26: 67; Мар 104);и оулианиж повелѣ поставити на блждилишти. рекъше на цаґтонмьстѣвѣ. и м’нози отъ столаштааго тоу народа. вѣахж текжшѣ. и рьвѣноуґжшѣ кѣпно. к’то прьвок внидетѣ къ неи. (Супр 2: 25–29); вѣчѣра за оухо оударенѣ бываашѣ. дньсь же влштанімъ в(о)жимѣ. адовьскок жилиштѣ вьктѣ. (Супр 449: 25–27).

У каждой из кинем данной группы, освоенной восточными славянами сначала через старославянский язык, а потом через церковнославянский, был свой путь приспособления к изменяющейся языковой стихии. УСК с процессуальными компонентами *бросать/бросить* и *повивать/повить, избивать/избить*, которые управляют существительным *камень*, постепенно утратили свое прежнее значение ‘казнить, забить до смерти’, унаследованное вместе с христианским учением общеславянским литературным языком Средневековья из текстов Ветхого Завета. Они дали жизнь русским фразеологизмам **«БРОСАТЬ [кидать, пускать] КАМЕШКИ [камень] В ОГОРОД чей**. Намекать на кого-либо в разговоре, в письме и т.п., отзываясь

о нем неодобрительно, насмешливо, иронически»; **«БРОСАТЬ [кидать, швырять, пускать] в кого. КАМНЕМ [грязью] в кого.** Осуждать, обвинять, чернить, порочить кого-либо; **ЗАБРАСЫВАТЬ [закидывать] КАМНЯМИ [грязью] кого;** **ЗАБРОСАТЬ [закидать] КАМНЯМИ [грязью] кого.** Осуждать, обвинять, чернить, порочить» [12, с. 160]. Кинемам *ударить за ухо, дать заушину, ударить по ланите* в русском языке соответствует УСК *дать пощечину* кому, который во фразеологических словарях толкуется как ‘оскорбить, обидеть кого-либо’ и сопровождается пометой *устар.* [11, т. 1, с. 140]. В то же время оборот *плевать/плюнуть в лицо* «вписался» в русскую языковую систему и укрепил свои позиции, приобретает два варианта: **«ПЛЕВАТЬ В ГЛАЗА [в лицо] кому. ПЛЮНУТЬ [наплевать] В ГЛАЗА [в лицо] кому.** Выражать в резкой форме крайнюю степень презрения, пренебрежения, неуважения к кому» [12, с. 322].

В третью группу входят УСК, которые именуют жесты или поведение, осуждающие адресата или презрительно его оценивающие (*кывати/покывати главоѡж, главами при видѣ кого; ржжнѣ смѣхѣ, смѣхѣ поржганиа* ‘издевательский смех’ [9, с. 588]):

Въси видѣтѣн ма поржгаша ми са. гла(гола)ша оустѣна-ми. покываша главами. Пригвоздиша ржцѣ мон нозѣ мон. ничтоша въса кости моѡ. (Ен ап 316: 10–14); и врѣма смнати са а не посмнати са. ино бо смѣхѣ поржганиа. инѣ же на оуспѣхѣ и тако не лѣжж. Се выкни. и с(ва)тааго писаниа въземи оуказаниа. и о ржжнѣѣмѣ смѣсѣ. послоушан соломона въ мѡдростѣхѣ глагол’жшта. безоумлю въ смѣсѣ твориши зѣло. о добрѣѣмѣ же смѣсѣ и оуспѣшьнѣѣмѣ. послоушан їсакова глагол’жшта. въсего дара нечѣстива не приѣметѣ. истинна же оуста не насытатѣ са смѣха. (Супр 22–29).

Что касается кинемы *кывать/покывать головой*, то очевидная связь у нее может быть прослежена с современной русской кинемой *покачать головой*. «Жестикულიрующий несильно наклоняет голову к одному и другому плечу, обычно влево, вправо и еще раз влево», выражая «негативную оценку действий» адресата, но оставаясь «сторонним наблюдателем» происходящего [1, с. 104].

Четвертая группа старославянских сверхсловных кинем называет действия, выражающие высшую степень доверия и любви

к кому-либо или служащие доказательством готовности к мирному, доброму сосуществованию (оумывати/оумыти нозѣ комоу; лобъзаниѣ имѣти, лобъзаниѣ дати/дати; цѣлованиѣ имѣти, цѣлованиѣ дати/дати комоу):

по томъ же (исоусъ) въливъ водѣ въ оумывальницѣ. и начатъ оумывати нозѣ оученикомъ. и отпрати лентиємъ. имъже бѣ прѣпоѣсанъ. (Ин 13: 5; Мар 371); аште оубо азъ оумыхъ ваши нозѣ г (оспод)ъ и оучитель. и вы длъжни есте дроугъ дроугоу оумывати нозѣ. (Ин 13: 14; Мар 372); молж сѣ оубо да помнмъ прсно словеса сѣ. свѣтаѣ лобъзаниѣ. страшънаѣ цѣлованиѣ. ѣже между собож имленъ. (Клоц 8b: 4); вънидохъ въ домъ твоѣ. воды на нозѣ ми не пода. а сѣ слъзами намочи нозѣ и власы главы сѣ отъре. юже не омочи ногоу вълнами море. сѣ слъзами омочи. и лобъзаниѣ молитъ <...> цѣлованиѣ ми не да. ацѣ прѣмднвѣ сы. зъвавы ны на обѣдѣ. прѣжде излѣсти ти цѣловати ма. и чьсть въ вѣсѣхъ сътворити. (Супр 394: 28–30–395: 1–7).

«Отголосками» кинемы *умывать ноги* можно считать русские половицы *Ты будешь ноги мыть, а я буду воду пить* [5, с. 601] и *Не тогда пить, когда ноги станут мыть* [2, т. 2, с. 112], а также поговорку *Ноги мыть и воду пить* (шутл.-ирон.) – ‘чрезмерно опекать кого-л., угождать кому-л.’ [Глухов, 1988, с. 86, 113] (цит. по [5, с. 440]).

Пятая группа кинем общеславянского литературного языка Средневековья называет жесты, символизирующие напряженную сосредоточенность персонажа на ком-либо или на чем-либо: *възводити/възвести очи (свои)*; *въздвизати/въздвигнѣти очи (свои)*; *възлагати/възложити очи на кого, на что* [9, с. 139]:

и тѣ (исоусъ) възведѣ очи свои на оученики свои гла (гола)аше. блаженни ништини ѣко ваше естѣ ц (ѣсарь)ствик в (о)жик. (Мар 216); възведѣ же очи ис (оусъ) видѣвъ ѣко много народъ градѣтъ къ нему. гл (агол)а къ филипоу. чимъ коупимъ хлѣбы да ѣдатъ сѣ. се же гла (гол)аше искоушаѣ и. самъ бо вѣдѣше что хотѣ сътворити. (Ин 6: 5–6; Мар 335); Антонинъ рече да веденъ вѣдетъ на позориште къ звѣремъ и ако тѣчѣжъ въниде сѣдѣшоу князоу. прѣкрѣсти сѣ. и въздвиже очи свои на небо. и гласомъ великомъ

глагола • твори въскорѣ непрѣподовьне • и въсѣхъ нечстиве ан'тонине томителю • волжъ отца свогко сотоны • (Супр 16б: 3–15); **Врази мои д(оу)шж мои одръжаша • тоукъ свои за-твориша оуста ихъ гла(гола)ша грѣдынж • ѳзгонаштелъ мынынѣ обѣджъ • очи свои възложиша оуклониша на земѣжъ •** (Пс 16: 9–11; Син пс 16б: 17–21 – 17а: 1–2).

Поскольку существительное *око* (подчиненный компонент данных сверхсловных кинем) в конце XVI – начале XVII в. было вытеснено в разговорном русском языке словом *глаз*, а все глаголы (грамматические центры данных УСК) принадлежали к высокой книжной лексике, в русском просторечии возникли аналоги жестовым старославянским выражениям: «**НАВОСТРИТЬ ГЛАЗА** [глазки] *на кого, на что*. Прост. Внимательно, настороженно смотреть на кого-либо или на что-либо; наблюдать за кем-либо или за чем-либо» [12, с. 260]; «**ПОЛОЖИТЬ ГЛАЗ** *на кого, на что*. Прост. Употр. при подлежа. со значением лица. Проявлять особый интерес к кому-либо или чему-либо, присмотреть, облюбовать что-либо» [3, с. 299].

Шестая группа объединяет сверхсловные единицы, называющие жесты, которые символизируют поддержку адресата. Кинемы **вѣньцемъ вѣньчати/оувѣньчати, вѣньцемъ оукрашати/оукрастити** использовалась, когда возникала необходимость в благословении: на подвиг мученичества, на царствование, на верное служение делу Христа, на семейную жизнь, а также если адресат заслуживал высокой награды, похвалы; особая кинема (**възлагати/възложити ржж на кого**) отражала действия Иисуса Христа, направленные на облегчение страданий или на исцеление от болезней:

Сии кдин на десате страстотрѣпци • и доброповѣднии мжченици • трюдиша са до жи и до коньца х(ристо)са ради • занѣ и одѣни быша свѣтѣлож одеждежъ • и неоувадажштинимъ вѣньцемъ вѣньчани тѣмъ х(ристо)сомъ • (Супр 75: 8–14); **и разгнѣвавъша са мжчитела • повелѣста извлѣштинъ • и из-вазавъше ѡ вести на брѣгъ морѣ • и д'ръкол'ми ноги ихъ прѣбивати • кд'ного же мати прилежалаше ихъ • вѣ во съинъ ка юнѣи въ'сѣхъ • и боаше са кда как° отъвржетъ са • и на нь присно възираше • възлагажштин на нь ржцѣ**

и глаг^ол'жшти• чадѡ мѡк сладъкоѡ• кштѣ мало прѣтрѣпи
да съврѣшенъ бѣдѣши• (Супр 79: 21–30); захѡдѡштю же
слънъцю• въси елико имѣахъ болащамъ недѣгъти различъ-
ны• привѡдаахъ ѡ къ нѣмоу (исѡусѡу)• онъ же на кого-
ждѡ ихъ рѣкжъ възлагаѡ исцѣлѡаше ѡ• (Лк 4: 40; Мар 209).

После распятия Христа терновый венок (тръновъ вѣнъць) пре-
вратился в символ страданий. Выражения **възати вѣнъць** [СБР,
1999, т. 1, с. 323], **принати вѣнъць** стали использоваться и самими
христианами, которые добровольно шли на муки и верную смерть
во имя Христа, и авторами их житий. Так, оказавшись в темнице нака-
нуне страшной казни, 40 мучеников-христиан слышат напутственные
слова: **дрѣзайте не вѡите сѡ ихъ мѣкъ• маловрѣменьни во сѣтть•**
сѣгрѣпите мало• и законнѣкѣ постраждите да вѣнъца възъмѣте•
(Супр 75: 25–29).

В современном русском языке закрепились выражения, которые ха-
рактеризуют готовность к самопожертвованию во имя великой идеи:
**«ОБРЕСТИ (ПРИЯТЬ *устар.* ПРИНЯТЬ) ТЕРНОВЫЙ (МУЧЕ-
НИЧЕСКИЙ) ВЕНЕЦ, БЫТЬ УДОСТОЕННЫМ ТЕРНОВОГО
ВЕНЦА.** *Книжн. высок.* Подвергнуться страданиям; умереть мучени-
ческой смертью; **ТЕРНОВЫЙ (МУЧЕНИЧЕСКИЙ, МУЧЕНИКА;
СТРАДАНИЙ) ВЕНЕЦ (ВЕНОК).** Символ мученических страданий
[4, с. 105].

Привлечение к анализу даже небольшого блока сверхсловных
кинем старославянского языка, которые послужили источниками
обогащения русского корпуса жестовых УСК, может служить дока-
зательством глубокого восприятия христианских идей восточными
славянами, с одной стороны, и обогащения фразеологической систе-
мы русского языка за счет неисчерпаемых запасов общелитературно-
го языка славян Средневековья – с другой.

Литература

1. Григорьева А.С., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. М.: Школа «Языки русской культуры»; Вена: Wiener slawistisher Almanach, 2001. 256 с.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Худ. лит., 1957. 992 с.

3. Жуков А.В., Жукова М.Е. Современный фразеологический словарь русского языка. М.: Астрель, 2009. 443 с.
4. Мокиенко В.М., Лилич Г.А., Трофимкина О.И. Толковый словарь библейских выражений и слов. М.: АСТ; Астрель, 2010. 639 с.
5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
7. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1992.
8. Старобългарски речник: в 2 т. / Българска академия на науките; отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. София: Валентин Траянов, 1999–2009.
9. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): около 10 000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. 842 с.
10. Толстой Н.И. Кирилло-мефодиевская традиция у славян // Толстой Н.И. Избр. труды. Т. II. Славянская литературно-языковая ситуация. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 43–48.
11. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв.: в 2 т. / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1991.
12. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.И., Федоров А.И.; под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1987. 543 с.

Источники

Ен: Енински апостол: старобългарски паметник от XI в. София: Изд-во БАН, 1965. 264 с.

Клоц: Клоцов сборник // И.И. Срезневский. Древние глаголические памятники сравнительно с памятниками кириллицы. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1866. С. 163–220.

Мар: Маринское четвероевангелие / Памятник глаголической письменности / Трудь И.В. Ягича. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1883. 607 с.

Син евх – Nachtigal R. Euchologium sinaiticum. Starocerkvenoslovanski glagolski spomenik. Fotografski posnetek; II. Tekst s komentarjem. Ljubljana: Akademija znanosti in umetnosti v Ljubljani, 1941–1942.

Син пс: Синайская псалтырь: глаголический памятник XI века / Приготовил къ печати С. Северьяновъ // Памятники старославянского языка. Т. IV. 1922. 214 с.

Супр: Супрасльски или Ретков сборник / увод и комент. на старобългарски текст Й. Заимов; подбор и комент. на гръцкия текст М. Капалдо. София: Изд-во на Българската академия на науките, 1982. Т. I; 1983. Т. II.

DOI: 10.31862/9785426311954-413-421

Щербачук Л.Ф.,

*Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского,
Россия, г. Симферополь*

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИИ ГНЕВ
КАК ПОРОКА ХАРАКТЕРА ЧЕЛОВЕКА
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ, УКРАИНСКОЙ
И ПОЛЬСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)**

Аннотация. Статья посвящена лингвопсихологическому описанию фразеологической репрезентации эмоции *гнев* как порока характера человека в русском, украинском и польском языках.

Ключевые слова: язык, культура, эмоция, гнев, мораль, порок, фразеологизм, концептуализация.

Lidiia Shcherbachuk,

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Russia, Simferopol*

**THE CONCEPTUALIZATION
OF THE EMOTION OF ANGER
AS A HUMAN CHARACTER DEFECT
IN SLAVIC LANGUAGES (BASED ON RUSSIAN,
UKRAINIAN AND POLISH PHRASEOLOGY)**

Abstract. The article is devoted to the linguistic and psychological description of the phraseological representation of the emotion of *anger* as a human character defect in the Russian, Ukrainian and Polish languages.

Keywords: language, culture, emotion, anger, morality, vice, phraseology, conceptualization.

Материальная и духовная самобытность народа ярко просматривается через призму взаимоотношений его языка и культуры, языка и менталитета. Мораль является базовым компонентом общества, ведь в разных сферах общественного бытия (экономике, политике, быту, отношениях) люди строят взаимоотношения, основываясь на совокупности правил и норм общественного поведения – морали. Следовательно, мораль выступает базовым компонентом общества, определяя и сферу культуры.

На современном этапе развития языкознания не вызывает сомнения утверждение о том, что языковая объективация эмоций в разных лингвокультурах является одним из приоритетных направлений этнолингвистических исследований. Среди средств языковой репрезентации психоэмоциональной сферы человека наиболее культуруносными являются фразеологические единицы.

Актуальность предложенного исследования определяется усиленным вниманием к проблемам взаимодействия языка и духовной культуры, специфики отражения в национальной фразеологии нравственных ценностей, основных черт менталитета. «Фразеологический корпус языка – особенно благодатный материал для исследования этого взаимодействия, – справедливо отмечает В.Н. Телия, – поскольку в нем концептуализированы не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к ее фрагментам, но и запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» [9, с. 9]. Фразеологизмы как вербализаторы языка культуры не только выражают и транслируют от поколения в поколение моральные стереотипы, но и формируют культурное самосознание народа.

Научная новизна определяется отсутствием системного изучения концептуализации *гнева* как человеческого порока фразеологическими средствами русского, украинского и польского языков в сопоставительном аспекте.

Цель исследования – проанализировать русские, украинские и польские фразеологизмы, вербализирующие эмоцию *гнев*.

Объект исследования – фразеологическая система русского, украинского и польского языков, а предмет – фразеологизмы, репрезентирующие эмоцию *гнев* в этих языках.

Методологической основой предлагаемого анализа послужили труды известных российских и зарубежных ученых, занимавшихся проблемами фразеологии и лингвокультурологии в русском языке (Н.Ф. Алефиренко, В.В. Виноградов, В.П. Жуков, В.И. Зимин, М.Л. Ковшова, О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко, А.И. Молотков, В.Н. Телия, Н.М. Шанский, А.М. Эмирова и др.); в украинском языке (Н.Д. Бабич, В.М. Билоноженко, Н.Ф. Венжинович, И.С. Гнатюк, Н.Ф. Грозьян, Ю.Ф. Прадид, Л.В. Савченко, Л.Г. Скрипник, В.Д. Ужченко и др.); в польском языке (М. Горды, К. Гюлумянц, А. Клосинская, Ю. Крижановский, А. Левицкий, А. Пайдзинская, С. Скорупка, Э. Соболев, А. Станкевич, П. Фличинский, В. Хлебда и др.).

Следует отметить, что антропоцентрическая направленность современной лингвистики предопределила также активизацию научных изысканий в области исследования когнитивно-эмоциональной сферы человека (работы отечественных и зарубежных ученых: Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, Б. Бервячонка, Н.Н. Болдырева, Л.Ю. Буяновой, А. Вежбицкой, Т.Ф. Вильчинской, С.Г. Воркачева, О.П. Воробьевой, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, Н.А. Красавского, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, Н.В. Манакина, З.Д. Поповой, А.В. Рудаковой, Н.В. Слухай, ИА. Стернина, Н.В. Уфимцевой, Р.М. Фрумкиной, Й. Шершунович и др.).

Гнев как одна из базовых эмоций достаточно подробно изучена отечественными и зарубежными психологами. Так, по определению, зафиксированному в Новейшем психологическом словаре, «гнев – негативное эмоциональное состояние, протекающее в форме аффекта и вызванное внезапным появлением серьезного препятствия на пути удовлетворения исключительно важной для субъекта потребности» [10, с. 96]. В украинской психологической энциклопедии значится следующее определение данной эмоции: «Гнів – психічний стан людини, спричинений сильними негативними емоційними переживаннями» [7, с. 86] (досл.: «психическое состояние человека, вызванное сильнейшими отрицательными эмоциональными переживаниями»). Польский психолог С. Рациборская считает, что «gniew to reakcja emocjonalna na niepowodzenie lub wzburzenie emocjonalne, czasami z nastawieniem agresywnym (zob. złość), będąca reakcją na działanie interpretowane jako skierowana negatywnie akcja zaczepna» [14] (досл.: «гнев рассматривается как “эмоциональная реакция на отказ”, или

эмоциональное возбуждение, иногда с агрессивным отношением (см. злость), явная реакция на действие, интерпретированное как направленная отрицательно провокационная акция»). Конститутивными признаками *гнева* психологи считают враждебность, высокий уровень напряжения и импульсивности, мобилизацию энергии для самозащиты и предоставление индивиду ощущения активности и силы, что может актуализировать как отрицательные, так и положительные функции гнева.

Лексикографические источники в основном указывают на причины появления эмоции *гнев*, описывают ее характер и проявление синонимичными словами без упоминания дифференциальных признаков между членами синонимического ряда. Ср. в русском языке: «Гнев: чувство сильного негодования, возмущения; состояние крайнего раздражения, озлобления, недовольства кем-, чем-л. (обычно бурно проявляющееся)» [2, с. 181]. В украинском языке: «Гнів. Почуття сильного обурення; стан нервового збудження, роздратування, гнівання» [6, с. 613] (досл.: «гнев – чувство сильного возмущения: состояние нервного возбуждения, раздражения»). В польском языке: «Gniew – gwałtowna reakcja na jakiś przykry bodziec zewnętrzny wyrażająca się niezadowolaniem i agresją» [15, с. 209] (досл.: «гнев – импульсивная реакция на какой-то внешний раздражитель, выражающаяся неудовлетворенностью и агрессией»). Н.А. Красавский считает возможным «дать комбинированное определение этому номинанту: гнев – отрицательная эмоция (состояние), переживаемая человеком в физически ярко выраженной неконтролируемой им форме, вызванная осознаваемым или неосознанным недовольством человека чем-либо» [5, с. 158]. Сопоставление словарных статей в анализируемых языках дает нам возможность выделить синонимический ряд лексем, репрезентирующих чувство *гнев*: *гнев, раздражение, возмущение, озлобление, нервное возбуждение, злость, сердитость, неудовлетворенность, жестокость, ярость, агрессия* и т.п.

По мнению В. И Шаховского, «единицами эмотивной коммуникации являются эмотивы, единицы языка, в семантической структуре которых есть эмоциональная составляющая в виде семантического признака, семы, конкретизатора значения, благодаря чему эта единица адекватно используется всеми носителями языка для выражения

эмоционального отношения/состояния говорящего» [11, с. 24]. «Чувства чаще всего являются итогом оценки какого-то состояния вещей. Если события не оправдывают интересы и цели человека, то рождаются негативные чувства, эмоции, которые сопровождаются разными проявлениями поведения» [13, с. 164]. Эмоциональное состояние *гнева*, протекающее в форме аффекта и вызываемое внезапным возникновением значительного препятствия на пути удовлетворения чрезвычайно важной для субъекта потребности, имеет свое отражение в устойчивых выражениях любого языка. Особенность фразеологической репрезентации эмоций заключается в ее образности, которая тесно связана с национально-культурной спецификой языкового сообщества таким образом, что фразеологизмы в своей семантике аккумулируют национально-культурную информацию, отражают процесс развития культуры народа и репрезентируют национально-культурные стереотипы, эталоны и т.д. Именно фразеологический уровень любого языка характеризуется имманентным свойством передавать разнообразные формы выявления эмоционально-чувственной сферы личности. Это обусловлено тем, что «фразеологизм как языковой знак и явление культуры – уникальная единица кода экспрессивно-образной номинации, имеющей особую когнитивную организацию, характеризующейся специфической корреляцией гносеологического семантико-смыслового, ассоциативно-образного, этического и прагматического аспектов» [3, с. 52].

Анализ эмпирического материала подтверждает, что фразеологическая концептуализация эмоции *гнев* в русском, украинском и польском языках достаточно разнообразна и позволяет выделить ряд признаков, которые реализуются в семантике данных фразеологизмов. Так, отдельные фразеологизмы в исследуемых языках концептуализируют разные формы и оттенки проявления эмоции *гнев*:

- *злость, враждебность*. Враждебное проявление озлобленности, раздражения и недоброжелательности в отношении кого-либо зачастую сопровождается не совсем адекватным агрессивным поведением человека: рус.: *зубы точить, срывать/сорвать сердце, рвать и метать, огнём и мечом, выйти из себя, плюнуть в душу, смотреть косо, прижимать хвост, всыпать по первое число, дать прикурить*; укр.: *рвати вудила* (досл. «рвать удила»),

dихати полум'ям (досл. «дышать пламенем»), *точити кров* (досл. «точить кровь»), *нагострювати ніж/меч, сокиру* (досл. «наточить нож/меч/топор»), *без вогню варити* (досл. «без огня варить»), *і батька рідного не жаліє* (досл. «и отца родного не жалует»), *дати стусанів* (досл. «дать пинков»); польск.: *złość oslepią kogoś* (досл. «злость ослепляет кого-то»), *zgrzytać zębami ze złości* (досл. «скрежетать зубами со злости»), *pioruny gniewu w oczach* (досл. «молнии гнева в глазах»), *plonąć/palać gniewem, złością* (досл. «пылать гневом, злостью»), *drzeć koty* (досл. «раздирать / драть котов»), *drzeć gardło* (досл. «раздирать / драть горло») и др.;

- *жестокость*. Отрицательная черта личности, выражающаяся в потребности причинять живым существам (людям, животным) страдания как морального, так и физического характера. Следует отметить, что при этом жестокий человек испытывает чувство удовлетворения при виде чужих страданий. Ср. фразеологизмы со значением 'жестоко расправляться с кем-либо, совсем погубить кого-то': рус.: *пороть как сидорову козу, показать кузькину мать, показать, где раки зимуют, выпустить кишки, давать жизни, держать в чёрном теле, стереть с лица земли, точить зубы, предавать огню и мечу*; укр.: *варити воду* (досл. «варить воду»), *перегризти горло* (досл. «перегрызть горло»), *палити вогнём* (досл. «палить огнём»), *терзати душу/серце* (досл. «терзать душу/сердце»), *точити кров з серця* (досл. «точить кровь из сердца»), *гострити зуби* (досл. «острить зубы»); польск.: *porachować komuś kości* (досл. «посчитать кому-то кости»), *zagrać komuś na nosie* (досл. «заиграть кому-то на носу»), *brać za mordę* (досл. «брать за морду»), *bić jak w bęben* (досл. «бить как в бубен»), *utopić kogonь w iйсе wody* (досл. «утопить кого-то в ложке воды») и др. С точки зрения этики, понятие жестокость аккумулирует в себе такие поступки, которые являются угрозой для жизнедеятельности людей, попирают общепринятые представления о гуманности и справедливости. Они не могут быть оправданы обстоятельствами и совершаются по аморальным мотивам [8, с. 245]. Типичными признаками сильного гнева/злости/жестокости является агрессивное поведение человека, направленное на других.

«Стереотипы разных культур и народов могут быть тождественными или подобными. В коннотативной зоне данных фразеологических единиц присутствует оценочный компонент, что подтверждают также стилистические пометы: *разг., пренебр., презр., бран.*» [12, с. 146]. На основе тематического сопоставительного анализа фразеологизмов русского, украинского и польского языков наиболее ярко проявляются сходства и различия национального восприятия, обнаруживаются как универсальные, так и специфические явления. В силу ареальной, бытовой и культурной близости россиян, украинцев и поляков языковое воплощение эмоции *гнев* в исследуемых фразеологических картинах мира зачастую имеет одинаковую метафорическую основу. Так, злой, опасный человек в русской, украинской и польской лингвокультуре ассоциируется с образом хищных, жалящих животных, пряно-острых растений, а также демонических существ, опасных для здоровья человека реалий и т.п. Сравним, например, фразеологическую репрезентацию характеристики очень злого, недоброжелательного, опасного, коварного человека в славянском фразеологическом пространстве, например, рус.: **волк в овечьей шкуре**, **змея подколотная**, **показывать когти**, **задавать перцу**, **задать феферу**, **влепить горячих**, **давать жару**, **отметить каиновой печатью**; укр.: **як скупали в окропі** (досл. «как искупали в кипятке»), **самому чорту брат** (досл. «самому черту не брат»), **сердите**, **аж у роті чорно** (досл. «сердитое, аж во рту чёрное»), **вовк в овечій шкурі** (досл. «волк в овечьей шкуре»), **підколотна гадюка** (досл. «подколотная змея»), **каїнова душа** (досл. «каинова душа»), **без серця** (досл. «без сердца»), **дати чортів** (досл. «дать чертей»), **мати кам'яне серце** (досл. «иметь каменное сердце»), **без серця** (досл. «без сердца»), **мало не з'їсть** (досл. «чуть не съест»); польск.: **czarny charakter** (досл. «чёрный характер»), **aniołek z różkami** (досл. «ангелок с рожками»), **jadowita żmija** (досл. «ядовитая змея»), **zły jak czort** (досл. «злой как чёрт»), **zły jak sto diabłów** (досл. «злой как сто чертей»), **zły jak piekło** (досл. «злой как пекло»), **zły jak chrzan** (досл. «злой как хрен»), **wart kata** (досл. «достоин палача»), **zły jak osa** (досл. «злой как оса»), **zły jak żmija** (досл. «злой как змея») и т.п.

Источником и причиной гнева человека может стать что угодно: как физические страдания, боль, так и предательство, посягательство

на права его личности и т.п. В любом случае данное состояние ассоциируется у человека с определенными помехами, раздражителями. Ср. рус.: *бельмо на глазу, кость в горле, стоять поперёк горла, стоять колом / костью в горле*; укр.: *як більмо на (в) оці* (досл. «как бельмо на (в) глазу»), *стояти кісткою поперёк горла* (досл. «стоять костью поперёк горла»), *вивести з себе* (досл. «вывести из себя»); польск.: *stanąć kością w gardle* (досл. «стать костью в горле»), *działać na kogoś jak czerwona płachta na byka* (досл. «на кого-то как красная тряпка на быка»), *doprowadzać kogoś do białej gorączki* (досл. «доводить кого-то до белой горячки») и т.п.

С теологической и философской точек зрения по характеру человек несовершенен. «Мораль еще со времен греческой античности воспринимается мерилем того, насколько человек ответственен за то, что он делает» [4, с. 12]. По мнению Ю.Д. Апресяна, «самореализуясь в многочисленных актах языкового словотворчества, этнический человек задает определенные параметры ментально-культурного пространства языка, характер которых детерминирован особенностями его восприятия и оценки мира» [1, с. 79].

Таким образом, эмоциональное состояние гнева, протекающее в форме аффекта и вызываемое внезапным возникновением значительного препятствия на пути удовлетворения чрезвычайно важной для субъекта потребности, имеет свое отражение во фразеологии. Анализ материала подтверждает, что россияне, украинцы и поляки подобно сигнализируют отрицательной реакцией на состояние сильного неудовлетворения. Этнокультурная специфика фразеологизмов эмоциональной сферы выражается не только наличием в их составе особых культурных маркеров, но и в их семантической интерпретации. Фразеологизмы сферы моральных качеств личности характеризуются повышенной эмоционально-оценочной нагруженностью, что делает фразеологическую картину мира более яркой, насыщенной и глубокой.

Данное исследование не исчерпывающее, поэтому очень перспективными выглядит дальнейший анализ фразеологической концептуализации эмоций в рамках когнитивной деятельности человека, метафорического моделирования чувства *гнев* в славянских языках.

Литература

1. Апресян Ю. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. 334 с.
2. Большой академический словарь русского языка / Горбачевич К.С., Герд А.С.; под ред. А.С. Гердта. М.: Наука; СПб.: Наука, 2008. Т. 4. 669 с.
3. Буянова Л.Ю., Коваленко Е.Г. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности. М.: Флинта; Наука, 2013. 184 с.
4. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: учебник. М.: Гардарики, 1999. 472 с.
5. Красавский Н. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
6. Новий тлумачний словник української мови: у чотирьох томах / уклад. В. Яременко, О. Сліпущко. Київ: Аконит, 1999. Т. 1. 912 с.
7. Психологічна енциклопедія / авт.-упоряд. О.М. Степанов. Київ: Академ-видав, 2006. 424 с.
8. Словарь по этике / под ред. И.С. Кона. 3-е изд. М.: Политиздат, 1975. 392 с.
9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
10. Шапарь В.Б., Россоха В.Е., Шапарь О.В. Новейший психологический словарь. 4-е изд. Ростов на/Д.: Феникс, 2009. 806 с.
11. Шаховский В. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: монография. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.
12. Щербачук Л.Ф. Оценочные фрагменты славянской языковой картины мира сквозь призму русских и польских зоонимных компаративных фразеологизмов // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 138–153.
13. Czapiga Z. Niewerbalne sposoby wyrażania gniewu w polskiej i rosyjskiej przestrzeni kulturowej // Коммуникативные аспекты грамматики и текста. Rzeszyw: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2020. S. 164–171.
14. Raciborska S. Gniew i złość – jak sobie z nimi radzić? [Электронный ресурс]. URL: <https://stopbarierom.pl/aktualnosci/gniew-i-zlosc-jak-sobie-z-nimi-radzic/> (дата обращения: 15.02.2022).
15. Siownik 100 tysiecy potrzebnych siyw / pod redakcją prof. Jerzego Bralczyka. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2005. 1024 s.

DOI: 10.31862/9785426311954-422-430

Юдкин-Рипун И.Н.,

*Институт искусствоведения,
фольклористики и этнологии
Национальной академии наук Украины,
Украина, г. Киев*

МЕРОНИМЫ КАК ИСТОЧНИК ПОСЛОВИЧНЫХ АНТИТЕЗ

Аннотация. Выбор и обозначение характерной детали в пословичном изречении инициирует процесс многократных семантических переходов (металепсис), представляющий амбивалентность и проблемность текста. В этом процессе ведущее место занимает преобразование гипоним – мероним – антоним как отражение перехода от абстракции обобщения к абстракции обособления (индивидуации). Предпосылкой перехода является эргативный субъект пословичного текста.

Ключевые слова: амбивалентность, диатеза, гипоним, антоним, эргативный субъект, деталь, синекдоха.

Igor Yudkin-Ripun,

*M.T. Rylsky Institute of Art Studies,
Folklore and Ethnology at NAS of Ukraine,
Ukraine, Kyiv*

MERONYMS AS A SOURCE OF PROVERBIAL ANTITHESES

Abstract. The selection and designation of characteristic details in a proverbial utterance initiates the process of multiplied semantic transitions (metalepsis) that represent the ambivalence and problematic verve of a text. It is the transformation hyponym – meronym – antonym in this procedure that takes the priority as the reflection of the transition from the abstraction of generalization towards that of isolation (individuation). The premise of the transition builds up the ergative subject of a proverbial text.

Keywords: ambivalence, diathesis, hyponym, antonym, ergative subject, detail, synecdoche.

Отрицания и противопоставления – исконные свойства пословиц, связанные с рядом семантических переходов. *Ни Богу свечка, ни черту кочерга* [2, с. 11] – противопоставляет обозначения рукотворных предметов, относящихся к стихии огня, – свечи и кочерги (В.И. Зимин отмечает первоначальное значение последней как тлеющего деревянного стержня для помешивания углей), которые выступают ситуативными антонимами. *Без минуты час не бывает* [Там же, с. 539] – предполагает противопоставление (двойным отрицанием *без... нет*) одной единицы (в исходном значении – времени) другой как условие существования. В этих свойствах проявляются реликты мировоззренческого дуализма.

В эдиционной практике классификация пословиц по парам антонимов, получила широкое распространение после известных трудов Г.Л. Пермякова при составлении так называемых «смысловых (тематических) указателей» [4, с. 253–256; 15, с. 169–180; 5, с. 325–341]. Между тем последовательное применение такого подхода выявило также его ущербность, обусловленную тем, что подобные списки строятся на основе лексики метаязыка описания, которая привносится исследователем и напроочь отсутствует в самом материале. Возникает известный эффект искажения наблюдаемого объекта позицией наблюдателя. Так, к антитезе «горе – радость» относят армянскую пословицу *Не бывает ночи без рассвета* и ее русский аналог *Будет дождь, будет и ведро* [4, № 653]. Однако отождествление ночи и горя безосновательно, например, в сказках, где пора встречи влюбленных прерывается как раз рассветом. Столь же сомнительно и горевать по поводу дождя – спасения при засухе. К антитезе «вещь – толкование» относят корейскую пословицу *Если скажешь слепому, что он слеп, тот обижается*, аналогичную русской *Правда глаза колет* [5, № 1318]. Однако неприятие высказывания (обида, метафорический «укол») никак не укладывается в понятие интерпретации. При отнесении к антитезе «тайное – явное» армянской пословицы *Копьё в мешке не спрячешь* (аналог: *Шила в мешке не утаишь*) [4, № 623] не учитывается, что сохранение предмета (копья, шила) не равнозначно утаиванию сведений о нем (например, в противоположной по смыслу идиоме *Искать иголку в стоге сена* цель поисков – сам предмет, а не следы его). Ясно, что подобные толкования оказываются подгонкой материала под прокрустово ложе искусственного метаязыка.

Существенным недостатком этого прокрустова ложа явилось игнорирование многозначности пословиц, их амбивалентности. На это обстоятельство обратил внимание А. Крикман, полемизировавший с Г.Л. Пермяковым и отметивший разночтения, проистекающие уже из различия определений актуального предиката – ремы. Действительно, в украинской пословице *Тиха вода греблю рве* [12, с. 54] («тихая вода рвёт плотину», аналог: *Тихая река берега размывает*) ремой может оказаться как первое определение (именно тихая вода способна разрушать), так и конечный результат (хотя вода и тиха, но плотину прорывает). Чтобы показать исконную неоднозначность, полисемию пословичной идиоматики, приведем два варианта украинской пословицы, записанные вместе с автокомментариями: *Мужик багатий, а віл рогатий – не боятся* («мужик богатый, а бык рогатый – не боятся»), «*Мужик багатий, а пёс кудлатий – то всё одно*» («мужик богатый, а пёс кудлатый – то всё равно») [8, с. 221]. В первом варианте богатство сопоставляется с древним образом рога изобилия и представляется как гарантия безопасности, надежности бытия. Во втором же оно оценивается как суета, приравнивается ключьям собачьей шерсти. Амбивалентность паремии здесь налицо. Об амбивалентности, требующей специального истолкования, свидетельствует и применение паремий в театральной речи. Вот пример из «Бесприданницы» А.Н. Островского: «Карандашев: *Да-с, Лариса Дмитриевна знает, что не всё то золото, что блестит. Она умеет отличать золото от мишуры*». Здесь «золоту» сопоставляется «мишура» как привнесенный толкователем антоним (из «блеска»).

Подобные свидетельства полисемии показывают, что паремия – это сложный троп, представляющий целый ряд семантических переходов, для которого в риторической традиции зарезервировано особое имя – металепис [18, с. 60]. В таком качестве пословичное изречение предстает не как ассерторическое, а как проблематическое высказывание, не как утверждение, а как вопрос. В частности, пословица может оказываться омонимична загадке [16]. С полисемией связана внутренняя антитетичность пословиц, в наиболее полной, развернутой форме включающих пару противопоставленных утверждений: «Наиболее типична для пословиц четырехчленная конструкция, легко распадающаяся на две композиционные части, каждая из которых, в свою

очередь, включает в себя по два предикативных единства» [14, с. 123]. Такой, можно сказать, «паремиологический квадрат», оказывается опровержением квадрата логического, в частности, распространенного в формальной логике утверждения о том, что противоречие присуще пропозициональному исчислению: «Противоречие возникает первоначально между суждениями, а не понятиями» [17, с. 66]. Материал пословиц с их особенно развитой антонимией опровергает такое утверждение, выявляя противопоставление прежде всего имен, причем именно обозначений частей, меронимов. *Что написано пером – не вырубить топором* – в этой широко известной пословице перо и топор оказываются сопоставленными как образные обозначения деяний в пару ситуативных синонимов – так называемая гендиадис, с последующей поляризацией их значений.

В свою очередь, отправной точкой построения такого развернутого изречения является идиоматическое словосочетание, построенное, как правило, из меронимов, указывающих на характеристическую деталь пословичного образа. *Из огня да в полымя* содержит как раз меронимы огненной стихии, образующие синонимическую пару – гендиадис, которая подвергается смысловой поляризации. *Изба крепка запором, а двор забором* [1, с. 643] сопрягает меронимы строения, причем ситуативная антонимия «двор – дом» предполагает тут и ситуативную синонимию – гендиадис «замок и ограда». Существенно, что рост отправной идиоматической детали до развернутой пословицы осуществляется, как правило, через противительные отношения (адверсатив). Показательный пример – *Про волка речь, а волк – навстречь* [2, с. 368], имеющий украинский аналог *Про вовка помовка, а вовк до хати*, где противительный союз явно указывает на данные отношения. О том же свидетельствует и *За двумя зайцами погонишься, но ни одного не поймашь*, где подчеркивается противоречие результата цели, ее недостижимость, бесцельность действия.

Характеристическая деталь как источник пословичной идиоматики, порождая противительные отношения, указывает субъекта действия (актанта) пословичного текста, свойства которого существенно отличны от субъекта повествования. В пословичных текстах обнаруживается не только диатеза – превращение действительного субъекта в страдательный – но и, по А.Ф. Лосеву, реликты эргативного строя

языка: «То, что делает здесь действие пассивным, не есть другая такая же причина, но – демон. Этим демонизмом эргативное умозаключение резко противоположно всякому научному представлению о том, что нет действия без причины» [7, с. 314]. Хрестоматийным примером такого реликта может служить приведенная еще в классическом труде А.М. Пешковского украинская поговорка *За моє жито мене ж і бито* («за мою рожь меня же и били»), где «винительный падеж того слова, которое по смыслу должно быть подлежащим... совершенно отрывает эти формы от личного страдательного залога» [9, с. 332]. Эргативный субъект ведет себя подобно театральной маске, ампула с наперед заданными свойствами, с фатально предопределенным поведением. Таков субъект поговорки *Житть не можеться, а умирать не хочеться* [11, с. 80], где возвратное наклонение передает пассивность.

В поговорках, собранных В.И. Зиминим под рубрикой «Дурак и умный» [2, с. 280], субъекты – это ампула, имеющие фатально заданное назначение и противопоставленные друг другу. Как правило, для такого субъекта одушевленность несущественна, его функция отводится вещам. *Всякий дом потолком крыт* [1, с. 305] – это изречение за констатацией чисто строительного факта (при сведении к буквальному прочтению) содержит параболу, скрытое сравнение. Потолок здесь – синоним идиомы «крыша над головой», тогда как дом в собственном смысле – это стены, противопоставляемые также и основанию («дотла»). Детали постройки осмысливаются как субъекты, предопределенные своим призванием. В старинной украинской поговорке *Поти збан воду носит, покиль вуха не урве* («жбан воду носит, пока уши не оборвёт») [3, № 748] персонажем является эргативный субъект, зависящий от состояния «ушей». Показательный пример эргативного субъекта, движущегося по предопределенной, заданной «орбите», дает поговорка XVIII в. *Неправ медведь, что корову съел, неправ и корова, что в лес зашла* [11, с. 58]. Здесь очевидной становится и еще одна особенность этого субъекта – частичность (медведь ограничен плотоядностью, корова – принадлежностью к дому), сближающая его с меронимом.

Частичность эргативного субъекта поговорок сказывается прежде всего в ограничении возможности выбора действий. Таковой ограничительной силой, в частности, является возраст как синекдоха для

целого круга возможностей: *В чём смолоду охота, в том под старость неволя; В чём молод похвалишься, в том стар покаешься* [11, с. 73]. Такой же ограничительной силой является и принадлежность обществу к определенному кругу, груз прошлого опыта: *Водиться с палачами – не торговать калачами* [Там же, с. 70]. Провиденциальное предопределение обуславливает частичность эргативного субъекта и делает его «ходячей синекдохой» обозначения целого класса праведников или грешников: *Вольному воля, спасенному рай; Глупый согрешит один, а умный соблазнит многих* [Там же, с. 71, 75]. Таким образом, сама природа пословичного субъекта подготавливает ведущую роль меронимов, в качестве синекдох, отсылающих к целому классу предметов.

Следствием построения эргативного субъекта в поговорках как результата объективации деталей становится особый семантический переход – переосмысление гипонимов (обозначений родовых подвидов) меронимами (обозначениями частей целого). Отвлеченные и обобщенные признаки осмысливаются как предметы, с их обозначениями обращаются как с именами единичных вещей. Олицетворение отвлеченных понятий в фольклоре – дело обычное: достаточно вспомнить знаменитое исследование А.А. Потебни о судьбе, доле [10]. Здесь, однако, речь идет о реификации, овеществлении, что проявляется в построении макропредикатов, что свойственно не только пословицам. *Не обманешь – не продашь, Не подмажешь – не поедешь* – в этих примерах обозначения действий принадлежат к разным семантическим полям, являются гипонимами разных предикатов, но представляются в тексте как обозначения частей, меронимы одного действия. *Чтобы перескочить, надо разбежаться* [2, с. 110] – это изречение соединяет гипонимы двух различных классов глаголов движения (*бегать* и *скакать*), но в его контексте они осмысливаются как меронимы макропредиката преодоления препятствия. В свою очередь, в качестве таковых компонентов они предстают и как антонимы: разбег противостоит скачку. Пример из записей XVIII в. – *Ещё не родился, да уж окрестился* [11, с. 80] – приводит взятые в противоположной последовательности частичные действия, которые изначально являются гипонимами разных классов (рождение и обрядность). Кстати, данное изречение может быть истолковано и как загадка с разгадкой «планирование».

Такие семантические переходы обретают значительно более широкое значение: за превращением гипонимов в меронимы стоит переход от абстракции обобщения (генерализация) к абстракции обособления или изоляции (индивидуация). Такую метаморфозу раскрывают широко известные пословицы. *Конец – делу венец* (аналог латинского *finis coronat opus*) приравнивает обобщающую абстракцию окончания процесса конкретному предмету – венцу как части убранства. Отвлеченное понятие выступает подобно олицетворенной сущности в аллегорическом театре. *Ошибка – не мука, а вперёд наука* [11, с. 136] – изречение, не только представляющее исконную связь «мучение – учение», имеющую параллели в древнегреческом паремийном фонде [18, с. 189], но и осмысляющее отвлеченное понятие ошибки как эргативного субъекта, ниспосланной свыше испытующей силы. Пара «мука – наука» предстает не как предикатные признаки, а как меронимы частных событий, поляризующиеся в контексте пословицы. Нет нужды особо отмечать, что в пословице как сложном тропе меронимы выступают также как синекдохи, отсылающие обозначения частных к целостностям, их включающим.

Тогда превращение меронимов в антонимы опосредуется их отнесением к целому. Украинская пословица *В хаті жінка три кути держить, муж четвертий* («в доме жена три угла держит, муж четвертый») [13, с. 89] меронимы – обозначения членов семьи – осмысливаются как представители классов, «фратрий» общества, и предстают как точки пересечения двух цельностей – семьи и общества. Антонимичность возникает как раз вследствие такого пересечения. *Посмотрим, сказал слепой, как будет плясать хромой* [2, с. 358] отсылает обозначения частных ущербов (слепоты и хромоты) не только к обозначениям целых сообществ калек, но и к целой традиции фольклорной традиции, притчам о хромом как поводе слепого, трансформированных в легенды о св. Христофоре, переносившем младенца Иисуса Христа. В пословице ситуация абсурда, создаваемая двойными отрицаниями, указывает на антонимичность обоих меронимов. *Не насытится око зренья, а ум богатства* [11, с. 58] представляет олицетворение частей тела, в частности, глаза как носителя духовных сил. Тем самым дается своеобразная этимологическая мотивировка концепта «зависть» как производного от зренья. Части тела

и его функции (ум) осмысливаются как олицетворенные субъекты действия, причем субъекты эргативные, фатально предопределенные своим призванием.

Итак, в пословицах происходит ряд семантических переходов, в частности, превращения гипоним – мероним – антоним. Источником является эргативный субъект действия пословичных текстов, который всегда ограничен и частичен. Он подобен олицетворениям существей в театре барокко, театральным маскам и амплуа. Идиоматические детали становятся отправной точкой для противительных отношений, лежащих в основе развернутого текста пословицы. Абстракция обобщения обращается в абстракцию обособления, генерализация – в индивидуацию. Меронимы предстают как представители разных классов предметов и оказываются точками пересечения разных цельностей, в частности, сообществ как персонифицированные сущности. В итоге таких преобразований складывается ситуативная антонимия, характерная для пословичных изречений.

Литература

1. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: сборник. М.: Гос. Изд-во худ. литературы, 1957. 992 с.
2. *Зимин В.И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-Пресс, 2008. 730 С.
3. *Зіновійв К.* Вірші. Приповіді посполиті / підгот. тексту І.П. Чепіги; вступ. ст. В.П. Колосової та І.П. Чепіги. Історико-літературний коментар В.П. Колосової. К.: Наукова думка, 1971. 392 с.
4. *Карапетян Г.О.* Тематический (смысловой) указатель. Предметно-об-разный указатель // Армянские пословицы и поговорки / сост. и пер. Г.О. Карапетяна. М.: Наука, 1972. 264 с.
5. *Корейские народные изречения / сост., пер., прим. и предисл. Лим Су.* М.: Наука, 1982. 360 с.
6. *Крикманн А.А.* Некоторые аспекты семантической неопределенности по-словичий / Паремииологический сборник. М.: Наука, 1978. С. 82–104.
7. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 482 с.
8. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М.: Учпедгиз, 1938. 452 с.
9. *Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX ве-ков / изд. подготовили М.Я. Мельц, В.В. Митрофанова, Г.Г. Шаповалова.* М.; Л.: Изд. АН СССР, 1961. 292 с.

10. *Потебня А.А.* 1. О некоторых символах в славянской народной поэзии. 2. О связи некоторых представлений в языке. 3. О купальских огнях и сродных с ними представлениях. 4. О доле и сродных с нею существах. 2-е изд. Харьков: Изд. М.В. Потебни, 1914. 244 с.
11. *Прислів'я та приказки.* Природа. Господарська діяльність людини / упоряд. М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка, 1989. 480 с.
12. *Прислів'я та приказки.* Людина. Родинне життя. Риси характеру / упоряд. М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка, 1990. 528 с.
13. *Прислів'я та приказки.* Взаємини між людьми / упоряд. М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка, 1991. 440 с. (Українська народна творчість).
14. *Тарланов З.К.* Очерки по синтаксису русских пословиц. Л.: Изд. Ленинградского ун-та, 1982. 136 с.
15. *Уйгурские пословицы и поговорки / собраны М.К. Хамраевым; сост. и пер. с уйгур. М.К. Хамраев, Ю.И. Левин; отв. ред. Г.Л. Пермяков.* М.: Наука, 1981. 184 с.
16. *Юдкин-Рипун И.Н.* О проблемах применения фреймов в паремиологии // Современные подходы к исследованию ментальности. Памяти проф. Е.А. Пименова. (Санкт-Петербургский гос. университет. Славянский мир). СПб., 2011. Вып. 6). С. 129–138.
17. *Coffey P.* The science of logic. Vol. 1. New York: Peter Smith, 1938. XX, 445 p.
18. *Yudkin-Ripun I.* Aphoristic foundations of dramatic and lyrical poetry. Kiev: Osvita Ukrainy, 2013. 444 p.

**ФРАЗЕОГРАФИЯ КАК ОСНОВА
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ.
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС
В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ И В ШКОЛЕ,
В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ**

DOI: 10.31862/9785426311954-431-435

Абрамова В.И.,

*Тульский государственный
педагогический университет
имени Л.Н. Толстого,
Россия, г. Тула*

Архангельская Ю.В.,

*Тульский государственный
педагогический университет
имени Л.Н. Толстого,
Россия, г. Тула*

**ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ
РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК
ПРИ ИЗУЧЕНИИ УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ
ТРАДИЦИОННОГО КАЛЕНДАРНОГО ЦИКЛА¹**

Аннотация. В статье обоснована актуальность объяснительного словаря В.И. Зимины и А.С. Спирина «Пословицы и поговорки русского

¹ Ранее статья была опубликована: Русский язык и литература в современных реалиях: материалы Международной межвузовской научно-практической конференции. Душанбе: Таджикский национальный ун-т, 2022. С. 24–27.

народа», а также предложены варианты работы с ним в рамках научной работы студентов в области фольклористики и фразеологии.

Ключевые слова: фразеология, паремиология, малые жанры фольклора, приметы, календарный цикл.

Veronica Abramova,

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Russia, Tula*

Julia Arkhangelskaya,

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Russia, Tula*

**THE POSSIBILITIES OF USING
AN EXPLANATORY DICTIONARY
OF RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS
IN THE STUDY OF STABLE UNITS
OF THE TRADITIONAL CALENDAR CYCLE**

Abstract. The article substantiates the relevance of the explanatory dictionary of V.I. Zimin and A.S. Spirin “Proverbs and sayings of the Russian people”, and also offers options for working with it in the framework of students’ scientific work in the field of folklore and phraseology.

Keywords: phraseology, paremiology, small genres of folklore, omens, calendar cycle.

В.И. Зимин внес значительный вклад в исследование русской фразеологии в последней четверти XX – начале XXI в. Он являлся одним из составителей словарей и справочников, которые, по оценкам специалистов, еще долго не потеряют своей актуальности.

В 1996 г. В.И. Зиминим и А.С. Спириным был опубликован объяснительный словарь «Пословицы и поговорки русского народа» [1], в который входит около 40 000 разнообразных типов устойчивых единиц, наряду с пословицами и поговорками – присказки, загадки, приметы, присловья, дразнилки, считалки, молвушки. Принцип

размещения данных единиц в словаре – тематический. В этом смысле авторы следуют далевской традиции. Нетрадиционность издания состоит в том, что, хотя словарь толковым не является, «в нем объясняется значение достаточно большого количества изречений» [1, с. 15], комментариями снабжаются «непонятные современному читателю редкие слова, историзмы, диалектизмы, архаизмы и т.п.» [Там же, с. 16], в некоторых случаях даются этимологические справки. Все это крайне актуально в современных социокультурных условиях, когда малые жанры традиционного фольклора весьма ограниченно используются в речи. Во время проведения фольклорно-диалектологических экспедиций, организованных Тульским государственным педагогическим университетом имени Л.Н. Толстого в 2007–2012 гг., опросив 49 информантов из 9 районов Тульской области, студенты-собиратели зафиксировали всего четыре пословицы и три поговорки.

А во второй половине XX столетия, собирая материал для словаря, его составители фиксировали тысячи употреблений, и, по их собственным словам, объездили всю Россию и другие республики Советского Союза с русскоговорящим населением. В издании нередко встречаются пометы типа: «записано в Архангельске», «записано на Дальнем Востоке» [Там же, с. 442]. Можно сказать, что это последний или один из последних сборников русских пословиц и поговорок, отражающих те устойчивые единицы, которыми владели носители русского языка в последние годы существования Советского Союза.

Не секрет, что в постсоветское время русский язык претерпел значительные изменения, связанные, прежде всего, с многочисленными заимствованиями (по большей части из английского языка), демократизацией речи (при которой многочисленные просторечные единицы перешли в разряд разговорных, а разговорные попали в литературный язык), а также процессом карнавализации речи, под которым обычно понимают возросшую потребность в языковой игре.

Гораздо меньше внимания лингвисты уделяют тому, что за последние 20 лет резко снизилось владение фразеологическими ресурсами русского языка. Нами проводится ежегодное тестирование на знание устойчивых единиц русского языка среди студентов-филологов 1–2 курсов ТГПУ имени Л.Н. Толстого, а также учащихся 10–11 классов лицея при том же вузе, результаты которого становятся хуже год

от года. Задания на восстановление исходного вида пословиц при предъявлении их начального или конечного фрагмента, с которыми учащиеся легко справлялись два десятилетия назад, сегодня большинство из них ставят в тупик. Примечательно, что когда те же учащиеся по просьбе преподавателя проводят ту же работу со своими старшими родственниками, то они убеждаются, что те практически не испытывают затруднений и легко восстанавливают исходный вид устойчивых оборотов по предъявленному фрагменту.

Все это свидетельствует о том, что словари объяснительного типа, к которым относится и труд В.И. Зимина и А.С. Спирина, весьма актуальны в наше время, поскольку они не только фиксируют устойчивые единицы, но и комментируют их. Еще более значимыми эти комментарии становятся, если мы обращаемся к разделам словаря, тематически связанным с традиционным календарным циклом. Здесь даются объяснения ко многим единицам, причем актуальны они не только для учащихся, но и для специалистов, поскольку позволяют погрузиться в этнографический контекст, в котором функционировало и продолжает бытовать то или иное устойчивое выражение.

Городские жители, чей род деятельности часто не связан с природными циклами и погодными явлениями, не знакомы с приметам и находящимися с ними в тесной связи устойчивыми единицами, содержащими народные (обиходные) хрононимы, геортонимы и агонимы. В сельской местности, как показали фольклорно-диалектологические экспедиции ТГПУ имени Л.Н. Толстого, они не теряют своей актуальности. Во время фольклорных практик 2007–2012 гг. студенты-собиратели зафиксировали 89 примет. Объяснительный словарь В.И. Зимина и А.С. Спирина послужил источником модели описания таких единиц и их лингвокультурологического комментария. Например: *Евдокия (Авдотья)-плющиха, подмочи порог, свистунья, весновка, замочи подол. По старому стилю Евдокия падала на 1 марта, т.е. она открывала весну. Поэтому с ней связано много примет и обычаев: «Какова Евдокия, таково и лето. Если на Евдокию курица не найдёт водицы напиться, то хлебу не уродиться»* [1, с. 457] – *«Если на Евдокию капель, то будет хороший урожай огурцов»* (записано во время фольклорной практики 2008 г. от Дреминой А.П. в п. Ханино Суворовского р-на Тульской обл.); *4 декабря – Введение. По церковному*

календарю – это Введение во храм Пресвятой Богородицы. Народ же ассоциировал слово «введение» не только с Богородицей, но и с понятием начала, ввода: это совпадало со вступлением зимы в свои права. <...> Введенье ломает леденье [лёд ломается и становится грудами] [1, с. 470] – «Введенье ломает леденье» (записано во время фольклорной практики 2011 г. от Манаевой А.К. в с. Дедилово Киреевского р-на Тульской обл.).

Объяснительный словарь В.И. Зимины и А.С. Спирина может быть использован в рамках диахронических исследований. В нем отмечены приметы и обычаи, которые были зафиксированы фольклористами еще в XIX в., что позволяет судить об устойчивости этих единиц. Например: 28 февраля – Онисим-овчар, овчарник. В этот день овчары окликают звёзды, чтобы овцы ягнились [Там же, с. 456]. В книге тульского фольклориста И.П. Сахарова «Сказания русского народа» (1841–1849) читаем: «В Тульской губернии есть предание, что в этот день овчары должны окликать звёзды для обильного плодородия овец» [2, с. 13].

Таким образом, объяснительный словарь В.И. Зимины и А.С. Спирина «Пословицы и поговорки русского народа» является востребованным источником для проведения современных филологических исследований.

Литература

1. Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М.: Сюита, 1996. 544 с.
2. Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. Т. 2. СПб., 1849. 224 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-436-441

Баковкина В.Д.,
Челябинский
государственный университет,
Россия, г. Челябинск

ОБУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА РУССКОГОВОРЯЩИХ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Аннотация. В данной статье рассматривается необходимость изучения фразеологизмов при освоении китайского языка, их классификация, а также предлагается комплекс упражнений, необходимых при обучении данным выражениям. Комплекс направлен на освоение навыков владения фразеологизмами, на контроль усвоения данных устойчивых выражений.

Ключевые слова: фразеологизм, ченьюй, обучение, китайский язык, упражнения, комплекс упражнений, навыки.

Valeria Bakovkina,
Chelyabinsk State University,
Russia, Chelyabinsk

TEACHING CHINESE PHRASEOLOGICAL UNITS TO RUSSIAN-SPEAKING UNIVERSITY STUDENTS

Abstract. This article discusses the needs of study phraseological units during learning Chinese, their classification, and a set of necessary exercises for teaching these phraseological units. The exercises aim at mastering various skills of using phraseological units, controlling the development of using these units.

Keywords: phraseology, chengyu, teaching, Chinese exercises, a set of exercises, skills.

За последние несколько лет китайский язык стал очень популярным, и все больше людей начинает изучать данный язык, имея различные на то причины. Согласно данным Центра социологических исследований Минобрнауки, в России количество людей, изучающих китайский язык, выросло: в 2017 г. число россиян, изучающих китайский язык, достигло 56 тысяч. Из них 39% учат китайский в вузах, 31% – в средних школах, 25% – на языковых курсах и 5% – в Институтах Конфуция. А количество школьников, сдававших ЕГЭ по китайскому языку в 2020 г., составило 358 человек.

Благодаря высокому росту популярности китайского языка в России, стало разрабатываться все больше различных методик преподавания китайского языка для разных возрастов: дошкольники, школьники, студенты колледжей и вузов, взрослые. Но неизменной остается общая теория и практика преподавания иностранного языка. При освоении любого языка важно сформировать и развить базовые компетенции, связанные с речевой деятельностью учащихся. Для создания более полной картины у учащихся, касающейся китайского языка, культуры и национальных особенностей, необходимо включать в обучение изучение фразеологических оборотов, что повышает уровень владения языком.

На сегодняшний день наибольшее количество изучающих китайский язык приходится на вузы. Поэтому необходимо определить подход к обучению фразеологизмам, опираясь на методику обучения иностранного языка для студентов высшей школы.

Перед тем как определить подход к обучению фразеологизмам на уроках китайского языка, разберем понятие «фразеологизм», определим основные виды фразеологизмов в китайском языке и их отличия.

Различные словари представляют понятие «фразеологизмы» схоже. Так, согласно толковым словарям С.И. Ожегова, Т.Ф. Ефремовой, С.А. Кузнецова и лингвистическим словарям Д.Э. Розенталя, Т.В. Жеребило и др., понятие фразеологизма можно сформулировать следующим образом: фразеологизм – устойчивое выражение, речевой оборот, идиома, свойственный определенному языку и несущий в себе определенное, чаще всего непрямо, значение.

Китайские исследователи дают следующее толкование фразеологизмов.

Словарь современного китайского языка определяет фразеологизм как «широко и долго употребляющиеся устойчивые словосочетания или фразы, которые имеют глубокие смыслы» [4, с. 1172].

Цзы Юань в своих трудах определяет фразеологизм в качестве «широкоупотребительного древнего языка, и устойчивых словосочетаний или фраз, которые выражают полное значение» [3, с. 2395].

Подходы к определению фразеологических единиц в целом имеют схожий характер. Российские и китайские исследователи определяют фразеологизмы как устойчивые выражения.

Классификации фразеологических единиц у русских исследователей и китайских разнятся.

В.В. Виноградов выделяет три основных типа: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания [1].

Китайский лингвист Ма Гофань (马国凡) выделяет пять основных разрядов фразеологизмов китайского языка: 1) ченьюй (成语) – идиомы; 2) яньюй (颜语) – пословицы; 3) сехоуэй (歇后语) – недоговорки-иносказания; 4) гуаньюньюй (惯用语) – фразеологические сочетания; 5) суюй (俗语) – поговорки [2, с. 92–98].

Чэньюй – это «устойчивое фразеологическое словосочетание, построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщенно переносным значением, носящее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения» [Там же, с. 92].

Яньюй – пословица – «малая форма народного поэтического творчества, имеющая краткое, ритмизованное изречение, несущее обобщенную мысль, вывод, иносказание» [Там же, с. 93].

Сехоуэй – «двучленные изречения, в которых первая часть представляет собой иносказание, вторая – его раскрытие» [Там же].

Гуаньюньюй представляют собой «свободное словосочетание, которое было подвержено метафоризации, которое утратило свое прямое значение и приобрело новое, переносно-образное значение» [2, с. 96].

Суюй – это «поговорки, чаще всего состоящие из четырех иероглифов, не имеющих прямого поучительного смысла» [Там же, с. 98].

Усвоение фразеологизмов – постепенный и длительный процесс, требующий усвоения достаточно большого количества лексических единиц и их значений.

Из-за особенностей письменности в китайском языке, выраженной иероглификой, учащимся придется не только учить сам иероглиф, но и его чтение и перевод. При изучении фразеологизмов им потребуется учить несколько слов одновременно, их прямое значение и перевод в рамках самого устойчивого выражения.

Для более качественного усвоения данных выражений необходимо подобрать такой комплекс упражнений, который сможет охватить не только обучение письму, произношению и значению фразеологизмов, но и умению правильно использовать их в своей речи, распознавать их в тексте или устной речи, подбирать к ним синонимы и антонимы.

В большинстве учебников по китайскому языку фразеологизмы даются как часть списка новых слов к тексту урока, но их разборы и упражнения, направленные на их усвоение, отсутствуют. Именно из-за этого упущения большинство изучающих китайский язык не умеют использовать их в своей речи и узнавать в речи носителей.

Для достижения наиболее эффективного усвоения фразеологизмов необходимо использовать следующие виды упражнений.

1. Блок чтения

- Прочитайте вслух слова, пользуясь транскрипцией пиньинь, и ознакомьтесь с их значением. Например:

大公无私 [dàgōngwúsi] – кристально честный, бескорыстный, самоотверженный;

相由心生 [xiàng yóu xīn shēng] – какой внутри, такой и снаружи;

画蛇添足 [huàshé tiānzú] – нарисовав змею, пририсовать ей ноги; перестараться.

- Прочитайте текст вслух и выделите в нем фразеологизмы из списка новых слов. Примеры предложений:

工人阶级最大公无私。 – Люди рабочего класса самые самоотверженные.

对一个这样漂亮的女孩来说, 化妆有些画蛇添足。 – Для такой красивой девушки макияж будет лишним.

- Устно объясните использование фразеологизмов в тексте.

2. Блок аудирования

Прослушайте аудиозапись текста. Назовите фразеологизмы из новых слов, которые были озвучены.

3. Блок говорения

- Прочитайте данные фразеологизмы и объясните их значение на русском языке.

愚公移山 – досл.: Юй Гун передвинул горы; свернуть горы, преодолеть все препятствия.

炳烛而学 – досл.: зажечь свечу и учиться; говорят о человеке, который любит получать новые знания.

- Прочитайте данные фразеологизмы и объясните их значение на китайском языке. Например:

画蛇添足 – 多此一举, 做太多比要的。

愚公移山 – 能克服困难。

- Устно подберите синонимы к данным фразеологизмам на китайском языке. Например:

画蛇添足 – 多此一举;

相由心生 – 鬼由心生;

愚公移山 – 持之以恒。

- Устно подберите похожие фразеологизмы русского языка к китайским.

望影而逃 – Бояться собственной тени.

激动人心 – Брать за душу.

爱屋及乌 – Любишь кататься, люби и саночки возить.

5. Блок-письмо

- Соедините данные фразеологизмы (столбик 1) с их значением (столбик 2).

Столбик 1

画蛇添足

激动人心

愚公移山

Столбик 2

Свернуть горы.

Пририсовать змее ноги.

Волновать души людей.

- С какими глаголами используются данные фразеологизмы? Напишите примеры.
- Вставьте фразеологизм в нужную часть предложения.
- Верен ли перевод данных фразеологизмов? Если нет, то дайте верный перевод.

望影而逃 – Бояться собственной тени. (Верно)

炳烛而学 – Свернуть горы. (Неверно)

相由心生 – Любишь кататься, люби и саночки возить. (Неверно)

- Напишите сочинение, используя фразеологизмы данного урока.

В конце блока уроков, имеющих определенное количество фразеологизмов, лучше всего провести небольшую проверочную работу на усвоение изученных выражений.

1. Выберите верный перевод фразеологизма.
2. Найдите в тексте фразеологизм и объясните его значение на русском языке.
3. Дайте толкование данных фразеологизмов на китайском языке.

Таким образом, данный комплекс упражнений помогает освоить фразеологизмы, их значение и применение в речи, формируя более высокий уровень культуры и речевого мастерства учащихся.

В данной работе мы выяснили, что изучение фразеологизмов при освоении китайского языка является важным компонентом для формирования навыков устной и письменной речи студентов, определили типы фразеологизмов в китайском языке и их различия, подобрали комплекс упражнений, широко охватывающий возможности запоминания и навыка применения фразеологизмов в речи.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Русский язык. М.: Наука, 1972. С. 616.
2. 马国凡. 歇后语. 呼和浩特: 内蒙古人民, 1983, 299页 (Ма Гофань. Сехоуяу. Хух-Хото: Нэймэнгу жэньминь, 1983. С. 299.)
3. 辞源 [W]. 北京: 商务印书馆, 1979. 3590 页.
4. 现代汉语词典 [W]. 北京: 商务印书馆, 2012, 1790 页.

DOI: 10.31862/9785426311954-442-447

Василенко А.П.,

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского,
Россия, г. Брянск*

**БАНАНОВАЯ РЕСПУБЛИКА:
НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО
И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КОДОВ КУЛЬТУРЫ
ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМЕ**

Аннотация. Находясь на пересечении разных кодов культуры, фразеологизм может варьировать изначально заложенное этносом свое культурное содержание, при этом наблюдается трансформация уже сложившегося представления о мире в связи с переходом фразеологизма в иную систему ценностей. В частности, речи идет о фразеологизме *банановая республика*, о его гастрономическом и геополитическом коде культуры.

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, гастрономический код культуры, геополитический код культуры, архетип.

Anatoly Vasilenko,

*Bryansk State University
named after academician I.G. Petrovsky,
Russia, Bryansk*

**A BANANA REPUBLIC:
CROSSING OF GASTRONOMIC CODE
OF CULTURE AND GEOPOLITICAL ONE
IN A PHRASEOLOGICAL UNITE**

Abstract. Different cultural codes can transform an idiom, and the idiom itself can vary its cultural content, initially based on an ethnos. This transformation is obvious when the idiom of one stable idea is linked

to another value system. In particular, we are talking about the phraseological unit *banana republic*, its gastronomic and geopolitical code of culture.

Keywords: idiom, semantics, gastronomic code of culture, geopolitical code of culture, archetype.

Банановая республика (букв.: «банановая республика») – небольшая зависимая страна тропического пояса, из английского *banana republic* [8, с. 41].

Данный фразеологический оборот получил свое распространение в видеорепортажах о развивающихся странах мира.

Прослеживается этимология оборота. По всей вероятности, структура впервые употребляется в сборнике рассказов известного американского писателя О. Генри «Король и капуста». Данный сборник вышел в свет в начале XX столетия [7].

Банановая республика – это вымышленное название небольшого тропического государства. Бюджет государства строился, в основном, на экспорте фруктов. Прототипом для построения топонимического образа фразеологизма становится реально существующее государство – Гондурас, на территории которого писатель скрывался некоторое время от преследований техасских властей.

На сегодняшний день данный оборот является термином в области политической, экономической и географической деятельности человека. Под название *банановая республика* попадают небольшие страны, которые не обладают автономией, достаточно зависимы от плантационного хозяйства. Экономика таких государств строится, в преобладающем большинстве случаев, на аграрной специализации, характеризуется высоким процентом экспортирования продуктов сельского хозяйства.

В оригинальных англоязычных лексикографических источниках под оборотом *banana republic* подразумевают следующее:

- «бедная коррумпированная небольшая страна, расположенная на территории Южной или Центральной Америки» [6];
- «зависимое, обычно расположенное в тропиках небольшое государство» [2];
- «небольшая латиноамериканская страна, характеризующаяся политической нестабильностью; экономика этих стран находится

в зависимости более влиятельных государств, подчинена иностранным интересам, направлена на экспорт продукции, например бананов» [5].

Следует отметить довольно активное использование фразеологизма *банановая республика* в современных дискурсивных практиках. Так, в освещении политической жизни русскоязычные СМИ активно используют фразеологизм в заголовках статей, например:

С Россией остались только банановые республики [4]; *Британия официально стала банановой республикой* [1]; *Россия – это не банановая республика: в Совфеде отреагировали на новые санкции США* [3].

Причем как из заголовков, так и из содержания самих статей становится очевидно, что *банановая республика* – это сатирический образ не только южноамериканских и африканских государств, ориентированных на производство и экспорт сельскохозяйственной продукции. В семантике оборота реализуется потенциальное значение экономической и политической зависимости некоторых стран от более крупных и влиятельных игроков международной арены. *Банановая республика* – это очевидная субдоминантная роль на фоне активности доминантных ролей.

Поэтому полагаем, что структура образа фразеологизма складывается на выделении геополитического (компонент *республика*) и гастрономического понятий (компонент *банан*).

Адъективный компонент *банановый* напрямую связан с тем, как в определенной культуре относятся к данному продукту питания, от особенностей его непосредственного применения в пищу до специфических способов реализации в экономическом плане.

Являясь экзотизмом для одной культуры, *банан* становится абсолютно обыденным явлением в другой культуре. На широком применении в бытовом плане и строится представление о *банане* как о продукте легко добываемом, не требующем особого вложения труда, маркером обыденности и, возможно, скудности из-за отсутствия возможности разнообразить гастрономический выбор.

Наличие подходящих климатических условий позволяет *банану* культивироваться в огромных количествах, что в семантическом

плане может быть отражено в таких промышленно-производственных понятиях, как «примитивность», «незамысловатость», «доступность», «ограниченность», «ординарность».

Топонимическая реалья *банан*, являясь одновременно гастрономическим кодом культуры народов, где произрастает этот фрукт, выступает символизацией мира солнечного, яркого, теплого (ассоциация с желтым цветом) – климатического пространства со своими сложившимися обычаями.

Кроме того, *банан* может быть воспринят как *casual-стиль* ввиду своей широкой распространенности на определенной территории (некоторые из них: Доминиканская Республика, Камерун, Коста-Рика, Никарагуа, Сальвадор, Сенегал, Шри-Ланка), агрономической (климатически обусловленной) неприхотливости. Отсюда – коннотативная семантика тривиальности, а также национальной необременности в способах добывания этого продукта.

Во фразеологизме компоненту *banana* немалая роль отдается символике цвета как признаку солнечности, яркости, а также вкусовым признакам плода – сладости, что может говорить о формировании положительной коннотативной семантики.

Формирование культурной пищевой традиции проходит на фоне формирования бытового уклада народа, а сама метафора *banana republic*, как кулинарно-гастрономический код, является прямым доказательством обыденности – с одной стороны, жизненной важности – с другой. Жизненная важность обусловлена и сугубо национальной потребностью экспортировать данный фрукт в рамках сформировавшихся экономических факторов (торговля).

Данный дуалистический аспект гастрономического кода культуры в метафоре *banana republic* (а именно: использовать самим в пищу и делиться с другими) порождает связь с иной семиотической системой, наполненной иными смыслами, и в первую очередь финансово-экономическими, – это геополитический код культуры.

Экономическая нестабильность регионов, называемых общим фразеологизмом *banana republic*, формирует интерес в торгово-промышленной сфере у тех людей, которые способны контролировать рынок сбыта и осуществлять скоординированный товарооборот с учетом интересов сторон, участвующих в коммерческой сделке, а также

оказывать определенную долю влияния на данные территории и формировать у них нужную линию поведения на мировой арене.

И уже с точки зрения геополитического кода культуры, метафора *banana republic* уже не содержит гастроэнтерологическую связь образа с национальной системой знаков. Происходит формирование противоположной семиотической системы, которая строится уже на основе утилитарности, рассмотрении *banana republic*, прежде всего, как сырьевой отрасли, ориентированной на экономическую целесообразность самого региона *banana republic*, и его субдоминантный характер (страны Третьего мира).

Есть вероятность полагать, что в геополитическом коде культуры проявляется архетипическое осмысление мира в общей оппозиции *сильный – слабый*. Именно данная оппозиция является оценочной в контексте глобальной культуры, а сама метафора *banana republic* утрачивает положительную этническую коннотацию (выраженную в гастрономическом коде культуры), и реализует, скорее всего, саркастический подтекст (слабая республика наряду с сильными республиками) с точки зрения шкалирования геополитической значимости *banana republic* на мировой арене.

Таким образом, рассматривая фразеологизм *банановая республика* с точки зрения разных кодов культуры (гастрономического и геополитического), можно говорить о смещении изначального внутритерриториального (гастрономического) акцентного поля в сферу вторичного (геополитического) восприятия роли объекта в системе общих территориальных ценностей.

Оборот *banana republic* со временем расширил свое значение. Фактически за более чем вековую практику оборот перешел из художественной литературы в современную публицистику и научные труды. Объясняется такой факт, прежде всего, сохранением как этнической реалий, так и приращением семантики межнациональной роли. Это тот случай, когда одним номинативным метафорическим образом можно первично определить статус государства, практически назвав его несостоявшимся, немощным и зависимым в экономическом плане, и вторично – подчеркнуть главный промысел страны, сохранив этническую уникальность региона.

Литература

1. Британия официально стала банановой республикой // Иносми.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20180711/242721597.html> (дата обращения: 09.11.2021).
2. *Комлев Н.Г.* Определение банановой республики. Онлайн-словарь иностранных слов. 2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-193.htm#zag-202> (дата обращения: 09.10.2020).
3. Россия – не банановая республика. В Совфеде ответили на санкционные угрозы США // Федерал Пресс [Электронный ресурс]. URL: <https://fedpress.ru/news/77/policy/2150049> (дата обращения: 09.11.2021).
4. С Россией остались только банановые республики // Эхо Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/blog/troitskiy/2347229-echo/> (дата обращения: 09.10.2021).
5. Definition of banana republic. *Cambridge Dictionary* [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/banana-republic> (дата обращения: 09.11.2021).
6. Definition of banana republic. *Merriam-Webster Dictionary* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/banana%20republic> (дата обращения: 09.11.2021).
7. *Doubleday H.O.* Origin of banana republic. *Cabbages and Kings*. 1904. P. 132. URL: https://books.google.de/books?id=6jpMsL2T0CoC&redir_esc=y (дата обращения: 09.11.2021).
8. *Lewis S.W.* *Safire's political dictionary*. Oxford University Press: Political Science, 2008. 862 p.

DOI: 10.31862/9785426311954-448-453

Дрянгина Е.А.,

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарева,
Россия, г. Саранск*

Арискина О.Л.,

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарева,
Россия, г. Саранск*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ СФОРМИРОВАННОСТИ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Овладение фразеологией иностранного языка – процесс важный, но, несомненно, сложный. И тем не менее именно понимание фразеологизмов в чужой речи и умение использовать их в своей говорит о сформированности вторичной языковой личности на всех ее уровнях: вербально-семантическом, лингвокогнитивном и прагматическом.

Ключевые слова: вторичная языковая личность, фразеологический оборот, вербально-семантический, лингвокогнитивный и прагматический уровни.

Elena Dryangina,

*Ogarev Mordovia State University,
Russia, Saransk*

Olga Ariskina,

*Ogarev Mordovia State University,
Russia, Saransk*

USING PHRASEOLOGY AS REFLECTION OF THE FORMATION OF SECONDARY LINGUISTIC PERSONALITY

Abstract. Mastering the phraseology of a foreign language is an important process, but undoubtedly difficult. And nevertheless, it is the understanding of phraseological units in someone else's speech and the ability to use them in one's own that speaks of the formation of a secondary linguistic personality at all its levels: verbal-semantic, linguocognitive and pragmatic.

Keywords: secondary linguistic personality, phraseological turnover, verbal-semantic, linguocognitive and pragmatic levels.

Вторичная языковая личность в широком смысле понимается как способность человека к межкультурной коммуникации. В научный обиход данный термин ввела И.И. Халеева [4, с. 589]. Однако само понятие во многом строится на модели языковой личности, созданной Ю.Н. Карауловым и включающей вербально-семантический, лингвокогнитивный и прагматический уровни [3]. В методике преподавания русского языка как иностранного в последние десятилетия формирование вторичной языковой личности является одной из основных целей: «Результатом любого языкового образования должна явиться сформированная языковая личность, а результатом образования в области иностранных языков – вторичная языковая личность как показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации» [2, с. 65]. Одним из маркеров сформированности вторичной языковой личности является овладение фразеологическими единицами изучаемого языка. Наличие фразеологизмов в лексическом запасе указывает на богатство вербально-семантического уровня, осознание значения фразеологизма подчеркивает

сформированность лингвокогнитивного уровня, так как подобное понимание во многом основывается на познании культуры другого народа, овладении его «языковой картиной мира», осознании мотивов и установок личности, владеющей иной системой ценностей, иным «образом мира» и иными знаниями о нем. Умение употреблять фразеологические обороты в своей речи для реализации определенной интенции является признаком реализации прагматического уровня.

Целью данной работы является рассмотрение сформированности вторичной языковой личности студентов-иностранцев филологического факультета 4-го курса на основе владения ими фразеологическими единицами русского языка. В опросе участвовало 23 бакалавра. Всего было рассмотрено 15 фразеологических единиц.

Результаты показали, что большая часть студентов верно находят фразеологизмы в контексте или вне него и определяют их значение. Например: *повесить нос* – «расстроиться», *как две капли воды* – «похожи». Даже если в процессе объяснения значения фразеологизма учащиеся допускали ошибки, данные варианты все равно рассматривались как верные: *намылить шею* – «наругать»; *собаку съел* – «это человек знает прям всё. Уже этот человек много путь прошёл»; *без царя в голове* – «человек, который низкий интеллектом»; *повесить нос* – «быть без настроением» (особенности речи студентов-иностранцев нами сохранены. – Авт.).

Гораздо больший интерес представляют неправильные или не совсем корректные объяснения учащихся. Именно они отражают те смысловые связи, которые создаются в процессе овладения знаниями, представлениями о картине мира другого народа. Рассмотрим ряд примеров.

Фразеологизм *больное место* в трех работах трактовался в неразрывной связи прямого и переносного значений. Например, одно из объяснений звучало так: «беспокоит боль и это проблема», другое так: «что-то болит и человек чувствует себя перед этой болью слабым». Еще одна работа раскрывала значение через пример: «Больное место – это когда нежелательная тема, или воспоминание, которое не вернуть и т.п.».

Следует отметить, что объяснение через определенные примеры использовалось студентами достаточно часто (*втирать очки* – «это

когда говорить, что всё хорошо, но на самом деле не очень» (что является вполне логичным)). При этом употреблялись и слова с разговорной окраской (*плясать под чужую дудку* – «всегда поддакивать какому-нибудь»), и просторечная лексика (*намылить шею* – «дать кому-нибудь по башке»).

Объяснение фразеологического оборота *бок о бок* сохранило семантику «близости», хотя звучало и не совсем правильно: «самый близкий человек, совсем близко». В одном из ответов это выражение приобрело, на первый взгляд, противоположное значение: «Бок о бок – это имеется ввиду, когда вместе стоять на каком-либо соревновании и т.п.». Однако в устной форме студентка пояснила, что соревнующиеся очень часто не уступают друг другу ни в чем, идут или бегут параллельно, рядом, бок о бок. То есть осознание близкого расположения имплицитно также присутствует.

В качестве значения выражения снимать *шляпу* было указано «лучше всех». И нельзя сказать, что подобное определение абсолютно неправильно. Смысловые связи уже начали формироваться или были перенесены из родного языка. Фразеологический словарь русского языка дает такое определение: «Выражать своё почтительное, глубокое уважение в отношении кого-л., чего-л. Имеется в виду, что лицо, группа лиц (X) с восхищением признаёт талант, мастерство, достижения в каком-л. деле, высокие нравственные и духовные качества другого лица, другой группы лиц (Y)» [https://phrase_dictionary.academic.ru/2415/СНИМАТЬ_ШЛЯПУ]. Логику этой трактовки вполне можно продолжить, заключив, что раз мы восхищаемся кем-либо, выражаем почтение, значит этот человек является «самым лучшим». В другой работе приводилось такое значение данного фразеологизма: «*Снимать шляпу* – это поздороваться, уважать». Здесь наряду с относительно верным определением есть еще и отсылка к этикетному поведению, что также подчеркивает включенность языковой личности в культурный контекст.

Фразеологизм *без царя в голове*, имеющий значение «глуповат, без соображения. Имеется в виду, что лицо, группа лиц (X) не имеет собственного мнения, не может управлять собой, своими поступками, ведёт себя непредсказуемо, легкомысленно» [https://phrase_dictionary.academic.ru/35/БЕЗ_ЦАРЯ_В_ГОЛОВЕ] был охарактеризован практически противоположно: «*Без царя в голове* – это у каждого своя

мысль, и у каждого свой ум». Подобная трактовка была у четырех отвечающих. Поясняя устно свою позицию, студенты подчеркнули, что «раз нет царя – нет того, кто диктует, как поступать и человек делает то, что говорят ему его мысли, его собственный ум». Автор другой работы указал, что «без царя в голове – значит, что человек без ничего, ни дома, ни машины, ни серьезной работы». И опять же логическая связь со словарным значением прослеживается достаточно четко: если человек легкомысленен, вряд ли он сможет заработать своими силами что-то достаточно стоящее, пусть и в материальном выражении.

В некоторых случаях студенты раскрывали значение фразеологизмов, опираясь на «ложную этимологию». Так, выражение *тёртый калач* определялось, как «были или будут тёрки, потому что планы не совпадают» (этот пример демонстрирует владение и жаргонной лексикой); а оборот *много воды утекло* получил такую трактовку: «Это когда множество засекреченной информации обнародовалось наружу». В устной речи студентка пояснила, что слышала выражение «утечка информации» и решила, что эти два оборота связаны.

Определенные фразеологизмы оказались очень сложными для восприятия студентов-иностранцев. В таком случае чаще всего давался ответ «не знаю» (иногда с продолжением: «Вот *тёртый калач* я до сих пор не слышала. Из-за этого не знаю значений. Потом объясните, пожалуйста!»). Другие учащиеся «сбивались» на прямое значение: «*Собака зарыта* – это когда собака умирает и потом отправляется на землю. И ещё хозяин устроил новый дом для собак». Третьи же пытались использовать даже образные средства, в частности метафору, для объяснения своей позиции: «*Собаку съел* – плохо говорит, медленно. В каждом предложении все слова его как будто кусают». И хотя ответ дан неверный, подобные формулировки характеризуют процесс развития вторичной языковой личности с положительной стороны.

Кроме того, особо следует отметить, что в некоторых случаях, объясняя значение одних фразеологических оборотов, студенты использовали другие фразеологизмы (*трещать без умолку* – «это у кого-то язык как помело»), что говорит о том, что прагматический уровень в структуре их вторичной языковой личности также формируется и развивается, хотя 15 человек на вопрос «Используете ли Вы фразеологические обороты в процессе повседневной коммуникации?»

ответили отрицательно, 8 человек выбрали вариант «Очень редко». Осознание же важности владения фразеологической системой отражают комментарии и «приписки» студентов типа: «В русском языке почти не использую, а в туркменском да».

Таким образом, овладение фразеологией неродного языка демонстрирует развитие вторичной языковой личности: насколько она осознает смысловые связи, владеет картиной мира, может реализовывать определенные интенции, используя в своей речи фразеологизмы.

Литература

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2006. 784 с.
2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
4. Нерозник В.П., Халева И.И. Языковая личность // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М.: Агенство «КРПА Олимп», 2005. С. 587–591.

DOI: 10.31862/9785426311954-454-467

Павлова А.В.,
*Майнцский университет
имени Иоганна Гутенберга,
Германия, г. Майнц*

**ДВУЯЗЫЧНАЯ БАЗА ДАННЫХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-КОНСТРУКЦИЙ:
ПРОЕКТ РУССКО-НЕМЕЦКОГО
И НЕМЕЦКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ**

Аннотация. В статье представлен новый проект русско-немецкой и немецко-русской базы данных фразеологизмов-конструкций, создаваемой в настоящее время; рассматриваются трудности и вызовы при ее составлении, а также цели данного проекта.

Ключевые слова: фразеология, синтаксическая фразеология, фразеологизмы-конструкции, фразеосхемы, онлайн-словарь, проект русско-немецкого и немецко-русского словаря, лексикография.

Anna Pavlova,
*Johannes Gutenberg University Mainz (JGU),
Germany, Mainz*

**BILINGUAL DATABASE
OF PHRASEOLOGICAL CONSTRUCTIONS**

Abstract. The paper presents a new project of a bilingual Russian-German and German-Russian database of phraseological constructions, which is created now. Difficulties and challenges in compiling this reference work are discussed as well as aims of this project.

Keywords: phraseology, syntactic phraseology, phraseological units-constructions, phrase schemes, online dictionary, project of Russian-German and German-Russian dictionary, lexicography.

Статья посвящена теоретическому осмыслению и описанию возможностей лексикографической фиксации синтаксических фразеологизмов-конструкций (ФК) – термин заимствован из работы А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [1, с. 2013]. Существуют и другие термины для обозначения феномена, представляющего собой устойчивые многословные формы, обычно отчасти заполненные дискурсивными словами («якоря») и открывающие вакантные позиции («слоты»), которые непосредственно в речи заполняются различными лексемами или сочетаниями лексем («филлерами»). В результате заполнения слотов филлерами в речи создается конструкт, основанный на модели, принадлежащей к уровню языковой системы. ФК, таким образом, являются одним из тех языковых явлений, которые роднят и объединяют язык и речь.

Такие конструкции идиоматичны, так как их смысл не выводим из суммы грамматических и лексических значений составляющих их элементов. Так, чтобы адекватно понять выражение *всем мастерам мастер* или *всем руководителям руководитель*, недостаточно знать возможные грамматические значения именительного и дательного падежей и лексические значения слов *все*, *мастер*, *руководитель*, требуется знать конструкцию как нечто целое, обладающее собственным особым значением, не выводимым из его элементов и их суммы, – несмотря на то что конкретные существительные в дательном множественного и в именительном единственного числа в зависимости от контекста могут меняться. Данная ФК в общем виде означает высокую оценку, похвалу и употребляется в синтаксической роли сказуемого. Местоимение *всем*, повтор следующего после него существительного, употребление его сначала в дательном множественного, а затем в именительном единственного числа – величины постоянные, так что сразу вырисовывается модель: *всем N'^{DAT PL} N'^{NOM SG}*, где *N'^{DAT PL}* – существительное в дательном пад. мн. ч., а *N'^{NOM SG}* – то же существительное в именительном пад. ед. ч.

Заполняемые в речи конкретной лексикой устойчивые синтаксические модели извлекаются из памяти не поэлементно, а целиком. Они обнаруживают все признаки фразеологических единиц: устойчивость, воспроизводимость, идиоматичность, фиксированный просодический контур:

A syntactic phraseme is a surface-syntactic tree containing no full lexical nodes (its nodes are labeled with either lexemic variables or structural words) but possessing a specific signified, having as its signifier a specific syntactic construction, and a specific prosody, and featuring as well a specific syntactics' [2, с. 215].

ФК долгое время не были объектом двуязычной лексикографии и исследования способов их перевода. Они слабо изучены по сравнению с традиционными «лексическими» фразеологизмами, несмотря на употребительность ФК в текстах разных типов: ФК широко распространены в бытовых диалогах, печатных СМИ, художественной литературе.

В последнее десятилетие в связи с возросшим интересом к «грамматике конструкций» появилось много исследований, посвященных ФК, см. обширную библиографию в статье А. Цима [3].

Недавно стартовал проект по составлению двуязычной базы данных ФК онлайн (немецко-русской и русско-немецкой), сочетающей в себе черты активного лексикографического справочника и двуязычного словаря.

В статье будут перечислены характеристики, подлежащие описанию при лексикографической фиксации русских ФК средствами исходного и переводящего языков, продемонстрирован образец словарной статьи, а также освещены некоторые проблемы, с которыми приходится сталкиваться при составлении двуязычной базы данных.

Рассмотрим подробнее признаки, отличающие ФК от смежных лингвистических феноменов.

1. *Наличие у фразеологизма-конструкции значения до заполнения слотов в речи.* «При наполнении модели конкретным лексическим материалом возникает группа слов, общее значение которой уже предопределено значением модели» [4 с. 135–136; перевод мой. – А.П.]. Этот признак роднит ФК с другими синтаксическими конструкциями и отграничивает их от свободных (композиционных) словосочетаний. В потоке речи при заполнении слотов филлерами конструкт может обретать дополнительные значения по сравнению со своим исходным, базовым значением, но при этом его базовое значение не должно меняться. Большинство ФК выражают иллокутивные значения – такие,

как осуждение, укоризна, досада, похвала, восхищение и т.д., – хотя традиционно считается, что иллокутивные значения высказывания могут обретать только в потоке речи, в конкретных речевых ситуациях. В этой связи можно обозначить иллокутивное значение ФК как «потенциальную иллокуцию»: в речевых ситуациях потенциально иллокутивные значения приобретают конкретные черты и обычно обогащаются дополнительными прагматическими смыслами. Многие ФК выражают, однако, в первую очередь логические значения (уступительность, следствие, причина, сравнение, тождество и др.), хотя логическая семантика часто переплетается с иллокутивной. Немало и таких ФК, основная семантика которых заключается в подчеркивании коммуникативной темы или в создании семантических пресуппозиций. Имеются ФК с несколькими значениями (полисемия).

2. *Идиоматичность*. Значение конструкта, построенного на базе ФК, не выводимо из суммы значений наполняющих его единиц в потоке речи. Это роднит ФК с обычными традиционными фразеологизмами и отличает ФК от многих других конструкций, значение которых прозрачно.

3. *Неграмматикализованность*. Многие регулярные грамматикализованные конструкции изучаются на занятиях русского как иностранного, например, бессоюзные условные придаточные, возможность построения условного придаточного при помощи глагола в императиве, необходимость использовать глагол в прошедшем времени в предложении, вводимом союзом *чтобы*, хотя действие еще не наступило, употребление дательного падежа для обозначения агенса в конструкциях с инфинитивом, имеющих модальное значение и многие другие. Однако ФК, о которых идет речь в данной статье, не изучаются в рамках РКИ и не попадают в учебные пособия: они нерегулярны и не грамматикализованы.

4. *Продуктивность и открытость*. ФК отличаются от традиционных фразеологизмов продуктивностью и открытостью схемы. В каждой схеме ФК имеются слоты – позиции для заполнения непосредственно в речи. Некоторые ФК состоят только из слотов, например: *N'НОМ N'INSTR: Он пришёл к финишу герой героем; Связи связями, но надо же и совесть иметь* (Е. Шварц).

Чем выше степень свободы заполнения слотов, тем выше продуктивность ФК. Полной свободы заполнения ФК в речи, по-видимому, не бывает в принципе, но от ФК к ФК степень свободы выбора филлеров варьирует. Как только мы сталкиваемся с фактом заметно ограниченной свободы заполнения слотов, мы оказываемся перед вопросом, действительно ли перед нами ФК или мы имеем дело с несколькими фразеологизмами традиционного толка. Каждый раз этот вопрос придется решать индивидуально. Например, допустимо ли на основании ряда примеров: *до потери пульса, до посинения, до колик (смеяться), до полуобморочного состояния* и еще трех-четырех аналогично построенных идиоматических словосочетаний, характеризующихся высокой степенью экспрессивности и образности и обозначающих (обычно метафорически, гиперболически) крайний предел или результат какого-либо действия, вести речь о том, что в русском языке наличествует идиоматическая синтаксическая схема до *NGEN* – или правомернее рассматривать приведенные примеры как конкретные идиомы? Если перед нами синтаксическая схема, то она непродуктивна, как бывают непродуктивны некоторые словообразовательные модели. Фиксировать ли подобные явления в базе данных фразеологизмов-конструкций – этот вопрос придется решать коллективно в рамках совещаний проектной группы.

5. *Специфический просодический контур*. Большинство значений ФК небезразлично к интонационному оформлению конструкта в речи. При полисемии в пределах одной ФК (не всегда, но часто) наблюдается корреляция между значением и просодическим контуром в одном и другом значении ФК. Так, значение ФК *a to X* тесно связано с просодическим оформлением конструкта, ср.: *Спасибо, что сказали, а то я не знала*. Конструкт-пояснение (почему говорящий благодарит собеседника) резко отличается от конструкта, выражающего скепсис (=‘Я и без вас это уже давно знаю’), в первую очередь интонационно. В то же время между этими значениями имеется семантическая связь, благодаря чему их можно определить именно как разные значения многозначной ФК, а не как омонимы. Далее, только просодией нередко различаются ФК и омонимичные им композиционные сочетания слов. Ср.: *Вот ещё заступницу нашёл!* как выражение скепсиса и неодобрения (идиоматичный конструкт,

основанный на ФК) или как композиционное информационное сообщение с использованием частицы *ещё*. Носителю русского языка несложно сопоставить эти значения, мысленно или вслух произнеся данные фразы с различным интонационным контуром, и прежде всего с по-разному размещённым фразовым ударением: на частице *вот* для фразы, выражающей скепсис и неодобрение, и на частице *ещё* для информационного сообщения. Такого рода корреляций в области ФК множество; следовательно, их лексикографическое описание должно включать и разъяснения относительно просодического оформления конструкторов в речи. Необходимо признать, что просодический контур является неотъемлемой и семантически важной частью языковой модели ещё до заполнения этой модели в речи.

6. *Стилистический регистр*. По функциональному стилю большинство ФК разговорные. Это роднит их с традиционной фразеологией. Имеются и нейтральные по стилю ФК. Однако для лексикографического описания стилистические характеристики ФК необходимо описывать более детально. Так, некоторые из ФК сниженно-разговорные, другие литературно-разговорные, третьи имеют фольклорный оттенок, четвертые откровенно риторичны и т.д.

7. *«Якоря» выражены преимущественно дискурсивными словами*. Как уже сказано, в ФК имеются, как правило, неизменные элементы, и эти элементы – якоря – обычно представлены «мелкими» (дискурсивными) словами – частицами, предлогами, союзами, некоторыми наречиями. Полнозначные слова в роли якорей тоже встречаются (например: *N'ном он/она/оно/они и в Африке N'ном*), но их удельный вес в сфере фразовой идиоматики заметно меньше.

8. *Вариативность синтаксических функций ФК*. Синтаксически конструкторы, построенные на ФК, могут быть подлежащими, сказуемыми, дополнениями, определениями, самостоятельными высказываниями, придаточными предложениями и т.д. Синтаксическая роль ФК в предложении является существенной характеристикой для описания данного феномена в словаре активного типа.

9. *Вовлеченность в контекст*. ФК в большей степени, чем традиционные фразеологизмы, вовлечены в текст. Так, некоторые из конструкторов могут быть только ответными репликами-реакциями и не способны открывать текст, другие представляют собой своеобразные

реплики типа «эхо», повторяющие слово из предшествующей реплики; есть ФК, встречающиеся только в нарративе и т.д. Употребление в тексте – одна из важных характеристик ФК.

10. *Микроструктура словарной статьи.* Поскольку задача описываемого здесь проекта состоит в создании онлайн-словаря (базы данных) активного типа, который позволил бы не только понимать, но и использовать ФК при порождении текстов на двух языках, немецком и русском, мы строим словарную статью с учетом всех перечисленных выше наиболее существенных характеристик ФК и включаем в нее примеры конструкторов из литературных или публицистических текстов, сначала без переводов (как иллюстрацию к схеме-лемме), а затем с переводами, а также комментируем переводы.

Далее дан пример словарной статьи к лемме $N'_{\text{НОМ}} [-]$ *он(а, о, у) и есть $N'_{\text{НОМ}}$* (табл. 1).

Таблица 1

Семантическое поле	Оценка, идентификация, тождество
Лемма	$N'_{\text{НОМ}} [-]$ <i>он(а, о, у) и есть $N'_{\text{НОМ}}$</i>
Вариант(ы)	$N'_{\text{НОМ}} [-]$ <i>он(а, о, у) $N'_{\text{НОМ}}$ и есть</i>
Значение	Объект, обозначенный филлером, входит в класс аналогичных объектов и имеет с ними как минимум одно или несколько общих качеств. В конструкторе прямо не названа, но имплицитно присутствует оценка (негативная или позитивная) этих качеств. Одновременно косвенно сообщается, что соответствующее качество или качества достаточно устойчивы во времени. Прелесть этой ФК заключается в необходимости разгадать, какая именно оценка и каких именно свойств названного в филлере объекта имеется в виду. Большую роль в успехе отгадывания играет контекст, а также общие социально значимые знания о свойствах соответствующего предмета (понятие о нем, соответствующий концепт, стереотип). Впрочем, иногда разгадка содержится в контексте эксплицитно. В случае употребления в роли филлеров имени собственного, смысл конструктора состоит в том,

Продолжение табл. 1

Семантическое поле	Оценка, идентификация, тождество
	что некое лицо или явление, обозначенное именем собственным, обладает определенным характерным для него свойством, устойчивым во времени и служащим для опознавания денотата
Примеры к лемме	<i>Я полагаю, что жизнь – она жизнь и есть, прятать её от детей не нужно (Вести.ру); Ещё раз прошу не судить строго, хотя обман – он и есть обман, рано или поздно откроется (НКРЯ); Ваня, он и есть Ваня: мёдом не корми, дай вылупиться (Шукшин. Печки-лавочки)</i>
Морфологические характеристики	В качестве обоих филлеров выступает существительное в именительном падеже, повторенное дважды. Допустимо также употребление имен собственных. Местоимение <i>он/она/оно/они</i> согласуется в роде и числе с существительным-филлером
Семантические ограничения	Семантических ограничений на употребление существительных нет. Но филлер должен выбираться таким образом, чтобы адресату было понятно, какие свойства соответствующего класса объектов говорящий имеет в виду
Синтаксическая функция	Самостоятельное высказывание. Первый филлер является подлежащим, второй предикативом
Стилистический регистр	Разговорно
Употребление в тексте	В любых типах и жанрах текстов, допускающих разговорный стиль
Просодия	Наиболее сильный акцент падает на якорь <i>есть</i> . Перед <i>он/она/оно/они</i> пауза
Аудио, график частоты основного тона	Каждая словарная статья сопровождается аудиозвучанием конструкта; графики основного тона приводятся в некоторых словарных статьях

Семантическое поле	Оценка, идентификация, тождество
<i>Примеры с переводами и комментариями к переводам</i>	
<p>Дамир снимал роскошный двухкомнатный люкс на втором этаже, в самом дальнем углу. Помимо телевизора, холодильника и бара, Настя заметила на письменном столе телефон. «Люкс, он и есть люкс», – подумала она с завистью (Маринина. Игра на чужом поле)</p>	<p>Damir hatte eine Zweizimmer-Suite Deluxe im ersten Stock, ganz hinten. Neben Fernseher, Kühlschrank und Bar bemerkte Nastja noch ein Telefon auf dem Schreibtisch. Deluxe ist eben Deluxe, dachte sie neidisch (Üb. Felix Eder und Thomas Wiedling, 2001)</p>
<p>«Всё-таки убивают дам, а я – я мужчина, в самом расцвете сил!» Я махнул рукой: «Невелика разница. Смерть – она и есть смерть!» (Фрай. Чужак)</p>	<p>“Im Moment werden doch lauter junge Frauen umgebracht, und ich bin ein Mann im besten Alter”. Ich winkte ab: “Der Unterschied ist minimal. Tod bleibt Tod” (Üb. Anna Serafin, 2007)</p>
<p>Какой идиот назвал эту планету Прерией? Оранжевая – она и есть оранжевая (Лукияненко. Спектр)</p>	<p>Welcher Idiot hat diesem Planeten bloß den Namen Prärie gegeben? Orange müsste er heißen, schließlich ist er orangefarben. (Üb. Christiane Pöhlmann, 2007)</p>
<p>“Räuber sind Räuber, Meggie”, sagte Farid oft (Cornelia Funke. Tintentod)</p>	<p>«Разбойники – они разбойники и есть, Мегги», – говорил ей Фарид (Üb. Мария Сокольская, 2012)</p>
<p>Общий комментарий к переводам</p>	<p>Эквивалентами русской ФК можно считать немецкие ФК <i>N'ном ist N'ном</i>; <i>N'ном bleibt N'ном</i> или <i>N ist, wie es ist</i></p>
<p>Неполные синонимы</p>	<p>В случае, если филлером является имя собственное, именующее человека (антропоним), в некоторых контекстах может быть использован синоним <i>N верен/верна себе</i> или <i>N в своём репертуаре</i></p>

Это пример одной из коротких статей из русско-немецкой базы данных, где ФК имеет только одно значение. При наличии нескольких значений для каждого из них заполняются те же рубрики, включая примеры с переводами и комментарии к примерам. Рубрика (тэг) «Семантическое поле» является обобщенно-абстрактным уровнем описания семантики; этот тэг служит в первую очередь для поиска ФК в базе данных. Как видим, некоторые тэги – «Фразы-формулы или идиомы на основе ФК», «Омонимы», «Паронимы» – остались для данной леммы незаполненными; в других словарных статьях они могут оказаться релевантны. Стилистическая характеристика для данной ФК проста; в некоторых других словарных статьях стиль описан более детально. Семантических ограничений на филлер, как видим, для данной ФК почти нет, в то время как для других ФК таковые приходится описывать весьма подробно. Поиск примеров с переводами осуществляется по самым разным источникам: по параллельному подкорпусу Национального корпуса русского языка, по другим текстовым корпусам и публикациям в сети, а также по изданным художественным произведениям и по их опубликованным и изданным переводам. В рубрике переводных примеров мы используем оба языковых направления: русско-немецкий и немецко-русский. Это бывает особенно важно для случаев, когда в исходном тексте нет ФК, а в переводе она есть. Для начинающих переводчиков особенно поучительно бывает рассмотрение именно этого типа примеров: обычно использование ФК в переводе фрагмента текста, в котором нет непосредственного эквивалента, делает переводной текст более живым и естественным и свидетельствует о высоком профессиональном мастерстве переводчика.

Аналогично построены немецкие словарные статьи, в которых рассматриваются немецкие ФК. В случае пересечений примеров в русско-немецкой и немецко-русской частях базы данных мы соединяем обе части перекрестными ссылками.

Когда будет опубликован Конструктикон, описываемый в [5], при обнаружении пересечений с этим источником в области русских ФК мы также снабдим соответствующие словарные статьи нашей базы данных ссылками на Конструктикон.

Рассмотрим подробнее *трудности и вызовы, возникающие при лексикографировании ФК*. К ним относятся:

- 1) отделение ФК как объекта лексикографической фиксации от смежных с ними явлений;
- 2) вычленение схемы;
- 3) описание значения;
- 4) описание морфологических характеристик;
- 5) описание семантических ограничений.

Основные трудности и вызовы при составлении базы данных ФК и их переводов кроются в противоречии между широким использованием ФК в живой устной речи и их недостаточной фиксацией в текстовых корпусах. Кроме того, их поиск по поисковым машинам часто бывает затруднен, особенно когда якоря прерываются филлерами или якорей оказывается просто недостаточно как надежных критериев для поиска. Для некоторых ФК приходится искать примеры наугад, опираясь на интуицию, и результаты поиска часто оказываются неудовлетворительными – в первую очередь, в чисто количественном отношении. Кроме того, описываемый здесь онлайн-справочник – первый своего рода, предшественников у него нет, поэтому нет возможности опираться на чужой опыт авторитетных пособий и словарей подобного типа. Наконец, не существует удовлетворительной классификации иллокуций на том детальном уровне, какой требуется для описания семантики ФК.

Ниже будут приведены некоторые конкретные трудности и вызовы, с которыми приходится сталкиваться нашей проектной группе при создании словарной статьи.

1. *Отделение ФК как объекта лексикографической фиксации от смежных с ними явлений.* Бывает не просто идентифицировать ФК среди пограничных явлений – таких, как традиционные фразеологизмы, допускающие варьирование некоторых своих составляющих.

Как уже было сказано выше, ФК-статус конструкции оказывается под вопросом и при обнаружении нескольких фразеологизмов, построенных по одной и той же, но явно непродуктивной модели. С другой стороны, возникают сомнения и при рассмотрении полилексемных образований с предельно широкой сочетаемостью: ведь известно, что свобода заполнения слотов ФК в большей или меньшей степени ограничена.

Далее, бывает сложно провести границу между ФК и фразеологизмами, открывающими валентные места: здесь требуется проверять,

обязательная это валентность или факультативная и насколько фразеологизм самостоятелен и самодостаточен по своей семантике.

Существуют ФК, которые одновременно способны выступать и как самостоятельные фразы-формулы (достаточно вспомнить пример *А то!*). Очевидно, что положение таких ФК в семантико-грамматическом поле всех интересующих нас моделей иное, чем у конструкций, не могущих выступать как законченные и самостоятельные высказывания в речи.

В рамках небольшой статьи нет возможности описать все сложности, связанные с вычлениением ФК как объекта лексикографической фиксации. Пожалуй, важнее ответить на вопрос, нужно ли вообще уделять столь пристальное внимание на отграничении ФК от похожих явлений.

Если рассматривать ФК как поле (континуум), проводить четкие границы между центральными и периферийными явлениями не требуется. Но при составлении базы данных, объем которой ограничен и задачи очерчены, описанные здесь проблемы приходится решать каждодневно.

2. *Вычленение схемы.* Не всегда просто оказывается вычлениить и описать схему, определить ее границы. Например, является ли адверсативное продолжение для конструктов с уступительным значением (как в примере *Связи связями, но надо же и совесть иметь*) частью ФК или они находятся уже вне схемы?

Далее, существуют ФК, которые как будто являются вложениями в другие, более обобщенные модели («принцип матрешки»). Например, есть модель: *тебя/вас/его/её/их послушать, так X (Тебя послушать, так всё очень плохо)*. Но существует и более общая модель придаточного условного, выраженного инфинитивом, после которого следует (обычно неутешительное по семантике) следствие: *Ну, брат, я вижу, с тобой разговаривать, так надо язык суконный подвешивать* (Успенский). Напрашивается вопрос, правомочно ли описывать конструкцию *тебя/вас/его/её/их послушать, так X* как самостоятельную ФК или побеждают аргументы в пользу включения этой ФК в более широкую и обобщенную схему $\text{inf, } X$, где X представляет слот, заполняемый глаголом, глагольной группой или целой пропозицией.

3. *Описание значения.* Описание иллокутивных значений ФК является одним из основных вызовов для составителей базы данных.

Некоторые значения ФК столь комплексны, что приходится долго искать формулировки, которые позволили бы их описать. Кроме того, описание значений синтаксической модели опирается на конкретные примеры-конструкты. Всегда есть опасность, что автор словарной статьи учел не все существенные для описания семантики примеры. Например, случается, что найденные примеры побуждают описать какое-либо значение ФК как только негативное, в то время как допустимо представить себе и противоположные по значению примеры, содержащие положительную оценку – как впоследствии выясняется при редактировании словарной статьи.

Описание семантики ФК не должно быть слишком сложным и перегруженным – иначе словарем будет невозможно пользоваться; с другой стороны, есть опасность сформулировать слишком поверхностное и потому неполное (а в итоге и недостоверное) семантическое описание.

При обнаружении полисемии существует реальный риск «не заметить» некоторые значения (опять-таки по причине ограниченного набора примеров); с другой стороны, легко поддаваться соблазну описать значения слишком подробно, подпадая под обаяние дополнительных иллюкутивных смыслов, которые конструкты обретают в конкретных речевых ситуациях.

4. *Описание морфологических характеристик.* В связи с морфологическими характеристиками особую сложность представляет видовая принадлежность русских глаголов-филлеров, а также возможность их употребления в различных грамматических временах. Иногда оказывается, что в качестве филлера может выступать глагол как несовершенного, так и совершенного вида, но употребление в будущем времени возможно только для глаголов СВ. Например, для модели Как [тут] не INFV' – /, V' (Как не сделать – сделает) будущее время для глагола-филлера возможно, но только если использован глагол СВ (ср.: *Как не делать – будет делать). При описании морфологических характеристик филлеров-существительных приходится учитывать возможность использования имен собственных. Если в роли филлера выступает прилагательное, то возможно ли вместо него употребить причастие? И т.д. Требуется, с одной стороны, точное и полное описание всех наиболее существенных грамматических

черт потенциальных филлеров; с другой стороны, словарная статья должна быть по возможности не слишком сложной для пользователя, не посвященного в тонкости грамматического описания.

5. *Описание семантических ограничений.* При описании семантических ограничений, как и при описании семантики, легко не заметить, не учесть каких-либо важных для активного словарного описания параметров, чему причиной уже упомянутое неудовлетворительное количество примеров, отыскиваемых в текстовых корпусах.

Таким образом, благодаря интернет-среде возможны расширения для данного словаря как в отношении увеличения набора языков, так и в отношении увеличения числа словарных статей и добавления информации и новых параметров в словарные статьи. Так, в следующей версии базы данных мы планируем увеличить число параметров для описания ФК за счет таких тэгов, как частотность употребления, степень продуктивности схемы, историческая (этимологическая) справка. Словарь предназначен как помощь при изучении языка (русского или немецкого) для активного порождения корректных текстов на неродном языке, а также для лингвистов, изучающих синтаксическую фразеологию, и для переводчиков. Первое издание планируется по достижении объема триста словарных статей по каждому из двух языков.

Литература

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс): учеб. пособие. М: Флинта, 2013. 312 с.
2. Mel'čuk I.A. Phrasemes in language and phraseology in linguistics. In: Idioms: Structural and psychological perspectives, hillsdale / M. Everaert, E.J. van der Linden, A. Schenk, R. Schreuder (eds.). Lawrence Erlbaum Associates, 1995. Pp. 167–232.
3. Ziem A. Construction Grammar meets Phraseology: eine Standortbestimmung. *Linguistik Online*. 2018. No. 90 (3). URL: <https://doi.org/10.13092/lo> (дата обращения: 03.09.21).
4. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982.
5. Janda L., Lyashevskaya O., Nessel T., Rakhilina E., Tyers F.M. A constructicon for Russian: Filling in the gaps. In: Constructicography: Constructicon development across languages. B. Lyngfelt et al. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2018.

DOI: 10.31862/9785426311954-468-473

Рогалёва Е.И.,

*Псковский государственный университет,
Россия, г. Псков*

Никитина Т.Г.,

*Псковский государственный университет,
Россия, г. Псков*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. В статье обосновывается возможность использования материалов фразеологических словарей Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета в образовательном процессе начальной школы. Рассматриваются ресурсы фразеологических текстов для младших школьников, активизирующие их знания из разных предметных областей. Приводятся фрагменты словарных статей.

Ключевые слова: фразеография, учебный словарь, словарная статья, младший школьник.

Elena Rogaleva,

Pskov State University, Russia, Pskov

Tatyana Nikitina,

Pskov State University, Russia, Pskov

PHRASEOGRAPHICAL MATERIALS IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF PRIMARY SCHOOL

Abstract. The article substantiates the possibility of using the materials of phraseological dictionaries of the Experimental Laboratory of educational Lexicography of Pskov University in the educational process of primary

school. The resources of phraseographic texts for younger schoolchildren, activating their knowledge in different subject areas, are considered. Fragments of dictionary entries are presented.

Keywords: phraseography, educational dictionary, dictionary entry, primary school pupil.

Актуальность использования фразеографических материалов в начальной школе обусловлена направленностью образовательного процесса на решение задач обучения, воспитания и развития личности младшего школьника, на овладение духовными ценностями и культурой многонационального народа Российской Федерации при сохранении и развитии культурного разнообразия и языкового наследия [3, с. 94].

Все эти задачи могут успешно решаться через усвоение младшими школьниками самых «культуроносных» единиц языка – фразеологизмов, обладающих огромным лингводидактическим и лингвокультурологическим потенциалом.

Следует отметить, что к настоящему времени методика работы над фразеологизмами в начальной школе находится еще только в стадии становления. Немногочисленные исследования в этой сфере посвящены проблемам речевого развития учащихся начальных классов средствами лексико-фразеологического анализа текста [11], преемственности в обучении русской фразеологии на разных возрастных этапах [4], развитию аналитико-синтетических умений учащихся начальной школы в процессе выполнения упражнений с фразеологизмами [2].

Одним из продуктивных средств обучения фразеологии всегда являлись учебные словари. И если фразеологические словари для школьников среднего и старшего возраста [1; 12; 13] созданы с соблюдением всех принципов учебной лексикографии и проверены временем, то словарные пособия для младших школьников вызывают множество нареканий, которые подробно изложены в статье «Фразеологический словарь в школе и дома: какой выбрать и как использовать» [7].

Научный подход к конструированию фразеографических проектов реализуется в Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии ПсковГУ [6], где создаются интерактивные фразеографические справочные пособия в бумажном формате для младших школьников [8–10]. Данные словари не только репрезентируют русскую фразеологию в учебных целях, но и становятся окном в мир русской культуры,

природы и истории, а также уникальным средством обучения, воспитания и развития младшего школьника.

Цель данной статьи – показать возможности использования материалов авторских фразеологических словарей в овладении младшими школьниками предметными результатами, предусмотренными для данного этапа обучения.

Наша инновационная лексикографическая технология гарантирует успешное усвоение адресатом-ребенком фразеологизма за счет использования текстообразующих (сюжетно-композиционных) приемов и интерпретационных тактик этимологизирующего парафразирования в зависимости от способа фразеомобразования, а также за счет соотнесения параметрических зон словарной статьи (как традиционных, так и инновационных) с такими этапами психологического процесса усвоения информации, как восприятие, осмысление, закрепление и применение на практике [8, с. 33–34].

Отнесенность фразеологизмов к определенным культурно значимым сферам [5] позволяет использовать в педагогической практике авторские фразеологические материалы при освоении ребенком различных предметных областей начального общего образования и входящих в них учебных предметов, например:

- 1) филология (русский язык; иностранный язык; литературное чтение): от *А до Я*; *вертеться как белка в колесе*; *как по щучьему велению* и др.;
- 2) математика и информатика (математика; информатика): *мерить на свой аршин*; *как аршин проглотил*; *семи пядей во лбу* и др.;
- 3) обществознание и естествознание (окружающий мир): *коломенская верста*; *как Мамай прошёл*; *белены объелся*; *как с гуся вода*; *дрожать как осиновый лист*; *конь не валялся*; *во все лопатки* и др.;
- 4) искусство (изобразительное искусство; музыка): *заводить вольнку*; *играть первую скрипку* и др.;
- 5) технология (технология): *тянуть канитель*; *шить белыми нитками* и др.;
- 6) физическая культура (физическая культура): *прыгнуть выше головы*;

- 7) основы религиозных культур и светской этики (основы православной культуры): *прийти к шапочному разбору; как сквозь землю провалился* и др.

Так, на уроке русского языка во втором классе при повторении алфавита детям предлагается познакомиться с фразеологизмом от А до Я на материале статьи из веселого фразеологического словаря «Сами с усами». Приведем фрагмент данной статьи:

«К моему приходу выучи таблицу умножения от А до Я» – такую записку оставила тебе мама. Ты бы и не против выучить, чтобы маму порадовать, только не понимаешь, как числа в таблице умножения с буквами А и Я связаны. Значит, самое время читать эту словарную статью.

Давай-ка поспешим! С минуты на минуту в городе Фразеологинске начинаются Олимпийские игры, а комментатор спортивно-фразеологического канала заболел. Репортаж вести некому. Не выручишь? Вот спасибо, дружище. Что нужно делать? Сейчас объясним. В этом году почётное право зажечь олимпийский огонь предоставлено алфавиту. Буквы по очереди будут передавать факел с олимпийским огнём друг другу. Объявляй каждую букву, только смотри, ни одну из них не пропусти. Кстати, так ты и с выражением от А до Я быстрее разберёшься. Сколько всего букв в нашем алфавите, помнишь? Правильно, 33! Тогда приступай!

«А» – первая! «Б» – вторая! «В» – третья!

У тебя отлично получается! Продолжай, а мы по другому каналу расскажем, о том, что слово «алфавит» пришло к нам из греческого языка. Оно образовано из названий букв «альфа» и «бета». Это первые буквы греческого алфавита. Древнерусский алфавит начинался по-другому: аз (буква А), буки (буква Б)... Отсюда и русское слово «азбука».

«Я» – последняя! Прекрасно! Все буквы перечислены от начала до конца. Олимпийский огонь зажжён.

Далее следует вывод-резюме о развитии фразеологического значения, который заканчивается переходом на уровень речевой реализации фразеологизма:

Ну, а как с таблицей умножения? Уже знаешь от А до Я? Вот это скорости! Теперь главное – не останавливайся на достигнутом. У тебя в руках словарь. А не попробовал ли тебе изучить его от А до Я и в прямом, и в переносном смысле? [8, с. 110–112].

На уроке литературного чтения в третьем классе при репрезентации темы «Басни И.А. Крылова» на этапе знакомства с творчеством баснописца учитель включает чтение статьи «Вертеться как белка в колесе», из которой младшие школьники узнают, что фразеологизм *крутиться как белка в колесе* первым употребил Иван Андреевич Крылов в басне «Белка».

Также на уроке литературного чтения на этапе творческой работы над русской народной сказкой «По щучьему велению» третьеклассники работают с креолизованным фразеографическим текстом «Как по щучьему велению», сконструированным с использованием иллюстраций с эффектом оптических иллюзий, что позволяет ребенку читать статью и выполнять задания «как по волшебству, как бы само собой», – так происходит осмысление внутренней формы данного фразеологизма.

В рамках внеурочной деятельности по математике посредством увлекательной работы с фразеологическими словарями младшие школьники знакомятся со старинными мерами длины. С помощью приема инсценированного чтения статьи «Как аршин проглотил» они узнают об истории происхождения данного фразеологизма, которую рассказывает инженер Сантиметренко.

При изучении курса «Окружающий мир» учителя используют материалы словарей лексикографической лаборатории ПсковГУ для реализации популярного на сегодняшний день метода активного обучения «перевернутый класс», когда накануне изучения определенной темы детям дается задание познакомиться с определенной словарной статьей. Так, прочитав дома фразеографический текст «Дрожать как осиновый лист» [9, с. 35–41] и узнав об особенности строения черенка осинового листа, младшие школьники приходят подготовленными к изучению темы «Строение листьев растений». Предварительное знакомство с особенностями перьев у водоплавающих птиц в словарной статье «Как с гуся вода» облегчает усвоение темы «Водоплавающие птицы». Все это позволяет учителю уделять больше времени

организации творческой познавательной-исследовательской деятельности учащихся на уроке.

Это лишь малая часть примеров использования материалов фразеологических словарей Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета в образовательном процессе начальной школы. Работа с этими интерактивными познавательными словарями позволяет младшему школьнику не только освоить фразеологизм комплексно, как знак языка и культуры, но и успешно овладеть знаниями из разных предметных областей.

Литература

1. Жуков В.П., Жуков А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка. М., 2013. 574 с.
2. Коврова М.А. Упражнения с фразеологизмами как средство развития аналитико-синтетических умений младших школьников на уроках русского языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2016. 21 с.
3. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Словарь по педагогике. М.; Ростов н/Д.: МарТ, 2005. 448 с.
4. Михеева Г.В. Преимущество в обучении фразеологии русского языка детей старшего дошкольного, младшего школьного возраста и учащихся пятых классов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 23 с.
5. Мокиенко В.М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. М., 1982. С. 108–121.
6. Никитина Т.Г., Роголёва Е.И. Современная учебная фразеология: инновационные параметры бумажного словаря // Вопросы лексикографии. 2021. № 20. С. 67–90.
7. Никитина Т.Г., Роголёва Е.И. Фразеологический словарь в школе и дома: какой выбрать и как использовать // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 5. С. 26–36.
8. Роголёва Е.И., Никитина Т.Г. Сами с усами. Веселый фразеологический словарь. М., 2018. 192 с.
9. Роголёва Е.И., Никитина Т.Г. Ума палата. Детский фразеологический словарь. М., 2020. 160 с.
10. Роголёва Е.И., Никитина Т.Г. Фразеологический словарь: Занимательные этимологические истории для детей. М.: ВАКО, 2019. 96 с.
11. Сысоева С.В. Лексико-фразеологический анализ текста как средство речевого развития младших школьников: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 1999. 19 с.
12. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Фразеологический словарь для школьников. СПб.: Норинт, 2005. 512 с.
13. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка. М.: Дрофа, 2002. 365 с.

DOI: 10.31862/9785426311954-474-481

Федуленкова Т.Н.,

*Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Россия, г. Владимир*

Паламарчук А.С.,

*Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Россия, г. Владимир*

**ФОРМИРОВАНИЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ
ИЗУЧЕНИЯ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА
(НА ОСНОВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С КОМПОНЕНТОМ *hacer*)**

Аннотация. В данной статье рассматривается ряд вопросов, касающихся проблематики определения фразеологизмов с компонентом *hacer* в испанском языке. Также определяется возможность формирования лингвокультурной компетенции с помощью изучения фразеологизмов на начальном этапе изучения испанского языка. Исследование проводится с опорой на лексикографические источники и современные исследования по теме.

Ключевые слова: испанский язык, глагольная фразеология, компетентностный подход, фразеологическая единица.

Tatyana Fedulenkova,

*Vladimir State University
named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Russia, Vladimir*

Anastasia Palamarchuk,

*Vladimir State University
named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Russia, Vladimir*

FORMATION OF LINGUOCULTURAL COMPETENCE AT THE INITIAL STAGE OF LEARNING SPANISH (BASED ON PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE *HACER* COMPONENT)

Abstract. This article deals with issues related to the problem of defining phraseological units with the verbal component *hacer* in Spanish. It also determines the possibility of forming sociocultural competence through the study of phraseological units elementary students of the Spanish language. The research is carried out on the basis of lexicographic sources and modern research on the topic.

Keywords: Spanish language, verbal phraseology, competence approach, phraseological unit.

Преподавание иностранного языка – это попытка создать с нуля подобие того инструмента, которым владеют носители языка. Но язык – очень сложная система, приспособляющаяся к различным задачам, адаптирующаяся к мастерству владения им говорящего – ведь «носитель языка» – не всегда эталон. Странно и нелогично было бы сравнивать Марию Молинер, создательницу словаря испанского языка, и рабочего на фабрике или домохозяйку. Тем не менее даже условный «неэталонный» носитель владеет всем инструментарием языка на уровне, позволяющем осуществлять эффективную коммуникацию. Это значит, что он владеет и грамматическим, и лексическим, и стилистическим, и, конечно, фразеологическим разнообразием языка. Вне зависимости от уровня образования говорящего фразеология

составляет неотъемлемую часть даже повседневного общения, не говоря о профессиональных целях коммуникации. Актуальность данной работы обусловлена недостаточным исследованием проблемы соотношения фразеологии и полисемии испанского глагола. Новизна работы состоит в рассмотрении развития культурологической компетенции, зафиксированной во ФГОС различных уровней владения иностранным языком, за счет изучения фразеологии, начиная с самых ранних этапов обучения испанскому языку. В качестве объекта исследования рассматриваются фразеологические единицы современного испанского языка с глагольным компонентом *hacer*. Теоретической основой для данной работы послужили работы В.И. Зимина по русской фразеологии [1], А.В. Кунина по английской фразеологии [5] и Т.Н. Федуленковой по германской фразеологии [6] применительно к материалу испанского языка.

Фразеология фиксирует то, что, с одной стороны, выделяет коллективное сознание говорящих на языке среди разнообразия фактов внешней среды (например, *cabra montés* (досл. «горная коза») – ‘егоза, непоседливая девочка’), а с другой – расширяет при помощи сочетаемости привычные границы слова (*se hace de noche* (досл. «делается ночью») – ‘темнеет, спускается ночь’). По мнению исследователей, словосочетания и «свободные словосочетания» наряду со словами выступают основными единицами языка и речи [10, с. 37].

При обучении испанскому языку с нуля следует уделить особое внимание фразеологизмам, которые, являясь таковыми по сути, фиксируются словарями как семантическая часть глагола. Дело в том, что *hacer* – ‘делать’ – является глаголом «размытой» семантики [15, с. 195–232]: от буквального ‘делать’ он может означать и ‘притворяться’, и ‘добывать’, и ‘уступать’, и т.д., впрочем, его значение обуславливается сочетаемостью с существительным (чаще всего), семантику которого он как бы занимает. Поэтому устойчивые сочетания или фразеологизмы в широком понимании зачастую являются немотивированными, и при их изучении пробудить у обучающихся интерес, связанный с этимологией или общей эрудицией, представляется затруднительным. Что делать в таком случае? Идти от противного: как интересно и по-другому мыслят испанцы, раз в их языке есть такие конструкции, нелогичные с точки зрения русского языка (или даже

английского, так как испанский, как правило, изучается в качестве второго иностранного языка уже после английского, даже если речь идет о начальной школе), т.е. не только изучать языковые явления, но и проникать в суть иного языкового мышления и, как следствие, иной картины мира, которая передается при помощи языка. Одним из средств на пути к этой цели может быть полисемия: у рассматриваемого глагола *hacer* по словарю RAE [14] 58 значений, после которых указан список выражений. Но из этих 58 значений часть составляют либо устойчивые выражения (*hace calor* (досл. «делает жару») – ‘жарко’), либо устойчивые словообразовательные модели (*hacer(se) el payaso* – ‘кривляться, дурачиться’), которые в то же время фиксируются фразеологическими словарями в качестве отдельных фразеологических единиц. Например, ИРФС [2] указывает *hace calor* (‘жарко’) как нейтральное, немотивированное выражение, без какой-либо обремененности, а следом выделяется метафорически дополненный вариант: *hace un calor que se asan los pájaros* – ‘адская жара’ (букв. «так жарко, что птицы жарятся»).

Так, при изучении любой темы, обучающиеся сталкиваются с фразеологией, которую на начальных этапах они не способны распознать, а только заучить. Конечно, данный способ работы с фразеологией в частности, и лексикой в общем, не является методически продвинутым, так как не отвечает основной цели обучения иностранным языкам на современном этапе – коммуникативной. Тем не менее семантизация на родном языке, проведение аналогий с родным или другим иностранным языком, заучивание – необходимые этапы для развития последующего навыка употребления ФЕ в уместных контекстах и распознавание их в письменной и устной речи.

На начальных этапах обучения самые частотные ФЕ, встречающиеся в большинстве пособий (т.е. речь идет о ФЕ, отобранных с учетом принципа минимизации фразеологического материала, представляющего собой довольно сложный по отработке материал), образованы по модели *hacer* + *существительное*, передающее глаголу свою семантику. Для уровня А2 пособия, созданные по стандарту Европейских компетенций владения иностранным языком (ОКВИЯ), детально описывающих каждую из компетенций и включающую овладение фразеологией и паремией как в лексической, так и в социокуль-

турной компетенции, предлагается не так много ФЕ с компонентом *hacer*: *hace mucho (tiempo)* – ‘давно’; *hace poco (tiempo)* – ‘недавно’; *hace dos días / una semana / un siglo etc.* – ‘два дня / неделю / век и т.п. назад’; *hace bueno/malo* – ‘хорошая/плохая погода’; *hace buen tiempo / mal tiempo* – ‘хорошая/плохая погода’; *hace sol / frío / viento / calor* – ‘солнечно/холодно/ветрено/жарко’; *hacer caso* – ‘обращать внимание’; *(no) hace falta* – ‘(не) нужно’.

Учитывая небольшое количество ФЕ, а также единую синтаксическую и семантическую модель образования данных ФЕ и их однозначность, уместно говорить о развитии у обучающихся структурных фразеологических компетенций [3, с. 141] на начальном этапе обучения, то есть понятия ФЕ, ее структуры, вариантности и компонентного состава для дальнейшего развития фразеологической компетенции или, в терминах ОКВИЯ, лексической и социокультурной компетенций.

Что касается ФЕ, служащих не только для обогащения лексического запаса обучающихся, но и для повышения уровня их социо- и лингвокультурной компетенции, то на начальном этапе обучения следует использовать следующие примеры ФЕ с компонентом *hacer*:

- 1) *hacer novillos* (досл. «сделать теленка») – ‘прогуливать что-то’ (школу, работу), при образовании этой ФЕ изначально имелось ввиду ‘прогуливать уроки, чтобы пойти заниматься корридой с молодым бычком’. Данная ФЕ приоткрывает дверь в исконно испанский мир тавромахии, обогативший испанский язык многочисленными ФЕ, прочно вошедшими в испанскую речь разных стилей;
- 2) *hacer codos* (досл. «делать локти») – ‘усердно учиться’, т.е. ‘сидеть за столом, штудировав книги до протёртых локтей на одежде’. Синонимичным будет также немотивированное выражение *quemarse las pestañas* – букв. «сжечь себе ресницы», т.е. ‘учиться ночью, при свете свечи, не замечая, что огонь уже обжигает лицо и ресницы’.
- 3) *hacer de tripas corazón* (досл. делать из кишок сердце) – ‘собраться с силами’, ‘собраться с духом’, ‘взять себя в руки’. Возникновение данной ФЕ мотивировано верой в то, что сердце служит вместилищем социально одобряемых чувств, таких как

смелость, любовь, радость, отвага и пр. Если у человека не хватает смелости, значит, не хватает сердца – *corazón*, и следует сделать его из того, что есть, а есть внутренности, кишки – *tripa*.

Для обучающихся более продвинутого уровня (B1–B2) мы можем предложить следующие ФЕ:

- 1) *hacer el paripé* (досл. «делать обмен») – ‘прибедняться’, ‘лицемерить’, ‘притворяться’, ‘важничать’ (лицемерить в самом широком значении, в различных ситуациях, не всегда связанных с деньгами). В данном сочетании используется измененное слово из цыганского языка, значение которого уже давно размылось, потому что сама реалия цыган, продающих на базаре товар с очевидной выгодой для себя, исчезла. Слово *paripiéu*, сохранившееся в измененном виде в выражении, обозначает ‘торг, обмен’, но в обороте *hacer el paripé* этого значения нет, произошло переосмысление и выражение стало немотивированным;
- 2) *mandar a hacer puñetas* (досл. «послать делать кружева») – ‘послать далеко и надолго’, ‘послать к чёрту на куличики’. *Puñetas* – тонкое кружево на рукавах, требующее долгой и кропотливой работы. Поэтому отправить человека на такую работу – значит гарантированно долго его не увидеть. Однокоренное слово *puñetero* перешло в разряд низкой лексики, значит ‘чёртов’, ‘дурацкий’;
- 3) *hacer uno su agosto* (досл. «сделать свой август») – ‘быстро и много заработать’, ‘обернуться’. Это выражение отсылает к сельскохозяйственным работам, которые производятся в августе, когда надо отложить все дела для наиболее эффективного сбора урожая. Еще Мигель де Сервантес использовал это выражение, правда, в его первоначальном виде *hacer uno su agosto u su vendimia* (досл. «сделать свой август и сбор винограда»);
- 4) *hacer el indio* (досл. «делать индейца») – ‘дурачиться’, ‘откалывать номера’. Первоначально это выражение значило ‘беспрекословно принимать унижения’, ‘поддаваться обману’, но со временем практически диаметрально поменяло значение, хотя можно проследить некую логику испаноговорящих: ‘выставлять дураком’, превратилось в ‘дурачиться’. В этом фразеологизме используется синтаксическая модель, характерная

для глагола *hacer*: *hacer(se)* + *det* + *adv*, обозначающая ‘действовать, проявляя некие качества’ в зависимости от значения: *hacerse el payaso* – ‘паясничать’, *hacerse el dormido* – ‘притворяться спящим’, *hacerse el tonto* – ‘вести себя как дурак’;

- 5) *hacer un desplante* (досл. «поставить себя в уязвимое положение») – ‘нанести обиду’. Очевидно, что буквальное значение очень далеко от значения ФЕ, но это впечатление обманчиво. Так как термин пришел из корриды, следует пояснить, что такое *desplante* во время боя быков: это поза, в которой тореадор оказывается в уязвимом, невыгодном, опасном положении перед быком, показывая, что бык уже не опасен, что унижает достоинство быка. Отсюда появилось переносное значение, вошедшее в состав общей лексики.

В приведенных примерах развивается уже семантическая фразеологическая компетенция: уровень абстракции, переосмысление компонентов ФЕ, механизмы образования ФЕ (метафора, метонимия и др.), а также исторические, культурные и другие экстралингвистические факторы, повлиявшие на появление ФЕ. Таким образом, изучение иностранного языка не представляется эффективным в отрыве от изучения его фразеологического состава вне зависимости от уровня обучающегося. При более детальном рассмотрении различных ФЕ обучающиеся погружаются в культуру изучаемого языка, узнавая историю и культуру Испании, события и ситуации давно минувших дней, на закрепление в языке тех или иных образов. Кроме того, при изучении фразеологии у обучающихся формируется представление о характерных чертах того или иного языка, в данном случае, например, – о полисемии и различных функциях испанского глагола *hacer*.

В заключение отметим необходимость детального исследования избранного участка испанской фразеологии для его дальнейшей систематизации и разработки эффективных методов изучения различных классов ФЕ, входящих в его состав.

Литература

1. Зимин В.И. О национально-культурных особенностях устойчивых сравнений // Зимин В.И., Сон Гу Пак. Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М., 2004. С. 102–114.

2. Испанско-русский фразеологический словарь / под ред. Э.И. Левинтовой. М.: Русский язык, 1985. 1080 с.
3. Ключева Н.В., Федуленкова Т.Н. Поуровневое формирование фразеологических компетенций на основе фразеологизмов с компонентом *take* // Вестник САФУ. Серия «Социальные и гуманитарные науки». 2016. № 3. С. 139–148.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк.; Дубна: Феникс, 1996. 381 с.
5. Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1964. 229 с.
6. Федуленкова Т.Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков: курс лекций. М., 2012. 220 с.
7. Федуленкова Т. Н. Современная английская фразеология со структурным компонентом *keep*: типы вариантности // Язык и культура. 2018. № 3 (43). С. 114–125.
8. Федуленкова Т.Н. Характеристика прототипов библейской фразеологии и способы их преобразования в языковые единицы // Язык и культура. 2019. № 1 (45). С. 108–120.
9. Федуленкова Т.Н. Глагольно-субстантивные фразеологические единицы с компонентом *have*: виды вариантов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2019. № 2 (34). С. 58–69.
10. Хорошилов А.А., Кан А.В., Хорошилов А.А. Фразеологический машинный перевод текстов. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 467 с.
11. Diccionario de la lengua española 2005 Espasa Calpe [Electronic resource]. URL: <https://www.wordreference.com/definicion/hacer> (date of access: 20.11.2021).
12. Fedulenkova T.N. Isomorphic models in somatic phraseology based on synecdoche in English, German and Swedish // Язык и культура. 2016. № 2 (34). С. 6–14.
13. Fedulenkova T.N. Isomorphism and allomorphy of English, German and Swedish phraseological units based on metaphor. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2019. Vol. 15. Issue 3 (45). Pp. 126–134.
14. Real Academia Española. Diccionario de la Lengua Española. 23^a ed. Madrid: Real Academia Española. 2014. 2432 p.
15. Santiago U. Sánchez Jiménez. Hacer: un verbo que sirve para casi todo & Fronteras de un diccionario: las palabras en movimiento. *Cilengua*. Centro Internacional de Investigación de la Lengua Española, 2019. Pp. 195–232.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумова Ольга Борисовна, доктор филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, профессор кафедры английской филологии; abakumova-ob@mail.ru

Абрамова Вероника Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого, кафедра русского языка и литературы; istinijobraz@mail.ru

Авдеева Ольга Ивановна, кандидат филологических наук, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, доцент кафедры общего языкознания; ol_avd@rambler.ru

Алефиренко Николай Фёдорович, доктор филологических наук, Белгородский национальный исследовательский университет, профессор кафедры русского языка и литературы; alefirenko@bsu.edu.ru

Андрейченко Оксана Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (г. Симферополь); Институт филологии, кафедра русского, славянского и общего языкознания; oksana1_24.ua@mail.ru

Арефьева Наталья Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова (Украина, г. Одесса), кафедра языковой и общегуманитарной подготовки иностранцев; n.arefieva@onu.edu.ua

Арискина Ольга Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (г. Саранск), профессор кафедры русского языка как иностранного; ariskina@list.ru

Архангельская Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого, кафедра документоведения и стилистики русского языка; archangelju@yandex.ru

Бакина Анна Дмитриевна, кандидат филологических наук, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, заведующий кафедрой английской филологии; heart-anna@yandex.ru

Баковкина Валерия Дмитриевна, Челябинский государственный университет, преподаватель; love.26@mail.ru

Басова Татьяна Александровна, Владимирский государственный университет, аспирант; tanyatako@gmail.com

Бертякова Анна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе (г. Москва), доцент кафедры русского и иностранных языков; anna_lazzo@list.ru

Василенко Анатолий Петрович, доктор филологических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Институт русской и романо-германской филологии; a.p.vasilenko@mail.ru

Виниченко Людмила Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону), кафедра немецкой филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации; lvin@aanet.ru

Витязева Мария Львовна, Челябинский государственный университет, факультет Евразии и Востока, кафедра восточных и романо-германских языков, преподаватель; vityazeva22@mail.ru

Высоцкая Ирина Всеволодовна, доктор филологических наук, доцент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, кафедра теории и истории журналистики Государственного института, профессор; vysotskya@mail.ru; i.vysotskaia@g.nsu.ru

Георгиева Стефка Иванова, доктор, профессор кафедры «Русская филология», Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского (Болгария, г. Пловдив), филологический факультет; stefka3@abv.bg

Горбунова Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону), Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации; julialychkina@yandex.ru

Горелов Александр Романович, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, аспирант кафедры общего языкознания; a.r.gorelov@yandex.ru

Григорьев Андрей Владимирович, доктор филологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, Институт филологии, профессор кафедры общего языкознания; greg988@yandex.ru

Григорьевская Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (г. Симферополь), Институт филологии; olgakolesnikova128@gmail.com

Гуриненко Наталья Анатольевна, кандидат филологических наук, Московский педагогический государственный университет, Институт филологии, доцент кафедры русского языка; nata.guru@mail.ru

Давыдова Ольга Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, Институт филологии, кафедра русского языка; oa.davydova@mpgu.su

Декатова Кристина Ивановна, доктор филологических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Институт русского языка и словесности, кафедра русского языка и методики его преподавания; dekatovaki@mail.ru

Дронов Павел Сергеевич, кандидат филологических наук, Научно-образовательный центр теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова (г. Москва), Институт языкознания Российской академии наук, старший научный сотрудник; nord.dronov@gmail.com, dronov@iling-ran.ru

Дрянгина Елена Анатольевна, кандидат педагогических наук, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (г. Саранск), доцент кафедры русского языка как иностранного; lasina.83@mail.ru

Ерёмин Александр Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, заведующий кафедрой русского языка; eremin.an55@yandex.ru

Еськова Анна Дмитриевна, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт филологических исследований, отдел лексикологии и лексикографии, лаборант-исследователь; GratiaA@yandex.ru

Жан Тянь, Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет, магистрант; rantian0517@mail.ru

Захарова-Дехамния Варвара Вячеславовна, Челябинский государственный университет, преподаватель; varvara.dehamnia@gmail.com

Карпенко Елена Игоревна, кандидат филологических наук, Московский государственный лингвистический университет, доцент, кафедра лексикологии и стилистики немецкого языка, факультет немецкого языка; arina010716@gmail.com

Ковалева Наталья Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, Российский новый университет, кафедра русского языка и издательского дела, профессор; Нанкинский университет (Китай, г. Нанцзинь), кафедра русского языка, профессор; kna13@yandex.ru

Константинова Анна Александровна, доктор филологических наук, доцент, Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар), Институт фундаментальных наук, кафедра иностранных языков № 2; constanna@mail.ru, constanna@gmail.com

Кострикина Арина Геннадиевна, Московский государственный лингвистический университет, студент; arina010716@gmail.com

Летохо Елена Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, Институт филологии, кафедра русской литературы XX–XXI веков; ev.letokho@mpgu.su

Лиховид Ангелина Андреевна, Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь), кафедра теории и практики перевода, аспирант; anlikhovid@mail.ru

Лучинская Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Кубанский государственный университет (г. Краснодар), кафедра общего и славяно-русского языкознания; bekketsam@yandex.ru

Лю Хуэй, аспирант, Кубанский государственный университет (г. Краснодар), кафедра общего и славяно-русского языкознания; aichiroudeliuhuihui@gmail.com

Марабини Алессандра, Университет Альдо Моро (Италия, г. Бари), кафедра гуманитарных исследований и инноваций; alessandra.marabini@uniba.it

Мещерякова Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент, независимый исследователь; oameshcheryakova@gmail.com

Мокиенко Валерий Михайлович, доктор филологических наук, Санкт-Петербургский университет, профессор кафедры славянской филологии; mokienko40@mail.ru

Мямлин Михаил Михайлович, Харбинский политехнический университет (Китай, г. Харбин), Школа экономики и менеджмента, магистрант; myamlin-m@mail.ru

Напцок Мариетта Радиславовна, кандидат филологических наук, доцент, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп), кафедра русского языка как иностранного; mirella@mail.ru

Нгуен Тхань Ха, кандидат филологический наук, преподаватель факультета иностранных языков Университета имени Йерсена (Вьетнам, г. Далат); nguyen.thanh.ha910@gmail.com

Никитина Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, Псковский государственный университет, профессор; cambala2007@yandex.ru

Ничипорчик Елена Владимировна, доктор филологических наук, доцент, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины (Республика Беларусь, г. Гомель); evnich@gmail.com

Огольцева Екатерина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, Институт филологии, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», доцент кафедры русского языка; tertiumcomp@mail.ru

Павлова Анна Владимировна, кандидат филологических наук, Университет имени Иоганна Гутенберга (Германия, г. Майнц), факультет перевода, культуры и языка, кафедра русистики; pavloan@uni-mainz.de

Паламарчук Анастасия Сергеевна, аспирант, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир), кафедра «Иностранные языки профессиональной коммуникации»; amalyshova@gmail.com

Раловец Анна Вадимовна, Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь), кафедра теории и практики перевода, аспирант; kravtsova1996@yandex.ru

Рогалёва Елена Ивановна, доктор филологических наук, доцент, Псковский государственный университет (г. Псков), профессор; cambala2010@list.ru

Савенкова Людмила Борисовна, доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону), кафедра русского языка, профессор; savenkova@sfnedu.ru

Савченко Александр Викторович, кандидат филологических наук, Государственный университет Чжэнчжи (Тайвань, г. Тайбэй), ассистент-профессор; savchenko75@mail.ru

Серебрякова Светлана Васильевна, доктор филологических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь), заведующий кафедрой теории и практики перевода; svetla.na@mail.ru

Скачёва Нина Васильевна, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск), старший преподаватель; sollo_sk@mail.ru

Соколова Марина Павловна, Московский государственный лингвистический университет, преподаватель; marina.sokolovamslu@rambler.ru

Стремянова Ольга Игоревна, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, аспирант кафедры общего языкознания; ostremyanova@yandex.ru

Сухов Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, Московский педагогический государственный университет, кафедра общего языкознания, доцент; ser18442008@yandex.ru

Сюй Бинцзе, кандидат филологических наук, Китайский геологический университет (Китай, г. Ухань), преподаватель; xubingjie@mail.ru

Токарев Григорий Валериевич, доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого», профессор кафедры документоведения и стилистики русского языка; grig72@mail.ru

Третьякова Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, Костромской государственной университет, Институт гуманитарных наук и социальных технологий, кафедра отечественной филологии, профессор; trirfr@mail.ru

Тюменева Елена Ивановна, Высшие курсы иностранных языков, Министерство иностранных дел Российской Федерации (г. Москва); lien805nro@gmail.com

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир), профессор кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации»; fedulenkova@list.ru

Хмелевский Михаил Сергеевич, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет, доцент; chmelevskij@mail.ru

Цветева Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет; elenatsvetaeva@yandex.ru

Цзян Хуа, доктор, профессор, Харбинский политехнический университет, Департамент управленческих наук и инженерии (Китай, г. Харбин); julie891226@126.com ; hjiang@hit.edu.cn

Цыганков Сергей Борисович, кандидат филологических наук, ГБОУ «Школа № 609 г. Москва», учитель русского языка и литературы; sb_tsygankoff@mail.ru

Чапаева Любовь Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, Институт филологии, кафедра общего языкознания; lg4@mail.ru

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, кафедра русского языка и русской литературы; chumak@bsu.edu.ru

Шулежкова Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Института гуманитарного образования; shulezkova@gmail.com

Щербачук Лидия Фёдоровна, кандидат филологических наук, доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (г. Симферополь), Институт филологии, кафедра русского, славянского и общего языкознания; lidiya_shch1@mail.ru

Юдкин-Рипун Игорь Николаевич, доктор искусствоведения, член-корреспондент Национальной академии художеств Украины, Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии НАН Украины (Украина, г. Киев); dr.iyudkin@gmail.com

Научное издание

ОБЩАЯ И РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ:
ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

*Материалы Международной научно-практической конференции,
посвященной памяти доктора филологических наук,
профессора Валентина Ильича Зимина*

г. Москва, 26 ноября 2021 г.

Под общей редакцией О. И. Авдеевой

Авторы несут ответственность за достоверность
приведенных фактических материалов, корректность цитирования
и правильность указания источников

Корректор *Никулина Е. Е.*

Верстка *Попова Н. А.*

Московский педагогический государственный университет (МПГУ).
119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования (УИД и ИП) МПГУ.
119571, Москва, Вернадского пр-т, д. 88, оф. 446,
тел. +7 (499) 730-38-61, e-mail: izdat@mpgu.su

Отпечатано с предоставленных электронных файлов
в ИП Курнешов Е.А.,
Москва, Бережковская наб., д. 14, кв. 40

Подписано в печать 28.12.2022. Формат 60×90/16.
Бум. офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 30,63.
Тираж 500 экз. Заказ № 1374.

ISBN 978-5-4263-1195-4

9 785426 311954